

Министерство образования и науки
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Загуменнов Александр Владимирович

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII
ВЕКА В АСПЕКТАХ ТРАНСЛЯЦИИ, КОММУНИКАЦИИ И
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОЖАНРОВЫХ ТЕКСТОВ
ЭПОХИ)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
Г. В. Судаков

Вологда

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	
1.1 Вводные замечания об эпистемологическом подходе в лингвистике.....	14
1.2 Номинации типов личности как прецедентный феномен в лингвоперсонологии	19
1.2.1 Источник номинации типов личности в научных трудах XIX века.....	19
1.2.2 Источник номинации типов личности в литературной критике XIX века.....	21
1.2.3 Тип личности/тип сознания как соотносимая пара понятийного аппарата (с XIX по XXI вв.).....	22
1.3 Эпистемологический подход к моделированию в лингвоперсонологии.....	28
1.3.1 Прототипы моделей в герменевтике.....	31
1.3.2 Прототипы моделей и типологий языковых личностей в филологических исследованиях (XIX – XX вв.)	35
1.3.3 Модель понимания/модель говорения как соотносимая пара построений.....	40
1.4 Модификация модели языковой личности для применения её к материалу первой половины XVII века.....	46
Выводы.....	58
Глава 2 ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ КООРДИНАТАХ	
2.1 Методологические замечания к реконструкции русской языковой личности первой половины XVII века.....	60
2.2 Языковая личность княжеского сословия.....	71
2.2.1 И.М. Катырев-Ростовский.....	71
2.2.2 И.А. Хворостинин.....	89
2.2.3 С.И. Шаховской.....	100
2.3 Языковая личность государственных служащих.....	113
2.3.1 Третьяк Васильев.....	113
2.3.2 И.Т. Семенов.....	124

2.3.3 Г.К. Котошихин.....	141
2.4 Языковая личность паломников и путешественников.....	149
2.4.1 В.Я. Гагара.....	150
2.4.2 Иона Маленький.....	158
2.4.3 Ф.А. Котов.....	164
Выводы.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	207
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	209
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	260
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	267

ВВЕДЕНИЕ

Личность в дифференциальных способах своей реализации, в том числе и коммуникативной деятельности, является дискуссионной проблемой, в равной мере интересующей специалистов как гуманитарных, так и естественных наук. Для языкознания рубежа XX-XXI веков «человек говорящий» стал не только полноправным объектом специальной дисциплины – «лингвоперсонологии» (В.П. Нерознак, Е.В. Иванцова), но и стимулом к актуализации и переосмыслению методологических достижений как прошлого (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.Г. Шпет, В.В. Виноградов), так и современности (Г.П. Щедровицкий, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, Е.С. Кубрякова и другие). В результате русистика начала третьего тысячелетия оказывается в ситуации неопределенности. С одной стороны, описания по образцам структуралистских исследований ещё продолжают, но не всегда отвечают запросам времени, а с другой – не выработаны адекватные способы «деятельностного» подхода к историческому лингвистическому материалу.

Актуальность диссертационной работы определяется тремя точками отсчета: «общенаучной», «частнонаучной», «внутридисциплинарной». Первая из них заключается в наличии социального заказа со стороны исследователей филологического профиля на синтез истории и теории языка. Еще в 1973 году в одном из ключевых трудов по методологии лингвистики признавалось, «что историческое языкознание вообще обращало мало внимания на сущность применяемых им исследовательских процедур, вследствие чего многие его методические вопросы по сей день остаются предметом дискуссии» [Общее языкознание 1973: 19]. Теперь же, согласно высказыванию М.В. Пименовой, «в настоящее время наблюдается определенный спад интереса к изучению русского языка в диахронии — особенно у молодых ученых, что объясняется целым рядом причин, среди которых — отставание исторических исследований в общетеоретическом плане, приводящее к «отрыву» от современных приоритетов и новых импульсов лингвистических изысканий» [<http://www.conference->

spbu.ru/conference/36/reports/6423/ Дата обращения: 06.02.2018]. Иными словами, за предыдущие пятьдесят лет эта негативная тенденция только усиливалась, что на данный момент привело к ситуации, требующей выработки вариантов преодоления сложившегося положения.

К «частнонаучной» точке отсчета, обуславливающей актуальность нашей диссертации, относятся заявленные направления работы Международного научного симпозиума «РУССКАЯ ГРАММАТИКА 4.0» в 2016 году: «1. личностно-ориентированная парадигма русистики. Фонетика, графика и орфография языка пишущего; фонетика, лексика и грамматика языка говорящего; язык слушающего: герменевтика и проблемы понимания... 3. Исследование памятников и вопросы периодизации русского языка...» [<http://www.pushkin.institute/simpozium/index.php#collapseOne> Дата обращения: 4.02.2018]. И это событие, и упомянутое выше замечание М.В. Пименовой исходят из единых «потребностей», «запросов времени».

К «внутридисциплинарной» точке отсчета, подтверждающей актуальность нашей диссертации, относится рефлексия ученых над объектом лингвоперсонологии. Ещё Р.А. Будагов в 1976 году писал, что «проблемы языковой личности – "вечные"» [Будагов 1976: 9], а в работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» обнаруживается следующее высказывание: «История нашей науки оказывается постоянно актуальной <...>. Я думаю, что источник такой особенности надо искать в том, что результаты и выводы наших изысканий прилагаются в конечном счете к человеку, к языковой личности» [Караулов 2010: 137]. Стабильная «современность» (понятийного аппарата, структур, концепций, знаковых систем) может исследоваться в деятельностных координатах, однако требуется частичное переосмысление методологических оснований лингвоперсонологии.

Тем самым все три «точки отсчета» актуальности связаны общей потребностью синтеза теории и истории языка, без которого возникает угроза стагнации в целом сегменте русистики. Вследствие этого каждая работа,

предлагающая свой вариант решения обозначенной проблемы, определяет жизнеспособность диахронической лингвистики в последующие пятьдесят лет.

Данная исследовательская установка не нова и изначально оформилась в сравнительно-историческом и типологическом языкознании [Гумбольдт 2000; Зеленецкий 1841; Пауль 1960 и другие], однако она не применялась в полной мере в имеющихся на данный момент лингвоперсонологических работах по периоду первой половины XVII века [Кортава 1999; Михайлова 1999], тем более, что этот временной срез является также одним из дискуссионных в трудах по истории русского языка [Виноградов 1980; Живов 2017; Ковалевская 1978; Колесов 2009; Ларин 2005; Стеценко 1972; Улуханов 1972; Успенский 2002; и другие]. Всё вышесказанное и определяет **актуальность** нашего исследования.

Объект исследования – русская языковая личность конца XVI – середины XVII столетий.¹

Предмет исследования – оязыковленные компоненты смысловой системы русских авторов XVII века, вовлеченных в деятельности трансляции, коммуникации и интерпретации.

Гипотеза исследования – языковая личность определенного периода жизни этноса может быть реконструирована на материале созданных ею текстов, компоненты которых участвуют в трансляции, коммуникации, интерпретации, формируя особый тип понимания действительности.

Цель настоящей диссертации – выработать модель анализа языковой личности в коммуникативно-мыследеятельностных координатах, применить её к исследованию поименованных текстов первой половины XVII века – периода социокультурного кризиса.

Поставленная цель определяет решение следующих теоретических и прикладных задач.

¹ Проблема хронологии возникает в связи с тем, что не сохранились точные даты рождения и смерти всех моделируемых в диссертации языковых личностей. Вероятно, наиболее старший из пишущих (дьяк И.Т. Семенов) начал службу в конце XVI века, но создал свой «Временник» только в первой трети XVII, а самый, вероятно, поздний из реконструируемых сочинителей - Г.К. Котошихин, казненный в 1667 году в Швеции.

1. Описать тенденции к выдвиганию понятия «языковая личность» как типа личности в исследованиях персонологической направленности, начиная с периода господствовавшей компаративистской парадигмы в изучении словесности (XIX век) до появления первых теоретических трудов (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов).
2. Зафиксировать постоянные (или же идентичные) структуры и обозначения в филологических трудах XIX-XX столетий.
3. Представить (на основе проведенного исследования) модификацию модели языковой личности для диахронического исследования, охарактеризовав методологию применения предложенной разработки.
4. Извлечь (в соответствии с предлагаемой стратегией моделирования) из авторских текстов первой половины XVII столетия сложные слова и пояснительно-отождествительные конструкции для определения языковых и коммуникативных предпочтений пишущего.
5. Проанализировать используемые в текстах языковых личностей образно-символическую составляющую и паремии для характеристики их как постоянных (передаваемых, транслируемых)/переменных (ситуативно-обусловленных коммуникативным актом) элементов в исследуемых сочинениях.
6. Охарактеризовать (насколько это позволяет материал) статику и динамику смысловых компонентов картины мира этноса как следствие вовлеченности каждой языковой личности в деятельности трансляции, коммуникации и интерпретации.

Материалом исследования для первой главы послужили филологические и литературно-критические тексты XIX – XX века (сочинения А.С. Шишкова, К.С. Аксакова, В.Г. Белинского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других), для второй – 42 авторских текста. Из последних были выбраны минимум 44 фрагмента с синтаксическими конструкциями, включающими союзы «сиречь», «то есть», а также 3117 употреблений сложных слов. В качестве

сопоставительных источников исследования привлекались следующие материалы.

1. «Острожская Библия» 1581 года издания – публикация, произошедшая до церковной реформы патриарха Никона, а потому соответствовавшая действительному кругу чтения для просвещенной языковой личности первой половины XVII столетия.
2. Рукописный сборник пословиц XVI-XVII веков «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», изданный П.К. Симони.
3. Русский биографический словарь – энциклопедическое издание о творческом и жизненном пути авторов разных эпох, изданное под наблюдением А.А. Половцова.

Внедрение данных сопоставительных источников объясняется не только необходимостью фиксации воспроизводимых (транслируемых) элементов, например, образно-символической системы христианства и язычества, но и опытом реконструкции «потенциального тезауруса» (Вл.А. Луков, Вал.А. Луков) народной культуры через пословицы, а также необходимостью фиксации стабильных составляющих в субъект-субъектном взаимодействии между исторически отдаленными друг от друга коммуникантами.

Основные **методы** исследования в соответствии с современным состоянием методологии подразделяются на философские (**от абстрактного к конкретному, феноменологический**) общенаучные (**моделирование, описание**), частнонаучные (**биографический, герменевтический, наблюдение, контент-анализ, контекстуальный анализ**). Используются **приёмы сравнения, сплошной выборки, элементы методики анализа по непосредственно составляющим и компонентного анализа**.

Теоретическую базу диссертации составили труды отечественных ученых: А.С. Шишкова, К.С. Аксакова, А.А. Потебни, Н.В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г.Г. Шпета, В.В. Виноградова, Л.П. Якубинского, Б.А. Ларина, В.П. Тимофеева, Г.П. Мельникова, Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана, В.М. Живова,

И.А. Мельчука, Ю.С. Степанова, Г.П. Щедровицкого, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Иванцовой и многих других.

Научная новизна определяется тем, что впервые в контекст формирования теории языковой личности вводятся труды А.С. Шишкова, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, К.С. Аксакова, Н.В. Крушевского, Г.Г. Шпета, И.А. Мельчука. На фундаменте интерпретации их сочинений, книг и писем был выработан вариант лингвистической эпистемологии со своими принципами фиксации динамических процессов (в координатах концепций Г.Г. Шпета – Г.П. Щедровицкого – Г.И. Богина). Также в научный оборот вводятся понятия «соотносительная эпистемологическая пара», «компонентно-смысловая категория». В диссертации впервые моделируются 8 из 9 представленных во второй главе языковых личностей, ряд из которых выступают не только как собеседники, но и как опосредованно связанные современники разных социальных слоев, разных ситуаций деятельности, что позволяет выявить сходства и различия в содержании реконструкций между собой.

Теоретическая значимость полученных результатов обусловлена тем, что предложен новый подход к описанию становления частной лингвистической дисциплины, опирающийся на историю становления её ключевой терминологии и развитие представлений о структуре слова, языка и сознания. Языковая личность отдаленного по времени периода моделируется с учетом герменевтических разработок (Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Г.И. Богин). Тем самым диссертация вносит вклад в понимание исторических изменений лексико-синтаксической системы как хронологии переживания значения и ассоциированных с ним форм их субъектом-носителем.

Практическая значимость результатов проведённых соискателем учёной степени исследований определяется возможностью использования результатов работы в научных трудах и образовательной практике, учебных пособиях по языкознанию, истории русского литературного языка, лингвистическому анализу текста, лексикологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии,

психолингвистике, когнитивной лингвистике, спецкурсов по методологии и филологической герменевтике.

На защиту выносятся следующие положения исследования.

1. Как типы личности (литературная, поэтическая, языковая), так и трех- и пятичастные структуры в лингвоперсонологии являются транслируемыми прецедентными феноменами, что, с одной стороны, эксплицирует их традиционность по отношению к научному гуманитарному знанию, а с другой – является фактом лингвистической эпистемологии конкретной дисциплины.
2. Формирование лингвоперсонологии с середины XIX века идёт по трём линиям развития, включающим генерирование взаимосвязанных соотносительных пар: «тип личности»/«тип сознания», «организация понимания»/«организация говорения», «герменевтика»/«филология».
3. Дифференциация русских языковых личностей XVII века при диахроническом сравнительно-сопоставительном исследовании, в том числе в пределах одного социального слоя, возможна при комплексном методологическом подходе, в котором корпус сложных слов, пояснительные конструкции, паремии и образно-символическая составляющая получают статус сигнальных элементов при моделировании создателя текста анализируемого временного среза.
4. Компонентно-смысловые категории русской языковой личности, будучи явлением коллективно-индивидуальным («интерсубъективным»), выступают как потенциальные единицы этнической картины мира, опредмеченные в ресурсах лексико-грамматической и стилистической систем.
5. Тексты с энциклопедическими сведениями о каждой русской языковой личности первой половины XVII века выступают как результат коммуникативного акта, в котором транслируются не только системно-языковые, но и компонентно-смысловые составляющие, организующие вторичную интерпретацию со стороны комментатора.

Апробация и внедрение результатов проходили на Международной научной конференции «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2014; 2015); Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ» (Москва,

2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018); на Международном научном симпозиуме «Русская грамматика 4.0» (Москва, 2016); на Межрегиональной научной конференции в рамках X Ежегодной сессии аспирантов и молодых ученых (Вологда, 2016); на 9-ой Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, 2017); на XVIII Всероссийской Школе-семинаре молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов «Русская языковая личность и её отражение в различных лингвистических источниках» (Санкт-Петербург, 2017); на IX Всероссийской Школе-семинаре молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов «Живая речь и современная лексикология, лексикография и лингвогеография» (Санкт-Петербург, 2018) а также в ходе итоговой конференции при повышении квалификации на филологическом факультете РУДН в рамках научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки» (Москва, 2017).

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 44 работах (общий объем – 14,38 п.л.), 7 из которых входят в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства и науки РФ (3,9 п.л.).

1. Ефанова, Л.П., Загуменнов, А.В. Формирование языковой личности россиянина (к проблеме моделирующих сред) / Л.П. Ефанова, А.В. Загуменнов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2013. – №4 (37) – С. 137-142 (0,7 п.л.).

2. Загуменнов, А.В. Герменевтико-феноменологический аспект изучения языковой личности: к постановке проблемы / А.В. Загуменнов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2017. – №1 (16) – С. 144-153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.15>. (1,05 п.л.).

3. Загуменнов, А.В. «Феноменологический момент» в разработках Г.П. Мельникова: к постановке проблемы / А.В. Загуменнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. –

Москва : Изд-во РУДН, 2017. – №4 (8) – С. 1051-1057. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057 (0,57 п.л.).

4. Загуменнов, А.В. Стиль «плетения словес» в XVII веке: опыт предкогнитивного («феноменологического») исследования / А.В. Загуменнов // Когнитивные исследования языка. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – XXIX – С. 266-272. (0,47 п.л.).

5. Загуменнов, А.В. Сложные слова как сигнальный элемент языковой личности XVII века / А.В. Загуменнов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – №6 – С. 171-177. (0,81 п.л.).

6. Загуменнов, А.В. Парадигмы «нумеративного ряда» языковой личности русских путешественников: аспект когноминации (на материале поименованных текстов первой половины XVII века) / А.В. Загуменнов // Когнитивные исследования языка. Когнитивные исследования в гуманитарных науках. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. – XXXIII – С. 792-796. (0.3 п.л.).

7. Загуменнов, А.В. Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 5–42 (соавт.: Ажимов Ф.Е., Бендерский И.И., Даценко П.А., Кажаяева Н.А., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Ратушина Д.В., Сабанчиев Р.Ю., Шушкина А.Г., Щедрина И.О., Щедрина Т.Г.)

Цели и задачи исследования определили **структуру работы**. Диссертационное исследование состоит из введения, 2-х глав, выводов по главам, заключения, списка использованной литературы (246 источников, в том числе 7 на иностранном языке), 4 приложений.

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цель и задачи диссертации, характеризуется её научная новизна, теоретическая и

практическая значимости, методы, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена анализу и схематизации процессов выдвижения лингвоперсонологии (XIX-XXI вв.), её ключевого понятия «языковая личность», преемственности в моделировании говорящего/пишущего и разработке модификации модели языковой личности для материала первой половины XVII столетия.

Во второй главе раскрывается методология исследования и по ней реконструируются три представителя княжеского сословия, трое государственных служащих, трое паломников и путешественников за пределы Московского государства.

В заключении подводятся итоги работы, делаются выводы по теме диссертации, и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Глава 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1 Вводные замечания об эпистемологическом подходе в лингвистике

В отечественной лингвистике последней трети XX века наметилась тенденция к переосмыслению путей филологической науки, фиксации парадигмальных изменений в исследовательских подходах к языку как объекту. По замечанию З.И. Комаровой, «обобщающие методологические работы в языкознании появились именно в 70-е годы XX века» [Комарова 2012: 9]. Публикуются ставшие впоследствии классическими труды по истории, теории и методологии лингвистики под редакцией Б.А. Серебренникова [Общее языкознание 1970], за авторством Л.И. Баранниковой [Баранникова 1973], Ю.С. Степанова [Степанов 1975], В.И. Кодухова [Кодухов 1987] и многих других. При этом переход от структурно-системной к антропоцентрической [Караулов 2010] или когнитивно-дискурсивной [Белошапкина 2008] парадигме обусловил потребность в выработке средств и приемов для описания становления не только объекта изучения, но и оформившихся в недавнем времени дисциплин.

Как отмечает Н.В. Боронникова и Ю.А. Левицкий, «в лингвистике появляется новое направление, которое получило наименование **эпистемологии** (выделено авторами – прим. З.А.). Мы говорим «в лингвистике», поскольку в философии этот термин используется для обозначения теории познания, в связи с чем многие считают использование его в новом смысле неудачным». [Левицкий 2013: 505]. Как дополнение к этому укажем, что сходный подход зарубежный социолог Р. Мертон обозначил как «theory of middle range²». Указанный автор описывал его как «теории, находящиеся между <...> необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе <...> исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения»

² Начиная с публикаций Р.М. Фрумкиной в отечественной лингвистике (и не только) общепринятым переводом является понятие «теория среднего уровня».

[Мертон 2006: 64]. В настоящий момент можно утверждать о двух независимых традициях эпистемологического подхода.

Первая из них обнаруживается в отечественном языкознании (труды И.А. Бодуэна де Куртенэ). «Кроме настоящего языковедения как исследования языка, в круг занятий лингвистов входят <...> история языковедения (исследование развития лингвистических понятий и их осуществления в литературе и преподавательской деятельности), составляющая часть общей истории всех наук, но принадлежащая специально и всецело исследователям языка» [Бодуэн де Куртенэ Т.1 1963: 62]. Отметим, что до сих пор такая «теория среднего уровня» (Р. Мертон) не введена в филологические науки России в полном объеме.

Вторая из традиций эпистемологического подхода связана с именем французского исследователя Сильвана Ору. Как отмечает Н.В. Боронникова и Ю.А. Левицкий, «в 1979 г. вышел первый номер журнала История, эпистемология, язык, что стало, по словам С. Ору, «явным свидетельством существования новой области, сочетающей эрудицию “историка-языковеда” и теоретическое осмысление “его науки”» [цит. по: Левицкий 2013: 506]. Так как появление этого направления зарубежом совпадает с кризисом структуралистского подхода в лингвистике, то оно сразу ассоциируется с «когнитивными науками».

Подобное положение «теории среднего уровня» в языкознании отмечает и «Словарь когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой. Вслед за этим изданием в настоящей диссертации понятие «эпистемология» интерпретируется как «наука о природе познания и о путях развития самой науки; исследование оснований науки, которое <...> так или иначе входит в состав когнитивной науки или же считается одной из когнитивных наук как таковых» [Словарь когнитивных терминов 1996: 194]. В отличие от философии и социологии постсоветского периода, где изучение в русле «теории среднего уровня» продолжается не одно десятилетие, в языкознании этого же хронологического среза нет такого количества трудов в описываемом ракурсе.

На это в своих публикациях указывала Р.М. Фрумкина, заявившая в своё время, что «в современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии» [Фрумкина 1996: 55]. Конечно, почва для последующего развития всё же была подготовлена многомерным изучением истории формирования языковедческого понятийного аппарата, объектов исследования, творческого пути, как отдельных ученых, так и научных школ [Никитин 2004; Обнорский 1960; Толстой 1998; Успенский 1997 и другие]. В ряде диссертационных работ, учебных пособий и в специализированных словарях «лингвистическая эпистемология» входит в ранг принятого теоретического подхода [Даниленко 2009; История и методология языкознания 2015; Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Левицкий 2013; Лещак 1997; Осипова 2007; Штайн 2011; и т.д.].

Разумеется, частично такой ракурс рассмотрения уже был внедрен в трудах по изучению языковой личности³, которая в дальнейшем будет пониматься как личность, «...реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38]. На уровне терминологии и моделирования первые опыты эпистемологического подхода принадлежали В.П. Тимофееву [Тимофеев 1971], Г.И. Богину [Богин 1984], Ю.Н. Караулову [Караулов 2010]. Совершенно иную задачу решал В.П. Нерознак в статье «*Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины*» [Нерознак 1996]. В этой работе общий исток подхода к индивидуальному языку выявляется через определение персонализма как философской доминанты научного поиска в совокупности с внутренне присущей тенденцией к этому полюсу в филологии. Действительно, с точки зрения конца XX века В.П. Нерознак адекватно соотнес *уже оформившуюся* концепцию в языкознании с *уже развитой системой* психологических и гносеологических построений. При этом *вопрос о генезисе* содержания лингвистической персонологии как дисциплины оказался вне целей и задач упомянутой работы.

³ Словосочетание «языковая личность» в дальнейшем заменяется аббревиатурой «ЯЛ», исключая тех употреблений, что даны в названиях частей диссертационного исследования. Принимаемая дефиниция термина и сам термин выбраны как рабочие и ставшие традиционными для лингвистики XXI века.

В этой связи в диссертации предпринимается следующая исследовательская стратегия. Традиционно «точкой отсчета» для истории понятия «языковая личность» выступали труды В.В. Виноградова [Виноградов 1980; Богин 1984; Караулов 2010]. Е.В. Иванцова [Иванцова 2010] указала на то, что данное словосочетание встречается в работах 1910 года, а также отметила общую размытость терминологии в трудах этого периода. Действительно, в сочинениях В.В. Виноградова присутствуют три смежных и в то же время дифференциальных понятия. Среди таковых: «поэтическая личность» обычно не уместается в пределах одной литературной школы <...> Отсюда ясно, что в определении понятия «стиля школы» целесообразнее исходить не из признака структурно-языковой общности литературных личностей...» [Виноградов 1980: 96], или, например, «интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива» [Виноградов 1980: 61]. В известных нам работах по теории ЯЛ не была обозначена возможность бытования понятийного аппарата до периода двадцатого века. Вследствие этого необходимо провести анализ трудов XIX-XX столетий для выявления прецедентного употребления словосочетания с заданным компонентом «личность» (поэтическая личность, литературная личность, языковая личность и т.д.) по следующему плану.

Точкой отсчёта принимаются работы В.В. Виноградова, рассматриваемые в дальнейшем как некоторая оформленная вершина бытовавшего ранее фонда научных сведений. Это нулевой, «поверхностный уровень» исследования понятийно-терминологического аппарата. Далее из трудов В.В. Виноградова извлекались ссылки, упоминания, библиографические списки, т.е. материал, характеризующий читательской опыт. Принятые в качестве «вершины» бытовавшего ранее фонда научных сведений работы опираются на традицию, предшественников: Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других. Так получен перечень текстов, выступающий уже как «первый уровень». По такому же принципу выстраивалось исследование на упоминаниях, библиографических списках, критических замечаниях уже в выявленных работах. Так был получен корпус текстов «второго уровня», хронологически отделённый

от исходно обозначенной «вершины» в виде трудов В.В. Виноградова. Схематически и в сокращении осуществленную группировку возможно представить в виде схемы (табл. 1).

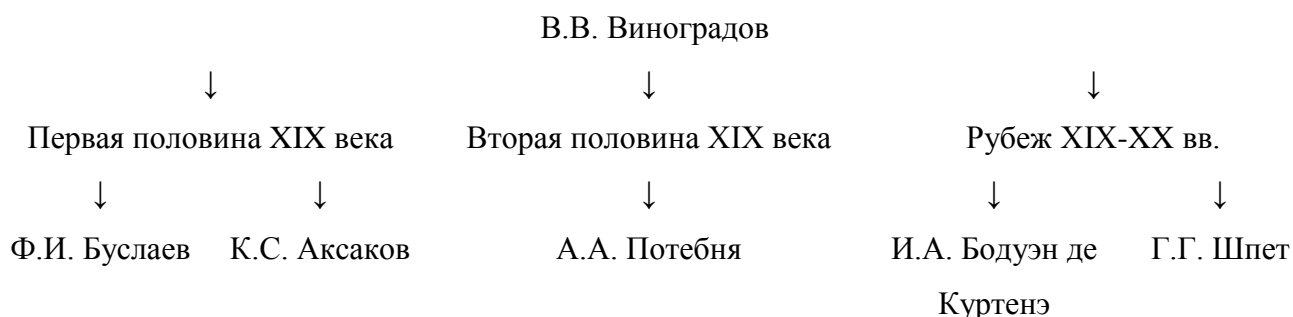

Табл.1. Организация материала для теоретического исследования

В основе данного распределения лежит концепция «координат» и «эпистемологической ромашки» Н.П. Анисимовой [Анисимова 2002; Осипова 2007], реализованная как парадигматический каркас от изначального соцветия.⁴ Сплошной выборкой из филологических трудов был выявлен ряд контекстов, где главный компонент в словосочетаниях – *«личность»*. Опора на этот формальный критерий не исключает неоднородность в толкованиях выбранной лексемы для XIX и для XX веков. Акцент делался не на объеме понятия, и не на лингвистическом анализе семантики, а на самой *прецедентности подобного употребления* (по аналогии с «дискурс-анализом» З. Харриса [Harris 1952]). Иными словами, с точки зрения оформленной вершины в виде трудов В.В. Виноградова, как уже существовавшие ранее предполагаются и термины в лингвоперсонологических работах XX столетия, и *описание структуры*, сходное с толкованием составляющих в «будущих» моделях ЯЛ в трудах Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова.

⁴ По сути «слой» трудов Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г.Г. Шпета и оформляет теорию «среднего уровня». Причина отказа от оригинального вида «ромашки» кроется в том, что лингвоперсонология как частная дисциплина уже включала в себя «центры интереса»: «язык-мир», «язык-мышление», «внутренняя организация языка», «язык как знаковая система», «языковые универсалии», «происхождение языка», «эволюция языка», «язык-общество». Поэтому подход, успешно применяемый для фиксации движения некоторого тематического содержания в рамках концепций нескольких школ и направлений, требует корректировки при изучении одной частной научной дисциплины.

1.2 Номинации типов личности как прецедентный феномен в лингвоперсонологии (с XIX по XXI вв.)

1.2.1 Источник номинации типов личности в научных трудах XIX века

Семантическая неопределенность используемых в работе В.В. Виноградова понятий могла быть «унаследована» из девятнадцатого столетия, и, исходя из замечания И.А. Бодуэна де Куртенэ, даже раньше: «XVIII век объяснял все преимущественно сознанием и свободною волею; следовательно, тогда ученая толпа поклонялась индивидуальному уму и разуму. В состав этого рода материала входит язык всех без исключения сословий <...> язык личностей, язык индивидуальный, язык семей и т. д.» [Бодуэн де Куртенэ Т.1 1963: 63]. Анализ более ранних периодов – возможная перспектива изучения, однако в предлагаемой диссертации мы вынуждены ограничить материал эпистемологического исследования «нижним порогом» 1800-ого года.

В ряде трудов девятнадцатого столетия наблюдается постоянство некоторых словосочетаний с заданным компонентом «личность». Примеры контекстов такого употребления фиксируют работы Ф.И. Буслаева, что демонстрируется следующим фрагментом: «вопрось о художественной, литературной личности становится на второмъ планѣ» [Буслаев 1861: 404]. Исследователь, рассматривая художника как творца, вводит понятие «художественной личности». Приведем только один из нескольких примеров, указывающих на стабильность такого употребления: «такая художественная личность, какъ Константинъ Багрянородный (911— 959 г.)» [Буслаев 1908: 226]. Для XIX столетия Ф.И. Буслаев, вероятно, был инноватором в плане введения этого понятия. Примечательно, что это обозначение уже в начале XXI века трансформировалось (и «воскресло») под наименованием «языковой личности художника» [Жаркова 2014]. В свою очередь использование словосочетания «литературная личность» характерно не только для Ф.И. Буслаева, к обсуждению чего вернёмся позже⁵.

⁵ Об этом подробнее в части 1.2.2 Источник номинации типов личности в литературной критике первой половины XIX века.

В середине XIX столетия К.С. Аксаков защищает магистерскую диссертацию *«Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русского языка»*. Синтезировав логику изложения по системе В.Ф. Гегеля со сравнительно-историческим подходом к исследованию словесности, он формулирует пятое положение работы: «Значеніе Ломоносова въ литературѣ есть значеніе индивидуума, лица въ поэзіи, иначе: поэтической отдѣльной личности, дотолѣ поглощаемой цѣльною, исключительно-национальною жизнію, народными пѣснями» [Аксаков 1875: 386]. Таким образом, для В.В. Виноградова, использующего это понятие в своих трудах, данное словосочетание отнюдь не было случайностью.

Если К.С. Аксаков как «славянофил»-филолог достаточно известен, то его оппонент по идеологии – «западник» Н.Г. Чернышевский – как лингвист достаточно долгое время оказывался вне поля зрения, на что указал С.П. Обнорский [Обнорский 1960]. В контексте нашего рассмотрения внимание привлекает содержание одного письма к И.И. Срезневскому от 16 ноября 1851 года. В этом тексте Н.Г. Чернышевский обсуждал следующий вопрос (позволим себе обильное цитирование):

«если выбирать предметом диссертации что-нибудь из русского, мне должно будет избрать предметом своей диссертации не самый язык летописи Ипатьевской, а разъяснение какой-нибудь стороны нашей истории или древностей материалами преимущественно филологическими (напр., нравственной или умственной стороны жизни народной; или иноземных влияний на жизнь русских людей в XII и XIII веках; или вопрос о том, до какой степени можно узнать личности различных редакторов Ипатьевской летописи, летописцев и других писателей, которыми они пользовались, и т. п.)» [Чернышевский Т. 14 1949: 219-220].

Проблема, поставленная тогда начинающим исследователем, не была решена. Сдвиги в этом плане осуществились только в начале XXI века [Аникин 2004].

В контексте нашего рассмотрения значимым является замечание, высказанное А.А. Потебнѣй в работе «Мысль и язык». Им указывалось, что «если судить по учебникам и разным журнальным критическим статьям, то невольно приходим к убеждению, что поэзию объясняют при помощи терминов, которые частью сами нуждаются в объяснении, частью даже и необъяснимы» [Потебня 1999: 226]. Этот замечание потребовало проверки ещё одной линии в очерченном

нами ранее эпистемологическом пространстве. Так как и К.С. Аксаков, и Н.Г. Чернышевский являлись не только учеными, но и критиками, то это обусловило наше обращение к данному массиву текстов.

1.2.2 Источник номинации типов личности в литературной критике первой половины XIX века

Как правило, эту линию в эпистемологическом пространстве лингвистических дисциплин упускают даже в тех случаях, когда манифестируется полипарадигмальность изучения какого-либо объекта, в частности, ЯЛ [об этом: Караулов 2010; Иванцова 2010 и другие]. Вместе с тем учёт замечаний (подобных тем, что высказал А.А. Потебня) и опора на читательский опыт В.В. Виноградова обуславливают появление этого вектора рассмотрения.

В качестве ключевой фигуры литературной критики первой половины XIX века для диссертации выбирается В.Г. Белинский. Затруднительно считать совпадением обнаружение в его трудах следующего словосочетания: «господинъ же Булгаринъ, напротивъ, сдѣлалъ изъ своихъ «Комаровъ» апоѳеозу собственной своей литературной личности заживо» [Белинский Т.7 1904: 205]. «Литературная личность» как понятие оказывается устойчивым, поскольку повторяется и в дальнейшем [Белинский Т.7 1904: 205]. Это не единственное словосочетание, которое использует рассматриваемый критик. Ещё одно, выявленное в единичном употреблении, встречается в следующем контексте: «Философъ тѣмъ больше философъ, чѣмъ менѣе онъ поэтъ, и потому-то самому его больше всего интересуеть поэтическая личность» [Белинский Т.6 1903: 550]. Этот факт позволяет утверждать о наличии некоторого единого понятийного поля, которое объемлет и литературно-критические, и научные тексты, но, кроме того, это обосновывает суждения некоторых исследователей о литературной критике как одной из филологических школ [Штайн 2011]. Вместе с тем, как и в случае с замечанием А.А. Потебни, в работах В.Г. Белинского ряд его наблюдений выводят на проблему, которая ранее не подвергалась специальному изучению в теории ЯЛ. Речь идёт о «спаянности» понятий с разным семантическим и лексическим наполнением. Примером такой «соотносимости» является

контекстуальная связь, которая прослеживается в следующем фрагменте: «Въ чловѣкъ, <...> является личность, какъ чувственная форма разумнаго сознанія. Чловѣкъ потому есть личность, что онъ сознаетъ свое Я» [Белинский Т.6 1903: 468]. Обнаруженная «спаянность» требовала проверки ещё одной линии в очерченном ранее эпистемологическом пространстве. На этот раз оба вектора объединяются, и на первый план выдвигается системное представление понятийной пары *личность-сознание*.

1.2.3 Тип личности/тип сознания как соотносимая пара понятийного аппарата (XIX-XXI вв.)

В работах по словесности первой трети XIX века нами не обнаружено связи ни с личностью как творцом чего-либо, ни с его сознанием [Труды общества любителей 1812; Георгиевский 1836; Глаголев 1834]. Вероятное начало «спаянности» понятий «личность» и «сознание» на уровне контекстуальной близости в разных публикациях приходится на период с конца 1830 –х по начало 1850-ых. Так, например, и в работах К.С. Аксакова («И первое и второе лицо (в грамматике, морфология глагола – прим. З.А.) выражают личное сознающее существо» [Аксаков 1875: 541]), и в текстах В.Г. Белинского (пример дан выше) такие факты есть в наличии.

Примечательная ситуация сложилась в области употребления словосочетаний, содержащих рассматриваемые понятия в качестве своего компонента. В сокращении полученные данные можно представить в следующем виде: *поэтическая личность* (В.Г. Белинский [Белинский Т.6 1903: 550]; К.С. Аксаков [Аксаков 1875: 386]) – *поэтическое сознание* (Н.И. Надеждин [цит.по: Белинский Т.1 1900: 520]); *литературная личность* (В.Г. Белинский [Белинский Т.7 1904: 205], Ф.И. Буслаев [Буслаев 1861: 404]) – *литературное сознание* (Не обнаружено нами в первой половине XIX века); *языковая личность* (Не обнаружено нами в первой половине XIX века) – *языковое сознание* (Не обнаружено нами в первой половине XIX века). Последнее из названных понятий только начинает оформляться, как минимум, в работах Ф.И. Буслаева: «Ученик сначала должен приобрести умение в отечественном языке и потом уже

возвыситься до сознания о его формах и законах» [Буслаев 1992: 56]. Правда, перехода от «сознания о языке» к «языковому сознанию» пока ещё не наблюдается. Допустимо, что одновременное бытование понятий (как и их одновременное отсутствие) может являться показателем их соотносимости, связности.

В полученном соотношении есть свои лакуны. «Литературная личность» как понятие обнаружено, а «литературное сознание» отсутствует. Следует указать, что в примечаниях к пятому тому собрания сочинений В.Г. Белинского наличествует следующий фрагмент: «Новѣйшее литературное сознание не соглашается съ этимъ отношеніемъ къ «Капитанской Дочкѣ» [Белинский Т.5 1901: 570]. Возможно, что материал первой половины XIX столетия не зафиксировал данное понятие. Другая интерпретация полученных сведений заключается в том, что «соотносимость» пар требует заполнения соответствующей лакуны. Чтобы подтвердить это предположение, необходимо обратиться к разработкам второй половины XIX века

Для идейного вдохновителя «Харьковской лингвистической школы» – А.А. Потебни – язык и сознание представлялись как связанные, но условно автономные области, которые подвергаются описанию каждая в отдельности. На их разграничение указывают обороты: «это нѣчто остается за пределами сознания» [Потебня 1874: 112], «она находится за порогом сознания» [Потебня 1990: 97] и т.д. Отмечается, что «языкъ, будучи орудіемъ сознания, самъ по себе есть созданіе безсознательное» [Потебня 1874: 70 – 71]. Теоретическое разграничение этих сфер не позволяло соединить их в *одно* понятие в пределах *одного* словосочетания.

Связь понятийной пары сознание-личность прослеживается в трудах «Казанской лингвистической школы», например, у И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Единицу языкового мышления как отражение единственной в мире абсолютной единицы, т. е. сознания, или личности человека (и животного), нельзя делить ни до какого-либо предела» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 314]. Отметим, что в его работах понятие «языковое сознание» отсутствует, как и не обнаружено

словосочетания «языковая личность». Будущий лингвоперсонологический термин выводился в трудах В.В. Виноградова со ссылкой на сочинения И.А. Бодуэна де Куртенэ, но не в рамках рассматриваемой нами соотносительной пары.

Идейному вдохновителю «Казанской лингвистической школы» принадлежит концепция индивидуального языка, и именно акцент на индивидуальности уравнивал личность, её сознание и её язык. Вместе с тем поворотный момент в развитии научных понятий обозначился также и в работе Н.В. Крушевского «Очерк науки о языке» («въ нашемъ сознаниі, или, вернее, въ нашемъ чутье языка» [Крушевский 1883: 70]), и в «Общем курсе русской грамматики» В.А. Богородицкого («превращавшийся въ сознаниі въ слуховое ощущение определеннаго звука» [Богородицкий 1907: 23]). Таким образом, наметилась тенденция к сближению того, что в трудах А.А. Потебни было условно автономным и разграниченным.

В архивных записях, заметках, черновиках работ Г.Г. Шпета, которые были опубликованы только в начале XXI столетия, регистрируется интерес мыслителя к филологическим проблемам середины XIX века. Происходит актуализация и переосмысление философом положений, сходных с высказанными в диссертации К.С. Аксакова, но теперь данных в контексте разграничения лингвистики и литературоведения: «Литературоведение интересуется не классификация и типизирование психических действий, а характеристика отдельной поэтической личности, ее произведения и исторические связи» [Шпет 2007: 83]. Автором предполагается, что ««Поэтическое» есть признак искусства», и оно «свое культурно-историческое воплощение находит в виде (одном из видов) словесного искусства, как выражения творчества (отсюда, как предмету, к поэтическому сознанию)» [Шпет 2007: 54]. Тип личности, исходя из архивных записей Г.Г. Шпета, мог быть «закреплен» за определенным типом сознания (установкой сознания на определенный вид деятельности).

В уникальном экземпляре первого издания книги Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (1914), принадлежавшему самому автору обозначенного труда, «к

последней странице 6-й главы приложен листок со следующей схемой (выделение черным овалом наше – прим. З.А.)» [цит.по: Шпет 2005: 186] (см.рис.1).

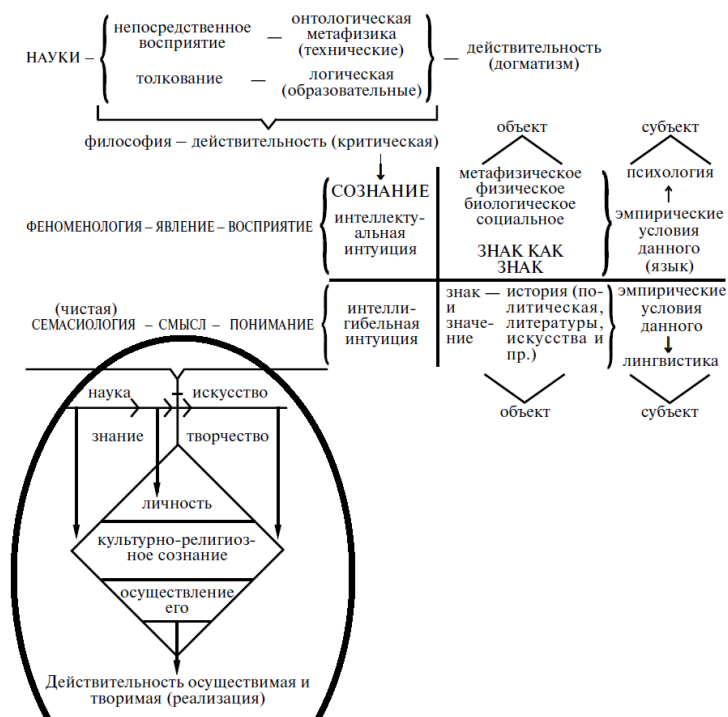

Рис. 1 Схема из книги Г.Г. Шпета «Явление и смысл» [Шпет 2005: 187] В очерченном нами поле обращает на себя внимание тот факт, что компоненты «личность» и «культурно-религиозное сознание» не просто дифференциальные обозначения, а единство в общей структуре, усматриваемое феноменологически. Привлечение этого архивного материала, с одной стороны, несколько выходит за рамки анализируемой линии развития понятийно-терминологического аппарата, а с другой – выявляет новые перспективы для эпистемологического описания.⁶ Более того, как минимум, Г.Г. Шпет указывал на возможность наличия пар не столько привативно оппозиционных, сколько противопоставленных на иных основаниях. «Формальной особенностью этой диалектики (спора реалистов с номиналистами – прим. З.А.), – и в этом причина ее положительной бесплодности, – надо признать то, что каждая пара, вступавших в бой понятий жила, пока длилась борьба, а затем погибали оба бойца сразу, взаимно уничтожая друг друга» [Шпет 2007: 428]. Вероятно, может быть верно и обратное: наличие

⁶ Анализ описания структур, сходных со схематически представленной в книге Г.Г. Шпета, на материале работ по герменевтике и лингвистике осуществляется в параграфе «1.3 Эпистемологический подход к моделированию в лингвоперсонологии»

одного термина по указанному принципу обусловит появление другого, «соотносительного».

При наблюдении над оформлением понятия «языковое сознание» нами может быть отмечено, что в научных трудах его возникновение приходится на период с конца 1890 – по конец 1920-ых гг. В частности, работа Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (1927) включает следующий фрагмент: «мы уходим в другой план мысли и изучения, где говорим не о психофизическом процессе или факте речи, а о своего рода языковом сознании как таком. Здесь задача – не отвлеченное объяснение из какого-нибудь общего фактора, а конкретное включение этого вида сознания в некоторую объемлющую, но также конкретную, общую структуру сознания» [Шпет 2006: 349]. В общих чертах это подтверждает высказанные с нашей стороны наблюдения над схематическими построениями Г.Г. Шпета.

Современник этого философа – В.В. Виноградов – в своих трудах выделял «*поэтическое сознание*» [Виноградов 1980: 13], «*языковое сознание*» [Виноградов 1980: 21], «*художественно-языковое сознание*» [Виноградов 1980: 77] и т.д. При этом в рамках осуществленного анализа уже известны случаи употребления обозначений «поэтическая личность», «художественная личность», и, как отмечает Е.В. Иванцова, словосочетание «языковая личность» встречается уже в работах Й.Л. Вайсгербера 1910 года [Вайсгербер 2009].

Труды В.В. Виноградова как «вершина» нашего оформленного эпистемологического пространства фиксирует две тенденции в развитии терминологического аппарата. Первая из них предполагала постепенное сближение в теоретических разработках «языка» и «сознания». Вторая заключалась в наличии соотносимых пар, которые на уровне коллективного мышления требовали заполнения отсутствующего элемента. Как демонстрируют контексты из научных трудов, эти тенденции продолжились и в конце XX века.

Например, в работе Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» обнаруживается следующий фрагмент: «Структура кодов, образующая семиотическую личность автора текста и его первого интерпретатора, заведомо не

идентична» [Лотман 2010: 209]. Системность понятийного аппарата требует появления второго члена «соотносимой» пары: «может быть истолкован как результат прочтения мифа с позиций более позднего семиотического сознания» [Лотман 2010: 535]. Вероятно, тенденции, отмеченные для лингвоперсонологии (как и способ описания), могут быть приложимы к эпистемологическому рассмотрению и других дисциплин, получивших развитие в XX столетии. Схематически наши наблюдения можно представить следующим образом (рис. 2).

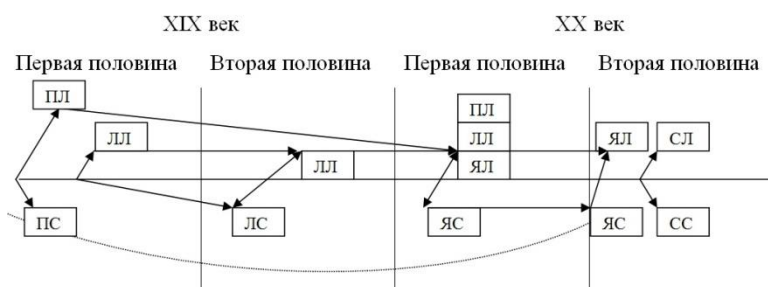

Рис. 2. Развитие понятийного аппарата будущей теории ЯЛ XIX – XX вв. На предложенной схеме ПЛ, ЛЛ, ЯЛ, СЛ – типы личности (поэтическая, литературная, языковая, семиотическая), ПС, ЛС, ЯС, СС – типы сознания (поэтическое, литературное, языковое, семиотическое). Период первой и второй половины XX века требует комментария.

Согласно точке зрения А.В. Ждановой, «возникновение термина («литературная личность» – прим. З.А.) связано как с кризисом традиционного в отечественном литературоведении понятия «образ автора», введенного В. Виноградовым <...>, так и с потребностью обратиться к более раннему и продуктивному термину, предложенному русскими формалистами» [Жданова 2014: 22]. Вместе с тем появление самого *понятия* следует отнести к XIX веку, что показано всем предыдущим рассмотрением. В частности, в 1899 году выходит в свет работа В.В. Розанова «*Литературная личность Н.Н. Страхова*». И хотя в ней не обнаруживается *термина*, некоторые её фрагменты своего рода отсылают к диссертации К.С. Аксакова. Это вполне очевидно из следующего фрагмента: «Он называет это время периодом пробуждения в себе сознания, пробуждения своей личности в истории» [Розанов 1996: 232]. К первой трети XX века русские формалисты от *понятия* «литературная личность» будут двигаться к *термину*, и в дальнейшем его содержание будет переосмыслено не только в отечественном, но

и в зарубежном литературоведении [Тынянов 1977; Гончаренко 2004; Жданова 2014 и др.].

После работ Й.Л. Вайсгербера [Вайсгербер 2009] и В.В. Виноградова [Виноградов 1980] словосочетание «языковая личность» употребляется в монографии В.П. Тимофеева «Личность и языковая среда» (1971), где доминирует социолингвистический ракурс рассмотрения. Лингводидактическое (а позже и герменевтическое) переосмысление осуществляется в работах Г.И. Богина, опубликованных с середины 1970-ых по 1980-ые гг.. Согласно позиции указанного исследователя, ЯЛ – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи. Языковая личность – один из компонентов существования языка, это – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [Богин Т.1 2009: 5]. Таким образом, общее понятие обретает статус научного термина.

На начальных этапах аналогичное понимание ЯЛ обнаруживается и в работах Ю.Н. Караулова. Со временем было введено более широкое, абстрактное. Именно последнее интерпретируется (повторим, что и для диссертационной работы) как «личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38]. В общих чертах деривация типов номинаций пишущих/говорящих в современной лингвопервонологии отчасти сохраняет тот же принцип, что был реализован К.С. Аксаковым в XIX веке: материал обуславливает название итогового результата исследования. Если изучается поэзия, то носитель языка выступает как «поэтическая» личность; литературная деятельность – «литературная», языковые средства – «языковая» и т.д.⁷

1.3 Эпистемологический подход к моделированию в лингвоперсонологии

Первая линия исследования заключалась в наблюдении над постепенным оформлением типологии личностей на срезе XIX, XX и частично XXI веков.

⁷ Опыт фиксации соотносительной пары тип личности/тип сознания дан в приложении 2.

Другой вектор предполагает анализ прецедентности структуры той части говорящего/пишущего, которая и составляет организацию модели.

Вследствие этого необходимо остановиться на общефилософских темах сознания, понимания, деятельности. Всё это проблемное поле полноценно оформлено в трудах «Московского методологического кружка» (далее – ММК), идейным вдохновителем которого был Г.П. Щедровицкий, а среди участников обозначенного научного объединения числился Г.И. Богин. Первый из названных исследователей в своей кандидатской работе «Языковое мышление и методы его исследования» (1964) выступил с обоснованием логического представления «клетки» мышления как структуры вида «*объективное содержание* ————— *знаковая форма*». «Левый» и «правый» компоненты полученной «дروби» равны, поскольку оба имеют значение. Именно поэтому в «знаменатель» вынесено не оно, а его «связь» как активный процесс. Г.П. Щедровицкий было замечено, что «языковое мышление может выступить перед нами <...> как «процесс мышления», если мы будем рассматривать его со стороны деятельности, порождающей взаимосвязи вида (1) (т.е. «объективное содержание ————— *связь значения* ————— *знаковая форма*» – прим. З.А.) <...>. В этом случае оно тоже уже не будет взаимосвязью вида (1), а будет представлять собой особые системы действий» [Щедровицкий 2006: 597]. Вследствие этих тезисов и иных предложенных им схем ([Щедровицкий 2006: 453; 497; 500-503; 561]) в настоящей диссертации выстраивается общий вариант внутренней деятельности субъекта (рис.3).

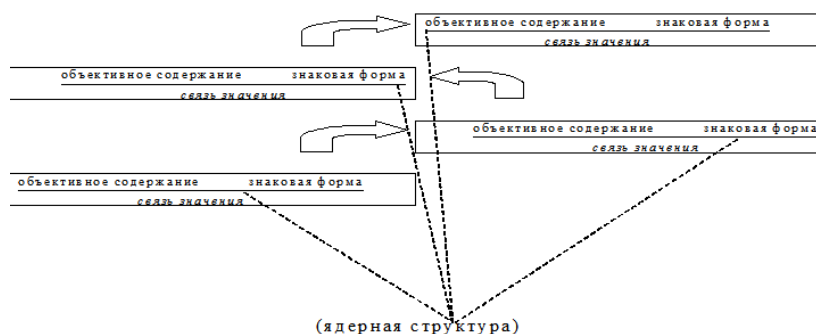

Рис. 3 Реализация системы деятельности языкового мышления

Некоторое ядро (в тексте Г.П. Щедровицкого это либо алгоритм решения математической задачи, либо «знание») может дополняться, приобретать новые характеристики в зависимости от параметров объективного содержания и знаковой формы.

Как было указано ранее, участником «ММК» являлся Г.И. Богин, защитивший докторскую диссертацию «Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов» (1984). В основу исследования были положены опыты зарубежных «профессиограмм», т.е. разработанных комплексов принципов и параметров, по которым оценивалась шансы человека адекватно исполнять свою роль на той или иной профессии. Эту структуру, примененную для оценки усвоения языка в лингводидактике, Г.И. Богин, опираясь на понятийный аппарат в трудах В.В. Виноградова, назвал «моделью языковой личности». Она включила пять уровней (правильности, интериоризации, насыщенности, адекватности выбора, адекватного синтеза [Богин 1984: 7 – 9]) и три оси. В состав последних входят «клетки» – единицы, обозначенные автором как «множители». Таким образом, ось «А» включает: А1 – «фонетика», А2 – «лексика», А3 – «грамматика»; «Б» – Б1 – «говорение», Б2 – «аудирование», Б3 – «письмо», Б4 – «чтение». Модель содержит третий «вектор» – «В», необходимый ей как сущностное выражение развития ЯЛ и соотносящий освоение одного нового уровня с уже усвоенными уровнями (рис.4).

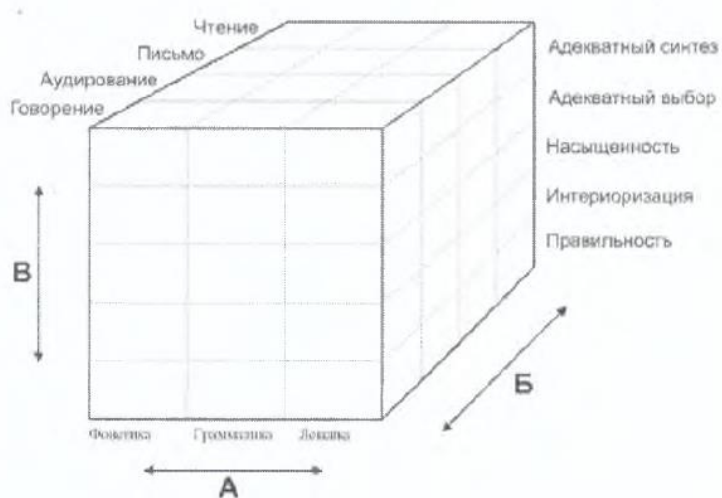

Рис.4 Структура языковой личности по Г.И. Богину [Богин 1984: 10]

В этой разработке прослеживается тот же принцип дифференциального отображения знания на разной ступени означивания, который выведен для концепции Г.П. Щедровицкого. Представленная в виде куба трёхмерная «модель» выступает как «базовый» (по Г.И. Богину) вариант ЯЛ, однако в той же докторской диссертации теоретически обосновывается «шестимерная» (расширенная версия), в которую включена *структура понимания*. Герменевтический ракурс, выявленный на начальном этапе лингвоперсонологии, требовал обращения к философским работам для поиска причин, обеспечивших подобное методологическое решение.

1.3.1 Прототипы моделей в герменевтике

С 1990 по 1993 гг. фрагментами была опубликована не изданная при жизни работа Г.Г. Шпета «Герменевтика и её проблемы». Это – «побочное» исследование от его магистрального сочинения «История как проблема логики». Труд является уникальным хрестоматийно-теоретическим осмыслением исторического развития учения о понимании, в том числе и филологического его измерения. Повторная публикация уже цельной работы была осуществлена в начале 2000-ых. Для нашей диссертации это сочинение важно по причине обнаружения некоторых ранее неизвестных теоретических решений, которые позволяют пересмотреть статус и содержание концепции ЯЛ.

Среди экзегетических построений, изложенных Г.Г. Шпетом, допустимо выделить следующий ряд. В концепции лютеранского богослова XVI века М. Флация постулируются «четыре понимания». Первое из названных включает «отдельные слова и звуки» и основано на знании «соответствующего языка» [цит. по: Шпет 2005: 269]. Второе понимание охватывает «смысл речи, которую составляют слова в отдельных периодах» [Там же], третье – «посредством которого слушатели понимают дух говорящего» [Там же]. «Дух» интерпретируется как «замысел и намерение» [Там же] того, кто является источником коммуникации или текста. Четвертое понимание охватывает «частное употребление каждого места Священного Писания» [Там же]. Как

видно из приведенных фрагментов, данная типология построена на увеличении числа языковых единиц, охватываемых читателем.

В концепции мыслителя рубежа XVIII – XIX веков Ф. Аста обнаруживается сходная структура. Им выделяются аспекты понимания, которые разделены на три вида: исторический («по отношению к содержанию произведения» [цит. по: Шпет 2005: 312]), грамматический («по отношению к форме или языку» [Там же]), духовный (отношение «к духу отдельного писателя и всей древности» [Там же]). Как видно из представленных фрагментов, это тот же «филологический» подход М. Флация, однако спустя три столетия переосмысленный в свете господствующей компаративистской парадигмы в гуманитарных науках.

Параллельно с Ф. Астом свою концепцию разработал другой мыслитель рубежа XVIII – XIX веков – Ф. Бёк. Его постановка проблемы отличалась от таковой у уже рассмотренных авторов. Акцент делался не на организации понимания, а на «*объективных условиях*», его организующих. Среди таковых была и «*грамматическая интерпретация*». Согласно точке зрения Ф. Бёка, она должна объяснять элементы языка, в частности, само слово «1) в его основном значении, 2) в специальных условиях времени и сферы его применения <...> в его связи, в его «языковой обстановке»» [цит. по: Шпет 2005: 351]. Второй пункт также позволяет выявить влияние компаративистской парадигмы.

Как уже было указано ранее, не изданная при жизни Г.Г. Шпета работа была опубликована только в начале 1990-ых. Она охватывает зарубежную герменевтическую традицию, однако сходные мысли можно обнаружить и у отечественных филологов, хотя реконструкция их систем требует специального исследования и остаётся вне рамок настоящей диссертации. Например, Ф.И. Буслаев замечает, что «*философия языка только тогда будет незыблема, когда глубоко укоренится на изучении буквы*. Кто с надлежащей точки смотрит на букву, тот понимает язык во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полноте» [Буслаев 1992: 26]. В действительности это предположение коррелирует и с «первым пониманием» М. Флация, и с «грамматическим» аспектом такового у Ф. Аста, и с «грамматической интерпретацией» Ф. Бёка. К.С.

Аксаков указывал, что «такъ какъ личное значеніе глагола занимает главное мѣсто, а личное значеніе глагола может измѣняться въ пониманіи чловѣка, то здѣсь та или другая форма спряженія может зависеть отъ лица говорящаго» [Аксаков Т.2 1875: 427]. При кажущемся субъективизме данного суждения оно также коррелирует с концепцией М. Флация.

Несколько подробнее следует остановиться на теоретических положениях А.А. Потебни. Он замечает, развивая положения В. фон Гумбольдта: «Нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов, не заменимых самую выразительную мимику» [Потебня 1999: 10 – 11], при этом «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении» [Потебня 1999: 30]. В дальнейшем им выводится оппозиция «Понимание/Речь». Содержательная сторона этого противопоставления кроется в направленности процессов. Понимание имманентно, речь – трансцендентна, но они суть единое взаимодействие между носителями языка, «происходит, так сказать, расширение субъекта» [Потебня 1999: 30]. В этой связи наследие А.А. Потебни интересно не только филологии, но и философии [Марчук 2006]. Впрочем, для отечественного языкознания XIX века экзегетическая проблематика могла выступать «фоном» решения языковедческих вопросов.

Ситуация изменилась в начале двадцатого столетия. В то время как философ Г.Г. Шпет двигался к языку как коллективному явлению, Л.В. Щербой было «схвачено» единство процессов говорения с процессами понимания, однако на уровне публикаций двух названных ученых возможно выделить элемент некоторого диалогического взаимодействия. В опубликованной в 1927 г. статье «*О тройком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*» утверждается следующее: «я буду называть процессы говорения и понимания «речевой деятельностью» <...>, всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными <...>, и что они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [Щерба 2004: 24 – 25]. Интерес вызывает то, что в этот же период опубликована книга Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова»,

в которой через призму концепции В. фон Гумбольдта допускается, что «понимание и говорение только разные действия одной и той же языковой способности» [Шпет 2007: 333]. В рамках нашего изложения этот тезис является ключевым, «парадигмальным» принципом для герменевтики и филологии.

Преимственность проблемы понимания обнаруживается и в работах Г.И. Богина. Некоторые из них рационально рассматривать как продолжение общей линии разработок «ММК». В своих герменевтических трудах Г.И. Богин параллельно и независимо от Г.Г. Шпета осуществляет тот же путь анализа, какой прошел автор «Герменевтики и её проблем». Итогом, как демонстрирует проведенное описание, стала классификация, состоящая из трёх типов понимания. Первое из них и базовое – «семантизирующее», функция которого в «расшифровке» «единиц текста, выступающих в знаковой функции» [Богин 1984: 17]. Оно проявляется в тех случаях, «когда среди «знакомых слов» встретилось «незнакомое слово»» [Там же]. Второй тип – «когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации» [Там же]. Оно проявляется, когда читатель сталкивается с категориями культуры, идеями и понятиями. Третий тип – «распредмечивающее понимание, постоянно имеющее место при действовании с субъективными реальностями (реальностями сознания, чувствования, воли), презентуемыми при этом помимо средств прямой номинации, но опредмеченными все же именно в средствах текста» [Там же]. Как видно из приведенных фрагментов, Г.И. Богин осуществил попытку выведения инвариантной структуры в герменевтике. Общее движение по этой линии, исходя из общего хода изложения, систематизировано в таблице 2.

Табл.2 Варианты структуры понимания

Автор	Маттиас Флаций (1520–1575)	Фридрих Аст (1778–1841)	Филипп Бёк (1785–1867)	Г.И. Богин (1929 – 2001)
--------------	----------------------------	-------------------------	------------------------	--------------------------

Структура понимания	1)Понимание отдельных слов и звуков или понимание языка; 2)Понимание синтаксических конструкций; 3)Понимание мысли, замысла или намерения говорящего; 4)Понимание контекста.	1)историческое; 2)грамматическое; 3)духовное (дух = смысл, замысел, намерение).	Грамматическая интерпретация: а)Понимание значения слов 1)в основном значении, 2)в специальных условиях времени и сферы его применения, 3)смысл данного слова в его связи, в его «языковой обстановке».	1)Семантизирующее понимание; 2)Когнитивное понимание; 3)Распредмечивающее понимание.
----------------------------	---	---	---	--

В ней дан ряд представлений о структуре понимания, но в каждом случае под разностью номинаций каких-либо компонентов усматривается постоянство составляющих, некоторый «канон», «инвариант» речемыслительной организации. Вместе с тем полученные сведения системны для герменевтики. Если процессы понимания обуславливаются тем же, чем и процессы говорения, то в языковедческих разработках должна быть своя линия вариантов аналогичной структуры.

1.3.2 Прототипы моделей и типологий языковых личностей в филологических исследованиях (XIX – XX вв.)

Опыты изучения текстов какого-либо автора, близкие к современному речевому портретированию, можно обнаружить на протяжении всего девятнадцатого века. От работ А.С. Шишкова «Разсмотрѣніе рѣчи Синодальнаго Члена Преосвященнаго Георгія, Архіепископа Могилевскаго, Мстиславскаго и Оршанскаго» [Шишков Ч. 4 1825: 304 – 310] и Ф.М. Достоевского [Виноградов 1980], до примечаний Ф.Е. Корша к сборникам русских пословиц XVII – XIX столетий, в которых обозначалось, что «о личности составителя сборника может, до нѣкоторой степени, свидѣтельствовать его наречіе, сказывающееся въ правописаніи, насколько оно основано на выговорѣ» [Корш 1899: 3]. Ссылки на сознание носителя языка обнаруживаются в трудах Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 1956], А.А. Потебни [Потебня 1999], И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963] и других, однако вопрос о прецедентности уровнево-

параметрических моделей в лингвоперсонологии с точки зрения эпистемологического подхода требует специального изучения. Конечно, по отношению к XIX веку можно лишь утверждать о прототипах тех построений, которые значительно позже зафиксированы в научных трудах двадцатого столетия.

В одной из статей Н.М. Карамзина обнаруживается следующее замечание: «автору надобно иметь не только <...> дарование, — то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, — но и многие исторические сведения, ум <...>, тонкий вкус и знание света» [Карамзин Т.2 1964: 184]. Один из выводов, который озвучен в работе – «возможность преодолевать трудности есть характер таланта» [Карамзин Т.2 1964: 185]. Прослеживается трёхчастная структура: дарование (врожденное) → фонд знаний (деятельность накопления) → работа над стилем (деятельность развития накопленного). Под таким углом зрения схема, выведенная из трудов Г.П. Щедровицкого (рис. 3), была предвосхищена и получена рефлексивно как результат осмысления писателем самого себя.

Трёхсоставная (или трёхкомпонентная) структура, фиксируемая в статье Н.М. Карамзина, может быть константой, описанной в диссертации Н.И. Надеждина. По версии последнего, «каждое сознание, и следовательно познание изящнаго предполагает три данныхъ, безъ которыхъ оно не можетъ существовать какъ определенное событіе (фактъ) разумѣнія. Это суть: возрѣнія, понятія и идеи, соотвѣтствующія тремъ главнымъ познавательнымъ способностямъ души: чувственности, разуму и уму» [цит.по: Белинский Т.1 1900: 520]. И хотя цитируемая работа посвящена вопросам эстетики, в ней обнаруживается значимое методологическое наблюдение: дифференциальные концепции могут быть объединены тремя генеральными линиями развития чего-либо, или, что будет ближе к нашей диссертации, в разных и разрозненных теориях могут присутствовать прецедентные трехкомпонентные организации.

В языкознании середины XIX века это предположение подтверждается К.С. Аксаковым, который также поднимает проблему сознания. Из анализа данной, на первый взгляд, нелингвистической темы выводится структура, включающая три

«степени» (или «мгновения»). Первое – определение «Я» и всего окружающего мира как предмета, «не-Я» [Аксаков 1880: 30]. Второе «мгновение» – обращение сознания на самое себя, самосознание [Там же]. Третье и последнее – явление мира как жизни, «гармония предмета и дѣйствія» [Аксаков 1880: 36]. Перечисленные три степени посредством языка образуют парадигму вида: «Имя – Предметъ / Глаголь – – Дѣйствіе / Рѣчь – – Жизнь» [Аксаков 1880: 36]. Анализ только первых двух составляющих – предмета и действия – входит, по изложению К.С. Аксакова, в область «объективной грамматики», в то время как третий компонент – речь, синтаксис, относится уже к грамматике «субъективной». В дальнейшем ряд научных коллективов, например «Казанская лингвистическая школа», будут двигаться в сходном направлении.

По отношению к личности ученика И.А. Бодуэн де Куртенэ предложил, возможно, первую типологию полноты овладения родным языком в лингводидактике, включившую три группы. «Кандидаты в говорящие»⁸, «т.е. младенцы или же иноязычники, попавшие в данную племенную среду и подвергающихся языковому воздействию с её стороны до тех пор, пока они сами не сделаются деятельными участниками междучеловеческого общения» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 211]. Само описание этой группы, как и последующих, может сводиться к «третьей степени», или «мгновению» сознания у К.С. Аксакова, поскольку содержание концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ коррелирует с «субъективной» линией грамматики «*Рѣчь – – Жизнь*» [Аксаков 1880: 36]. Вторая категория включает «людей только говорящих, т.е. участвующих активно в междучеловеческом общении с помощью произносительно-слуховых процессов данного языка, обусловленных возникновением в их головах соответственных произносительно-слуховых представлений» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 211]. Этот тип уже «включён» в общение, человек владеет речью в какой-то степени, но это развитие пока не

⁸ Единство эпистемологического пространства, какое фрагментарно было представлено в параграфе «1.2.3 Тип личности/тип сознания как соотносимая пара понятийного аппарата (XIX-XXI вв.)», прослеживается и на уровне филологических поисков. Н.М. Карамзин в рассматриваемой ранее работе рассуждал о «русском кандидате авторства». На само словосочетание весьма едко отреагировал А.С. Шишков в одном из своих трудов. На рубеже XIX-XX века это понятие трансформируется в «кандидат в говорящие» у И.А. Бодуэна де Куртенэ.

соотносимо с общепринятой нормой. Поэтому третья категория включает «людей не только говорящих, но и грамотных, т.е. вселивших в свои головы писано-зрительные представления и будущих в состоянии участвовать в междучеловеческом общении путем обнаружения этих представлений» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 211]. Накопительность как свойство личностного содержания, отмеченное И.А. Бодуэном де Куртенэ, окажется значимым наблюдением и в дальнейшем, например, в получившей развитие во второй половине двадцатого столетия психолингвистике.

В разделе коллективной монографии «Основы теории речевой деятельности» И.А. Зимняя предполагает, что «при анализе общей схемы деятельности человека правомерно говорить о трёх взаимообуславливающих, взаимосвязанных сферах деятельности: познавательной (индивидуально-психической), общественно-производственной и коммуникативно-общественной» [Зимняя 1974: 66]. Основное отличие от концепции Бодуэна де Куртенэ – одна личность включена в три процесса, в то время как для идейного вдохновителя «Казанской лингвистической школы» принцип накопительного формирования грамотности пишущего был выражен жестче.

С точки зрения прецедентности структуры будущих моделей ЯЛ в отрыве от психологического толкования привлекает внимание многоуровневая система А.В. Бондарко. Упомянутый автор коснулся вопросов описания грамматических категорий, которое содержит в себе «1) уровень абстрактной грамматической системы языка (рассматриваемый в отвлечении от лексики); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания, в тексте» [Бондарко 2001: 100; Яцкевич⁹ 1992]. Специфика конкретно данной типологии заключается в том, что, если осуществлять дескрипцию по этому алгоритму, обнаруживается корреляция с тремя типами понимания в модели ЯЛ у Г.И. Богина. Более того, раскрытие содержания

⁹ Об этой позиции в иной плоскости изучения – в контексте функциональной грамматики – распространяться не можем в силу объема, а также несоответствия поставленным целям и задачам. Частично такой анализ уже был проведен Л.Г. Яцкевич, однако уклон в её статье исходит из иных теоретико-методологических предпосылок.

каждого из уровней сопоставимо с описанием составляющих в абстракции «человека говорящего» (концепция Ю.Н. Караулова).

Если трёхмерность модели (кубическая форма) Г.И. Богина обусловлена устойчивостью подобных структур в эпистемологическом пространстве, то иерархия пяти уровней всем предыдущим изложением не объяснялась с точки зрения выбранного подхода. Такие структуры, однако, тоже являются прецедентными, хотя их использование встречается значительно реже.

Например, пятичастная структура обнаруживается в работах А.С. Шишкова. Согласно его позиции, «во всякомъ языкѣ есть множество такихъ словъ или названій, которыя въ долговременномъ отъ разныхъ писателей употребленіи получили различные смыслы, или изображаютъ разныя понятія, и потому знаменованіе ихъ можно уподобить кругу» [Шишков Ч. 2 1824: 33]. Для объяснения своей концепции А.С. Шишковым предлагается следующее изображение (рис.5).

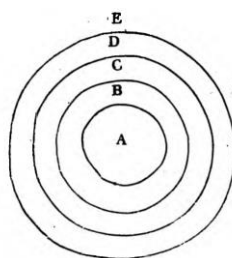

Рис. 5 Круги значений слова в русском языке [Шишков Ч. 2 1824: 33]. Согласно этому графическому представлению, основное значение – круг А, «котораго окружность В определяет вышесказанный Смысль его, или заключающееся въ немъ понятіе» [Шишков Ч. 2 1824: 33]. Метафорическое использование основного понятия (например, свет учения) расширяет поле до «С». Значение омонима, которое не разделялось А.С Шишковым по принадлежности к разным словам, на изображении соответствует кругу «D», а его расширение и абстракция более высокого уровня – «E». Заполнение перехода от центра к периферии для каждого языка не одинаково, но при наличии такового оно выступает свидетельством его древности и семантического богатства. Вместе с тем сама пятичастная организация, как и идея суммативно-накопительного знания в её пределах, коррелирует с моделью Г.И. Богина, а значит, и структура

последней также может быть прецедентной. Подтверждается высказанное наблюдение замечанием И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Главную переходную стадией от 1-й группы ко 2-й (от «кандидатов в говорящие» к «людям только говорящим» – прим. З.А.) являются люди, уже понимающие других, но сами еще не говорящие; главным же переходным звеном от группы 2-й к 3-й (от «людей только говорящих» к «грамотным» – прим. З.А.) – люди, уже читающие, но сами еще не пишущие» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 211]. Данный фрагмент позволяет выстроить последовательность типов в системе И.А. Бодуэна де Куртенэ: 1→1,5→2→2,5→3. Тем самым трёхчастное «ядро» может быть усложнено до пятичастной структуры, базирующейся на идее суммативно-накопительного знания в её пределах, и потому модель ЯЛ в трудах Г.И. Богина является прецедентным феноменом с точки зрения эпистемологического подхода.

1.3.3 Модель понимания/модель говорения как соотносимая пара построений

По замечанию Г.Г. Шпета, «противопоставления: выражение-смысл, объективирование мысли (говорение и письмо – прим. З.А.), обнаружение духа (понимание и интерпретация – прим. З.А.) и т.п., следует брать как пары, диалектически подвижные» [Шпет 2007: 376]. В настоящем параграфе проводится краткое сравнительно-сопоставительное исследование построений в герменевтике и языкознании. Для выявления «соотносительных эпистемологических пар» на этом уровне в диссертации привлекаются обобщения и схематические изображения, как самих лингвистов, так и тех методологов, кто переосмыслил их наследие.

В.А. Гречко, изучая теоретические построения А.А. Потебни, был предложен общий вид концепции знака у основателя «психологической» школы. Схема включила основные понятия, такие как: «ближайшее значение», «дальнейшее значение», «внутренняя форма», «внешняя форма» (см. рис. б).

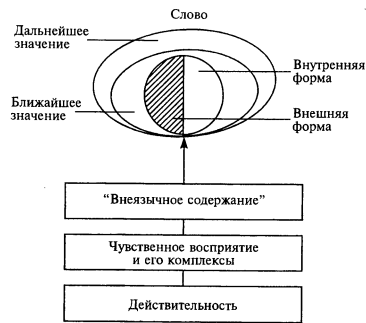

Рис. 6 Концепция знака у А.А. Потебни [Гречко 2003: 43]

Не преследуя цели проанализировать все теоретические выкладки А.А. Потебни и их интерпретацию В.А. Гречко, мы всё же остановимся на анализе полученной схемы. В ней «внеязычное содержание» конкретизируется как со стороны значения, так и со стороны формы, причём это единство не существует вне сферы сознания, на что указывает специально выделенный компонент «чувственное восприятие и его комплексы». Слово, по А.А. Потебне, всякий раз создаётся заново в замкнутом душевном мире. Область имманентного на схеме превалирует над трансцендентным: даже внешняя форма, которая может быть сведена к грамматической, существует только как часть *воспринимаемого* объекта.

Ранее указывалось на то, какое значение А.А. Потебня отводил пониманию, однако данная схема подчеркивает связь понимания и создания слова, если её выстроить в инвертированном порядке. Первый этап выступает как рецепция (I слово), второй – как осмысление формы, значений (II [внешняя форма | ближайшее значение | дальнейшее значение | внутренняя форма]), третий – выход в область культуры (III внеязычное содержание), а четвертый позволяет приступить к толкованию возможного видения другим человеком действительности (IV чувственное восприятие и его комплексы → V действительность). Это движение коррелирует со структурами понимания в герменевтике, хотя эти разработки не тождественны и существовали независимо друг от друга. То, что последним этапом выступает «*действительность*» до языка, не противоречит тезисам А.А. Потебни о замкнутости отдельного лица и

конструктивной роли сознания, поскольку это – *действительность индивидуального сознания*, а не *реальность* коллектива.¹⁰

Заслуживают внимания теоретические построения представителей «Казанской лингвистической школы» в лице В.Н. Крушевского. Им была предложена схема распределения единиц языковой системы по отношению к психическому содержанию. «Пусть читатель представить себѣ точку, а внизу, подъ этой точкой, цѣлый рядъ подобныхъ точекъ; пусть онъ мысленно соединитъ линиями каждую точку ряда съ точкой, стоящей въверху — (рис. 7¹¹ – прим. З.А.)

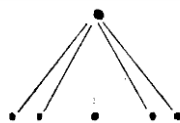

Рис. 7 Отношение предложения к психическому содержанию.

и онъ получить приблизительную картину отношенія предложенія къ его психическому содержанию: точка вверху (предложеніе) будетъ соответствовать не одной вещи, а целому ряду, состоящему изъ неопредѣленнаго числа вещей. И такъ, единица нашей рѣчи, предложеніе, является субститутомъ не одной вещи, а цѣлой группы, и притомъ субститутомъ приблизительнымъ, такъ какъ самая группа неопредѣленна. <...> И слово является итогомъ и притомъ итогомъ приблизительнымъ <...> Потому можемъ изменить наше изображеніе такъ:

Рис. 8 Отношение слова к психическому содержанию»

[Крушевский 1883: 10-11].

Н.В. Крушевский последовательно анализирует таким способом сначала предложение, потом слово, далее – его морфологические элементы, и, наконец, звуки. «Переходя къ анализу этихъ послѣднихъ, мы оставляемъ область духа и входимъ въ область физиологіи. Звукъ не встрѣчается самъ по себѣ въ языкѣ, не имѣетъ никакой собственной постоянной функціи, никакого психическаго содержанія» [Крушевский 1883: 12]. Если ход анализа представить в инвертированном виде, то получается модель не только речевого производства,

¹⁰ Это наблюдение коррелирует со схемой из страницы личного экземпляра Г.Г. Шпета первого издания его книги «Явление и смысл». Целиком это изображение приведено в параграфе «1.2.3 Тип личности/тип сознания как соотносимая пара понятийного аппарата (XIX-XXI вв.)».

¹¹ Здесь и далее пояснения и нумерация рисунков в работе Н.В. Крушевского наши.

но и понимания: звуки языка → части слов и слова → предложение. Признание обозначенных фрагментов цепи субститутами психического содержания позволяет выводить корреляцию между единицами уровней лингвистического рассмотрения (фонетический, морфемно-морфологический, лексический, синтаксический) и замещенных этими единицами фрагментов внутренне данного содержания.

Во второй половине XX века *понимание* как часть теории языка было обозначено И.А. Мельчуком в книге «Язык: от смысла к тексту». Специфика этого издания заключается в лаконичном представлении модели «Действительность-Речь» (см. рис.9).

Рис. 9 Модель «Действительность-Речь» [Мельчук 2012: 53].

Вектор «Синтез: говорение» включает постепенное движение от концептуального представления (КонцептП) к семантическому представлению (СемП) и, путем преобразований на этапе модели «Смысл-Текст», выходит к поверхностно-фонетическому представлению (ФонетП). Это ось продуцирования. В свою очередь вектор «Анализ: понимание» предполагает движение от фонетического уровня к уровням модели «Смысл-Текст», включающей семантику, глубинный синтаксис, поверхностный синтаксис, глубинную морфологию, поверхностную морфологию и фонетику [Мельчук 2012: 35]. Далее следует концептика (когнитивное поле) и восприятие действительности. Интерес вызывает идентичное содержание между инвертированной схемой знака у А.А. Потебни и

принципиально двунаправленной моделью И.А. Мельчука. В обоих случаях действительность оказывается своего рода «в конце» движения и дана через восприятие, т.е. это конкретная действительность конкретного субъекта. Необходимо отметить, что модель «Действительность – Речь», исходя из изложения, фиксирует структуры говорения и понимания как соотносительную пару построений, что является значительным вкладом И.А. Мельчука в прояснение эпистемологической ситуации.

Своё видение носителя языка также предложил Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» (1987). Им была выведена модель с тремя уровнями: вербально-семантическим, лингво-когнитивным, мотивационным. Подробное изложение данной разработки представлено на рисунке 10. В приведенной схеме Ю.Н. Караулова интерес вызывает столбец «единицы» (слова – понятия – деятельностно-коммуникативные потребности). В основе движения по этой цепи обнаруживается логика, идентичная герменевтическому подходу, в которой грамматика была основой понимания с последующим восхождением к «духу» создателя текста.

Схема 1

Философский аспект	Психологический аспект	Уровни структуры языковой личности	Элементы уровней		
			1 единицы	2 отношения	3 стереотипы
Язык	Семантический уровень	А вербально-семантический	СЛОВА	грамматико-парадигматические, семанτικο-синтаксические, ассоциативные — "вербальная сеть"	модели словосочетаний и предложений: предмет содержит компоненты; предмет состоит из компонентов в предмете выделяют компоненты; предмет расчленен на компоненты
Интеллект	Когнитивный уровень	Б тезаурусный	ПОНЯТИЯ (идеи, концепты)	иерархически-координативные — семантические поля, "картина мира"	генерализованные высказывания: кому много дано, тот не может быть счастливым; поэзия, любовь, работа — вот три кита, на которых держится мир
Действительность	Прагматический уровень	В мотивационный	ДЕЯТЕЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ	сферы общения, коммуникативные ситуации, коммуникативные роли — "коммуникативная сеть"	образы (символы) прецедентных текстов культуры: "И какой же русский не любит быстрой езды". "Плюшкин". "А судьи кто?"

Рис. 10. Структура языковой личности по Ю.Н. Караулову [Караулов 2010: 56]

Однако концепция Ю.Н. Караулова гораздо ближе к концепции И.А. Мельчука. «Философский аспект» (язык – интеллект – действительность) коррелирует с моделью «Действительность-Речь» (фонетика – Смысл-Текст –

концептика – восприятие – действительность) в том векторе, который значительно позже будет обозначен как «Анализ: понимание». Вместе с тем методология использования ЭВМ демонстрирует не только значительный отрыв от герменевтического подхода, но и совершенно инородную почву для выведения трехуровневой структуры.

Для Ю.Н. Караулова вопросы восприятия остаются в стороне, рефлексия и понимание даны как часть лингводидактического аспекта применения модели. Последняя получена не как наследие от философии к языкознанию, а как авторская формализация и преобразование ключевых идей в теории языка второй половины XX века, но всё же (с позиции эпистемологического подхода) эта структура является прецедентным феноменом, как и разработка Г.И. Богина.

В свете уже изложенного обращают на себя внимание разработки В.В. Колесова. Его определение понятия «ментальность» содержит компоненты структуры, которая выявлялась ранее на привлеченном теоретическом материале: «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов 2006: 11]. Схематизация последовательности элементов в указанном толковании позволяет получить изображение вида (рис. 11):

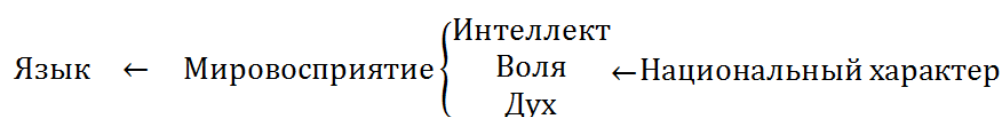

Рис. 11. Схематизация содержания определения ментальности по В.В. Колесову.

Приведенная «цепь» своего рода «дополняет» общую галерею выводимых структур. На схеме эксплицируются компоненты экзегетических решений: «понимание мысли, замысла или намерения говорящего» у М. Флация, «духовное понимание» (дух = смысл, замысел, намерение) Ф. Аста, «когнитивное понимание» Г.И. Богина. В этой же цепи обнаруживаются и элементы лингвистических построений: движение от концептуального представления (КонцептП), заданного национальной культурой, к семантическому

представлению (СемП) языка по модели И.А. Мельчука; «язык – интеллект – действительность» как философский аспект модели Ю.Н. Караулова. Данные корреляции позволяют допустить возможность выведения «усредненной» структуры, объединяющей исследование статичного факта в памятнике письменности с описанием динамичности его оформляющих деятельностей.¹²

1.4 Модификация модели языковой личности для применения к материалу первой половины XVII века

Генерирование научным сообществом построений в пределах соотносительной пары «модель понимания/модель говорения» приводит к специализации выводимых организаций говорящего/пишущего к конкретному материалу. Появление «модификаций» «исходных» вариантов ЯЛ (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов), вероятно, подчиняется алгоритмам, схожим (если не идентичным) с теми, что выявлены и для части понятийно-терминологического аппарата (тип личности/тип сознания), и для части структур в герменевтике и языкознании.

Наиболее близкой к теоретическому контексту предыдущих параграфов является разработка З.Я. Кармановой [Карманова 2011]. Упомянутым автором предложена феноменолого-диалектическая модель языковой личности как необходимый фундамент для создания целостного феноменологического подхода в лингвистике. Разработка состоит из 6 модулей со своим содержимым, однако адекватно её применить возможно при знании современного состояния грамматики и орфографии. Этот момент, к сожалению, не позволяет апробировать феноменолого-диалектическую модель языковой личности в полном объёме на материале XVII века.

¹² Следующий параграф работы – 1.4 Модификация модели языковой личности для применения к материалу первой половины XVII века – частично опирается на разработки Ю.Н. Караулова, частично – Г.И. Богина. После оформления нового эпистемологического пространства с «вершиной» в виде трудов участников «Московского методологического кружка» нами для диссертации получены неучтенные ранее сведения и теоретико-методологические решения, которые могут быть применимы для диахронического подхода в лингвоперсонологии. К сожалению, 1) синхроническая направленность лингводидактической модели Г.И. Богина с пятью уровнями в совокупности с 2) отсутствием орфографической нормы в первой половине XVII столетия вносят свои коррективы в изложение. Решение видится в задании такой организации (онтологической картины) ЯЛ, которая была бы и эпистемологически мотивированной, и коррелятивной по отношению к тем алгоритмам реконструкции, какие используются в диахронической лингвоперсонологии.

Изначально приложение трёхуровневой структуры из концепции Ю.Н. Караулова в историческом аспекте было произведено в ряде диссертационных исследований [Аникин 2004; Гайнуллина 1996; Никитина 2014; Попова 2004; Трапезникова 2012; Щемилина 2016; Ясинская 2004]. Первая модификация исходного варианта, вероятно, была предложена Д.В. Аникиным [Аникин 2004], но к анонимному материалу.

В контексте проводимого анализа (и лингвоперсонологических работ) интерес вызывает то, что (как минимум) три автора пришли к тезису о применимости герменевтики в этом русле изучения [Аникин 2004: 48; Гайнуллина 1996: 18; Тхорик 2000]. Для теории ЯЛ важен и тезис Г.Г. Шпета, что «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое» [Шпет 2006: 350], и позиция Б.А. Ларина, утверждавшего, что «понимание древнерусского литературного текста, вообще говоря, предполагает экзегезу (толкование), обращение к исходным текстам-образцам (на самых разных уровнях — композиционном, смысловом, идеологическом)» [Ларин 2002: 87]. Такой подход требует не только описания фактов, но и предполагает вариант их объяснения в динамике, движении к современному состоянию.

Е.Г. Ковалевская в учебнике по «Истории русского литературного языка» фиксировала изменение стилистической системы понятием «языковая тенденция» [Ковалевская 1978: 142]. Б.А. Успенский с позиций семиотики видел движение в распаде диглоссии, т.е. ситуации, когда «функции двух сосуществующих языков находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в одноязычном языковом коллективе» [Успенский 2002: 24]. В.В. Колесов предложил концепцию, основанную на смене типов ментальности [Колесов 2006]. По мысли упомянутого автора, чтобы выявить динамику в ней, необходим «общий подход <...> – герменевтический, метод – системный анализ, взгляд на дело – исторический» [Колесов 2006: 6]. В некотором роде В.В. Колесов в объяснении истории языка вернулся к положениям Г.Г. Шпета, высказанным в

начале XX века,¹³ и «подготовил почву» для экстраполяции разработок Г.И. Богина в диахроническое русло изучения.

Действительно, тексты могут быть отнесены к той или иной знаковой системе, типу ментальности, тенденции. Разработки диахронической лингвоперсонологии могут дать основания для рассмотрения в качестве главного деятеля, двигателя и узловой точки истории языка его носителя – ЯЛ. В этой связи необходимо актуализировать ряд положений, высказанных И.А. Бодуэном де Куртенэ.

В частности, подразумевается выводимое им противопоставление «внешняя история языка»/«внутренняя история языка». Первый член оппозиции предполагает изучение географии распространения, сословной принадлежности и другие факторы. «Внутренняя же история языка занимается развитием языка самого по себе, жизнью языка, разумеется, не отвлекая его неестественным образом от его носителей, от людей, а, напротив того, понимая его всегда в связи с физической и психической организацией говорящего им народа» [Бодуэн де Куртенэ Т.1 1963: 69]. В контексте предложенного рассмотрения главный объект изучения в лингвоперсонологии – необходимый компонент именно для этого члена оппозиции.

Вместе с тем такая постановка проблемы требует обозначения в структуре модели ЯЛ специальных *зон деятельности* – особого типа «каналов» для передачи и приёма мыслительных образований, отображаемых текстом того или иного автора. В трудах Г.И. Богина искомое обнаруживается за номинациями: «...с рефлексией, фиксирующейся только в поясе М-К» [Богин Т. 1. 2009: 49, 50, 51], «...пробуждение рефлексии в поясе МД (по схеме системодетельности, предложенной Г.П. Щедровицким). Важно пробуждать рефлексию и в поясе М, репрезентирующем опыт чистого мышления» [Богин Т. 1. 2009: 55] и другие. Эти аббревиатуры были даны без дополнительного раскрытия, следовательно, и

¹³ Схема в параграфе 1.2.3 Тип личности/тип сознания как соотносимая пара понятийного аппарата (XIX-XXI вв.)

труд, использующий эти понятия, предполагался как продолжение чего-то уже выработанного ранее.

Логика этого употребления в пределах ММК может быть реконструирована следующим образом. Г.П. Щедровицкий, выводя процесс языкового мышления как совокупность действий «объективное содержание связь значения — знаковая форма», через несколько десятилетий придет к выдвижению гипотезы о существовании *поясов мыслительной деятельности*. Изначально эта номинация — метафора, обозначающая определенный этап в обсуждении какой-либо тематики (табл. 3, третья колонка). Г.П. Щедровицкий так описывает строение получившегося изображения: «три относительно автономных пояса МД (мыслительной деятельности, самый первый столбец с буквенными обозначениями — прим. З.А.), расположенных по горизонталям один над другим: 1) пояс социально организованного коллективного мыследействования (обозначается символом мД), 2) пояс мысли-коммуникации, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (обозначается символом М-К), и 3) пояс чистого мышления, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, графиках, таблицах, картах, диаграммах и т.п. (обозначается символом М)» [Щедровицкий 1995: 134]. В этих этапах и переходах вскрывается своя логика и последовательность приложения общих схем ММК от анализа индивидуального мышления до коллективного взаимодействия.

Табл. 3. Опыт реконструкции теоретического ядра в теории языковой личности

I Процесс мышления по Г.П. Щедровицкому	II Структура понимания по Г.И. Богину	III «Схема мыследеятельности» по Г.П. Щедровицкому
	<p>1) Семантизирующее понимание; 2) Когнитивное понимание; 3) Распредмечивающее понимание</p>	

Синхроническая модель языковой личности в трудах Г.И. Богина адаптировала в себе структуру (I), однако в дальнейшем она же легла в общую концепцию филологической герменевтики (II) данного автора. Причина, по которой разработка не противоречила гипотезе о поясах мыследеятельности (III) и была успешно интегрирована в «деятельностную онтологию», может заключаться в том, что типологически это одно «движение» вида (I) и единый принцип накопления в «разверстывающейся» организации, будь то понимание или «язык». Подчеркнем, что эти наблюдения были результатом синхронического подхода к коммуникации.

Г.П. Щедровицкий вместе с участниками ММК вывел эту схему (третья колонка в таблице 3) на базе коллективного взаимодействия, однако объективация и наличие поясов возможны только в том случае, когда есть субстрат для их формирования в каждой единице мыслящего сообщества. В этом случае даже структура языковой личности должна включать в себя этот компонент как необходимый для передачи имманентного содержания другому лицу, будь то читатель или собеседник [Карманова 2011]. В соответствии с филологической традицией XIX – XX веков, отношением «Целое (схема мыследеятельности Г.П. Щедровицкого) /Часть (ЯЛ)», а также разработками когнитивной лингвистики последних двадцати лет, выделяются следующие три структурных элемента.

Пояс эйдолологии, или эйдолологический – субстрат пояса М. Источник номинации понятия обнаруживается в работах по поэтике Н.С. Гумилёва («В эйдолологии (системе образов)» [Гумилев 2006: 155]; «эйдолология непосредственно примыкает к поэтической психологии» [Гумилев 2006: 242]), в статье «Синтетика поэзии» В.Я. Брюсова («воспринять их как образы (эйдолология)» [Брюсов, Т. 6 1975: 561]). В дальнейшем обозначение используется и в рамках «*Методологии точного литературоведения*» Б.И. Ярхо («эйдолология (учение об образе, объем образа, микроанализ образа)» [Ярхо 2006: 9]), и в исследованиях по стилистике В.В. Виноградова («образ авторского лица <...> эйдолологически оказывается как бы устраненным» [Виноградов 1980: 76]). Оно также фигурирует как элемент исследовательской рефлексии в учебном пособии В.П. Тимофеева: «Бабушка, конечно, не ведая того, сформировала своим внутренним миром и эйдологией направление моих будущих интересов» [Тимофеев 1971: 36]. Необходимость учёта образной составляющей была обозначена в психологии Л.С. Выготским [Выготский Т.2 1982: 151 – 152; 161 – 165], но ранее – в отечественной филологии в свете спора о формировании понятий [Аксаков Т. 2 1875: 532 – 535; Потебня 1999: 13 – 49]. На современном этапе языкознание признает взаимосвязь словесной формы и образной составляющей на морфемно-морфологическом («диапазон варьирования корневых морфем в глаголах-зоофонах задаётся звукообразом, с которым в сознании человека ассоциируются вокализации того

или иного животного» [Ганичева 2016: 12]), лексико-синтаксическом («образное основание идиомы рассматривается как один из компонентов значения фразеологизма» [Кабакова 2002: 2]; «пропозиция представляет не отстраненный от субъекта внешний мир, но фрагмент образа (картины) мира этого субъекта» [Манаенко 2004: 25]), текстовом («глубина поэтического текста определяется в зависимости от особенностей образного строя текста» [Штайн 2006: 27]; глава в монографии «Структура поэтического текста» Л.Г. Яцкевич [Яцкевич 1999: 5-33 и далее]). В когнитивных исследованиях «концепт» обладает «образным, понятийным и ценностным компонентами» [Попова 2007: 10], или у него «возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных 2003: 272]. Тем самым потребность включения нового элемента в структуру языковой личности представляется обоснованной.

Пояс коммуникативно-соотнесительный – субстрат пояса М-К. Данный компонент включает «я» как оформленное «отношение других», если исходить из тезиса Дэвида Юма («*ourself is always intimately present to us*» [цит. по: Шпет 2006: 293]) и указания Лейбница, опиравшегося на сходную мысль. В «Канонах герменевтики» Ф. Шлейермахера точка «Воспринимающего» становится методологическим основанием: «Все, что еще нуждается в более близком определении в данной речи, может определяться только из языка автора и его первоначального круга читателей» [цит. по: Шпет 2005: 323]. В русской традиции взаимодействие «Я»-«не Я (Он, Они)», вероятно, рассматривалось (через призму языка) как идея выражения сознания в местоимениях. Данное понимание фиксируется уже в работах К.С. Аксакова: «я, ты <...> первое выражает сознание въ себѣ самомъ: я; а второе – признание такого же сознания въ другомъ: ты» [Аксаков Т. 2. 1875: 541]. Ряд замечаний был высказан А.А. Потебней («объективность усиливается, когда говорящий слышит из чужих уст свое собственное слово» [Потебня 1999: 30]). На фундаменте взаимодействия «Я»-«не Я (Он, Они)» выводится дефиниция предложения как синтаксической единицы у А.А. Шахматова («п р е д л о ж е н и е (разрядка в источнике – прим. З.А.) это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое

целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [Шахматов 2001: 19]). М.М. Бахтин достаточно категорично заявлял, что «...я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого; все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка» [Бахтин 2003: 49]. Предполагается, что включение данного компонента должно эксплицировать оценочную позицию создателя текста по отношению к чему-либо и кому-либо.

Пояс системно-организующий – субстрат пояса Мд. Уже в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ обнаруживается следующее замечание: «Человеческий разум обладает врожденной способностью освещать этот предполагаемый хаос и находить в нем благоустройство, порядок, систематичность, причинные связи». [Бодуэн де Куртенэ Т 1 1963: 206]. Сходные мысли высказывал и Г.Г. Шпет. В своих работах он отмечал, что «в общественном мире структурность – внешне привходящее оформление» [Шпет 2007: 209]. У иных авторов подобные суждения были частью методологического осмысления роли субъекта в научном познании [Соссюр 2004]. В работах Г.И. Богина по теории ЯЛ обнаруживается замечание: «в каждую эпоху существования каждого языка бытует определенный упорядоченный набор видов речевых произведений, характерный для людей, владеющих данным языком с относительной полнотой» [Богин Т.1 2009: 96]. Тем не менее, наиболее четко проблема наличия такого компонента была сформулирована когнитивной лингвистикой последних 30 лет. В частности, в работах Е.С. Кубряковой: «категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нём сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова 2004: 96]. Бескомпромисно это дано у З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов» [Попова 2007: 36]. Включение обозначенного компонента в структуру ЯЛ позволит эксплицировать дифференциальные характеристики от языка до поведения. Важно отметить, что системно-организующий пояс есть глубинная процессуально-деятельностная

область, и в исторических исследованиях пока ещё не выработан инструментарий, позволяющий проводить её анализ. Вследствие этого в диссертации только очерчиваются контуры этой составляющей модификации модели ЯЛ без подробного описания и разбора.

Интеграция разработок ММК, пусть и с некоторыми изменениями, ведёт к пересмотру уровней в модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, которая традиционно применялась в диахронической лингвоперсонологии. В «исторических» исследованиях «грамматикон» личности сводится к фактам, отображённым в дошедшем до нас тексте. В этом случае они суть единицы лингвистического представления речевой деятельности («языка»), изучение которых осуществляется в некотором размытом, дискретном пространстве. Полное, всеохватное описание невозможно либо из-за недостаточного объёма дошедших памятников для выявления личности, либо в силу обилия фактов грамматики, синтаксиса, нивелирующих роль создателя текста. Значимо и утверждение И.А. Бодуэна де Куртенэ, что «в минимальных размерах можно говорить о многоязычности даже при индивидах, владеющих только одним племенным языком: ведь много лиц одноязычных может, смотря по желанию и обстоятельствам, настраивать себя на язык будничной или на язык праздничной, торжественной, на язык поэзии или на язык «прозы», на язык чиновный (по-прежнему «приказный»), официальный, или на язык частной жизни» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 74]. Вследствие этого данное дискретное пространство рационально обозначить номинацией **«фрагментарно-языковой сектор»**, чтобы избежать путаницы между уровнями грамматики и личности. Необходимо не «растворить» создателя сочинений в «сетке» реконструируемых грамматических отношений и не навязать ему «морфологический» взгляд на произведенную им знаковую последовательность. Нам, перефразируя высказывание Р. Барта, требуется «рассыпать текст» [Барт 2009: 39], чтобы собрать воедино личность. Фрагментарность, возможно, как наиболее аутентичное свойство коммуникативного акта в действительности не предполагает подробного системно-структурного анализа грамматических уровней. Более того, «при самом

своем рождении текст уже является многоязычным; словарь текста не знает ни входящего, ни исходящего языка, ибо со словарем текст роднит не способность (готовая) давать определения, а бесконечность структуры» [Барт 2009: 123]. Однако это не полигlossия знаковых последовательностей, это – интегральное состояние создающей их личности.

В лингвоперсонологических работах диахронической направленности тезуарасный уровень по модели Ю.Н. Караулова сводится к описанию ведущих концептов [Воркачев 2001; Степанов 1993 и другие]. Такое решение было бы аутентичным настоящей диссертации, если бы не учитывались разработки последних двадцати лет в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и философии. В частности, необходимо принимать во внимание оппозицию актуального/потенциального тезауруса, введенную сотрудниками научно-образовательного центра ИФПИ МосГУ «Тезаурусный анализ мировой культуры» [Тезаурусный анализ мировой культуры 2010, 2013]. Важны также замечания и концепции, высказанные в диссертационных исследованиях [Барсукова 2007; Войниченко 2012; Шестак 2003 и другие]. Историческое русло лингвоперсонологии охватывает только ту часть мирозерцания и категорий этноса, какие были важны для автора в процессе письма. Таким образом, исследователи в действительности изучают слепок с общего, и совокупность этих отпечатков (с учётом абстрактности его единиц) рациональнее обозначить как **актуально-тезаурусный сектор**.

В диахронической лингвоперсонологии единица мотивационного уровня ЯЛ (по Ю.Н. Караулову) – коммуникативно-деятельностная потребность – компонент модели, исчерпывающийся шаблонами метаописания по типу: V_{inf} (или $S_{\leftarrow v}$) + ‘имя какого-либо фрагмента действительности’. Некоторые из примеров: «прагматика автора – дать больше разных сведений о русских людях как объекте интересов европейского государства» [Щемилина 2016: 22] (о Г.К. Котошихине); «главная цель подобных текстов не развлечь читателя, а заставить задуматься над той или иной проблемой государственной важности» [Никитина

2014: 12] (о Екатерине II) и другие.¹⁴ Предельность прагматикона позволяет «схватывать» лишь генеральные линии развития, и в модели Ю.Н. Караулова отсутствует возможность верификации выводимых структур с реальным автором. Иными словами, требуется компаративистика между исследовательским результатом построения и экстралингвистическими данными, которые черпаются из «вторичных» (в рамках терминологии Московско-Тартуской семиотической школы) моделирующих систем: хроник, свидетельств очевидцев, энциклопедической информации об авторе. «Можно сказать далее, что все персонологические теории, как наивные, так и претендующие на научное описание, основываются на анализе т е к с т а (разрядка авторов цитируемой работы – прим. З.А.) в общем смысле этого слова (текста поведения). Здесь имеется в виду как уже реально существующий текст (закрытый текст), так и потенциально порождаемый (открытый) текст. Иначе говоря, поведение человека рассматривается как определённая последовательность знаков (принадлежащих разным уровням), в той или иной мере выражающих его персонологические характеристики» [Пятигорский, Успенский 1967: 7-8]. Вследствие этого образуемое пространство фактов должно быть не «мотивационным», а «поведенческим».

Все выше изложенное предстаёт в виде следующей модификации модели ЯЛ (рис. 12).

¹⁴ Приведенные два фрагмента позволяют поставить вопросы: «Разве для Швеции Россия не была «проблемой государственной важности» в периоды войн? А текстовое наследие Екатерины II не содержит «сведений о русских людях как объекте интересов европейского государства»?

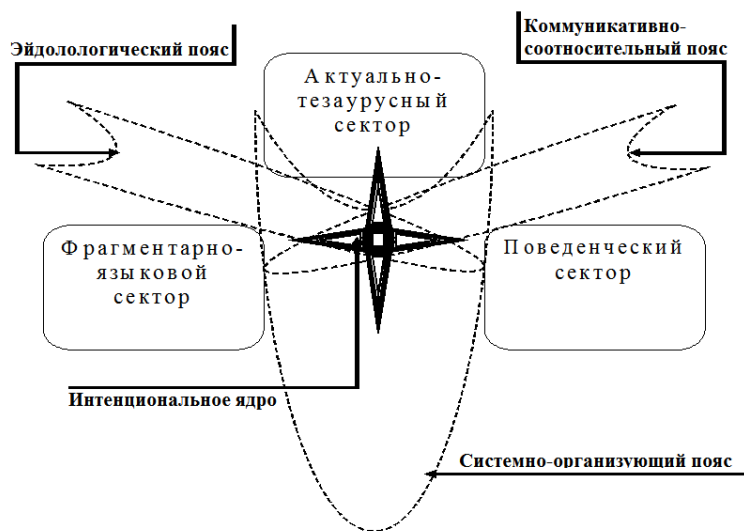

Рис. 12. Модификация модели ЯЛ¹⁵

Заданное изображение объекта было выведено на герменевтических, описательно-психологических (феноменологических) и языковедческих разработках¹⁶, тем не менее, оно может быть обосновано «от обратного». В частности, в зарубежных исследованиях некоторые из представленных компонентов вычлняются при *расстройствах* личности: аутизме («core problems...socialization...communication...imagination» [Happe 1994: 37]; «The first of the core features of ASD concerns reciprocal social interaction... The second related core feature concerns communication...» [Frith 2008: 8-9]) и шизофрении («треугольник» «semantic association... phonological coding... visual word-level coding» на схеме «a scheme for single world processing linking cognitive modules and brain regions» в [Frith 1992: 28]). Обнаруживаемые корреляции позволяют

¹⁵ При «чистом» рассмотрении каждого компонента в отдельности в общей сумме даётся по теории вероятности 36 вариантов (6*6) «сценария изучения» носителя языка в диахронии (вместо 9 таковых у Ю.Н. Караулова, но в разы меньше, чем в синхронической лингво-дидактической концепции Г.И. Богина, или диссертации З.Я. Кармановой). На момент представления разработки до сих пор не определена структура или характеристики центрального элемента, полученного на пересечении субстратов поясов мыследеятельности. Весьма условно мы обозначили этот компонент как «интенциональное ядро», однако нами допускается иная природа этого образования.

¹⁶ В наших статьях, опубликованных в журналах из перечня ВАК РФ, последовательно реконструируется «феноменологическое направление» в языкознании (А.А. Потемня, И.А. Бодуэн де Куртене, Н.В. Крушевский). В работах Г.И. Богина описательной психологии Э. Гуссерля уделено достаточно внимания с исследованием как положительных, так и отрицательных сторон. О феноменологическом методе писали такие выдающиеся мыслители, как А.Ф. Лосев, В.В. Виноградов, Б.М. Энгельгардт.

Предлагаемая нами разработка является адаптацией дореволюционных тенденций с теоретическими достижениями последних десятилетий, и в дальнейшем этот вариант «исходной» структуры (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов) обозначается как «герменевтико-феноменологическая модификация модели ЯЛ» (с учётом номинации, данной в концепции З.Я. Кармановой).

рассматривать предлагаемую в диссертации модификацию модели ЯЛ как потенциально адекватную *общему* представлению о строении психики человека.

Выводы

Эпистемологический подход к становлению узкой, частной лингвистической дисциплины может быть организован как исследование трудов смежных областей в «зачаточный период», когда только намечается перспектива появления «строгой» науки. Такой пласт текстов в конечном итоге формирует динамическую систему, в которой рассмотрение выявленных в материале оппозиций осложняется ходом диалектического взаимодействия постепенно отдаляющихся друг от друга направлений. Тем самым антиномии (и «сферы интересов») эпистемологического пространства в лингвистике (язык/личность, язык/мышление и иные) трансформируются в соотносительные эпистемологические пары – единицы, динамически развивающиеся в текстовых (и темпоральном) потоках и фиксирующие междисциплинарное взаимодействие на ранних этапах становления конкретной науки или концепции. Эти элементы, выявляемые при формальном подходе (по прецедентности) позволяют вскрыть связи в гуманитарном знании в трёх направлениях: в части понятийно-терминологического аппарата, в части описаний структурных обобщений и представлений, во взаимосвязи дифференциальных областей исследования. Вследствие этого оформление лингвоперсонологии как дисциплины с XIX по XX век шло по пути деривации и накопления в своём составе соотносительных эпистемологических пар (тип личности – тип сознания; структура понимания – структура речепроизводства, лингвистический анализ – интерпретация результатов).

Часть понятийно-терминологического аппарата будущей концепции ЯЛ на период девятнадцатого столетия объединяет труды по филологии, философии и литературной критике. Описания строения языка, или тех, кто владеет языком, образуют корреляции между психологической грамматикой и психолингвистикой, структурно-функциональной грамматикой и машинным анализом речевоспроизводства, филологической герменевтикой и

лингводидактикой. В настоящий момент при значительной удаленности ранее близких в XIX столетии дисциплин лингвоперсонология не потеряла связи с философией (экзегетика, эстетика, феноменология, методология), включает результаты частных языковедческих направлений и допускает развитие по линии деривации эпистемологических соотносительных пар, которые передаются, транслируются от одного коллектива к другому, от прошлого к современному состоянию.

В подобном ракурсе допустим поиск единых оснований развития у науки и лексико-семантико-синтаксической системы в виде изменения дефиниций понятий и терминов от одной лингвистической школы к другой. Стабильность эволюционных процессов поддерживается человеческим коллективом, что позволяет усматривать в единице некоторой общности носителя, или двигателя абстрактных систем. Следовательно, в лингвоперсонологическом ключе изучения возникает необходимость выработки модификации модели ЯЛ для диахронического применения, которая бы учитывала способность к передаче прецедентных явлений по форме с изменением по содержанию. В архитектуру схемы объекта изучения должны включаться не только области условно-статичных компонентов (фрагментарно-языковой сектор, актуально-тезаурусный сектор, поведенческий сектор), но и условно-динамичных составляющих субъекта (эйдолологический пояс, коммуникативно-соотносительный пояс, системно-организующий пояс).

Глава 2. ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ КООРДИНАТАХ

2.1 Методологические замечания к реконструкции русской языковой личности первой половины XVII века

Предшествующая часть подчиняется требованию ММК задавать общую действительность объекта изучения, «некоторую онтологию», плоскость работы, то есть то, что Г.П. Щедровицкий называл «онтологической картиной» [Щедровицкий 2004: 51]. Это необходимо и в связи с тем, что герменевтико-феноменологическая модификация модели ЯЛ направлена не столько на историю грамматических средств, сколько на «внутреннюю историю языка» (И.А. Бодуэн де Куртенэ) с неустранимой динамикой имманентной сферы субъекта [Бодуэн де Куртенэ 1963; Богин 2009; Гуссерль 2011; Залевская 2005; Шпет 2005].

В этой связи движение к условно полному охвату поведения сквозь письмо каждого Говорящего/Пишущего (независимо от его типа) начинается с принятия того факта, что отдельно взятый документ эпохи является, как минимум, фрагментом коммуникации, под которой в дальнейшем понимается «специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [ЛЭС 1998: 233]. Вероятно, не вызывает сомнений предположение, что сам по себе текст (восприятие и понимание его составляющих) в антропоцентричных координатах невозможно рассматривать как нечто неинтенциональное, ни на что не направленное образование [Бахтин 2003; Богин 2009; Валгина 2003; Гальперин 2006; Мельчук 2012; Филиппов 2003; Штайн 2006; Щедровицкий 2005, 2006]. Вместе с тем уже И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что «между языковыми индивидами и языковыми группами имеется непрерывность и смежность (соседство) <...> во времени, как непрерывность и последовательность поколений, связанная с преданием (с традицией) и с влиянием предков на потомков» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 76]. Выявленная данным исследователем «непрерывность» в трудах ММК была обозначена как «трансляция» – «простое «перетекание» или простая «передача» функциональных

элементов социальной структуры из одного, разрушающегося состояния в другое, складывающееся» [Педагогика и логика 1993: 34]. Это определение адекватно и лингвистическому материалу, и избранному периоду, поскольку эпоха Смутного времени сопровождается ломкой старого династического правления, общим социокультурным кризисом, становлением национального языка.

Вместе с тем существенная сложность исследования динамических явлений и самой рече- и мыследеятельности в диахронии заключается в том, что разработки Г.И. Богина (как и Ю.Н. Караулова) были результатом синхронического подхода к *homo loquens*. По замечанию Г.П. Щедровицкого, в «реальности <...> трудно отделить ситуацию коммуникации от ситуации трансляции <...> реально трансляция всегда происходит в форме коммуникации» [Щедровицкий 2005: 110]. В лингвоперсонологическом ключе эта проблема была осмыслена в диссертации Н.И. Гайнуллиной [Гайнуллина 1996]. В её работе предполагалось, что эпистолярное наследие Петра I может иметь двух адресатов – «синхронного (все его корреспонденты) и диахронного (носителя современного русского языка, исследующего или просто читающего его письма)» [Гайнуллина 1996: 16]. Сам коммуникативный акт мог быть представлен схемой (рис.13):

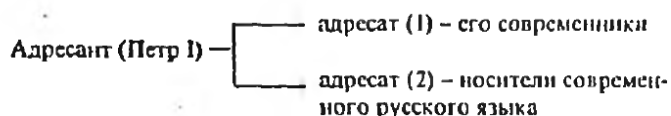

Рис. 13 Ретроспективно-синхронная (1) и диахронная (2) ситуация рецепции текста [Гайнуллина 1996: 16]

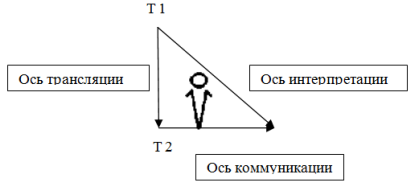

«Первая ситуация, ретроспективно-синхронная, характеризует участников письменной коммуникации как таких, которые обладают общей апперцепционной базой на вербально-семантическом и грамматическом уровне» [Гайнуллина 1996: 16-17], вторая – «диахронная – отражает такое соотношение между адресантом и адресатом (2), при котором апперцепционная база коммуникантов полностью не совпадает в силу временного разрыва» [Гайнуллина 1996: 17-18]. Допустимо представить в свете этих рассуждений «ниспадающую» ось воспроизводства (трансляции) компонентов «писанно-зрительного языка» (И.А. Бодуэн де

Куртенэ) со своим психически ассоциированным содержанием среди создателей текста в первой половине XVII века, а также «прямую» ось передачи от одного собеседника к другому. При этом избранный в нашей диссертации период отмечен разрушением ранее существовавшего средневекового уклада жизни и формированием нового типа мировоззрения.

Преодоление «разрыва в понимании» (Г.И. Богин) между минувшим и предстоящим возводит в статус стабилизирующего начала интерпретацию, под которой вслед за Е.С. Кубряковой понимается «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 31]. Считаем необходимым внести коррективы и дополнительный комментарий к приведенному толкованию.

В призме разработок ММК интерпретация в настоящем диссертационном исследовании понимается не как «процесс», а как «деятельность», как «высказанная рефлексия» ЯЛ [Богин 2001] в первой половине XVII века. Также учитывается разграничение, введенное А.А. Залевской. В её концепции утверждается, что интерпретация может быть «первичной» («спонтанные процессы понимания текста» [Залевская 2005: 468] у носителя языка) и «вторичной» («целенаправленный анализ вербализованных продуктов понимания текста» [Залевская 2005: 469] исследователем). Эта оппозиция не влияет на тот факт, что описываемая деятельность удерживается в статусе стабилизирующего начала, снимая возможное противопоставление заданного (трансляции) и вновь высказанного (коммуникации). Нами принимается во внимание то, что, согласно приведенному выше разграничению, диссертация фиксирует только «вторичную интерпретацию» из «исследовательской» позиции (в концепции А.А. Залевской обозначается как «ПОЗИЦИЯ-2» [Залевская 2005: 469]). Благодаря этим уточнениям может быть задана онтология деятельности, которая (вслед за Н.И. Гайнуллиной и А.А. Залевской) образует диахронический и синхронический варианты представления (см.табл.4)

Табл. 4. Два подхода к описанию деятельности

Диахронический тип	Синхронический тип
	

В первом случае разница между состоянием во времени «Т1» и «Т2» позволяет выстраивать три оси: трансляции, коммуникации и интерпретации, а во втором – «Т1» и «Т2» переплетаются в точке «сейчас» – Т2 – и это динамическое единство воспринимается как содержание одного вектора. Выявление разницы между этими тремя деятельностями, с одной стороны, обосновывается и феноменологически – от смены установки и исследовательской интенциональности, и герменевтически – от выстраивания изучения в зависимости от типа понимания (по Г.И. Богину). В подобном ракурсе каждый статический факт обволакивается потоками актов реконструируемого и реконструирующего сознаний. Указанное единство должно фиксироваться структурно, а сама модификация модели ЯЛ вследствие этого претерпевает перераспределение.

Поскольку каждый «сектор» есть совокупность фактов из статичного «написанного» и понимается в контексте трех «субстратов поясов мыследеятельности», организующих динамичное «написание», то это соотношение составляющих в дальнейшем именуется как «узел». Схематически его можно выделить в качестве части модификации модели (рис.14).

Рис. 14. Схема «узла»: сектор + 3 пояса

Подчеркнем, что в предлагаемом далее вводном очерке эксплицируется подход только к лингвистическим фактам, остальные составляющие и общий ход реконструкции каждого из трёх узлов даны в каждой из 9 реконструкций.

Возникает необходимость определения единиц, подлежащих изучению в предлагаемом ракурсе. На этапе моделирования «Узла I» (фрагментарно-

языкового сектор + 3 пояса в модификации модели) нами, учитывая и общероссийскую традицию [Аксаков 1880; Бодуэн де Куртенэ 1963; Варбот 1969; Вендина 1998; Кузнецов 2003; Толстой 1997], и локальные лингвистические интересы [Кирилова 2008; Морфемика и словообразование, 2002; Судаков 2015], избираются сложные слова. Это особое явление, квалифицируемое в современной грамматической теории как промежуточное. Их анализируют с позиций словообразования («основы, содержащие более одного корневого морфа, называются сложными» [АГ Т.1 1980: 122]), лексикологии («сложные слова – особая лексическая подсистема русского языка» [Гурчиани 2009: 5]) и синтаксиса [Гинзбург 1968]. Исходно выбор данного ресурса был детерминирован трудами И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Согласно его концепции, любые слова могут рассматриваться «как комплексы осмысленных знаменательных частей» [Бодуэн де Куртенэ Т.1 1963: 78]. Вместе с тем, по утверждению Г.Г. Шпета, «изолированное слово, строго говоря, лишено смысла» [Шпет 2007: 215], однако допустимо возразить, что «сложное» не может быть признано «изолированным», поскольку в себе самом содержит потенциал для развертывания контекста. Вследствие высказанных рассуждений проводится следующий ряд процедур.

В ходе сплошной выборки из сорока двух поименованных текстов получено не менее 3117 употреблений сложных слов, соотнесенных по персоналиям. На этом этапе работы предполагается исследовательское *ἐποχή* («эпохэ») – «воздержание от суждений» о составе, предпочтениях, внутренней организации и прочее. Остаточная связь с текстами ЯЛ в каждом отдельном случае поддерживается тем, что полученные в своей массе элементы «суть только субституты недоступных непосредственно чувствам мыслей» [Крушевский 1883: 10], и каждый из них «имѣть извѣстное психическое содержаніе» [Крушевский 1883: 10]. На следующем этапе работы исследовательская интенция направлена на первый «полнознаменательный» корень в сложном слове, а иные префиксальные единицы необходимо «закрывать, т. е. устранить с поля сознания» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 293] – процедура, выполняемая ещё И.А. Бодуэном

де Куртенэ и известная в феноменологии Э. Гуссерля как «редукция». Позиционная идентичность одного составляющего в сложном слове с таковым в другом позволяет осуществить группировку первого порядка. Для системности полученные на данном этапе совокупности для каждой персоналии располагаются по убыванию: от наиболее частотных фактов к единичным употреблениям. Ограничения в объеме с одной стороны, и желание избежать обвинений в предвзятости с другой, побуждают сосредоточить дальнейший анализ на пяти группах в «начале» каждого из полученных перечней компонентов для каждого текста определенной ЯЛ.

На следующем этапе работы исследовательская интенция направлена на второй «полнознаменательный» корень в сложном слове, а все единицы до него вновь подвергаются редукции. Полученные совокупности второго порядка объединяются по потенциальной возможности указания на «некоторые сгруппированные и упорядоченные ассоциации представлений» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 60]. В этом ракурсе, когда «каждое слово можно представить как какое-то поле, на периметре которого начинаются реальные и потенциальные нити» [Богин 1999: 16], именно «на периметре» рассмотрения возникают новые объединения. Эти группировки фиксируются уже без количественного распределения, оформляя новые классификации.

Такие фрагменты общего «периметра сознания», доступные посредством ресурсов языковой системы, отмечались многими лингвистами. Ф.И. Буслаев обнаруживал «наглядное изобразительное впечатление», что «потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия» [Буслаев 1992: 18]. А.А. Потебня указывал на «агрегаты восприятий... в душе» [Потебня 1999: 165]. И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что «в каждый момент жизни каждого языка дремлют в зачаточном виде такие различия, для которых недостает еще особых экспонентов. Это столь метко Бреалем названные *idees latentes du langage* (потаенные языковые представления)» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 83-84]. А.А. Шахматов указывал на следы активности сознания «в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации»

[Шахматов 2001: 21]. Частично опираясь на эти разработки, И.И. Мещанинов «семантически выделяемые в языке категории» предлагал называть «понятийными категориями» [Мещанинов 1945: 195] – обозначение, содержание которого у С.Д. Кацнельсона дано в призме концепции Л.С. Выготского [Кацнельсон 2011]. В свою очередь Г.И. Богин, актуализируя в своих трудах достижения феноменологии Э. Гуссерля, указывает на наличие ноем как минимальных смысловых единиц [Богин 2001], при дефиниции, согласно которой «смысл» – «это общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [Исследование рече-мыслительной деятельности 1974: 95]. Данную позицию в приложении к сложному слову необходимо скорректировать разработками Г.Г. Шпета и Г.П. Мельникова.

Первым из названных утверждалось, что «слово, как элемент языка, не содержит в себе законченного понятия, слово только побуждает к образованию понятия» [Шпет 2007: 342]. В свою очередь Г.П. Мельников настаивал на возможности ситуации «когноминации», когда стабильно ассоциируемые смыслы определенного компонента используются «в качестве предконечных для намека на определенные компоненты конечного смысла» [Мельников 2000: 25]. В условиях редукции второго порядка все анализируемые элементы даны в потенциальной возможности связи, раскрытия, уточнения. Схваченные феноменологическим описанием в моменте своего становления, образуемые классификации вторыми, третьими и так далее компонентами сложного слова не являются конечными, они именно «предконечные», поскольку получены из письменных источников и посредством лексического пласта, характерного для определенного типа культуры, жанра, сферы функционирования со всеми накладываемыми ограничениями узуса.

В силу всего вышесказанного, на этапе рассмотрения классификаций второго порядка все «семантические» единства обозначаются как компонентно-смысловые категории (далее – КСК) ЯЛ. Их распределение следует из замечания И.А. Бодуэна де Куртенэ: «из языкового мышления можно вывести целое своеобразное языковое знание, знание всех областей бытия и небытия, всех

проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963: 312]. Порядок составляющих в данном фрагменте позволяет раскрыть следующее содержание: мир без субъекта → мир, отображенный субъектом, → мир субъектов. Вследствие этого КСК разделяются на бытийные, лично-психические и ценностные типы. Само «удержание» взаимосвязи между реконструируемой типологией и лексическим значением «результата» развертывания составляющих каждого сложного слова в отдельности обуславливает в качестве ведущего на данном этапе работы семантизирующий тип понимания.

Дальнейшее исследование исходит из того, что «наличие смысловой системы есть специфический признак деятельности» [Щедровицкий Т.1 2005: 108]. Вследствие сказанного ранее, описание сложного слова должно быть дополнено анализом синтаксических конструкций как одного из определяющих компонентов «субъективной грамматики» (К.С. Аксаков), причем аналогичный переход обнаруживается и в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ Т.2 1963], и в трудах В.А. Богородицкого [Богородицкий 1907]. Вновь возникает необходимость определения единиц для феноменологического ракурса описания. Поскольку пропозиция может интерпретироваться как «фрагмент образа (картины) мира» [Манаенко 2004: 25] субъекта, то и описание синтаксических конструкций производится в «Узле II» с опорой на актуализированный фрагмент культурного тезауруса (соответствующий сектор + 3 пояса в модификации модели). Вместе с тем должна охватываться и статичность «написанного», и динамичность «написания».

Примером первого случая выступают паремии, под которыми вслед за Л.Б. Савенковой «в настоящем исследовании понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (поговорки и пословицы), являющиеся маркёрами ситуаций или отношений между реалиями» [Савенкова 2002: 3]. «Динамичность написания» может фиксироваться такими составляющими коммуникации, какие содержат элемент «высказанной рефлексии» об осмысленном мире, но не

являются пословицами или иными целостно-воспроизводимыми единицами. [Савенкова 2002: 67].

В этой связи обращает на себя внимание малая разработанность в историческом синтаксисе по памятникам XVII столетия «уточнительно-пояснительных» [Максимов 2011], предложений «с уточняющими членами» [Современный русский язык 1987], «пояснительных» [АГ 1980], носителей «вторичного» «предикационного отношения» [Манаенко 2006], «пояснительно-отождествительных» [Чуглов 2012] конструкций. В первую очередь речь идет о единицах с союзами «сиречь» и «то есть», маркирующих ориентацию на читателя, а потому значимых в лингвоперсоналогическом аспекте. В «феноменолого-диалектической модели ЯЛ», предложенной З.Я. Кармановой, это – «риторические метатексты семантизирующего типа» [Карманова 2011: 22]. Подобное понимание данных единиц является важным и для нашей диссертации.

В ходе сплошной выборки из сорока двух поименованных текстов получено не менее сорока четырёх фрагментов с обозначенными выше синтаксическими конструкциями, соотнесенными по персоналиям. На этом этапе работы исследовательское *ἐποχή* («эпохэ») заключается в интенциональности на формальный показатель – союзы «сиречь» и «то есть». Отступление от этой установки возможно в силу отсутствия интересующего критерия в тексте ЯЛ. Редукция всей знаковой последовательности письма до фрагмента, синтагмы, «высказывания» не исключает психического содержания избранных единиц, поскольку они отображают некоторую группу мыслей и, по словам Н.В. Крушевского, могут «служить итогомъ этой группы и притомъ итогомъ только приблизительнымъ, такъ какъ самая группа не есть мѣсто постоянное и строго опредѣленное, а колеблющееся и неопредѣленное» [Крушевский 1883: 10]. Эта динамика, схваченная исследовательской интенцией в «моменте высказанности», на следующем этапе работы переводится в метаязык грамматического описания, но не как абстрагирование от материала, а как феноменологическая гипотеза субстрата его воспроизведения в «конституирующих актах сознания» (Э. Гуссерль). Далее поясняемая и поясняющая части «разводятся» в плоскости «до»

и «после» формального показателя. Полученные таким способом несколько точек развертывания синтаксической конструкции выступают в качестве основания для сопоставления, во-первых, их самих, а во-вторых – одной ЯЛ с иными (по критерию идентичности того, что подвергается «пояснению», «отождествлению», «уточнению» и т.д.). Весь итог этой процедуры дан в форме табличного представления, что методологически коррелятивно анализу по непосредственно составляющим, но в полной мере им не являющееся. «Выход» на КСК осуществляется и в начале реконструкции «Узла II», и в его финале (в форме метаязыка грамматического описания), кроме того, в последнем случае это мысленное содержание идентично. Объединяющий параметр – *возможность* стать тем, чем *нечто* оказалось/сказалось в «написанном». Исследование элементов «узла II» обуславливают на данном этапе в качестве ведущего «когнитивный» тип понимания.

Обращение к синтаксису («метатексты семантизирующего типа» по З.Я. Кармановой) подготавливает переход к «Узлу III» (поведенческий сектор + 3 пояса в модификации модели). На данном этапе реконструкции анализ словосочетаний и иных фрагментов предложения выявляет «авторский» метатекст, определяемый нами вслед за К.Э Штайн как система метаэлементов, представленная «в самом тексте», определяющая «условия, условности, характер самого сообщения, а также комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения» [Штайн 2006: 37]. Это то, что М.М. Бахтин обозначал как «высказывания о высказывании». Тем самым итог «узла II» (описание «риторического метатекста семантизирующего типа») – получает «структурное продолжение» по логике предлагаемой модификации модели ЯЛ.

Поиск авторских «высказываний о высказывании» (М.М. Бахтин), таким образом, маркирует «выход» создателя текста XVII столетия в некоторую позицию «творца нарратива». В этот момент ЯЛ взаимодействует «в данное время, на расстоянии» (по оппозиции И.А. Бодуэна де Куртенэ), с «синхронным адресатом» (по концепции Н.И. Гайнуллиной). В дальнейшем исследовательская интенция обращается вновь к словам, словосочетаниям, предложениям, но уже в

тексте другого типа – энциклопедического комментария ко всему массиву документов об авторе семнадцатого столетия. Посредством этих ресурсов осуществляется выявление корреляции по наличию КСК трёх типов (бытийные, лично-психические и ценностные) у ЯЛ XVII века, и у комментатора, пишущего о ней в XIX столетии. Специфика этой процедуры в том, что, во-первых, феноменологически схватывается взаимодействие «в ряду поколений, на протяжении времени» (по оппозиции И.А. Бодуэна де Куртенэ), с «диахронным адресатом» (по концепции Н.И. Гайнуллиной). Во-вторых, происходит «обращение <...> к наращиваемому смыслу» [Богин Т.2 2009: 123], который на этом этапе моделирования есть «действительность, создаваемая исследователем при статической фиксации процессов понимания» [Щедровицкий 1995: 561]. В-третьих, реконструкция ЯЛ «замыкается» герменевтическим кругом, поскольку «интерпретация слова с этой точки зрения есть истолкование поведения автора» [Шпет 2007: 284], а само моделирование движется от абстрактного переплетения деятельности (трансляции, коммуникации и интерпретации) к мысленно-конкретному, персонально и шифтерно соотнесенному факту биографии во вторичном тексте.

Содержание и основная исследовательская интенция на каждом этапе реконструкции представлены в таблице 5 ниже.

Табл.5 Моделирование по избранному сценарию

Название	Что входит	Доминанта при реконструкции	Единицы	
			«речи-языка»	«языковой личности»
Узел I	фрагментарно-языковой сектор + 3 пояса	Компоненты, организующие «писанно-зрительный язык» (И.А. Бодуэн де Куртенэ)	Сложные слова	Компонентно-смысловые категории (КСК) бытийного, лично-психологического, ценностного типов.
Узел II	актуально-тезаурусный сектор + 3 пояса	Компоненты, организующие содержательное пространство текста, вид «языка культуры» (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский)	Слова; Словосочетания; Паремии; Предложения; Текст ЯЛ	КСК 3-х типов Образно-символические структуры; Проявление оценки
Узел	поведенческий	Компоненты,	Слова;	КСК 3-х типов

III	сектор + 3 пояса	организующие пространство «текста поведения» (А.М. Пятигорский, Б.А. Успенский).	Словосочетания; Предложения; Текст ЯЛ; Текст о ЯЛ.	
-----	------------------	--	--	--

В выделении «узлов», во-первых, прослеживается продолжение работы в духе коллектива ММК, также когда-то прибегнувшего к введению метафоры («пояс») для своих исследований. Во-вторых, такое деление было predeterminedено всей «психологической» линией в языкознании. В-третьих, данное решение позволяет экономить объём самой диссертации.

2.2 Языковая личность княжеского сословия

2.2.1 И.М. Катырев-Ростовский

Узел I. Для реконструкции ЯЛ были привлечены следующие тексты (здесь и в последующем моделировании название дано с сокращениями): «*На иконоборцы на вся злыя ереси*», «*Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской Публичной Библиотеки Q. IV. № 154*» и «*Повѣсть князя И.М. Катырева-Ростовскаго во второй редакци*». Сплошной выборкой из них (по первому корню) были выявлены пять наиболее объемных по количеству групп сложных слов. Вследствие этого получено распределение следующего вида¹⁷ (табл.6).

Табл.6 Конфигурации по текстам И.М. Катырева-Ростовского

«На иконоборцы на вся злыя ереси»	Повѣсть князя ... по списку Императорской Публичной Библиотеки Q. IV. № 154	Повѣсть князя ... во второй редакци
благ-101, Бог- 36, икон-24, един- 21, пред- 20	благ-32, пред/преж-24, Бог- и един- 18, мног-10.	вое-124, благ- 49, пред/преж-40, Бог- и мног-19

Приведенные результаты суммируются, и из общей совокупности также вычлняются пять наиболее доминантных групп сложных слов по первому корню. Таким образом, получена конфигурация вида: благ-182, вое-124, пред- 84, Бог-73, един-39. Этот пласт сложных слов был распределен на три типа (по И.А. Бодуэну

¹⁷ Полный перечень групп сложных слов по первому корню от самой частотной к наименее частотной (вплоть до единичных употреблений) дан в приложении 3.

де Куртенэ): бытийный, лично-психологический и ценностный. Первый из названных представлен в таблице ниже¹⁸ (табл.7).

Табл.7. Распределение сложных слов по бытийному типу (И.М. Катырев-Ростовский)

*[совокупность]							
Благ-		Бог-		Един-			
-род-		-род-	-мат-	-род-	-кров-		
*[движение]							
Благ-		Бог-		Пред-			
-двиг-		-люб-	-ступ-	-ид-			
*[власть]							
Вое-		Бог-		Благ-		Пред-	
-вод-		-нач-		-вол-		-леж-	-лаг-
*[место]							
Един-				Пред-			
-зем-		-сто-	-ста-	-лаг-	-леж-	-лож-	
-род-							
*[время]							
Благ-							
-вещ-							
**[текстовое протяженное]							
Пред-							
-бы-	-реч-						
**[тождество]							
Един-							
-рав-	-сущ-						

В основу реконструкции КСК *[совокупность] легли такие примеры, как: *благородный* [РИБ 1891: 579], *благородствъ* [РИБ 1891: 579], *Богородица* [ЛЗАК 1907: 133], *Богородичный* [ЛЗАК 1907: 135], *Богоматере* [ЛЗАК 1907: 136], *единороднаго* [ЛЗАК 1907: 129], *единокровнымъ* [РИБ 1891: 563] в контексте: «*имя Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и единокровнымъ союзомъ царю близочень*» [РИБ 1891: 563], а также другие. Если первые два слова (*благородный* [РИБ 1891: 579], *благородствъ* [РИБ 1891: 579]) указывают на наличие у предков выдающихся в этическом или социальном измерениях качеств, то последующие пять отсылают к кровному родству – едва ли не определяющему критерию

¹⁸ Условно принимают следующие обозначения: *[название категории] – реконструируемая нами, исходя из словарного или контекстуального значения, категория, выявляющаяся у большинства анализируемых авторов в рамках нашего диссертационного исследования; **[название категории] – категория, выявляющаяся у некоторых представителей какого-либо сословия, или участников определенной ситуации. Допускается, что такие составляющие могут быть либо представлением о бытии более архаичного типа ментальности, либо представлением, характерным для узкого круга лиц. Помета *«» обозначает дефиницию, выведенную диссертантом в процессе контекстуального анализа.

единства в общинах ряда групп индоевропейской семьи языков [Романские языки и культура 2003; Трубачев 2008].

Реконструкция другой КСК *[движение] основана на примерах: *благоподвизающихъ* [ЛЗАК 1907: 166], *боголюбивому* [ЛЗАК 1907: 148], *бogoотступникъ*, [РИБ 1891: 581] и т.д. Конечно, эта часть полученных результатов может интерпретироваться и в аксиологическом аспекте¹⁹, однако на данном этапе она рассматривается как влечение, тяга к чему-либо (в противопоставлении «духовного» и «физического» перемещений в пространстве). Весьма специфическая ситуация возникает со словом *предъидущий* [РИБ 1891: 623], которое вне зависимости от конкретности дефиниций в (СлРЯ XI – XVII) указывает на «грядущее», «будущее» как уже введенное в действующий миропорядок. В этом отношении отсылка к КСК *[движение] не случайна, это – «свершение» ожидаемого или прогнозируемого.

Из привлеченных к диссертационному исследованию памятников и специальных трудов [Ключевский 1997] известно, что «Смутное время» сопровождалось династическим кризисом. Реконструкция КСК *[власть] также не является случайной и опирается на примеры: *воеводы* [РИБ 1891: 630], *воеводствомъ* [РИБ 1891: 682], *богоначалии* [ЛЗАК 1907: 128], *благоволил* [ЛЗАК 1907: 176] и т.д. При этом элементы «вое-» и «-вод-» могут быть распределены между *[власть] и *[место].

Такая возможность исходит из словарных значений, где воеводство – «1. Командование войском. 2. Должность, звание воеводы. 3. Округ, управляемый воеводой» [СлРЯ XI – XVII Т.2 1975: 262], однако контексты в сочинениях И.М. Катырева-Ростовского не дают характеристик подконтрольных территорий. В силу этого приводим фрагменты, характеризующие только КСК *[власть]: «*а другія же полковницы и ротмистры поидоша до сего названнаго царя Дмитрея во градъ Колугу подъ воеводствомъ пана Сапъги*» [РИБ 1891: 682] – «1.

¹⁹ Методологически это выступает некоторой реализацией феноменологической редукции: в памяти «удерживаются» сведения о ценностных коннотациях, но они выносятся при этом «за скобки». В координатах Гуссерля-Шпета-Богина этот «слой» нозмы пока что за пределами анализа. Вынесение оценки о поступке не может предшествовать оцениваемому поступку, ибо даже предупреждение о совершении деяния выступает коммуникативным актом с предполагаемым итогом той или иной деятельности.

Командование войском» [СлРЯ XI – XVII Т.2 1975: 262],²⁰ «и тако и иные войны подъ воеводствомъ мужа ... Ивана Заруцкого» [РИБ 1891: 695] – «1. Командование войском» [СлРЯ XI – XVII Т.2 1975: 262] и т.д. Эту же составляющую таблицы 7 реализуют примеры с первым корнем «пред-»: «Вы же вѣсте и о семь, яко и нашего собранія не мала часть предлежитъ: мнози славниі полковници и ротмистры во множествѣ бранныхъ придоша къ намъ въ пособіе на отомщеніе обидъ нашихъ» [РИБ 1891: 594] – «2. Предоставлять в чье-л. распоряжение, предавать чему-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 192], «и блудному растлѣнію предлагаем!» [РИБ 1891: 607] – «2. Предоставлять в чье-л. распоряжение, предавать чему-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 192] и т.д. Последний фрагмент позволяет перейти от проблемы светской власти к фиксации кризиса морально-этических устоев общества.

Укажем, что в полемических сочинениях И.М. Катырева-Ростовского характеристика католиков, протестантов и других ответвлений христианства связана с их отрицанием божественных догматов. «Се зрите, богопротивнии, како и колико представихъ вамъ отъ слова Божия и ото уставъ церковныхъ» [ЛЗАК 1907: 150-151], «Той убо богоненавистный песь повель разбив его, Богу попушающую и врагу дѣйствующую» [ЛЗАК 1907: 132], «Вы же, богоборное соборище, како глаголете, иже не по уставу христiane кресту и иконамъ поклоняются?» [ЛЗАК 1907: 141]. Вместе с тем этой сумме контекстов противопоставлена иная, подчеркивающая приверженность церковным догматам: «в нихъже предлежитъ святымъ и богоугоднымъ мужемъ слава» [ЛЗАК 1907: 156]; «но точию по правиломъ святымъ и богоносныхъ отецъ и по апостольскому преданию празнуемъ святымъ памяти» [ЛЗАК 1907: 154] и др. Указание на эту оппозицию может дополнить таблицу 7, однако приведенные факты в условиях полемической направленности приобретают ценностные координаты рассмотрения, что указывает на «пересечение» с «узлом II».

²⁰ Основная исследовательская схема раскрытия содержания полученных результатов в трёх типах КСК при многозначности сложного слова выглядит следующим образом: пример→контекст→значение. При ограничении в объеме возможно сокращение цепи до сочетаний «контексты с примером→ значение», «пример→ значение».

КСК *[место] представлена следующими примерами и контекстами. Слово *Единоземнородныхъ* [ЛЗАК 1907: 119] – «*паки на своя блевотины возвращающеса, овии отъ нашихъ единовѣрныхъ и единоземнородныхъ прилагающеса имъ отъ нашего закона отходяще до люторского и до колвинского закона*» [ЛЗАК 1907: 119] – *«*те, кто рождены на одной с кем-л. земле, территории*». Обнаруживаются и примеры, задействующие первый компонент пред-: «*яко рече тойже божественный апостоль: «брашно и питие не представитъ насъ предъ Богомъ»*» [ЛЗАК 1907: 162] – «1. Поставить перед кем-л.; тж. образно и перен.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 210]; «*и видѣть Богъ и прогнѣвася, егда Моисѣй предстоя предъ Богомъ на горѣ»*» [ЛЗАК 1907: 125] – «1. Стоять рядом или перед кем-, чем-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 213] и др. Несколько специфическая ситуация складывается со случаями по типу: *предлагаемъ* [РИБ 1891: 622] – «*Мы же сему бывшему делу писаніе предлагаемъ*» [РИБ 1891: 622] – «3. Письменно или устно излагать, сделав предметом рассмотрения, представлять на рассмотрение» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 192]; *предлежащее* [ЛЗАК 1907: 159] – «*Се же воспоминаше вамъ отъ древнихъ преданій и еще се кончевающе, на предлежащее текуще слово разумѣнию дающе вашему невѣрию разумъ*» [ЛЗАК 1907: 159] – «2. В знач. сущ. Предлежащее, с. и Предлежащая, мн. То, что является предметом изложения» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 194]; *предложихъ* [ЛЗАК 1907: 153] – «*Се ти обое предложихъ, не мудръствуй о себе и не возносися на церковныя вѣчныя уставы!*» [ЛЗАК 1907: 153] – «4. Письменно или устно изложить, сделав предметом рассмотрения; представить на рассмотрение» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 194] и другие. И в словаре (СлРЯ XI – XVII), и контекстуально в настоящем исследовании приведенные примеры оказываются тождественными в бытийном аспекте КСК, поскольку являются прямым указанием на соотнесенность этапа изложения как устойчивого, прикрепленного, отмеченного за специфическим местом в 1) общем устройстве нарратива, в 2) «онтологической» картине речемыследеятельности читателя. Последнее демонстрируется апелляцией к образу мыслей, содержанию «чужого сознания» («дающе вашему невѣрию разумъ»; «не мудръствуй о себе»).

В логике таблицы 7 КСК *[время] дана фрагментом «*во время Благовещения аггелова*» [ЛЗАК 1907: 172]. В приведенном отрывке осуществляется двойное оформление события (референция имени [Савенкова 2002; Смольников 2005; Суперанская 1973] – закрепленный за определенным днём праздник, и свершение описываемого в этот период, в качестве составляющей пропозиционального содержания предложения [Прияткина 1990]).

Переход к двум составляющим **[текстовое протяженное] и **[тождество] сопроводим замечанием, что у И.М. Катырева-Ростовского они задействуют по одному компоненту. При структурном подходе к истории языка как «истории средств» без ассоциирования с психическим содержанием полученные результаты образуют семантические вариации из-за влияния первого корня. Например, в КСК **[текстовое протяженное] *прежебывший* – «бывший ранее, прежде; прежний» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 225], что потенциально указывает на смену статуса в бытии, которая совпадает с модификацией, или трансформацией пространственных (место) и временных характеристик (Тогда/Теперь). Другой случай – *предиреченный*, т.е. «вышеупомянутый. – Ср. *предреченный, преждереченный, прежереченный, прежреченный*» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 191]. При этом такая дефиниция указывает на то, что нечто «имеет место-как-сказанного» или «имеет время-как-высказанного»²¹. КСК **[тождество] также представлена только первым корнем един-. Среди примеров, легших в основу реконструкции: «*яко убо церковь не мудрствова единоравно со язышническимъ художествомъ*» [ЛЗАК 1907: 127], при *единоравный* – «Равный кому-л., чему-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 27], а также *единосуцей* [ЛЗАК 1907: 130] – «имеющий одинаковую сущность» [СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 30]. По принятой классификации, этим рассмотрением задаётся «ядро» бытийного типа КСК.

²¹ В онтологической картине состава сознания переживание «пространства-времени» как единства частично подтверждается в ряде разработок когнитивного направления в лингвистике (Ю. Н. Хоружая). В этой связи стоит отметить (характерное больше для разговорной речи) измерение темпоральной плоскости как некоторого пространства («въ среду противъ четверга, въ полночь» - пример взят из опубликованного документа 1613 года во втором томе «Дополнений к актам историческим»). В более широком освещении мысль о том, что семантика падежей охватывает и локальное, и хронологическое, была высказана, как минимум, И.А. Бодуэном де Куртенэ

Далее переходим к анализу и распределению сложных слов по «лично-психологическим» составляющим (см. табл. 8). Общая классификация этого корпуса единиц представлена двумя КСК *[характеристика содержания мыслей] и *[рецепция органами восприятия].

Табл.8 Распределение групп сложных слов по «лично-психологическому» типу (И.М. Катырев-Ростовский)

*[характеристика содержания мыслей]											
Благ-			Бог-		Пред-		Един-				
-искус-	-мудр-	-суж(д)-	-мудр-	-слов-	-вед-		-мысл-	-мышл-	-мудр-	-душ-	-глас-
*[рецепция органами восприятия]											
Бог-			Благ								
-вид-			-ух-	-вон-							

В основу реконструкции первой из них легли такие примеры, как: *благоискусне* [ЛЗАК 1907: 170], *благомудренно* [ЛЗАК 1907: 165], *благоразсужение* [ЛЗАК 1907: 152], *богомудрыхъ* [ЛЗАК 1907: 175], *богословъ* [ЛЗАК 1907: 127], *предвѣдый* [ЛЗАК 1907: 133], *единомысленникъ* [ЛЗАК 1907: 129], *единомышленно* [РИБ 1891: 565], *единомудренно* [ЛЗАК 1907: 162], *единодушно* [РИБ 1891: 704], *единогласники* [РИБ 1891: 571] и т.д. В свою очередь КСК *[рецепция органами восприятия] представлена употреблениями: *боговидцемъ* [ЛЗАК 1907: 148], *благоюхании* [ЛЗАК 1907: 157], *благовонныхъ* [ЛЗАК 1907: 157], которые соответственно характеризуют зрение и обоняние. Из перечисленных единиц комментария требуют ряд фактов. В КСК *[характеристика содержания мыслей] *богословъ* – «знаток богословия» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 266], *предвѣдый* [ЛЗАК 1907: 133] – «*Вся же предвѣдый Господь въру сердцу его и прозволение*» [ЛЗАК 1907: 133] – *«промысливший, знающий наперед»; *единомудрствующий* (*единомудръствующими* [ЛЗАК 1907: 129], *единомудръствующи* [ЛЗАК 1907: 137]) отсутствует в словаре (СлРЯ XI – XVII), но при «единомудрствовати = единомыслити = «придерживаться одинаковых мыслей, взглядов, убеждений» [СлРЯ XI – XVII

Т.5 1978: 25], и контекстах: «*Въ лѣто 318 по вознесеніи на небеса едиnorodнаго Сына Божія Господа нашего Исуса Христа, святый вселенскій первый соборъ въ Пикѣи правилми осуди и прокля всѣхъ единомысленникъ его прежде смерти его, осуди со инѣми единомудръствующими*» [ЛЗАК 1907: 129]; «*яко же убо сіи іконоборцы злодѣйскимъ своимъ учениемъ не единомудръствующи, и разно пишуть*» [ЛЗАК 1907: 137], – *«тот, кто придерживается единыхъ мыслей, убеждений с кем-л.». Пример *единосогласуется* [ЛЗАК 1907: 164], также не указанный в словаре (СлРЯ XI – XVII), взят из фрагмента: «*такожде же и церковь Христова повелеваетъ и единосогласуется с Павломъ*» [ЛЗАК 1907: 164], т.е. *«тот, кто разделяет что-л. с кем-л.». При структурномъ подходе к истории языка дефиниция лексемы «единосогласие» – «согласие, единомыслие» [СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 29]. Вероятно, проводимымъ анализомъ выявляется некоторое размытое семантическое поле, которое само по себе оформляетъ «народную», «наивную» психологию, первично типизирующую человека по его поведению. Вследствие этого образуемая цепь из вторыхъ корней («-искус-», «-слов-», «-глас-»), возможно, оказывается «одnorodна» в рамках онтологической картины состава сознания ЯЛ.

Заключаетъ анализъ распределение сложныхъ словъ по ценностному типу. Абстрактность значений этихъ единицъ позволяетъ в рамках нашей реконструкции сгруппировать ихъ в границахъ общаго противопоставления Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся такие примеры характеристик и ихъ носителей, как: *благочестіе* [ЛЗАК 1907: 124], *благовѣрный* [РИБ 1891: 565], *благовоздержныя* [ЛЗАК 1907: 117], *благодушни* [ЛЗАК 1907: 167], *благонравіи* [РИБ 1891: 630], *благолѣпие* [ЛЗАК 1907: 126], *благоутишно* [РИБ 1891: 562], *благочиннійша* [РИБ 1891: 621], *благодарнаго* [РИБ 1891: 569], *благоговѣино* [РИБ 1891: 687], *богоосвященныя* [ЛЗАК 1907: 154], *богописанъ* [ЛЗАК 1907: 133], *богопроповѣданный* [ЛЗАК 1907: 127], *благюродивъ* [РИБ 1891: 564], *благорѣчіемъ* [РИБ 1891: 709], *благодать* [ЛЗАК 1907: 149], *благополучно* [РИБ 1891: 562], *благодѣяніе* [РИБ 1891: 630], *благовѣстія* [ЛЗАК 1907: 149] и т.д. Ко второму члену противопоставления относятся: *неблагодарный*

[РИБ 1891: 580], *богомерскій* [РИБ 1891: 580], *боганенавидимаго* [РИБ 1891: 564] и др. Как демонстрируют примеры, основной массив представлен двумя первыми корнями: благ- и бог-. Данные элементы в своей позиции выступают и реализацией общего представления о наиболее высоком, прекрасном, выдающемся в этическом плане, и нарушением всего перечисленного при отрицательных характеристиках.

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ, как и в предыдущем анализе, рассматриваются три текста: «*На иконоборцы на вся злыя ереси*» и две редакции «*Повести...*». По заявленному плану исследования фиксируется реализация КСК, реконструированных после распределения наиболее объемных групп сложных слов по первому корню. Расширение рассматриваемых языковых единиц (переход от лексики к словосочетанию и предложению) предполагает сцепление более простых составляющих друг с другом в рамках многомерно устроенного целого. Пример последовательности вида *[совокупность] + *[время] + *[власть] + *[место] + **[тождество] выявлен в отрывке (скобки и подписи наши – прим. З.А.): «*и (по малѣ времени)^{*[время]}, (отъ боляръ некто)^{*[совокупность]}, ему же имя Борисъ Оедоровичъ Годуновъ, (и единокровным союзомъ)^{*[совокупность]} (царю близочень, и вся держава Російскаго государства поручена бысть ему)^{*[власть]*[совокупность]}, (понеже не меншею честію)^{**[тождество]} (предъ царемъ отъ людей почтень)^{*[власть]}»* [РИБ 1891: 563]. Данный фрагмент позволяет утверждать о дифференциальных способах интенсификации признака родства как «сообщности» с царствующей династией не только в аспекте употребляемой лексики, но и синтаксически («и единокровным союзомъ царю близочень», «вся держава Російскаго государства поручена бысть ему», «не меншею честію предъ царемъ отъ людей почтень»). В «чистом» виде КСК реализуется только как часть пропозиции предложения, поэтому образуются спаянности по типу: *[совокупность] и *[движение] – «*бояринъ роду Ростовского...князь Михайло Петровичъ Катыревъ...отъидоша...*» [РИБ 1891: 576]; *[совокупность] и **[текстовое протяженное]: «*Есть же книги сеи слагатъ Сынъ предиреченнаго князя Михаила, роду Ростовского сходатъ*» [РИБ 1891: 623-624]. Разумеется, на

конкретном отрезке, «синтагме» текста допустимо утверждать о доминировании составляющей какого-либо из типов по классификации, как в случае с примером *[движение]: *древняя не отпадаеши ереси, не унывай, но отбѣгни своя ереси, и прибѣгни къ Богу*» [ЛЗАК 1907: 153]. Важно отметить, что КСК способны воспроизводиться не только привычными лексико-синтаксическими средствами данного этноколлектива, но и с помощью заимствований: *[власть] – «*корунному гетману пану Желтовскому*» [РИБ 1891: 600], при этом «*Słownik polszczyzny XVI wieku*» фиксирует прилагательное «*korunny*» [Słownik polszczyzny T.10 1976: 648]; «*кроль*²²» [РИБ 1891: 570] – «*król ... , (rus.) korol*» [Słownik polszczyzny T.11 1978: 201]. Важен сам момент подтверждения возможной связи между выявленной классификацией гипотетически реконструируемого содержания из «нутра» сложных слов (бытийный, лично-психологический, ценностный типы) и более глобальных единиц, составляющих текст. Подобные примеры эмпирически указывают на наличие единого системно-организующего пояса между «узлами» I и II.

Требуют учета факты проявления таких группировок лично-психологического типа из предыдущего этапа реконструкции как, например, КСК *[рецепция органами восприятия] и в сокращенной («*понеже бо онъ самъ сіе существенно видѣлъ И иные бо вещи отъ изышныхъ безприкладно слышеть; Елико чего изыскаль, Толико сего и написалъ*» [РИБ 1891: 623-624]), и в пространной редакциях («*воспоминаніемъ удивляемъ. По семь четвертыя строки углядаемъ И трудолюбца дѣла сего познаваемъ <...> самъ сія существенно видѣлъ И иныя вещи ото изышныхъ безприкладно слышалъ; Елико чего изыскаль, Толико сего и написалъ*» [РИБ 1891: 712]). Примечательно, что ЯЛ сама даёт ключ к пониманию своего сочинения как «составного».

Наконец, КСК, характеризующие некоторую ценностную составляющую, представлены как отношение И.М. Катырева-Ростовского к народам, исповедующим католичество и протестантизм: «*не яко беззаконный и льстивый*

²² В текстах И.М. Катырева-Ростовского встречаются, помимо западнославянской огласовки, и южнославянский (кравевскій), и восточнославянский (король) варианты.

объедательный и ненасытный немецкий родъ. О беззакония вашего, Германе, о проклятіи и несмыслении, необрѣзанныя жидове, небусорманеня Татарове!» [ЛЗАК 1907: 154]. Для общего тона полемического сочинения это весьма экспрессивный способ дискуссии с возможными противниками.

Далее по плану исследуются динамические составляющие, а именно – образные структуры. В сочинении «*На иконоборцы на вся злыя ереси*» к таковым относится описание ипостасей четырех евангелистов:

«Глаголетъ бо въ первой часті книжь своихъ въ главе 15: чесо ради пишетъ аггела в постаси человеческой, такожде же очи, уши, руки, крила, овѣхъ проста овѣхъ же огненовидно; такоже и евангелистовъ, единаго в постаси аггелской, другаго в постаси лвовой, третияго в телчии, а четвертаго в орлей» [ЛЗАК 1907: 128].

В тексте (по порядку в источнике) подразумеваются Матфей, Марк, Лука, Иоанн. Очередность образов соответствует последовательности канонических евангелий в Новом Завете, что позволяет говорить о проявлении связи *системно-организующего и эйдолологического поясов*, как и было указано в предложенной нами модификации модели ЯЛ.

Для рассматриваемого сочинения характерны две раскрывающиеся и тесно связанные друг с другом линии интерпретации религиозной символики. Первая из них:

«...крестный бо образъ на четыре страны разделяемъ, отъ посредняго знаменія вся показываетъ, яко божественнымъ естествомъ содержима суть: вышняя убо вышнимъ рогом содержима суть, нижняя же нижнимъ, посредняя же двоими странами даже убо покажетъ Господь, яко той есть собирая и содержа всяческая, и яко смерть Его имать освятити всяческая» [ЛЗАК 1907: 122].

Из фрагментарно-языкового сектора избираются варианты номинации для участков «интенционального предмета» (Э. Гуссерль), а последний выстраивается ЯЛ как оппозиция Верх (*вышняя убо вышнимъ рогом содержима суть*)/Низ (*нижняя же нижнимъ*). Таким способом осуществлена связь значения (Г.П. Щедровицкий) с конкретно данной внешней формой слова. Второй этап:

«Сего ради крестною смерть приемлетъ сей, божественный Павелъ знаменная ко Иефесом пишетъ: «даже возможете, рече, постигнути со вѣсьми святыми что есть широта и долгота и высота», знаменуя убо высотой небесная, глубиной же преисподняя, широтой же и должиной посрѣдняя конца всесильною державою содержима» [ЛЗАК 1907: 122].

Эта следующая за первой синтаксическая конструкция является новым шагом в интерпретации, когда на актуально-тезаурусном секторе происходит связь номинации с прецедентным текстом (третья глава послания к Ефесянам апостола Павла), однако толкование и «воплощение» символа ещё не завершены. Третий этап:

«Сий бо образъ божественный Давидъ воспѣ глаголя: камо иду отъ духа твоего и лица твоего камо бѣжу? Аще възду на небо – се есть высота – аще сниду во адъ – се есть глубина – аще воспріиму крылу свою на утро – еже есть солнечное обхожденіе, се есть широта – аще вселюся въ послѣдняя моря» - западные страны тако именуеть, се есть должина» [ЛЗАК 1907: 122-123].

Осуществляется шаг «от текста к символу» [Слышкин 2000]: интегрирование связанного с прецедентным текстом образования в религиозный дискурс [Карасик 2004], которое теперь осложняется *знанием*. Следующая синтаксическая конструкция, на первый взгляд, прерывает интерпретацию на четвертом этапе:

«Древо и смерть нашему осуждению и тлѣнию быша вина: Евва бо преліценна бысть змиемъ; древо же бяше отъ негоже Евва и Адамъ горко вкусиша смерть же горкого вкушения запрещение, но се уже паки яже быша осуждению тогда вина» [ЛЗАК 1907: 123].

При рецепции фрагмента в сознании актуализируется текстовая категория ретроспективности [Филиппов 2003], которая связывает эту часть с инициальным этапом интерпретации символа (*«и яко смерть Его имать освятити всяческая»*). Тем самым в структуре ЯЛ происходит переход от субстратов поясов мыследеятельности к секторам. Пятый этап интерпретации:

«Нынѣ же дѣва и древо и смерть освобождению нашему быша ходатаи: вмѣсто Еввы, преблагославенная и всегда Дѣвая Марія; вмѣсто же древа, еже въ раи, древо крестное; вмѣсто же смерти Адамовы, смерть Христова, имиже побѣди вся» [ЛЗАК 1907: 123].

Данный фрагмент оказывается определяющим, поскольку благодаря ему реконструируется логика развертывания символа, схематично представленная ниже (табл. 9).

Табл. 9. Схема развертывания интерпретации символа

Материал ↔ ↓	↔ Знак ↔ ↓	↔Предмет ↓
Объект, именуемый «древо»	план выражения (единицы языка), содержания (связь значения с наглядным представлением) + дискурсивное знание о них	Объект, выступающий как реальное орудие казни и внешне сходный с тем, что обозначается ресурсами языка как «крест»

	(связь первых двух компонентов с прецедентными текстами)	
вмѣсто же древа, еже въ раи, древо крестное	на четыре страны разделяемъ; вышняя убо вышнимъ рогом; нижняя же нижнимъ, посредняя же двоими странами;	крестною смерть; Древо и смерть нашему осуждению и тлѣнию быша вина; древо же бяше отъ негоже Евва и Адамъ горко вкусиша смерть
↑Ведущие оппозиции↑		
Объект реальный/Объект означенный	Верх/Низ, Ветхий Завет/Новый Завет	Деяние/Воздаяние, Адам/Христос, Ева/Мария, Смерть/Жизнь.
↑Символ, именуемый «крест»↑		

В качестве итога интерпретации ЯЛ приходит к заключению:

«Дьяволь сими упражденъ бысть и низложенъ; древа ради древняго побѣди Адама дьяволь; крестом же побѣди врага Христось; древо бо первое пленена и нага сотвори Адама и скрытися его научи; древо же крестное побѣдителя Христа на высотъ встѣмъ показа, всей бо твари зряци, яко же бо крѣпокъ страдатель, супротівъныя силы низложи на древь, вознесся» [ЛЗАК 1907: 123].

Следует обратить внимание, что «толкование» и «воплощение» символа осуществляется дифференциальными способами. Средствами фонетики («творческим глоссемосочетанием» [Якубинский 1986] или «звуковыми отслоениями» [Штайн 2006] – *Нынѣ же дѣва и древо вмѣсто Еввы Дѣвая*), морфемике (или «морфными отслоениями» – *вышняя убо вышнимъ нижняя же нижнимъ, посредняя*), лексики и синтаксиса (атрибутивные словосочетания – «крестный образъ»; конъюнкция – «дѣва и древо и смерть», дизъюнкция – «вмѣсто Еввы... вмѣсто же древа... вмѣсто же смерти»).

Вторая линия интерпретации символа частично была затронута. «Древо» является амбивалентной образной структурой, что отчетливо фиксируется самим пишущим: *«И то древо честнаго креста благословенно, а то древо, иже быша сотворена честь лживымъ поганскимъ богомъ, и то есть исперва и нынѣ проклято»* [ЛЗАК 1907: 142]. В силу этого возникают специфические отношения, которые условно можно представить как оппозицию. Древо крестное: *«О крестномъ бо древь премудрый Соломонъ в Премудростехъ въ 14 главъ написа: «благословитца древо, имже бываетъ правда»* [ЛЗАК 1907: 142]. Вновь осуществленная связь номинации с прецедентным текстом – 14 главой

Премудростей Соломона. Вместе с тем противоположный член оппозиции – Древо языческое: *«Тако же и про древо глаголетъ, въ немъже создани быша языческия боги: «древо же, иже въ Бога мѣсто сотворенно и проименовано, проклято есть и съ тѣми, емуже и творцы быша»* [ЛЗАК 1907: 142]. Происходит оформление более абстрактного противопоставления предмет – материал. В итоге получено следующее суждение:

«Зрите убо, иконоборцы, иже Духъ Святый разнить благое отъ злаго, то есть древо, имъже бываетъ исправление благословится и благословенно есть, якоже вонстинну древо крестное благословенно и препрославленно распенимся на немъ Сыномъ Божиимъ, симъ убо бысть вечная правда; древо же, изъ негоже сотворено въ почить лживымъ и неправеднымъ богомъ, вмняющее въ Бога, проклято есть» [ЛЗАК 1907: 142].

В определенной степени это «symbolic assembly» [Evans, Green: 6], «символический ансамбль», символическая связка, раскрытие которой организует ключевые фрагменты текста.

В коммуникативно-соотносительном поясе полемическая направленность сочинения принуждает ЯЛ к маркированию своей позиции по отношению к чужой, предполагаемого оппонента.

«А что вы, окаянии, противитесь церковнымъ божественнымъ закономъ и не едино благословенное древо и проклятое древо за едино разумеете и хотите мудрѣйшии быти и Божиихъ святыхъ вѣчныхъ уставъ и святыхъ пророческихъ писаній» [ЛЗАК 1907: 142].

При завершенности интерпретации символической связки «крест-древо», осуществляется сравнение между «своим» *эйдолологическим* и таковым поясом у предполагаемого оппонента. Их различие оказывается коммуникативно значимо в тексте полемической направленности.

В двух редакциях «Повестей...» образные структуры (эйдолологический пояс) пересекаются. Некоторые из них, в частности, взяты из зодиакального гороскопа. Овен:

«...яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ теченіе свое въ зодѣю же входитъ Овень, в ней же ночь со днемъ уравниется и весна празднуется, время начинается веселити смертныхъ, на воздухъ свѣтлостію блистаяся» [РИБ 1891: 687].

Аналогично в текстах и обозначение Рыб как части зодиака:

«и солнце уже на концы зодѣи, Рыбъ текущее, - егда последніе дни ѳевралья месяца преходятъ и наставаше мѣсяцъ мартъ, въ то же время подвижесе воевода Московскаго воинства и поиде до великаго царствующаго града Москвы» [РИБ 1891: 593].

Представленные номинации противопоставлены фазисно, с соответствующим контекстуальным оформлением частями речи (входить Овенъ (глагол + существительное) – на концы зодѣи, Рыбъ (существительное + существительное)).²³

Уже указывалось, что И.М. Катырев-Ростовский писал в виршах о многосоставности своего произведения. Историками литературы неоднократно подчеркивалось сходство композиции памятника с популярным древнерусским переводом текста Гвидо де Колумна («Троянская история»). Данный вопрос связан с поиском «основной редакции» и атрибуции текста. Подчеркивалось, что памятник является компилятивным, вторичным, размноженным во многих списках [ТОДРЛ Т. 42 1989]. В работе И.Ю. Серовой было выдвинуто и обосновано предположение, что вторая редакция является ближе к некоторому инварианту повести, чем краткая. При этом обозначенной исследовательницей не акцентировано внимание на приводимом в её статье *различии*. В конце названных сочинений приведены портретные зарисовки главных действующих лиц. В «Троянской истории», например, «*Андромента: зелною бе красотою лепа...млечною белостию блистая, очи име многим блистанием светлы, красна лицем, черлена губами...во всех женах благочестнейша*» [цит. по: ТОДРЛ, Т. 42 1989: 111]. В «Повести...» И.М. Катырева-Ростовского:

«Царевна же Ксѣнія, дщерь царя Бориса, дѣвица суци, отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, бѣла велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имѣя черны великы, светлостію блистая...» [РИБ 1891: 621].

Отметим, что в последнем памятнике всего одно лицо женского пола вынесено в конец сочинения, но именно в ней объединяются те качества, какие у Гвидо де Колумна принадлежат *разным героиням*. Это характеристика уже личностного отношения к историческому лицу. Если *композиция* текста прецедентна, то сама последовательность частей памятника эксплицирует *актуально-тезаурусный сектор*, а разночтения с «Троянской историей» – мыследеятельность ЯЛ.

²³ В данном примере структура осложнена астрологическим знанием. Согласно сведениям из этой области, Солнце находится в знаке Овна с 21 марта по 20 апреля, а весеннее равноденствие выпадает на 20 марта (в ней же ночь со днем уравнивается). Противопоставлены знаки зодиака и по своей принадлежности к олицетворяемым стихиям: первый относится к тригону огня, второй – воды.

Воспроизводство формы, «каркаса» повествования есть пример трансляции. Вместе с тем заключительный пункт данного этапа моделирования – выявление синтаксических конструкций с союзом *сиречь*. Для экономии объема эта процедура ограничивается только одним примером из полемиического сочинения: «Здѣже *имать свидѣтельство отъ божественаго Божия древняго и новаго завѣта. «Рече Господь к Моисѣю: сотвори себѣ змя и положи его на знамени, сиречь на древь, и будетъ аще уранитъ человека и всякъ ужаленный, видѣвый, живъ будетъ»* [ЛЗАК 1907: 120]. Трансляция текста из Ветхого Завета (21 глава книги «Числа») прерывается появлением пояснения, которое в источнике *отсутствует* (при сопоставлении опираемся на данные Острожской Библии 1581 года): «И рече **ГД** къ моисѣю . *сътвори себѣ смію мѣданѣ, и положи ю въ знаменіе, и бѣдетъ аще оуіастъ сміа **ЧЛ**ка, и всакъ оуіадемыи видѣвъ ю оживетъ»* [Чис., 21:8; Острожская Библия, 1581: 160 л.]. Значит, союзом «сиречь» маркирована некоторая точка в развертывании нарратива. Если оттолкнуться от высказанного допущения, «развернув» левый контекст от союза *сиречь* в точку T1, а правый – в T2, получается следующий результат (см. табл. 10).

Табл. 10 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (И.М. Катырев-Ростовский)

T 1		T 2
« <i>сотвори себѣ змя и <u>положи его на знамени</u></i> »		
*[V _(положи) Pron _г на N _р]	<i>сиречь</i>	<i>на древь</i>
		*[на N _р]

Выявляется падежная идентичность поясняемого и поясняющего членов предложения, которая становится маркером грамматической трансляции, осуществленной в коммуникативной единице. В этом отношении примечательно, что КСК **[тождество] на другом уровне представления оказывается типом синтаксических отношений, но, вероятно, такое соответствие может указывать на общий процесс мышления по схеме Г.П. Щедровицкого.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. На фоне общего повествования в полемиическом сочинении «*На иконоборцы на вся злыя ереси*» как

«высказывание о высказывании» (метатекст) обнаруживается следующий фрагмент:

«Се сказую же вамъ, чада святообразная церковная, яко сотвори со мною милосердие Господь. Болѣзнуюшу ми лѣта четыре и вящее, яко і царю милостивно преклоншися к моему молению и врачи ми вдасть на болѣзненное свободженіе, къ симъ убо и множившая рачителя стяжахъ, истощеваая сребро, и злато оскудевая» [ЛЗАК 1907: 169].

В третьем томе «Актон исторических» опубликована челобитная, датируемая 15 февраля 1630 года. В ней И.М. Катырев-Ростовский действительно обращается к царю: *«пожалуй меня холопа своего, вели, Государь, мнѣ дать, для моей головной болѣзни, изъ своей Государьской оптеки, своихъ Государьскихъ маслъ»* [АИ Т.3 1841: 289]. Это «переплетение» своих текстов могло являться осознанным творческим приёмом, который дополнительно указывал на реального создателя полемического сочинения, однако такие примеры редки.

Две редакции «Повести» включают пласт метаэлементов, характеризующих поведение ЯЛ как создателя сочинения (*«О сей же побѣдѣ градцкой оставимъ написати»* [РИБ 1891: 599], *«Оставимъ же сія и возвратимся на первая»* [РИБ 1891: 591], *«еже по разореніи Московскомъ возведенъ бысть на царскій престоль; о семъ бо послѣ описуемъ»* [РИБ 1891: 599]; *«и напреди о семъ рѣхомъ»* [РИБ 1891: 643] и другие). Далее (и в соответствии с исследовательской стратегией) приступаем к выявлению совпадающих КСК у автора и в энциклопедическом комментарии.

Бытийный тип: *[совокупность] + *[власть] – «князь Иванъ Михайловичъ былъ послѣднимъ представителемъ своего рода. Этотъ родъ <...> былъ «большимъ» боярскимъ родомъ» [РБС Т.8 1897: 560], «отець князя Ивана, князь Михаилъ Петровичъ» [РБС Т.8 1897: 560]; *[время]+*[движение]+*[место] – «измѣна во-время стала известна Шуйскому. Он отозвалъ все войско къ Москвѣ <...> однихъ сослалъ, другихъ казнилъ. Лѣтопись, передавая имена измѣнившихъ, на первомъ мѣстѣ называет князя Ивана Катырева» [РБС Т.8 1897: 561]. КСК *[власть] представлена следующими фрагментами: «князь Михаилъ Петровичъ былъ однимъ из видныхъ воеводъ въ послѣднюю четверть XVI вѣка и не разъ ходилъ въ походы первымъ воеводою большаго полка» [РБС Т.8 1897: 560 – 561],

«Ивань Михайловичъ <...> подписался на грамотѣ, утверждавшей избраніе Бориса Феодоровича Годунова на царство» [РБС Т.8 1897: 561] и другие; *[место]+*[рецепция органами восприятия] – «бояре изъ «полков», стоявшихъ подь Москвой, вызвали Катырева изъ Сибири и назначили на его мѣсто кн. И.П. Буйносова <...> мы видим (воспроизведение КСК со стороны комментатора! – прим. З.А.) Катырева уже въ Москвѣ» [РБС Т.8 1897: 561]; *[время] + *[совокупность] + *[власть] + *[движение] – «онъ успѣлъ туда пріѣхать раньше избранія въ цари его шурина <...> подпись Катырева находится на избирательной грамоте 1613 г.» [РБС Т.8 1897: 561] и прочие. В предыдущих примерах обнаруживается воспроизводство не только бытийного, но и лично-психологического типа.

КСК *[характеристика содержания мыслей]+*[рецепция органами восприятия] представлены фрагментом: «своими литературными достоинствами, заставляет видѣть въ ея авторѣ талантливаго и образованнаго человѣка» [РБС Т.8 1897: 562]; *[рецепция органами восприятия] – «такимъ образомъ онъ не былъ очевидцемъ смуты во второй ея половинѣ» [РБС Т.8 1897: 561]; «снова видимъ Катырева въ военныхъ должностяхъ» [РБС Т.8 1897: 561]. Завершает фрагментарную реконструкцию выявление ценностного типа по тому же принципу.

Комментатор констатирует, что «при новомъ государѣ началась весьма почетная служба Катырева – придворная и военная» [РБС Т.8 1897: 561]; «слог Катырева можетъ увлечь своимъ оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ складомъ» [РБС Т.8 1897: 562] и другие. В общих чертах (и только на одном источнике) вся осуществленная реконструкция выявила воспроизводство или трансляцию КСК бытийного, лично-психологического, ценностного типов в коммуникативном акте, «речевом поступке» (М.М. Бахтин) – тексте. При этом заданная схема модификации модели ЯЛ получила эмпирическое подтверждение системной организацией содержания «узлов», благодаря чему онтологическая картина объекта изучения выдержала *первую* проверку историческим

лингвистическим материалом. Переходим к реконструкции князя И.А. Хворостинина, современника И.М. Катырева-Ростовского.

2.2.2 И.А. Хворостинин

Узел I. Для реконструкции ЯЛ были привлечены следующие тексты: «Словеса дней и царей и святителей Московских еже есть в России», «Предисловие и слововѣщанія почитателемъ, имуща нѣчто къ родителемъ о воспитаніи чадъ», «Къ Читателю», «Повѣсть слезная о Листрискомъ...соборѣ». Сплошной выборкой из них по первому корню были выявлены пять наиболее объемных по количеству групп сложных слов. Вследствие этого получено распределение следующего вида (см. табл. 11).

Табл.11. Конфигурации сложных слов по текстам И.А. Хворостинина

«Словеса дней и царей и святителей Московских еже есть в России»	«Предисловие и слововѣщанія почитателемъ»	«Къ Читателю»	«Повѣсть слезная о Листрискомъ...соборѣ»
благ-39, един-17, сам-13, пред/прежд-9, Бог-/власт-/все-8.	благ-29, добр-8, бог-4, един-/прав-/ (пред /преж)-3	лже-/люб-3, благ-2.	благ-36, бог-12, един-/мног-8, (пред/прежд-)/цар-7

При сложении указанных совокупностей из общей суммы были также выявлены пять наиболее объемных по составу групп. Таким образом, получена конфигурация вида: благ-106, един-28, Бог-24, пред-16, сам-13. Этот пласт сложных слов был распределен на три типа, из которых бытийный представлен в таблице 12 ниже.

Табл. 12. Группировка сложных слов по бытийному типу (И.А. Хворостинин)

*[совокупность]						
Бог-		Един-			Благ-	
-отец-		-род-	-плем-	-обещ-	-род-	
*[движение]						
Сам-		Благ-		Бог-		
-люб-		-хот-			-люб-	
*[власть]						
Един-		Бог-			Сам-	
-нач-		-нач-			-держ-	-вол-
*[место]						
Пред-						
-лож-	-ста-	-лаг-				

**[текстовое протяженное]			
Пред-			
-бы-	-реч-	-пом-	
**[тождество]			
Един-			
-рав-	-вин-	-сущ-	-верст-

В основу реконструкции КСК *[совокупность] легли такие примеры, как: *богоотець* [ЛЗАК 1907: 82], *единороднаго* [РИБ 1891: 529], *единоплеменныхъ* [РИБ 1891: 543], *единообъщникъ* [РИБ 1891: 547], *благородный* [РИБ 1891: 533] и др. Среди перечисленных единиц *единообъщникъ* [РИБ 1891: 547] отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Употреблено в контексте: «...сына своего нашей земли царя даетъ, и послужимъ ему суще, яко истинному своему владыцъ но будемъ беспечалны ради свидѣнія: аще и не единообъщникъ вѣрть нашей, но хочетъ насъ ради единомыслие пріяти и во единой благой совѣсти закона нашего быти съ нами» [РИБ 1891: 547]. Наиболее вероятное толкование – *«единый, совокупный с теми, кто разделяет вместе что–л. с кем–л.; единый с теми, кто причастен к чему–л.». Однако на периферии значений под эту дефиницию подходит и «тот, кто делает что–л. по обету» [СлРЯ XI – XVII Т.12 1987: 45]. Последнее возможно в силу единства всех участников события в социально значимом моменте (при восшествии царя на престол).

В основу реконструкции КСК *[движение] легли такие примеры, как: *самолюбныхъ* [РИБ 1891: 532], *благохотнымъ* [ЛЗАК 1907: 102], *боголюбивъ* [РИБ 1891: 532] и др. Как видно из представленных единиц, в основном подразумевается духовная тяга, влечение, а не физическое перемещение в пространстве.

В основу реконструкции КСК *[власть] легли такие примеры, как: *единоначалии* [РИБ 1891: 541], *богоначалия* [РИБ 1891: 539], *самодержавецъ* [РИБ 1891: 531], *самовольнъ* [РИБ 1891: 542] и др. Интерес вызывает тот факт, что в доминирующей группе нет единиц, которые бы указывали на борьбу кого-либо с

божественными догматами. Подобные примеры выявлялись ранее при анализе «узла I» у князя И.М. Катырева-Ростовского.²⁴

В основу реконструкции КСК *[место] легли такие примеры, как: «*первьѣ предложиша писаніе отъ пророкъ, имуще сицѣ*» [ЛЗАК 1907: 89] – «4. Письменно или устно изложить, сделав предметом рассмотрения; представить на рассмотрение» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 194]; «*Того ради да не убо смотряемъ, яко да богатый оставѣмъ дѣти, но яко да добродѣтелны и праведны Богу представимъ*» [ЛЗАК 1907: 35] – «1. Поставить перед кем-л.; тж. образно и перен.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 210]; «*Имамы зъ божественымъ Павломъ на пяти словахъ пристати, нежели безъ potreбы и тмами глаголанія предлагати*» [ЛЗАК 1907: 95] – «3. Письменно или устно излагать, сделав предметом рассмотрения, представлять на рассмотрение» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 192]. Иллюстративный материал демонстрирует, что эта составляющая таблицы 12 охватывается единицами с первым корнем пред-.

В основу реконструкции КСК **[текстовое протяженное] легли такие примеры, как: *преждебывшій* [РИБ 1891: 534], *прежденареченнаго* [РИБ 1891: 534], *преждевоспомянутый* [РИБ 1891: 552] – отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Употреблено в контексте: «*Посланныхъ же, преждевоспомянутый краль Жигимонтъ и его единомысленныи совѣтницы ни во что же вмѣнивъ, едино рече имъ*» [РИБ 1891: 552]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«ранее упомянутый», но для данного текста эта дефиниция, возможно, находится в синонимических отношениях со словами по типу «преждереченный».

В основу реконструкции следующей КСК **[тождество] легли такие примеры, как: *единоравно* [ЛЗАК 1907: 34] при «единоравный» – «Равный кому-л., чему-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 27]; *единовиновну* [РИБ 1891: 552] при «единовиновный» – «содержащий в себе одну причину чего-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 20]; *единосущень* [ЛЗАК 1907: 92] – «имеющий одинаковую сущность»

²⁴ Мы, забегаая вперед, укажем, что в биографии И.А. Хворостинина был реальный эпизод, когда в адрес анализируемого автора выдвигались обвинения в ереси, в единстве с католиками, в почитании их книг наравне с православной церковной литературой. Отсутствие целой группы слов может указывать на «глубинное» признание общности всех ответвлений христианства.

[СлРЯ XI – XVII Т.5 1978: 30], *единосверстникомъ* [РИБ 1891: 547] – отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Употреблено в контексте: «... и корень владыки великаго Владимира самодержца всеа Росіи, чресль его отрасли доброцвѣтуція нашія господіа, отъяся отъ насъ, и поработихомся сами себе единосверстникомъ своимъ: Внимайте же себѣ опасно!» [РИБ 1891: 547]. Исходя из фрагмента, значение слова можно определить как *«тот, кто равен по положению или качествам кого–л., чего–л.». Данное толкование принимается в связи с последующим раскрытием сложного синтаксического целого.

«...се Полскаго и Литовскаго короля сынъ есть, именуется Владиславъ и сей есть потребень къ нашему господоначалствію: юноша предобръ и рода самодержавныхъ владыкъ искони, и никто же возможетъ его укорити, истинный властелинъ и подобень нашимъ прежнимъ владыкамъ во всемъ...» [РИБ 1891: 547].

Иными словами, в самом тексте прослеживается ключ к интерпретации употребляемых единиц, или, что также вероятно, сама интерпретация, эксплицируемая в пределах коммуникативного акта.

Далее анализируются сложные слова лично-психологического типа КСК. Как и в случае с моделированием ЯЛ И.М. Катырева-Ростовского, общая классификация этого корпуса единиц представлена двумя составляющими: *[характеристика содержания мыслей] и *[рецепция органами восприятия] (см. табл. 13).

Табл.13. Распределение сложных слов по лично-психологическому типу
(И.А. Хворостинин)

*[характеристика содержания мыслей] (часть I)									
Благ-					Един-				
-суд-	-ум-	-искус-	-уч-	-мысл-		-глас-	-мышл-	-мысл-	-мудр-
*[характеристика содержания мыслей] (часть II)									
Бог-									
-ум-	-слов-	-глас-	-дух-						
*[рецепция органами восприятия]									
Сам-		Благ-							
-вид-		-слыш-							

В основу реконструкции первой КСК легли такие примеры, как: *благоразсуднаго* [РИБ 1891: 531], *благоразумія* [РИБ 1891: 539], *благоискусныхъ* [ЛЗАК 1907: 36], *благоученя* [ЛЗАК 1907: 36], *благомысленыхъ* [ЛЗАК 1907: 95], *единосогласномъ* [ЛЗАК 1907: 102], *единомысліе* [РИБ 1891: 547],

единомудрствующе [РИБ 1891: 530], *богоразуміа* [РИБ 1891: 529], *богословцы* [ЛЗАК 1907: 33], *богогласный* [ЛЗАК 1907: 99], – «проповедующий слово божие» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 261], *боговдохновенно* [ЛЗАК 1907: 33], при богодохновенный – «внушенный, вдохновленный богом» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 261]. В свою очередь *[рецепция органами восприятия] представлена употреблениями: *самовидцемь* [РИБ 1891: 528], *благослышанія* [ЛЗАК 1907: 33] – отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Встречается в контексте: «*Да услышите убо глаголаши мною, отцы и братіа, не сана ради глаголющаго, но благослышанія ради сия восписую воспоминающаго раба оного скрившаго господьскій талантъ и прібыли имь не сотвориша*» [ЛЗАК 1907: 34]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«восприятие известия о хорошем, добром».

Заключает анализ исследование сложных слов в ценностном типе КСК. Предельная абстрактность значения этих лексем позволяет в рамках реконструкции распределить их в границах общего противопоставления Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся такие примеры характеристик и их носителей, как: *благосердія* [РИБ 1891: 538], *благодарушно* [РИБ 1891: 555], *благочестіе* [РИБ 1891: 525], *благовѣрїя* [ЛЗАК 1907: 35], *благолѣпно* [РИБ 1891: 536], *благообразнѣ* [ЛЗАК 1907: 99], *благоденьствие* [ЛЗАК 1907: 102], *благохваленія* [РИБ 1891: 542], *благоглаголати* [РИБ 1891: 530], *благодаренія* [РИБ 1891: 542], *благовѣстїи* [РИБ 1891: 540], *благодарно* [РИБ 1891: 552], *благодаручнѣ* [ЛЗАК 1907: 37], *благодѣтелей* [ЛЗАК 1907: 36], *богоспасаемыхъ* [РИБ 1891: 552], *богоносныхъ* [ЛЗАК 1907: 85], *благословеніе* [РИБ 1891: 546], *благочадія* [ЛЗАК 1907: 34] – «*единѣсть есть благочадія предѣль, добродѣтель уподобленіе, чадная добродѣтель есть отчая слава*» [ЛЗАК 1907: 34], т.е. «1. Славное чадо, дитя» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 228]; *благодарювашеся* [РИБ 1891: 541] – слово отсутствует в «Словаре русского языка XI – XVII вв». Употреблено в контексте: «*къ хотѣнію своему ласканіемъ превозводя, обѣты имь всячески творити благодарювашеся; яко же и сродницы его*» [РИБ 1891: 541]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить

как *«хорошо, полностью подготовиться к чему–л.», в связи с выделяемым в рамках «Словаря русского языка XI – XVII вв» (статья благо-) соответствиям греческого εὖ подгруппе значений «2) полностью, вполне, весьма, очень, совершенно: благознаменитый, благомудрый, благонадежный и т.п.» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 191 – 192].

К отрицательному полюсу противопоставления относятся: *неблагочестивых* [ЛЗАК 1907: 35], *неблагообразнымъ* [ЛЗАК 1907: 87], *неблагорастворенный* [ЛЗАК 1907: 81], *неблагодательномъ* [ЛЗАК 1907: 81], *безблагодареніе* [ЛЗАК 1907: 37], *предложная* [ЛЗАК 1907: 87] – «*онъ же убо, вся благая обѣщаваяся дѣяти и не предложная (sic) отъ истинны творити, но едину православную въру мудръствовати, въ сердцыжъ лукаво помышленіе имяше, не тако, якожъ обѣщеваяся*» [ЛЗАК 1907: 87] – «9. То же, что преложити¹ (в знач. 13); изменить, превратить» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 194], т.е. предложная = изменническая. При этом предлог «не», разумеется, отрицает отображаемое словом содержание, однако контекст сохраняет пейоративную оценку описываемого поступка.

Узел II. Этот этап моделирования ЯЛ начинается с фиксации проявления в сочинениях И.А. Хворостинина КСК, выявленных при анализе сложных слов. Среди таковых *[совокупность] отображена во фрагменте: «*И мнози вкусиша отъ глада лайна, и плотей челоуѣческихъ, и мертвыхъ тѣлесъ существа своего, птиць же, и зверей, и рыбъ, и елико слово подробну сказати не можетъ: коры древяныя, кореніа водное, быліе непотребное, и елика таковая и множайша сихъ, елико ни качеству предати возможно*» [РИБ 1891: 531]. Перечисление как способ осознания массы непотребного к еде выступает общей характеристикой того разнообразия, которое было поглощено из-за недостатка провизии. КСК *[место]+*[движение] оформлены во фрагменте: «*И возшедъ на горы тыя и благослови я, и постави крестъ, и помолися Богу, и снуде зъ горы, идѣже есть нынѣ градъ Кіевъ, и поиде по Днѣпру вверхъ, и прииде въ Новградъ Великій, и оттуду поиде въ Варяги, и прииде въ Римъ*» [РИБ 1891: 529]. Смена названия «территорий» при употреблении глагола движения выступает письменной формой-коррелятом представления о физическом перемещении. Также

выявляются цепи *[место]+**[текстовое протяженное] («*Въ житіи семь ничто же стяжа, развѣе Христа Іусуса въ мертвеннѣмъ тѣлѣ своемъ приобрѣсти, да отъ многихъ содѣянныхъ мя золь свободитъ и вся яже на мя лютыя совѣсти разоритъ, яко да оправдаюся въ словесѣхъ и похожду я*» [РИБ 1891: 535]) и *[место]+ *[рецепция органами восприятия]+**[тождество] («*Страна Руская и преславный градъ Москва свидетель словесемъ нашимъ естъ*» [РИБ 1891: 531]). Имеются примеры «чистой» реализации КСК *[власть] – «*Имъ (Богом – прим. З.А.) же владыки властодержествуютъ и силни правостию держатъ*» [РИБ 1891: 525]. Показателен фрагмент: «*Иже отъ небытіа въ бытіе приведый зиждителнымъ своимъ повеленіемъ*» [РИБ 1891: 525]. В нём эксплицируется связь между управлением, «властью» и «порядком вещей», онтологией. Иными словами, это связанные в понимании И.А. Хворостинина элементы, причём ассоциированные в его картине мира.

Далее анализируется лично-психологический тип КСК. Примеры цепей *[рецепция органами восприятия]+*[характеристика содержания мыслей]: «*Азъ бо слышахъ никакожъ не могу таити <...> яко многое писаніе изучихъ*» [ЛЗАК 1907: 37]; «*Азъ бо елика слышахъ и елика видѣхъ*» [РИБ 1891: 530] и другие. Замечанием И.А. Хворостинина, что он «*многое писаніе изучихъ*», объясняется множество ссылок в его текстах на Священное Писание.

Из совокупностей таких включений отрывков из Библии мы приведем только фрагмент с паремией: «*Во многомъ реченіи нѣсть спасенія*» [ЛЗАК 1907: 95]. Это, в свою очередь, «продолжение» ценностного типа КСК. «Речение» (или говорение вообще) и «Спасение», взятые как ключевые лексемы, являются указанием на потенциальные контексты, содержащиеся, например, в сборнике пословиц XVI-XVII веков. На этом этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание условно классифицируется на «ядерную» реализацию (включающие слова «Спасение», а также такие, что обозначают говорение) и «периферийную» (по общему смыслу) через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов.

1. Спасение

- 1.1. «Ядерная реализация». Во много^М гл҃глині нѣсть сѣсенія [Симони 1899: 85]; Въ чомъ грѣхъ в томъ и спасенѣе [Симони 1899: 86]; Множество. мѣрыхъ. спасеніе мирѣ. [Симони 1899: 120]; Многъ пѣтъ. ко спасенію. [Симони 1899: 121]; То не спасенѣе. что пьян. в воскресенѣе. [Симони 1899: 143]; Не надѣйтеся на кѣзи і на сѣны чл҃вчскія в нѣже не^сть сѣсенія [Симони 1899: 124]; Чаятъ бѣа сѣсающаго мя [Симони 1899: 155]
- 1.2. «Периферийная реализация». Избавление: ароматы о^тб мукъ не и^збавятъ [Симони 1899: 73]; Азь да буки и^збавит ли о^тб муки [Симони 1899: 74]

2. Говорение.

- 2.1. «Ядерная реализация». Глаголание: Во много^М гл҃глині нѣсть сѣсенія [Симони 1899: 85]
- 2.2. «Периферийная реализация». Слово: Воздуха словами не наполнить [Симони 1899: 88]; молчание: Мѣжъ. мѣдръ. бе^змолвіе. водить. [Симони 1899: 121]; басни и бред: Басни соловья не кормятъ [Симони 1899: 79]; Чево глазъ. не видитъ тово и язы^к не брѣдит. [Симони 1899: 156] и другие.

Помимо уже рассмотренных контекстов в ценностном отношении для И.А. Хворостинина также может быть значима оппозиция «Смирение/Гордыня». Лексически она обнаруживается и в сочинении «Словеса дней и царей и святителей Московских еже есть в России» – «*И ни единъ отъ сихъ сподоби себе и ни единъ обрѣтесе имѣя мало смиренія!*» [РИБ 1891: 527], «*Азь ... никакоже могу таити, и никто же ми не невѣруй сему писанію, не мни мене гордящаяся*» [РИБ 1891: 530], и в тексте «Къ Читателю» («*Не гордостію, но смиреніемъ*» [ЛЗАК 1907: 38], «*но смиреніемъ хожедохомъ, того ради і бѣды приемля*» [ЛЗАК 1907: 38]), и в «Предисловии...» («*Азь бо слышахъ никакожь не могу таити. Не мните мя гордящееся, яко многое писаніе изучихъ і обычную преидохъ, якожь и о зиждителномъ Богоначаліи преидохъ таиньства православною истинною*

върою» [ЛЗАК 1907: 37]). Это противопоставление выступает некоторой творческой константой, устойчивой чертой «поведения сквозь письмо».²⁵ Далее анализируются динамические составляющие личности, а именно – образные структуры.

Из четырёх текстов И.А. Хворостинина религиозная символика в сочинении «Словеса дней и царей и святителей Московских...» специально нами описывалась в одной из статей [Славянская письменность и культура 2016]. Отмечалось, что наиболее значимыми оказались *крест, гора, корабль, змий*. Из сочинения «Повѣсть слезная о Листрискомъ...соборѣ» выявляется стабильность некоторых составляющих эйдолологического пояса. Например, если в «Словеса дней...» образ волка был прикреплен к Росстриге, то теперь – к папе римскому: «...желаниемъ римскаго папы, губителнаго волка изволениемъ» [ЛЗАК 1907: 82]. Другая составляющая эйдолологического пояса – змей – приобретает в сочинении «Повѣсть слезная...» иной, эсхатологический смысл. Изначально этот образ – метафора:

«...на раззореніе Христова стада злостми своими объявишася, силною крѣпостию немилостивно православныхъ раззоряше, за нимижъ послѣдствуя ядовитыя змия, турское многоплеменное поклоненіе, страшно шумом на христианское племя ядовитымъ угрызеніемъ лукаваго своего нрава згло напустиша и восточная престола достигша...» [ЛЗАК 1907: 81].

Наиболее отчетливо змей как символ дан во фрагменте: «*Та мати твоя предъ седмиглавнымъ змиемъ*» [ЛЗАК 1907: 105]. Приведенный отрывок является прямой отсылкой к Откровению Иоанна Богослова: «и *іависа ино ꙗ́знаменіе на нѣси, и се ꙗ́мїи великъ чръмень, имѣа главъ семь, и роговъ десять, и на главахъ его сѣмь вѣнецъ... и ꙗ́мїи столше ю родити, да егда родить снести чадѡ еа*» [Откр. 12:3-4; Острожская Библия 1581: об. 33]. Интерпретации символа, на первый взгляд, нет, однако сам символ выступает как толкование персонального

²⁵ Мы, забегая вперед (и уточняя «узел III»), можем утверждать, что эта стабильность представляет собой сложное переплетение воспроизведения (трансляции) в результатах коммуникативных актов (тексте) интерпретации собственных поступков. Достаточно указать на уже приводившийся пример «да оправдаюся въ словесѣхъ и походу я». Сомнительно, что ЯЛ собирается объяснять что-либо людям из низших слоёв (сочинения написаны в стиле «плетения словес»). Потенциальный читатель принадлежит к образованной, начитанной социальной страте.

отношения к лицам и событиям «разбойнического» собора (коммуникативно-соотнесительный пояс).

Ранее указывалось, что оценка характерна для привлеченных текстов И.А. Хворостинина. Подтверждается это и пейоративной коннотацией некоторых вводимых образов, например: *«И сяде песь смрадный на престолъ, а не царь, но законнопреступникъ и хулникъ иноческаго житія, а не владыка, ни князь крѣпостію...»* [РИБ 1891: 537] – как характеристика Лжедмитрия, вторгшегося в бытие и начавшего деформировать содержание категории *[власть].

Заключительный пункт данного этапа моделирования – выявление синтаксических конструкций с союзом сиречь. Пример таковой обнаруживается в инициальной части полемикального сочинения: *«Повесть слезная о Листрискомъ, сиречь Ѡеларскомъ и Фларентискомъ разбойническомъ кровопролитномъ осмомъ соборѣ...»* [ЛЗАК 1907: 81]. Как и при реконструкции И.М. Катырева-Ростовского, в данном случае нами также «разворачивается» левый контекст от союза «сиречь» в точку T1, а правый – в T2. (табл.14)

Табл. 14. Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (И.А. Хворостинин)

T1		T2
<i>«Повесть слезная о Листрискомъ»</i>		
*[N _n Adj _n о Adj _p]	<i>сиречь</i>	<i>Ѡеларскомъ и Фларентискомъ</i>
		*[Adj _p и Adj _p]

Вновь выявляется падежная идентичность двух частей (поясняемой и поясняющей), и это сходство становится маркером грамматической трансляции, осуществленной в коммуникативной единице. Как и у И.М. Катырева-Ростовского, у И.А. Хворостинина обнаруживается в бытийном типе КСК **[тождество]. Этот элемент на другом уровне представления, возможно, оказывается типом синтаксических отношений.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. Из предыдущего анализа известно, что для ЯЛ И.А. Хворостинина характерно высказывание своей оценочной позиции. При этом во многих текстах его изложение событий предельно с ним соотнесено. В сочинении «Словеса дней и царей...» разбросаны

многочисленные примеры, характеризующие авторское участие либо в выстраивании повествования («*Тако бо есть, братіа моя, речеть святое Писаніе*» [РИБ 1891: 527]), либо в описываемых событиях («*И единъ злосовѣтникъ зол пріде, - якоже самъ сказа мнѣ сіе, - и совѣща посланнымъ совѣтъ золъ...*» [РИБ 1891: 535]). Вследствие этого обнаруживается пласт метаэлементов, характеризующих поведение ЯЛ как создателя нарратива, например: «*Се же есть слово наше, елико по силѣ; повѣстемъ нашимъ предлогъ скажется сице*» [РИБ 1891: 530], «*Сія же оставимъ и о подлежащемъ побесѣдуемъ*» [РИБ 1891: 535], «*Се же здѣ прекратится слово и подлежащее да сочинится*» [РИБ 1891: 535] и другие. Далее по плану выявляются совпадающие КСК у создателя текста XVII века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия.

В «Русском биографическом словаре» воспроизведен фрагмент одной из государственных грамот, согласно которой И.А. Хворостинин «...учаль приставать къ Польскимъ и къ Латынскимъ попамъ и къ Полякамъ и въ вѣрѣ съ ними соединился» [СГГид Т. 3 1822: 331]. Обозначенная «общность» выступает во вторичном тексте как пример КСК *[совокупность]. В свою очередь связка *[движение]+*[место] подразделяется на духовный («Х. (Хворостинин – прим. З.А.) не стѣснялся рѣзко высказывать недовольство старыми порядками и стремленіе къ новому, чужому» [Вейнберг 1901: 289]) и на физический аспекты («Онъ даже собирался негласно продать свои вотчины и уѣхать на всегда за границу» [Вейнберг 1901: 289]; «Х. (Хворостинин – прим. З.А.), стоявший подѣ Козельскомъ, въ шести верстах от войскъ кн. А. Хованскаго, отказался явиться на помощь послѣднему» [Вейнберг 1901: 289]). Также можно фиксировать воспроизведение КСК *[власть]+*[место] («Х. (Хворостинин – прим. З.А.) былъ назначенъ первымъ воеводою сторожевого полка въ Новосили» [Вейнберг 1901: 289]). Ранее приводились примеры, в которых И.А. Хворостинин демонстрировал знание Священного Писания. Во вторичных текстах получает свою реализацию лично-психологический тип КСК. Подразумевается цепь *[характеристика содержания мыслей]+*[рецепция органами восприятия]: «образъ мыслей этого

«вольнодумца» XVII ст. наглядно характеризуется» [Вейнберг 1901: 289] и другие. Возникающая оценка в последнем фрагменте выступает реакцией на совокупность выводов о поведении И.А. Хворостинина. В его деяниях обнаруживается и негативный полюс («как ты былъ при Разстригѣ въ приближеніи, то впаль въ ересь и въ вѣрѣ пошатнулся, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіанского обычая не хранилъ» [цит. по: Вейнберг 1901: 290]), и положительный («онъ покаялся и былъ прощенъ. Ему позволили вернуться въ Москву и возвратили дворянскія права [цит. по: Вейнберг 1901: 290]). Вполне допустимо в этих точках усматривать ценностную константу творчества И.А. Хворостинина – противопоставление гордыни и смирения. На некоторую надменность князя указывал и его соотечественник-современник, а именно С.И. Шаховской, моделирование которого осуществляется далее.

2.2.3 С.И. Шаховской

Узел I. Для реконструкции современника И.А. Хворостинина²⁶ – ЯЛ С.И. Шаховского – были привлечены следующие тексты: «*Повѣсть извѣстно сказуема на память великомученика...Димитрія*», «*Повѣсть о нѣком мнись*» и 4 письма к дьяку Третьяку Васильеву. В этом корпусе памятников выявляется пласт сложных слов, который распределяется в следующем виде (табл.15).

Табл. 15 Конфигурации сложных слов по текстам С.И. Шаховского

«Повѣсть извѣстно сказуема на память великомученика...Димитрія»	«Повѣсть о нѣком мнись»	Письма
благ-13, мног-8, пред-/прежде- 7, велик-5, сам-/человек-4.	благ-24, мног-11, пред / прежд-9, бог-7, все-/един-6.	благ-12, бог-/брат-3, сам- / человек-2.

Полученные совокупности единиц суммируются, и из общего количества также вычленяются пять наиболее объемных групп по первому корню. Таким образом, получена конфигурация вида: благ-49, мног-19, пред-16, Бог-10, все/сам-6. Этот пласт распределяется по трём типам, как и в случае с предыдущими реконструкциями. «Бытийные» КСК представлены в таблице 16 ниже.

²⁶ В рукописных источниках сохранилось несколько посланий С.И. Шаховского к И.А. Хворостинину. В нашем исследовании мы опираемся на опубликованный материал, поэтому эти документы, к сожалению, остались за пределами моделирования.

Табл. 16. Распределение сложных слов по бытийному типу (С.И. Шаховской)

*[совокупность]									
Благ-		Мног-				Бог-		Все-	
-род-		-брач-	-бра-	-люд-	-род-	-отец-		-род-	-скот-
*[движение]									
Мног-		Бог-		Сам-					
-жела-		-ступ-		-хот-					
*[власть]									
Благ-		Сам-							
-вол-		-держ-	-вол-	-власт-					
*[место]									
Пред-		Мног-							
-ста-	-лож-	-стра-							
*[время]									
Мног-		Пред-							
-врем-	-стра-	-леж-							
**[текстовое протяженное]									
Пред-									
-реч-	-бы-	-губ-							

В полученном результате такие примеры, как: *благородія* [РИБ 1891: 854], *многобрачное* [РИБ 1891: 847], *многособранное* [РИБ 1891: 864], *многолюдную* [РИБ 1891: 860], *многонародному* [РИБ 1891: 874], *богоотца* [РИБ 1891: 867], *всенародное* [РИБ 1891: 866], *всескотно* [РИБ 1891: 871] – «со всем скотом, со всем живым» [СлРЯ XI – XVII Т.3 1976: 131] – характеризуют *[совокупность] чего-либо.

В основу другой КСК – *[движение] – легли факты: *многожелаемого* [РИБ 1891: 858], *богоотступникъ* [РИБ 1891: 866], *самохотию* [ВИМОИДР 1851: 7]. Как и в случаях с И.М. Катыревым-Ростовским, И.А. Хворостининым, примеры связаны с духовной тягой, влечением к чему-либо.

В основу реконструкции КСК *[власть] легли употребления: *благоволить* [РИБ 1891: 863], *самодержцу* [РИБ 1891: 847], *самовластную* [РИБ 1891: 857], *самоизвольно* [ВИМОИДР 1851: 7] с оппозицией в виде случаев: *многомятежномъ* [РИБ 1891: 872] и *богопротивный* [ВИМОИДР 1851: 6]. В двух последних единицах мысль о сопротивлении чему-либо затрагивает и социальный, и религиозный план повествования. Напомним, что С.И. Шаховской является современником и И.М. Катыреву-Ростовскому, и И.А. Хворостинину, более того – одним из обвинителей в гордыне последнего из названных князей. Из трех

осуществленных реконструкций по отсутствию сложных слов с обозначением борьбы или несогласия со светским или религиозным законодательством только «вольнодумец XVII столетия» не указывает на сопротивление власти или церковным догматам. Вместе с тем С.И. Шаховской и И.А. Хворостинин, как покажет дальнейший анализ, имеют больше общего, чем различного.

КСК *[место] была реконструирована по следующим словам: *предстаеть* [РИБ 1891: 873] – «но всѣмъ призывающимъ его съ вѣрою предстаеть и различный болезни исцѣльваетъ» – «1. Поставить перед кем-л.; тж. образно и перен.» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 210]; *предложу* [РИБ 1891: 847] – «кая и вящая подобаетъ глаголати: страданія ли мученика сего токмо исповѣмъ, или и рожденіе предложу» [РИБ 1891: 847] – «4. Письменно или устно изложить, сделав предметом рассмотрения; представить на рассмотрение [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 194]; *многопространной* [РИБ 1891: 858] – «по всей многопространной державѣ его» [РИБ 1891: 858] – «1. Обширный, весьма пространный (о территории)» [СлРЯ XI – XVII Т.9 1982: 213]. Интерес вызывает то, что второе значение лексемы – «2. Весьма продолжительный (о времени)» [СлРЯ XI – XVII Т.9 1982: 214] – становится основой для реконструкции *[время] – «во многопространное время» [РИБ 1891: 871]. В эту КСК также вошли случаи: *многовременной* [РИБ 1891: 874], *предлежитъ* [РИБ 1891: 868] – «образъ предлежитъ вѣрующимъ истинному Богу нашему: аще и мученіе за Христа пріяша, то и большую пищу рая обрѣтоша и во благоуханіе пища водворишася» [РИБ 1891: 868] – «2. Предстоять, ожидаться в будущем». Это одна из реализаций церковного догмата о воскресении мертвых, который, например, в раннем творчестве И.А. Хворостинина отрицался (период «гордыни»).²⁷ Для С.И. Шаховского такое понимание недопустимо в рамках собственного изложения, поскольку в ином случае автор мог быть обвинен в ереси.

Переходим к примерам, легшим в основу реконструкции КСК **[текстовое протяженное]. Имеются в виду случаи: *предиреченнаго* [РИБ 1891: 872],

²⁷ Согласно дошедшим до нашего времени документам, И.А. Хворостинин обвинялся в непотребном поведении в постные дни: запое и ругани. Со слов его крестьян, он запрещал им молиться и ходить в церковь, потому что «воскресения мертвых не будет». Сам «вольнодумец XVII века» на суде этот факт отрицал.

преждебывшаго [РИБ 1891: 865], *преждепагубному* [РИБ 1891: 857 – 858]. Последнее слово отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Употреблено в контексте: «и приємлетъ тлетворнаго лва, глаголю же – бѣса гордыню и проклятое мнѣніе на вся подручныя своя и послѣдствуетъ преждепагубному своему убиственному нечестію» [РИБ 1891: 857 – 858]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«такой, который предполагает нанесение вреда кому-л.». В настоящем случае «преждепагубный» тождественен и «прежебывшему», и «прежереченному» в том отношении, что об убийстве уже известно, исходя из развития повествования.

Далее анализируются сложные слова в лично-психологическом типе. Как и в случае с моделированием ЯЛ И.М. Катырева-Ростовского и И.А. Хворостинина, общая классификация этого корпуса единиц представлена двумя КСК: *[характеристика содержания мыслей] и *[рецепция органами восприятия] (см. табл. 17).

Табл. 17. Распределение сложных слов по лично-психологическому типу (С.И. Шаховской)

*[характеристика содержания мыслей]			
Благ-		Мног-	
-ум-	-искус-	-ум-	-суд-
*[рецепция органами восприятия]			
Благ-		Все-	
-вон-	-ух-	-вид-	

В основу реконструкции первой из них легли такие примеры, как: *благоразумно* [РИБ 1891: 869], *благоискусными* [ВИМОИДР 1851: 5], *многоразумна* [РИБ 1891: 846], *многоразсудный* [РИБ 1891: 857] и другие. В свою очередь КСК *[рецепция органами восприятия] представлена фактами: *благовонна* [РИБ 1891: 868], *благоуханіе* [РИБ 1891: 868], *всевидящее* [РИБ 1891: 867].

Заключает анализ описание сложных слов в ценностном типе. Абстрактность значения этих слов позволяет в рамках реконструкции распределить их в границах оппозиции Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся такие примеры характеристик и их носителей, как: *благовѣрный* [РИБ 1891: 853], *благочестивый* [РИБ 1891: 852], *благонравіе*

[ВИМОИДР 1851: 7], *благотишно* [РИБ 1891: 876], *благочиніємъ* [РИБ 1891: 842], *благодаряху* [РИБ 1891: 840], *благодати* [РИБ 1891: 847], *благоугодна* [РИБ 1891: 869], *благодетелю* [ВИМОИДР 1851: 5], *благопотребному* [ВИМОИДР 1851: 5], *многославному* [РИБ 1891: 847], *многоцѣнный* [РИБ 1891: 857], *многовещественное* [РИБ 1891: 861], *боговѣрнымъ* [РИБ 1891: 874], *богомолною* [ВИМОИДР 1851: 8], *Всецѣдрый* [РИБ 1891: 872], *благопрѣбываніи* [ВИМОИДР 1851: 8], *богорасленная* [РИБ 1891: 874] и др. Полученный корпус единиц по первому корню богаче, чем у И.М. Катырева-Ростовского и И.А. Хворостинина, у которых основная масса слов начинается с благ- и Бог-. С.И. Шаховской привлекает ещё факты с начальными мног-, все- и прежд-. Последний случай оказывается на периферии оценки, и его включение возможно вследствие коннотаций лексико-синтаксического окружения. Речь идет о слове *преждеумершихъ* [РИБ 1891: 871], которое отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Употреблено в контексте: «*И во-истинну тогда ублажаху живіи преждеумершихъ*» [РИБ 1891: 871]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто умер ранее, до чего-л.».

К отрицательному члену противопоставления относятся примеры: *неблагодарнаго* [РИБ 1891: 860], *многословія* [РИБ 1891: 842] – «*брашномъ маломъ питаяся, а не чревообъяденіємъ, отъ многословія соблюденіємъ, и къ настоятелемъ повиновеніємъ*» [РИБ 1891: 842] – «имеющий склонность к многословию, говорливости; многословный» [СлРЯ XI – XVII Т.9 1982: 217]; *многосоставному* [РИБ 1891: 872] – «*ябеднический, содержащий многие наветы, лживые обвинения*» [СлРЯ XI – XVII Т.9 1982: 219]; *богомерское* [РИБ 1891: 863], *богоненавистную* [РИБ 1891: 865] и др. И для положительного, и для отрицательного полюсов С.И. Шаховской (по сравнению с остальными князьями) привлекает большее разнообразие средств выражения своей оценки чего-либо.

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ в сочинениях С.И. Шаховского выявляются КСК, раскрытые в ходе анализа сложных слов. Цепи, образуемые взаимодействием бытийного и лично-психологического типов по принятой классификации, представлены фрагментами: *[совокупность]+*[власть]

+*[рецепция органами восприятия] – «и не бѣ имъ во очію граднаго мятежа и народнаго клича» [РИБ 1891: 840]; *[место] + *[рецепция органами восприятия] – «ни видѣша землю на землю на стѣчу сошедшуса» [РИБ 1891: 840]; *[время] +*[характеристика содержания мыслей] – «о семъ же единомъ печашеса, како бы имъ сохранить умъ не вреженъ отъ суеты вѣка сего» [РИБ 1891: 840] и другие. Сравнительно «чистые» реализации КСК допустимо усматривать в следующих частях: *[совокупность] – «иніи общежителни быша» [РИБ 1891: 842]; *[движение] – «и приимемъ отъ нихъ образъ и течемъ течениемъ тѣхъ и уподобимся имъ» [РИБ 1891: 838]; «и двизаніе плоти, и на скверный помыслы» [РИБ 1891: 845]; *[власть] – «понеже владыко отъ раба закланъ бысть и царьскаго престола лишенъ» [РИБ 1891: 844] и иные. Гипотетически, появление цепей на взаимодействии бытийного и лично-психологического типов допускает рассмотрение рациональности, «разумности» как одного из ключевых вопросов для С.И. Шаховского.

В этой связи чистая реализация КСК *[характеристика содержания мыслей]+*[рецепция органами восприятия] представлена примерами: «Коль слатка божественная словеса разумнѣйшій души, якоже пища грѣюще тѣло» [РИБ 1891: 838]; «промысль Божій на умъ, его же изначала даже и донинѣ промышляетъ» [РИБ 1891: 838]. На стабильность (и, возможно, системность) интереса к рациональной сфере человека может указывать случай употребления в тексте С.И. Шаховского паремии «ни око не виде, ни ухо не слыша» [РИБ 1891: 845]. «Око» (очи, глаза, зрение вообще) и «ухо» (и слышание вообще), взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На этом этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание условно классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов.

1. Око.

- 1.1. «Ядерная реализация». Двор добро с ушами, а храмина с очами [Симони 1899: 95]; Са очи каня не купять [Симони 1899: 106]; Са очи яйца торгбуютъ [Симони 1899: 107]; За очи баба и князя лаеть [Симони 1899: 107]; Кось очми. кривъ. речми. [Симони 1899: 113]; Не добро до^М бе³ ушей а хра^М бе³ очей [Симони 1899: 128]; Очи добры толко ямы одны [Симони 1899: 131]; Со чиста ср^Дца чисто зрятъ очи [Симони 1899: 153], «В очи лстивъ а за очи лживъ» [Симони 1899: 87].
- 1.2. «Периферийная реализация». Глаз: Азь не бѣ³ обѣихъ гла³ про себя самъ вижѣ [Симони 1899: 74]; Азь выколю гла³ которой ми пить зазирае^{Тб} [Симони 1899: 74]; Без глаз рожа не пригожа [Симони 1899: 83]; Глазь видить да зубъ не имѣтъ [Симони 1899: 90]; Глаза што лошки а не видять ни крошки [Симони 1899: 91]; Гла³ черной взгля^Д доброй абычей волковъ [Симони 1899: 92]; Собъ полонъ а глаза голодны [Симони 1899: 107]; Меж гла³, деревня. згорѣла [Симони 1899: 123]; У семи. мамакъ. дитя без глаза [Симони 1899: 145]; Чево глазь. не видить тово и язы^К не брѣдит. [Симони 1899: 156]. Зрение: Два Демида а оба не видять [Симони 1899: 93]; Есть пирогъ едимъ а нѣтъ ево гледимъ [Симони 1899: 98]; Жеравль летит высоко види^Т о^Н далеко [Симони 1899: 101]; Зри^Т в^Ддка что нет ни лыка [Симони 1899: 108].

2. Ухо.

- 2.1. «Ядерная реализация». Не добро до^М бе³ ушей а хра^М бе³ очей [Симони 1899: 128].
- 2.2. «Периферийная реализация». Слух, слушание: Ахавъ жены послуша^{Тб} со слезами хлѣба покушалъ [Симони 1899: 74]; Добро доброе слушать [Симони 1899: 94]; Есть чево послушать да было^б чево покуша^Т [Симони 1899: 98]; Есть кому послушать было бы что [Симони 1899: 99].

Использование устойчивого выражения оказывается явлением, связанным с ценностным типом КСК. Другие примеры, оформляющие аксиологию личности,

образованы синтаксическим нанизыванием, характерным для стиля «плетения словес»: *«Никто же ее имѣша ни служащаго, ни служимаго, но быша алчни и жадни, едини, слезни, поникли, дряхли, умилени, иссохли, не помиловани, не умовени, не почтени, не пощени, нищи, нази»* [РИБ 1891: 841]. Этот фрагмент выступает как высказывание о чем-то внешне данном.

При этом в других контекстах выявляется оценка по отношению к ситуациям для С.И. Шаховского личностным, можно сказать, интимным. В частности, речь идет об осмыслении ЯЛ оппозиции «Родители/Дети» в рамках более глобального противопоставления – «Добро/Зло»:

«Четырехъ бо женъ беззаконныхъ воспоминаеть Евангелистъ: Тамару, и Раву, и Руѳу, и Уриеву Вирсавію, - понеже Тамаръ неподобна браку бяше, яко съ свекромъ совокупльшися, Раавъ же блудница, Руѳа же иноплеменница, Вирсавія же прелюбодѣица... Виждь же, яко не повреждаетъ бо ничто же добродѣтельныхъ родительское беззаконіе, понеже бо всякій человекъ отъ своихъ дѣлъ, а не отъ туждихъ, судится добръ или золь» [РИБ 1891: 849].

Подобное решение вопроса могло быть только в светской публицистике: религиозное сочинение учитывало бы догматы и церковное предание, а также не миновало вопроса о первородном грехе.²⁸ Далее мы переходим к динамическим составляющим личности, а именно – образным структурам.

В рамках **эйдологического пояса** привлекает внимание использование в христианском контексте разных животных. К таковым относится, например, овца. С.И. Шаховской пишет: *«Бяше же по истиннѣ чудно видѣти, яже по Бозѣ житіе ихъ, како овии (примечание археографической комиссии: в рукописи наличествует приписка «овси» – З.А.) дѣло въ рукахъ держащее, молитву же устнами и разумомъ плещущее и къ Вышнему возсылающе, и тако день дне провожаху»* [РИБ 1891: 839]. Данное животное, согласно традиции, «выступает как символ спасителя и искупительная жертва (ср. широко известную в христианском учении и искусстве тему *Agnus Dei*, «божий агнец»)» [Мифы народов мира, Т. 2 1988: 39]. Образ встречается в повестях Смутного времени как метафорическое обозначение царевича Дмитрия.

²⁸ Эта оппозиция, как и в случае И.А. Хворостинина, биографична. С.И. Шаховской оказался в опале после того, как в четвертый раз женился. Этими текстами в общей сложности оформляется его ответ на все обвинения: дети не зависят от греха родителей.

Следующим компонентом эйдолологического пояса является «ласточка». С.И. Шаховской далее пишет: «*друзіи же, на версехъ горъ, яко ластовицы, възгнѣздившеся, шептаху псаломскіе пѣсни и пѣніе*» [РИБ 1891: 839]. Данная птица, согласно традиции, «считается одним из воплощений Иисуса Христа (в христианской символике обращающиеся с молитвенной просьбой к богу уподобляются Л., которые всегда голодны и страждут; молодая Л. – символ жажды духовной пищи» [Мифы народов мира, Т. 2 1988: 39]. Если овца и ласточка являются традиционными образными структурами для христианской культуры, то появление оленя следующим по очередности вызывает особый интерес.

С.И. Шаховской продолжает: «*и иниі, яко елени, горы высокія обхожаху и быліемъ пустыннымъ доволіе утробы своея имяху*» [РИБ 1891: 839]. В книге «Славянская мифология» о нём упомянуто в статье, посвященной солнцу [Славянская..1995: 363], о чем также писал в свое время А.А. Потебня («в русском предании олень есть животное, посвященное солнцу, приносимое ему в жертву и первоначально тождественное с ним» [Потебня 2000: 120]). Обширное толкование даёт М.М. Маковский: «*Понятие любви может соотноситься с животными — небожителями (корова, олень): ср. русск. любовь, но нем. диал. Lob «корова», латыш, liors «скот»; и.-е. *kat- «любовь», но и.-е. *ket(nd)- «парнокопытные животные»; чеш. laska «любовь»; *lesk- > *lek~, но и.-е. *elk- «олень»*» [Маковский 1996: 213]. При достаточной проработке вопроса этимологического родства и в последнем источнике не обнаруживается аспекта интеграции символа в христианскую культуру.

«Специальные» издания также оказываются скудны. В книге Э. Нюстрема «олень» выступает не столько как символ, сколько как действующая с другими персонажами фигура [Нюстрем 2000].²⁹ Ключом к пониманию этого элемента служит текст 41 псалма: «*Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя,*

²⁹ В («Церковный словарь в пяти частях», 1817 – 1819) П.А. Алексева, как и в («Полный церковно-славянский словарь», 1900), толкования не содержат энциклопедической информации по традиции понимания символа в христианской культуре.

сіце жєлаєть дша моа к тебѣ бже». Иными словами, перед нами символ человеческой души, устремленной к Богу.

Следующим по очередности упоминается заяц. С.И. Шаховской оканчивает своё рассуждение: *«друзіи же, яко заяцы, въ камени прибѣжище творяху»* [РИБ 1891:839]. В книге «Славянская мифология» даны достаточные сведения по роли символа в языческих представлениях славян [Славянская..1995: 190 – 192], однако отсутствуют хотя бы очерковые сопоставления с каноническим текстом Священного Писания. В Библейском словаре Э. Нюстрема находится следующее: *«Заяц (евр. «арнавет», араб. «арнаб»), «жующий жвачку, но не имеющий раздвоенных копыт», считался нечистым животным»* [Нюстрем 2000: 151].³⁰ Причина же введения зайца С.И. Шаховским в «православно-христианский» контекст сочинения до конца не ясна.

Реконструируемая ЯЛ, по сути, выступает в качестве экзегета в своих «Повестях». Например, им толкуется 13 стих 91 Псалма: *«и праведникъ же яко ѳиникъ процвѣте»* [РИБ 1891:867]. В синодальных переводах нашего времени «финик» переводится как «пальма», однако персональное поле смыслов у С.И. Шаховского эксплицируется и в этом случае. Он после стиха Псалма продолжает (приводим все ССЦ для демонстрации):

«понеже ѳиникъ есть птица, в велицѣй Индии пребываетъ, и та единогнѣздица, не имѣеть подружія своего и чадъ, но сама едина во своемъ гнѣздѣ пребываетъ; пищу же творить си, ислетаючи въ кедрѣ Ливана, и тамо облетающее, исполняетъ крыльѣ свои ароматъ, и тако всегда благовонна есть; но егда состарѣетца, и возлетаетъ на высоту, и взимаетъ огня небеснаго, и паки сходящее съ выоты, зажигаетъ гнѣздо свое, въ немъ бе и сама сожигается, но абіе въ пепель гнѣзда своего червемъ нарождается; и въ томъ червѣ бываетъ животное тожде по томъ того же нрава и естество тожде иматъ, яко и первіе» [РИБ 1891: 868].

Ошибка в интерпретации связана, вероятнее всего, с тем, что С.И. Шаховской ориентировался на церковно-славянский текст. В нем «пальма» обозначается словом «финіѣ» – [финикс]. Великолепно образованный для своего времени, С.И. Шаховской допускает ошибку в толковании символа за счет возможной омофонии, тем самым эксплицируя свой собственный фонд знаний. В

³⁰ Более подробно об этом же дано в («Церковный словарь в пяти частях» 1817 – 1819) П.А. Алексева. В («Полный церковно-славянский словарь» 1900) заяц представлен в прямом, а не в символическом значении. Следует, однако, оговорить, что в последнем из указанных источников не учитываются сведения о католической Пасхе, где данное животное имеет свою значимость.

дальнейшем эта составляющая эйдолологического пояса интерпретируется только в христианском ключе:

«Та убо птица, именуемая финиксъ, образ предлежитъ върующимъ истинному Богу нашему: аще и мученіе за Христа пріяша, то и большую пищу рая обрѣтоша и во благоуханіе пища водворишася» [РИБ 1891: 868].

Насколько этот факт выявляет переосмысление символического содержания православной веры можно будет судить только при изучении текстов религиозного содержания этого времени, в том числе и анонимных, однако такой ракурс остаётся за пределами нашей работы.³¹

Заключительный пункт данного этапа моделирования – описание синтаксических конструкций с союзом *сиречь*. «Повѣсть о нѣком мнѣсѣ» включает следующий фрагмент: *«не омывь ю духовною банею пакибыія, сирѣчь святымъ крещеніемъ»* [РИБ, 1891: 865]. Как и при реконструкциях И.М. Катырева-Ростовского и И.А. Хворостинина, в данном случае нами также «разворачивается» левый контекст от союза *сиречь* в точку T1, а правый – в T2 (табл. 18).

Табл. 18 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (С.И. Шаховской)

T1		T2
<i>«не омывь ю духовною банею пакибыія»</i>		
*[не V _(омыв) Pron _а Adj _і N _і N _і]	<i>сиречь</i>	<i>святымъ крещеніемъ</i>
		*[Adj _і N(V) _і]

Вновь выявляется падежная идентичность, которая становится маркером грамматической трансляции. Коммуникативный план вносит изменение в виде модификации лексико-грамматического класса слов, но эта трансформация в общих чертах сохраняет «ядро» поясняемой части: $V_{(омыв)}Adj_iN_iN_i \leftrightarrow Adj_iN(V)_i$. При этом у С.И. Шаховского (что отличает его от И.М. Катырева-Ростовского и И.А. Хворостинина) отсутствует в бытийном типе КСК **[тождество]. Вероятно, этим подчеркивается нестабильность её как некоторого образования.

³¹ В работе О.Е. Наделяевой (см. список литературы) указывается, что финикс как религиозный символ фигурирует с I века нашей эры и обозначал Воскресение Христово, победу жизни над смертью. Вектор, который остаётся за пределами диссертационного исследования, заключается в поиске стабильных и динамических компонентов в средствах и содержании данной образной структуры как воспроизводимого элемента в текстах эпохи.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. Из предыдущего анализа известно, что для ЯЛ С.И. Шаховского характерно внимание к внутреннему содержанию, к мысли, к мышлению, к умыслу. Это отображается и на метаэлементах, где помимо общей роли организации повествования («*О сихъ убо здѣ да станемъ и паки на первословную вину возвратимся*» [РИБ 1891: 850]; «*Здѣ да станемъ и паки о настоящемъ побесѣдуемъ*» [РИБ 1891: 870]) обнаруживается случай: «*И о сем прекращу слово да не тяжестно будет ушесамъ*» [ВИМОИДР 1851: 7]. Этот пример интересен тем, что найден в письме к Т. Васильеву, близкому другу С.И. Шаховского. Либо отправитель знал, что кто-то адресату прочитает корреспонденцию вслух («не тяжестно будет ушесамъ» – *[рецепция органами восприятия]), либо догадывался, что сам получатель при чтении проговаривает видимое.

Заключает реконструкцию выявление совпадающих КСК у ЯЛ XVII века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия. Сочетание бытийного и ценностного типов во вторичных текстах актуализирует ряд наших наблюдений по ходу моделирования: «послѣ смерти своей третьей жены, кн. III. женился въ четвертый разъ и навлекъ на себя этимъ преслѣдованіе патріарха Филарета Никитича» [Корсаков 1905: 588]. Цепь КСК *[время]+*[совокупность] – «въ оправданіе своего четвертаго брака говорить, что съ первой женой онъ прожилъ три года, со второй полтора года, а с третьей только девятнадцать недель» [Корсаков 1905: 588]. Конечно, косвенно, но данный факт во вторичных текстах обосновывает мотивированность появления в повестях С.И. Шаховского оппозиции «Родители/Дети», поскольку её осмысление было реакцией на события биографического характера. Это лишь одно из многих злоключений, произошедших с С.И. Шаховским.

Известно, что «нѣскольکو князей III.^(Шаховских, *[совокупность] – прим.3.А) были уличены въ «великихъ винахъ» политического характера^(*[власть] – прим.3.А) и приговорены къ смерти, но помилованы и разосланы изъ Москвы по тюрьмамъ въ низовые города^(*[движение]+*[место] – прим.3.А). Кн. Семен Ив. III-ой, отсутствовавший въ то время изъ Москвы, быль также привлечень къ ответственности за недонесение

и укрывательство^(*[совокупность] – прим.З.А)» [Корсаков 1905: 588]. Эти контексты специфическим образом оттеняют ведущие первые корни сложных слов, а именно все- и сам-: страдал и он сам, и все те из его рода и окружения, что были уличены государством в преступлении.

Во вторичном тексте КСК оказываются следами, намеками на жизненные обстоятельства, которые в свою очередь сопровождаются значащими переживаниями, а их заместителями оказываются средства письма. Например, *[движение]+*[место] – «он былъ привезень оттуда въ Москву «за приставомъ» и, безъ объясненія причины царского гнѣва, сосланъ «въ Новгород, въ моръ» [Корсаков 1905: 587]; *[власть]+*[место]+ *[движение] – «бояре отправили его полковымъ воеводой въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже послѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича» [Корсаков 1905: 588]; *[место] – «имѣніе его было конфисковано и что онъ даже сидѣлъ въ тюрьмѣ» [Корсаков 1905: 588]. В отношении «бытийного» типа КСК С.И. Шаховского допустимо усматривать выход за пределы семантики знака. Для данной ЯЛ эти структуры, контексты и пересечения нечто большее, чем результат, вскрываемый нашим моделированием.

Внимание к области рационального реализовано лично-психологическим типом КСК *[характеристика содержания мыслей]+*[рецепция органами восприятия]: «духовный писатель первой половины XVII столѣтія» [Корсаков 1905: 586]; «Какъ видно изъ его (С.И. Шаховского – прим. З.А.) переписки съ тобольскимъ дьякомъ Третьякомъ Васильевымъ» [Корсаков 1905: 587]; «онъ отличался большой начитанностью въ книгахъ священныхъ и церковныхъ и что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній» [Корсаков 1905: 586] и другие. Сам авторитет «въ дѣлахъ вѣры», что нами демонстрировалось, в аксиологическом отношении оказывается спорной фигурой. «Какъ видно изъ его (С.И. Шаховского – прим. З.А.) переписки съ тобольскимъ дьякомъ Третьякомъ Васильевымъ, кн. III. приписывал всѣ постигавшія его несчастья не преступленіямъ или проступкамъ, а своей грѣховности» [Корсаков 1905: 587]. Действительно, с точки зрения церкви,

четвертый брак был серьёзным проступком, однако кем являлся указанный адресат писем, и насколько он был близок к С.И. Шаховскому по содержанию личности анализируется нами в дальнейшем изложении.

2.3. Языковая личность государственных служащих

Настоящий параграф посвящен реконструкции ЯЛ трёх государственных служащих – Т. Васильева, И.Т. Семенова, Г.К. Котошихина. Выбор данного социального слоя обусловлен тем, что *«московские и провинциальные дьяки и подьячие выступают в XV – XVII вв. как новый слой интеллигенции, соперником старой церковно-монашеской и боярской»* [Якубинский 1986: 130]. Сама последовательность реконструкций мотивирована, во-первых, «синхронным» адресатом: С.И. Шаховской был в переписке с Т. Васильевым. Во-вторых, «Временник» И.Т. Семенова противопоставлен «Сочинению о России» Г.К. Котошихина и по времени (первая половина/середина семнадцатого столетия), и по территории (написано в России/за её пределами), и по стилю («плетение словес»/русский приказной язык) [Живов 2017; Ковалевская 1978; Колесов 2009].

2.3.1 Т. Васильев

Узел I. В академической традиции достаточно долгое время решался вопрос об авторе, *«который въ послѣдствіи поступилъ въ Московской Чудовъ монастырь въ монашество и принялъ имя Савватія»* [ВИМОИДР 1851: 12]. Известно, как минимум, три точки зрения на этот счёт [Шептаев 1965; Кортава 1999; Гальченко 2006]. В связи с этой неопределенностью вынуждены прибегнуть к следующему. Авторство Т. Васильева как дьяка в годы его мирской жизни не подлежат сомнению. В данной части диссертационного исследования реконструируется тот создатель текстов, кто занимал пост государственного служащего до своего пострига.

Во всех письмах этого периода обнаруживается пласт сложной лексики. Наиболее употребительными по первому корню оказались нижеперечисленные группы: благ-19, нов-3, все-/(друг-/друж-)/люб-/(пред-/преж-)-2. Эта конфигурация принимается как исходная в рамках исследования.

Образовавшийся пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный – представлен в таблице 19 ниже.

Табл. 19 Группировка сложных слов по бытийному типу (Т. Васильев)

*[движение]			
Друг-			
-люб-			
*[власть]			
Все-		Пред-	
-сил-		-стој-	
*[место]			
Пред-			
-стој-			

В связи с малочисленностью фактов, легших в основание полученных результатов, в дальнейшем осуществляется их краткое перечисление.

Составляющие таблицы 19 оформлены примерами: *[движение] – *дружелюбство* [ВИМОИДР 1851: 24]; *[власть] – *всесилнаго* [ВИМОИДР 1851: 15], *предстоятелю* [ВИМОИДР 1851: 11] – «тот, кто занимает высшее место в какой-л. иерархии: протоиерей в соборах, благочинный в церквях, настоятель в монастырях» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 213]; *[место] – *предстоящихъ* [ВИМОИДР 1851: 21] – «*Кому точно развъ вась предъ <...> лицомъ всегда предстоящихъ насъ безпомощныхъ заступати*» [ВИМОИДР 1851: 21] – «1. Стоящий перед кем-, чем-л.; присутствующий» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 214]. Эпистолярный материал весьма разрозненный, с иной сферой функционирования, поэтому выявленные факты количественно уступают таковым в корпусах текстов уже рассмотренных представителей княжеского сословия.

Далее анализируются сложные слова в лично-психологическом типе, оформленном единственной КСК *[характеристика содержания мыслей]: *благоразуміе* [ВИМОИДР 1851: 15], *вседушно* [ВИМОИДР 1851: 19], *любопремудраго* [ВИМОИДР 1851: 19] (табл. 20).

Табл. 20 Распределение сложных слов по лично-психологическому типу

*[характеристика содержания мыслей]					
Благ-		Все-		Люб-	
-ум-		-душ-		-мудр-	

В трёх компонентах (-(раз)-ум-; -душ-; -мудр-) усматриваются соответствующие им «полные» понятия: ум, душа, мудрость [Колесов 2006], часть из которых в

конце XX столетия будет описываться как константа русской культуры [Степанов 2001].

Заключает анализ исследование сложных слов в ценностном типе. Абстрактность значения этих единиц позволяет в рамках реконструкции распределить их в границах общей оппозиции Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся такие примеры характеристик и их носителей, как: *благодателю* [ВИМОИДР 1851: 24], *Преблагословенныя* [ВИМОИДР 1851: 11], *благодѣтель* [ВИМОИДР 1851: 20], *благочестіи* [ВИМОИДР 1851: 15], *новопріискныхъ* [ВИМОИДР 1851: 26], *новокрещеномъ* [ВИМОИДР 1851: 26] и др. Последние два случая периферийно связаны с оппозицией Свой/Чужой, знаменуя переход из «чужого» в «свое». К отрицательному члену основного противопоставления относится: «*и всяка душа любовѣщна, а всего лучше упованіе къ Богу*» [ВИМОИДР 1851: 20] – «любящий вещественное» [СлРЯ XI – XVII Т.8 1981: 329], в противопоставлении «любви к духовному».

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ, как и в предыдущем анализе, рассматривается эпистолярное наследие Т. Васильева. Реконструкция начинается с фиксации проявления КСК, полученных при исследовании сложных слов.

Цепь из бытийного, лично-психологического и ценностного типов дана во фрагменте: «*рабу предивну шествующему путемъ правды, к немало разумѣющему божественнаго писанія, и пріимшему по дару Божію много здраваго ученія, наипаче желателю вечнаго живота Государю моему Князю Семену Ивановичу*» [ВИМОИДР 1851: 9]. Этот отрывок является характеристикой собеседника Т. Васильева – князя С.И. Шаховского.

Другая цепь КСК – *[власть]+*[место] – формирует единый контекст «службы»: «*а на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Алексея Михайловича всеа Русіи службѣ въ Сибири въ Тоболску*» [ВИМОИДР 1851: 9]. Если этот пример был связан с самим Т. Васильевым, то следующий фрагмент является своего рода поддержкой опальному князю С.И. Шаховскому.

Дьяк пишет: «*А о томъ Государь* (в этом употреблении подразумевается С.И. Шаховской – прим. З.А) *не помалу оскорбляюся, что к тебѣ Государской* (в

этом употреблении подразумевается царь – прим. З.А) *милости и из озерствованія свободы нѣтъ*» [ВИМОИДР 1851: 9]. В общих чертах это всё ещё цепь КСК *[власть]+*[место]. Отметим, что в приведенном фрагменте слово «озерствованія» отсутствует в (СлРЯ XI – XVII). Предположительно, образовано из «озер – ств – ова – ни – јъ», ср. сходную модель в «оземствование» [СлРЯ XI – XVII Т. 12 1987: 307]. Вероятно, общее значение можно истолковать как *«заточение или ссылка в место, которое находится рядом с озером или другими водными объектами». Иная интерпретация (от «озорство») отсекается самим (СлРЯ XI – XVII). Например, вскрывается разность состояний между «озорствованием» и «озерствованием»: «всякое озорство чинили» [СлРЯ XI – XVII Т. 12 1987: 313], а в контексте письма – «и из озерствованія свободы нѣтъ». «Озорство» предполагает свободу в «своеволии», в то время как «заточение» служит ограничением для любого поступка. Письмо отправлено опальному и ссыльному С.И. Шаховскому в Тобольск, а одно это обстоятельство уже служит верификацией общего значения слова «озерствование».

Отметим, что указания на территорию и присутствие этим не исчерпываются. КСК *[место] в совокупности писем Т. Васильева становится подлинно бытийной благодаря использованию устойчивой конструкции «въ живыхъ обретаюсь», которая контекстуально обозначает нахождение среди живых, пока позволяет Бог: «въ живыхъ обретаюсь а впредь Государь протяженіе и кончину живота моего Богъ вѣсть» [ВИМОИДР 1851: 9]. Приведенный пример взят из письма С.И. Шаховскому, однако это словосочетание встречается в посланиях к Степану Агеевичу [ВИМОИДР 1851: 10; 12], батюшке Трофиму Дмитриевичу [ВИМОИДР 1851: 11], князю Алексею Никитичу Трубецкому [ВИМОИДР 1851: 18], боярину Илье Даниловичу Милославскому [ВИМОИДР 1851: 14], архиепископу Семionу [ВИМОИДР 1851: 17] и другим. Фрагментарно, конечно, этим описанием задано ядро бытийного типа КСК сибирского дьяка.

Для упомянутого «многогрешного» и «опального» собеседника Т. Васильева – князя С.И. Шаховского, как демонстрировала ранее реконструкция,

был свойственен интерес к внутреннему содержанию человека. Вероятно, в этом отношении проявлялась близость по «духу» коммуникантов, поскольку лично-психологический тип КСК позволяет увидеть некоторую идентичность между двумя ЯЛ.

Дьяк пишет князю: *«утверди сіе въ разумъ своемъ»* [ВИМОИДР 1851: 9]. При этом КСК *[характеристика содержания мыслей] в приведенном примере дана как «внешнее проявление», рекомендация, однако есть фрагмент, указывающий и на собственную роль в постижении мира: *«трожды въ Сибири чоль Библию отъ перваго листа и до послѣдняго, также и любопремудраго Діонисія Ареопагита отчасти коснулся»* [ВИМОИДР 1851: 19].³² Этот уровень культурной значимости обуславливал проявление некоторой аксиологии в письмах Т. Васильева. По крайней мере, экспликация опыта прочтения Священных текстов у рассматриваемой ЯЛ возможна и по отношению к другим адресатам.

В письме к Илье Даниловичу Милославскому обнаруживается синтаксическая конструкция: *«нехотящему ни текущему но помиловану Богомъ»* [ВИМОИДР 1851: 14]. Это неточное воспроизведение текста из 9 главы Послания к Римлянам: *«Тѣмже оубо ни хотящемъ, ни Текущемъ, но милующемъ Бѣ»* [Острожская Библия 1581: *Ѓѳ*; Рим. 9:16]. В определенной степени это редкий пример экспликации смыслового поля: употребление в письме («послании») прецедентного текста из «Послания» выводит общение на уровень (меж)культурной коммуникации.

Иной реализацией ценностного типа КСК является использование Т. Васильевым паремий, которые допустимо разделить на два вида: библейского происхождения и «профессиональные», возможно, «народные».

³² Для С.И. Шаховского Т. Васильев был во всех смыслах понимающим читателем. Опальный авторитет в делах веры и государственный служащий, который по своей воле и наитию занимается экзегетикой Священного Писания. Примечательно, что, исходя из значимости числа в православной культуре, Т. Васильев «трожды въ Сибири чоль Библию», как бы воспроизводя ту структуру понимания, которая выводилась в работах Г.И. Богина. Указывает на экзегетическую составляющую такого опыта и замечание самого дьяка: «также и любопремудраго Діонисія Ареопагита отчасти коснулся». В «тексте о тексте» могли быть «распредмечены» смыслы, не «схваченные» при троекратном прочтении.

1. Библейские паремии: *«не токмо что безъ вины и по винамъ терпѣніе отъ грехъ облегченіе»* [ВИМОИДР 1851: 9]; *«что грѣхъ непокаяненъ безъ наказанія не живетъ, то неправое терпение безъ веселія не бываетъ»* [ВИМОИДР 1851: 9]. «Вина», «Грех», «Покаяние», взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На данном этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов, однако ниже приводится лишь первая из названных группировок контекстов.

1.1. «Ядерная реализация». Вина³³: Бѣ суди виноватова хто обидить бородатова [Симони 1899: 81]; неповиннѣ рабу непристрашна смерть [Симони 1899: 129]; **П**авень грѣхъ малѣ винѣ творить [Симони 1899: 161], малъ грѣхъ великѣ винѣ приносить [Симони 1899: 120], малая вина непокорствомъ распространяетца [Симони 1899: 120]; виновать вѣкъ а платежу нѣтъ [Симони 1899: 87]; всякая вина виновата [Симони 1899: 84]; **З**аимщикъ заимодавцѣ всегда виновать [Симони 1899: 107]; виноватой платить а не богатой [Симони 1899: 87]; што то за блины все в спинѣ безъ вины [Симони 1899: 157]; стрѣляи в кѣсть а виноватова бѣ сыщеть [Симони 1899: 140], Пень при дорошке всякомѣ повинень [Симони 1899: 133]. Грех: **П**авень грѣхъ малѣ винѣ творить [Симони 1899: 161], малъ грѣхъ великѣ винѣ приносить [Симони 1899: 120]. Покаяние: Умъ не постояненъ члвкъ окояненъ [Симони 1899: 146], Не каися добро здѣлавъ [Симони 1899: 124]

2. Профессиональные, возможно, народные: *«коли бывало я сиживаль одинъ, не позоры дѣяль большую половину сидѣль на избу хрептемъ, а къ бумагъ лицемъ, въра его къ Богу есть, а по сему вътры пасеть, не того былъ я отъ него*

³³ В системе потенциальных контекстов, оформляющих нравственно-этическую категорию вины, прослеживается ряд черт. Она не порождается «Добром», она – априорное качество «человека живущего», она – «ущерб», возмещаемый единственно безгрешным судьёй – Богом. Вина – ярлык, навешанный на участников в определённой ситуации, может задействовать иные оппозиции: Богатство/Бедность, Хозяин/Гость.

чаяль» [ВИМОИДР 1851: 19]. Очевидно, что в приведенном фрагменте ЯЛ характеризует собственное трудолюбие и радение на государственной службе. При этом данная паремия сама по себе оказывается «периферийной» реализацией оппозиции Труд/Лень. Итог общей картины указаний на потенциальные контексты предстает в следующем варианте.

2.1. «Ядерная реализация (Труд/Лень)». Ленивои пьет вод⁸ [Симони 1899: 116]; Бѣлые ручки чюжие труды любятъ [Симони 1899: 82]; Глупъ да лѣнивъ о^дно двожды дѣлае^т [Симони 1899: 91]; Еловая кора лѣнивому добра [Симони 1899: 99]; Жени^тся у^ж не ленится [Симони 1899: 102]; Жени^тся ленивой на са^нливой богато бы имъ жить [Симони 1899: 102]; Совут мяня и часто да ленюся ходить [Симони 1899: 108]; Ленивом⁸ болить в хребтѣ [Симони 1899: 116]; Ленивой двой дѣлае^т [Симони 1899: 116]; Лениво^й и по платью. знать. [Симони 1899: 116]; Ленивому ме^двѣдь в поле а волкъ за ворота [Симони 1899: 116]; Лень не родится. и мачало згоди^тся [Симони 1899: 117]; Лихо ленивом⁸ до лѣта а та^м ли^ш спи да лежи [Симони 1899: 117].

2.2. «Периферийная реализация». Белки ловить ношки отбить [Симони 1899: 80]; Бобы не грибы не посѣвѣ не взойд⁸тъ [Симони 1899: 81]; Встанешъ рабою сядешъ госпожою [Симони 1899: 85]; Аллилуия пѣть на^{дѣ} поклонами прѣть [Симони 1899: 74]; Бе³ снасти и вши не убить [Симони 1899: 84]; Всякой чл^вкъ у дѣла по³новае^тся [Симони 1899: 88]; Грибовъ ищутъ по лѣсу рыщутъ [Симони 1899: 91]; Жать ячмень нагибатца [Симони 1899: 101].

Примечательно, что в общей совокупности писем Т. Васильев совмещает и черты высокой книжности, и черты народно-разговорной стихи (см. ниже). Этой тенденции следуют и используемые им паремии, затрагивающие и церковно-ритуальную, и секулярно-светскую сферы жизни человека XVI-XVII веков. Далее анализируются динамические составляющие личности, а именно – образные структуры.

Неоднозначен *эйдолологический пояс личности*. В письме к Илье Даниловичу Милославскому обнаруживается следующее сравнение: *«еще въ живыхъ обрѣтаюсь, хранимъ милостію Создателя своего Великаго Бога, и крѣемъ крѣпкою десницею его яко птенець кокошью, отъ враждующихъ на мя заступленіе его а о грѣсехъ долготерпѣніе»* [ВИМОИДР 1851: 12]. Хотя в данном фрагменте и возникает образ курицы, но в отношении к петуху как символу ряд исследователей отмечали, что он «подобен пастырю доброму, ибо «крыльями бьет по чреслам своим прежде, чем возвышает голос свой»» [цит. по: Королев 2005: 473]. Либо это символизация бытового наблюдения [Энгельгардт 2005], либо это отображение культурного слоя в приземленном сравнении. Следующий пример выводит на другую образную структуру.

«Твори милость свою ко мнѣ не яко сроку право начертанну и не зело долготну, но твори яко колѣсо, понеже бо срока не будетъ безъ конца, а колѣсо неимать конца, тако бы и милость твоя Государя моего ко мнѣ въ лѣтѣхъ моихъ была безъ конца, а лѣта мои не болюше не далече отъ конца, а егда будетъ конецъ, тогда не пмавъ (возможно, имамъ – З.А.) стужати тебѣ Государю своему» [ВИМОИДР 1851: 14].

Пожалуй, в дошедшей до нас переписке это – значимая в дискурсивном отношении составляющая *эйдолологического пояса ЯЛ Т. Васильева*. В его письме к И.Д. Милославскому о другом служащем: *«говариваль ему почаству что добро тайна Царева хранити и жити невертячимъ обычаемъ»* [ВИМОИДР 1851: 15]. В документе к думному дьяку Михаилу Юрьевичу Волошенинову обнаруживается следующий оборот: *«что мне вертеться яко стругле»* [ВИМОИДР 1851: 20], т.е. *«вертеться как веретену»*. Отметим, что последний пример воспроизводит представление о вращении дважды – через семантику возвратного глагола и лексическим значением существительного, а также посредством синтаксических отношений (мне...яко...).³⁴

Коммуникативно-соотнесительный пояс ЯЛ реконструируется относительно полно за счет сферы функционирования текстов. В письме к Илье Даниловичу Милославскому адресант оповещает адресата, *«что поставлень на дворышко мое полковникъ Александръ Крафтортовъ <...> «Мню Государь что*

³⁴ В онтологической картине состава личности эти случаи выступают оформителем значащего переживания, которое коррелирует с КСК бытийного аспекта *[движение]

посягнули на меня посолскія избы подьячіе Олексѣй Корепановъ и иные такіе же, наговорили на то дьякомъ, что на дворишко мое поставитъ такова стоящика» [ВИМОИДР 1851: 14-15]. Далее идет объяснение подобного предположения: «принялъ за него не малое безчестье, а его избережь, толко было Государь моей къ нему и грубости, говариваль ему почасту что добро тайна Царева хранити и жити невертячимъ обычаемъ» [ВИМОИДР 1851: 15]. Употребление просторечия, которое относится к иной сфере функционирования, добавляет экспрессивности высказыванию. В данном случае оценочность используемых языковых единиц подчеркивается на всем срезе языковой системы: «онъ вѣдаль передо мною при моемъ сидѣньѣ посолскихъ дѣлъ десятой жеребей (т.е. делопроизводство, незначительное по важности – З.А.), и то Государь дѣлалось его недостаткомъ, а не моимъ на него посягателствомъ» [ВИМОИДР 1851: 15]. Вынесенные в конец синтаксической конструкции противительные отношения могут совпадать с логическим ударением в предложении, что в определенной степени свидетельствует о риторическом опыте пишущего.

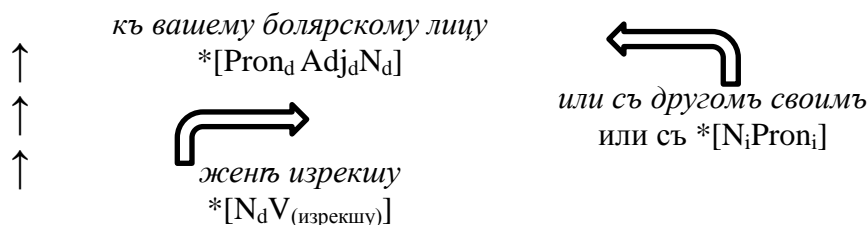
В привлеченном материале отсутствуют случаи употребления союза сиречь. Напомним, что синтаксические конструкции с ним выступают заключительным пунктом данного этапа моделирования. Союз «то есть» также не употребляется, однако наличествует фрагмент с бессоюзной связью: «яко женѣ изрекшу или съ другомъ своимъ: къ вашему боярскому лицу пріятно то слышетъ...» [ВИМОИДР 1851: 24]. Знаком препинания может быть маркирована некоторая точка в развертывании нарратива. Если оттолкнуться от высказанного допущения, «развернув» левый контекст от двоеточия в полюс T1, а правый – в T2, получается следующий результат (табл. 21).

Табл. 21 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (Т. Васильев)

T1		T2
«яко женѣ изрекшу или съ другомъ своимъ»		
*[N _d V _(изрекшу) или съ N _i Pron _i]	:	къ вашему боярскому лицу
		*[Pron _d Adj _d N _d]

На первый взгляд, то, что наиболее близко было бы предыдущим случаям, соответствует воспроизводству компонента $*[N_d]$. Обращают на себя внимание «своим» и «вашему», которые относятся к одному лексико-грамматическому классу слов и, более того, рядом авторов воспринимаются как «местоимения-прилагательные» [Шахматов 2001; АГ 1980]. Вполне возможно, что фрагмент «или съ другомъ своимъ» является «привнесенным» участием ЯЛ при выстраивании своего изложения. Это позволяет (в полном соответствии со схемой мыследействия Г.П. Щедровицкого) представить рассматриваемую синтаксическую конструкцию как (табл. 22):

Табл. 22 Коммуникативное вмешательство в грамматическую трансляцию

В этом отношении «левая» сторона получившегося изображения характеризует падежную идентичность как общую деятельность трансляции, «правая» – «включение» в воспроизводство коммуникативно «привнесенного» элемента.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. В письмах Т. Васильева, как правило, отсутствуют метаэлементы, что, вероятнее всего, связано с самим жанром документов. Чаще встречаются необходимые указания адресанта на место, время, ситуацию, произошедшую с ним.

Тем не менее в письме к думному дяку Михаилу Юрьевичу Волошенинову метаэлементом выступает осознание перехода с одного языкового кода на другой: *«Сего ради не тощъ глаголь мой ко мнѣ возвратился, яко женъ изрекшу или съ другомъ своимъ: къ вашему боярскому лицу приятно то слышетъ, и красно на письмъ видѣть, что влекутца родове ваши великихъ людей знаменитыхъ отчичей и живете при Царскомъ Величествѣ въ Сенатъ»* [ВИМОИДР 1851: 24]. Этот «жест» выступает как своеобразная благодарность за повышение, последовавшее после донесения монарху о работе Т. Васильева.

Заключает реконструкцию выявления совпадающих КСК у ЯЛ XIX века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия. Редукция автора до профессиональной занятости в «узле I» обуславливает выход за пределы только одного сопоставительного источника, поскольку, например, в [ВИМОИДР 1851] основное изложение связано с анализом писем, а «дьяку» отведено меньше исследовательского интереса. В [РБС Т.18] вся энциклопедическая статья почти полностью посвящена «справщику» Савватию. Поэтому привлечение двух сопоставительных источников является вынужденным шагом.

Цепь бытийного типа КСК *[движение] + *[место] +*[власть] дана фрагментом: «Прежня его служба въ Москвѣ, откуда, какъ видно изъ писемъ, онъ былъ посланъ въ Сибирь, неизвестна» [ВИМОИДР 1851: 3]. При этом комментатор «восстанавливает» переживание времени-места в лексикализованном виде, хотя в заданном «узлом I» «ядре» бытийного типа составляющая *[время] отсутствует: «мѣсто рожденія его и годъ смерти неизвѣстны» [РБС Т.18 1904: 23]. Подобное привнесение является уже участием самого комментатора. Вероятно, отсутствие серьёзных управленческих функций у самой ЯЛ XVII века вызывает соответствующий взгляд на Т. Васильева как на подчиненного. Поэтому КСК *[власть] формируется контекстами по типу: «что указаль Государь Третьяку быть на своей государевѣ службѣ» [ВИМОИДР 1851: 2]; «приказомъ большой казны и иноземнымъ управляль бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, къ которому вѣроятно и были писаны три письма Третьяка Васильева» [ВИМОИДР 1851: 3] и другие. Выявленная ранее «сопоставимость» дьяка и князя С.И. Шаховского в аспекте познания Священного Писания проявляется и на данном этапе моделирования.

КСК *[характеристика содержания мыслей] представлена контекстом «будучи дьякомъ, онъ любилъ читать книги и приобрьль много свѣдѣній» [РБС Т.18 1904: 23]. О том, насколько ценностный и лично-психологический типы переплетены во вторичных текстах, можно судить по тому факту, что Т. Васильев «въ послѣдствіи поступилъ въ Московскій Чудовъ монастырь въ монашество въ приняль имя Савватія» [ВИМОИДР 1851: 3-4]. Повторим, что этот период уже не

входит в рамки фрагментарного исследования. На данный момент изложение хронологически возвращается к первой трети XVII века, в которой был создан текст, вызывающий острые дискуссии не одно столетие.

2.3.2 И.Т. Семенов

Узел I. В академической традиции продолжительное время автора «Временника» называли Иваном Тимофеевым, однако историками было внесено уточнение, что полные фамилия, имя и отчество – Иван Тимофеевич Семенов [Солодкин 1993]. Впрочем, это никак не влияло на то, что памятник первой половины XVII века дошел до нашего времени в единственном экземпляре, а его автор действительно занимал должность дьяка. Отметим, предваряя реконструкцию ЯЛ И.Т. Семенова, что если письма Т. Васильева включают (пусть и не в равной мере) и книжную стихию, и канцелярско-народно-разговорную, то текст «Временника» выполнен в стиле «плетения словес». В этом сочинении обнаруживается не менее 998 сложных слов.³⁵ Среди них по первому корню наиболее объемны следующие группы: сам-61, все-55, благ-54, бог-45, нов-40. Эта конфигурация принимается как исходная в рамках исследования. Образовавшийся пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный – представлен в таблице 23 ниже.

В основу реконструкции КСК *[совокупность] легли такие примеры, как: *всеродно* [РИБ 1891: 266], *всеродителнаго* [РИБ 1891: 322], *вседомовныхъ* [РИБ 1891: 379] – *«тот, который относится ко всему дому, семейству»; *вселюдно* [РИБ 1891: 422], *всемірныя* [РИБ 1891: 372], *всекупно* [РИБ 1891: 465] – *«одинаково для всех», *всесоборнѣ* [РИБ 1891: 321], *всесложении* [РИБ 1891: 401] – *«соединение всего из (или по причине) чего-л.», *всеросійскихъ* [РИБ 1891: 336 – 337], *благородіе* [РИБ 1891: 269], *новобрачными* [РИБ 1891: 388], *самобратная* [РИБ 1891: 353] и другие. Представленные единицы формируют различную степень общности по признакам кровного родства, скопления в толпу, массу, по территории и так далее.

³⁵ Только исследование наиболее объёмных групп по первому корню выявило 80 фактов, не зарегистрированных в «Словаре русского языка XI-XVII вв.». Дефиниции неучтенных лексем даны без контекста, а весь ход контекстуального анализа вынесен в приложение 4.

Табл. 23. Распределение сложных слов по бытийному типу (И.Т. Семенов).

*[совокупность]																
Все-								Благ-		Нов-		Сам-				
-род-	-дом-	-люд-	-мир-	-куп-	-собор-	-слож-	-рос-	-род-		-брач-		-брат-				
*[движение]																
Сам-							Все-		Нов-		Благ-		Бог-			
-люб-	-жела-	-хот-	-движ-	-шест-	-гряд-	-стеч-	-мен-		-хот-	-хит-	-мен-	-ступ-	-хит-			
*[власть] (часть I)																
Сам-										Все-						
-держ-	-вол-	-власт-	-господ-	-цар-	вен(еч)	-закон-	-начал-	-стол-	-покор-	-держ-	-мог-	-сил-	-скипетр-	-цар-	-гроз-	
*[власть] (часть II)																
Благ-		Бог-		Нов-												
-держ-	-вол-	-цар-	-ста-	-цар-	-велмож-	(о)блад-	-господ-	-крѣп-	-бра-							
*[место]																
Все-		Бог-		Нов-												
-град-	-ят-	-бы-		-град-												
*[время]																
Все-																
-ден-	-год-															
*[структура]																
Все-				Нов-												
-кор(ен)-	-част-	-цел-		-кро-												
**[тождество]																
Нов-								Сам-								
-подоб-	-друг-	-вод-	-да-	-пят-	-яв-	-муч-	-страд-	-жи-	-рас-	-ста-						
					-свят-											

Реконструкция КСК *[движение] основана на примерах: *самолюбное* [РИБ 1891: 379], *саможелатели* [РИБ 1891: 431] – *«тот, кто желает чего-л. для себя самого, одиночно», *самохотию* [РИБ 1891: 272], *самоподвиженіемъ* [РИБ 1891: 264] – *«движение к чему-л. по своей воле», *самошественнѣ* [РИБ 1891: 281], *самопришествена* [РИБ 1891: 302], *самогрядущая* [РИБ 1891: 313], *самостечни* [РИБ 1891: 444], – *«те, кто собрались сами ради чего-л.», *всеизмѣнно* [РИБ 1891: 266] – *«все изменяющее в сторону чего-л.», *новохотящемъ* [РИБ 1891: 329] – *«желавший или добившийся чего-л. в настоящем времени», *нововосхититель* [РИБ 1891: 369], поскольку «тот, кто вновь стремится захватить что-л» [СлРЯ XI – XVII Т. 11 1986: 397], однако это употребление на пересечении с группировкой единиц, связанных с категорией власти. Духовная тяга также представлена случаями по типу: *благопремѣнителенъ* [РИБ 1891: 399] – (благопремѣнение – «исправление, изменение к лучшему» [СлРЯ XI – XVII Т. 1 1975: 211]), т.е. буквально *«тот, кто способен к изменению к лучшему»; *благоотступники* [РИБ 1891: 445] – *«те, кто отступил от блага (православной веры)», *боговосхитно* [РИБ 1891: 468] – «Будучи взятым откуда-л. Богом» [СлРЯ XI – XVII Т.27 2006: 254]. Данная часть пласта сложных слов, как демонстрируют примеры, передает общее представление о динамике, нестабильности всего и всех в период «Смутного времени». В предыдущих реконструкциях (И.М. Катырев-Ростовский, И.А. Хворостинин, С.И. Шаховской, Т. Васильев) лишь предполагалось, что КСК *[движение] условно включает и духовное, и физическое перемещение. Текст «Временника» это разделение фиксирует вполне отчетливо.

В некоторой степени такое распределение могло характеризовать весь хаос «Смутного времени». И так как этот период сопровождался династическим кризисом, то появление самой «большой» КСК *[власть] из всех девяти авторов не является случайностью. Допустимо указать примеры: *самодержавніи* [РИБ 1891: 261], *самоволнеи* [РИБ 1891: 417], *самовластіемъ* [РИБ 1891: 341], *самогосподствія* [РИБ 1891: 444] – *«одиночное владение государством», *самоцарюющему* [РИБ 1891: 297] – *«тот, кто правит царством сам», *самовѣнчника* [РИБ 1891: 390], *самозаконное* [РИБ 1891: 345], *самобезначалства*

[РИБ 1891: 340], *самопрестолному* [РИБ 1891: 425] – *«тот, кто сам утвердил себя на престоле», *самопокорни* [РИБ 1891: 261] – на пересечении с *самопослушни* [РИБ 1891: 262] = «самопокорный» – «1. Покорный по своей воле. 2. Покорный в высочайшей степени» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 45] – «не уже до крове токмо, но и до самая смерти быхомъ имъ самопослушни» [РИБ 1891: 268] – *«очень покорный», *вседержавныя* [РИБ 1891: 361], *всемогій* [РИБ 1891: 282], *всесилнаго* [РИБ 1891: 350], *всескипетра* [РИБ 1891: 400] – *«монархическая власть над всеми», *всещарствіи* [РИБ 1891: 362] – *«царская власть над всем», *Всегрозный* [РИБ 1891: 448] – *«самый грозный; самый могущественный»; *благодержавно* [РИБ 1891: 359] – *«тот, кто полностью соответствует власти правителя», *благоволящу* [РИБ 1891: 321], *Богоцаря* [РИБ 1891: 346] – *«одно из обозначений Господа Бога», *богопоставленный* [РИБ 1891: 396] – *«тот, кто возведен в сан по божественным канонам»; *новоцаренія* [РИБ 1891: 454] – *«правление впервые; ситуация, когда на престол восходит род, не бывший до этого в роли царей», *новоцаряющему* [РИБ 1891: 400] – *«тот, кто царствует недавно или впервые», *нововелможји* [РИБ 1891: 369] – *«те, кто стал знатным человеком недавно», *новообладателе* [РИБ 1891: 463] – *«те, кто стали правителями недавно», *новогосподѣ* [РИБ 1891: 329] – *«тот, кто стал владыкой недавно», *новоукръплениемъ* [РИБ 1891: 318] – *«принятие обязанностей или роли следом за кем-то в недавнем прошлом», *новоизбранный* [РИБ 1891: 331] в контексте «*небытіе царево на Русь; тогда новоизбранный нашъ хотяи быти царь*» [РИБ 1891: 331] в значении, близком к «1. Вновь избранный» [СлРЯ XI – XVII Т.11 1986: 410], но с уточнением *«недавно принятый в качестве царя».

Реконструкция КСК *[место] представлена следующими единицами. *Всеградное* [РИБ 1891: 302], *всеприятелище* [РИБ 1891: 417] – «то, что принимает все, всех» [СлРЯ XI – XVII Т.3 1976: 129], *богопробывалище* [РИБ 1891: 433] – *«церковь, храм как место обитания Бога», *Новгородукомъ* [РИБ 1891: 266]. Следующие за этой КСК образования *[время] и *[структура] оформлены незначительным количеством единиц. Первая из указанных представлена следующими примерами: *вседневно* [РИБ 1891: 456], *повседневную* [РИБ 1891:

456], *всегодищно* [РИБ 1891: 433]; вторая – *всекоренно* [РИБ 1891: 460], *всечастъ* [РИБ 1891: 416] – *«всеми частями», *всещъль* [РИБ 1891: 450], в определенной степени слова *новоскроена* [РИБ 1891: 406] – *«то новое, что изготовлено из материала для кройки». Как и в предыдущем, так и в последующем анализе выявляются факты, обнаруженные в нашей диссертации только при моделировании ЯЛ И.Т. Семенова.

КСК **[тождество] примечательна такими примерами, как: *новоподобну* [РИБ 1891: 461] – *«то, что похоже на новое»; *новодругое* [РИБ 1891: 453] – *«то, что дано снова, но отличается от предыдущего», *нововводна* [РИБ 1891: 462], *нововводнаго* [РИБ 1891: 389] – «недавно введенный» [СлРЯ XI – XVII Т.11 1986: 396], *новозданный* [РИБ 1891: 261] – «1. Только что созданный» [СлРЯ XI – XVII Т.11 1986: 400], *новопрепятія* [РИБ 1891: 408] – *«возникшее вновь препятствие для кого-л., чего-л.»; *новоявленосвятыхъ* [РИБ 1891: 336] – *«те, которые впервые проявили себя как праведные люди»; *новомученическая* [РИБ 1891: 296] – *«то, что относится к новым мученикам; мукам людей, признанных мучениками в недавнем прошлом или современниками»; *новомученика* [РИБ 1891: 321] – *«лицо, недавно возведенное христианской церковью в ранг святых за страдания и смерть»; *новострадалне* [РИБ 1891: 321] – *«испытывавший страдание новый мученик»; *саможивотное* [РИБ 1891: 405] – «обладающий сущностью жизни» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 39]; *самораслена* [РИБ 1891: 323] – «*обагрившаяся во страданіи честною кровію его во свидѣтелство, самораслена бо и обычна*» [РИБ 1891: 323] – «2. Естественный, природный» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 46]; *самосоставному* [РИБ 1891: 357] – «*не точію еже быти въ нихъ по случаю самосоставному словесъ украшеніи льпотнѣ*» [РИБ 1891: 357] – «самостоятельно существующие, имеющие независимое существование» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 49].

Далее анализируются сложные слова, входящие в лично-психологический тип. Общая классификация этого корпуса единиц представлена двумя КСК: *[характеристика содержания мыслей] и *[рецепция органами восприятия] (табл. 24).

Табл. 24. Распределение сложных слов по лично-психологическому типу (И.Т. Семенов)

*[характеристика содержания мыслей]											
Сам-				Благ-				Все-		Бог-	
-мудр-	-мни-	-ум-	-искус-	-уч-	-ум-	-суд-	-искус-	-чая-	-вед-	-слов-	
*[рецепция органами восприятия]											
Сам-				Все-				Благ-		Бог-	
-вид-	-вкус-	-слыш-		-смад-		-ух-		-зри-			

В основу реконструкции первой из них легли такие примеры, как: *самопремудрымъ* [РИБ 1891: 394] – *«тот, кто искусен в чем-л. ради себя самого»; *самомнимыхъ* [РИБ 1891: 359], *самоумныхъ* [РИБ 1891: 423] – *«те, кто мыслил о выгоде из чего-л. для себя»; *самоискуснѣ* [РИБ 1891: 356], *самоученное* [РИБ 1891: 441], *благоразуміе* [РИБ 1891: 287], *благоумень* [РИБ 1891: 304], *благоразсуднѣ* [РИБ 1891: 279], *благоискусныхъ* [РИБ 1891: 278], *всичаемыя* [РИБ 1891: 446] – *«ожидаемая всеми»; *Всявъдче* [РИБ 1891: 349] – *«тот, кто владеет абсолютным знанием, знает о всём (эпитет Бога)»; *богословцѣхъ* [РИБ 1891: 373], где «богослов» – «знаток богословия» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 266]. В свою очередь КСК *[рецепция органами восприятия] представлена употреблениями: *самовидцы* [РИБ 1891: 448], *самовкусныхъ* [РИБ 1891: 445] – *«тот, кто обладает своим собственным вкусом»; *самослышанѣ* [РИБ 1891: 311] – *«тот, знание о котором получено самим слышащим», *всесмадное* [РИБ 1891: 417] – в контексте: «отнюду же предпочитаемаго ими всесмадное лицо, во ограду его сношаху» [РИБ 1891: 417] – *«мерзостное во всем», *благауханнаго* [РИБ 1891: 296], *богозрителю* [РИБ 1891: 450] – *«пророк; тот, кто узрел Бога».

Следует указать, что между лично-психологическим и ценностным типами образуется переходная зона, оформленная критерием результативности. В частности, «богоуготовано» (*богоуготованнѣмъ* [РИБ 1891: 322] (*«тот, что предназначен Богом») есть также «богоумышленно» (*богоумышленѣ* [РИБ 1891: 359] – *«тот или то, что замыслено Богом»), хотя ещё не является фактом «богоданным» (*богоданными* [РИБ 1891: 265]), но уже выступает как «богопущеніе» [РИБ 1891: 328] (*«то, что наслано Богом, что допущено Богом»), или то, что «богопустно» [РИБ 1891: 274] (*«то, что наслано Богом, что допущено Богом») и «богосмотрительно» (*богосмотрителнаго* [РИБ 1891: 283] –

*«то, что допущено Богом во имя чего-л.»), поскольку Бог – *Всѣвъдче* [РИБ 1891: 349].

Заключает анализ исследование сложных слов, входящих в ценностный тип. Абстрактность значения этих единиц позволяет в рамках реконструкции распределить их в границах общей оппозиции Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся следующие перечисленные примеры характеристик и их носителей. *Богомолитвена* [РИБ 1891: 449] – *«то или тот, кто приносит молитвы Богу»; *благочиніи* [РИБ 1891: 449], *благолѣпія* [РИБ 1891: 363], *благоплодна* [РИБ 1891: 451], *благоутробный* [РИБ 1891: 388], *благочестиво* [РИБ 1891: 267], *благонадежнѣ* [РИБ 1891: 325] – *«надежно, верно»; *благовѣрнымъ* [РИБ 1891: 270], *благонравнѣмъ* [РИБ 1891: 461], *всекрасныя* [РИБ 1891: 299], *всеукрашенѣ* [РИБ 1891: 371] – *«полностью украшенный, тот, кому придали красоту во всем»; *превсесвѣтлаго* [РИБ 1891: 363] – *«самый светлый, совершенно светлый во всем»; *вселѣпотнѣмъ* [РИБ 1891: 449] – *«всем подобающий в чем-л.»; *вседобротная* [РИБ 1891: 356 – 357] – *«все хорошее, всё благое»; *благопожданнѣ* [РИБ 1891: 457] – *«очень, совершенно терпеливо»; *благостройно* [РИБ 1891: 467] – *«подобающе чему-л., кому-л.»; *благостоятелну* [РИБ 1891: 355] – «2. Крепкий, прочный» [СлРЯ XI – XVII Т.27 2006: 246]; *боголичный* [РИБ 1891: 428] – «избранный от Бога» [СлРЯ XI – XVII Т.27 2006: 259]; *благословенную* [РИБ 1891: 292] – «*Богомъ вѣнчаннаго си подруга и свою благородную и благословеную <...> премладѣйшую отрасль*» [РИБ 1891: 292] – «1. Славный, достойный хвалы» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 217]; *благословныхъ* [РИБ 1891: 315] – «*Яко же по-истинѣ въ сущихъ державѣ законный обычая бяху: благословныхъ винъ ради*» [РИБ 1891: 315], где «БЛАГОСЛОВНЫЙ. Имеющий достаточную причину, основание» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 219], однако *благословное* [РИБ 1891: 355] в контексте – «*понеже богопротивно умышлено бысть, а не якоже благословное*» [РИБ 1891: 355] может интерпретироваться как *богопотребное*; *богопослушная* [РИБ 1891: 457] – *«тот или то, что смиренно перед Богом, божественным»; *благодатнымъ* [РИБ 1891: 280], *богоданными* [РИБ 1891: 265], *богоспасеня* [РИБ 1891: 447], *благодатноименнаго* [РИБ 1891: 270] –

*«тот, у которого благословленное имя»; *благополучну* [РИБ 1891: 469], *благожизнены* [РИБ 1891: 318], *благоуоставленія* [РИБ 1891: 262] – *«благоустроенность»; *благонобедное* [РИБ 1891: 313] – *«тот, кто полностью посвящен победе во имя общего блага или относится к ней»; *благонобѣдное* [РИБ 1891: 309] – «относящийся к победе, совершенной во имя Бога, с помощью Бога» [СлРЯ XI – XVII Т.27 2006: 264]; *благовѣствующихъ* [РИБ 1891: 432] – *«тот, кто разносит благую, радостную весть»; *благодѣльно* [РИБ 1891: 313], *благодѣній* [РИБ 1891: 339], *благотвореніомъ* [РИБ 1891: 363], *богонаказанія* [РИБ 1891: 402] – *«божественное поучение» и другие.

К полюсу негативной оценки относятся такие примеры характеристик и их носителей, как: *вселукавнѣ* [РИБ 1891: 462] – *«очень лукавым (хитрым) способом»; *всезлы* [РИБ 1891: 297], *всепрелстившея* [РИБ 1891: 296], *всесквернавою* [РИБ 1891: 372], *всеплудно* [РИБ 1891: 373], *всееделныхъ* [РИБ 1891: 360] – *«поедающий, уничтожающий все, всех»; *новосопротивная* [РИБ 1891: 262] – «новый, чуждый, противоположный» [СлРЯ XI – XVII Т.11 1986: 410], *новоповиннии* [РИБ 1891: 428] – *«те, кто повинен или виноват в проступках и деяниях недавнего прошлого»; *неблагословна* [РИБ 1891: 298] – «на отчество его, младоточныхъ згьло неблагословна корене» [РИБ 1891: 298] – не достаточно древний для того, чтобы править, поскольку *младоточныхъ* [РИБ 1891: 298] – *«те, что подобны или равны недавно появившимся; такие, которые нельзя отнести к древним или старым (о династиях)»; *неблагословный* [РИБ 1891: 346] – «неблагословный вопль одолѣваше превосхоженіемъ шума» [РИБ 1891: 346] – вероятно, близкое к «непотребному»; *всеизгубленія* [РИБ 1891: 443] – *«неминуемая гибель для кого-л., чего-л.», *всебѣднѣ* [РИБ 1891: 400] – *«очень горестно, печально в высшей степени»; *самослабостный* – «являющий крайнюю слабость» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 48]. На периферии ценностного типа оказываются случаи, когда действия, свойства, качества лица могут быть оценены и негативно, и позитивно. *Самописцихъ* [РИБ 1891: 353], поскольку *самописчий* [РИБ 1891: 420] – «О должностном лице, занимающемся делопроизводством» [СлРЯ XI – XVII Т. 23 1996: 45]; *самописенми* [РИБ 1891: 453] – *«тот, который

участвовал в процессе письма без чьего-либо вмешательства или помощи»; *саморазжено* [РИБ 1891: 274], где «САМОРАЗЖЕННЫЙ – Разожженный собственными руками» [СлРЯ XI – XVII Т. 23 1996: 46]; *самозванныхъ* [РИБ 1891: 298], где «самозванный – 1. Действующий по собственному побуждению, без указания, без зова. 2. Присвоивший себе незаконно чужое имя, звание» [СлРЯ XI – XVII Т. 23 1996: 40]; *самодѣйственъ* [РИБ 1891: 285] – «действуя сам собою, без помощи других» [СлРЯ XI – XVII Т. 23 1996: 36]; *самоизбранна* [РИБ 1891: 389] – *«тот, кто стал избранным по своей воле»; *самооправдани* [РИБ 1891: 428] – *«тот, кто считает свои действия и поступки справедливыми вопреки мнению других»; *самоутверженіе* [РИБ 1891: 352] – *«тот, кто сам для себя нашел опору и поддержку в чем-л.»; *самотрудне* [РИБ 1891: 313] – «самолично трудясь, собственными усилиями» [СлРЯ XI – XVII Т.23 1996: 50]. Вероятно, любое индивидуальное не согласованное с коллективом действие должно было бы оцениваться негативно (самозванный, самоизбранный). В этом отношении практически весь корпус с первым корнем сам- потенциально содержит пейоративные коннотации, что, с одной стороны, даёт доступ к коллективной ментальности рассматриваемого периода, а с другой – к персональному отношению И.Т. Семенова к воспроизводимым им фактам.

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ продолжает анализироваться «Временник». Реконструкция начинается с фиксации проявления в этом сочинении КСК, полученных при распределении сложных слов.

Бытийный тип оформлен следующими составляющими. КСК *[совокупность] на текстовом плане оказывается тем, что А.С. Хомяков считал «соборностью» [Хомяков 1907], К.С. Аксаков [Аксаков 1861, 1875] – «Землей», Л.П. Карсавин [Карсавин 1994] – «симфоничностью». В этой связи общность кого-либо есть единство социально разрозненных элементов: *«Первосвятительный Гермогенъ, всае Росія великій патріархъ, всесоборнѣ иконамъ вослѣдуя во срѣтеніи новомученика, таже во славѣ своей царь и по немъ того синклита чинъ, потомъ несочтенное всенародное множество, старца и юноша вкупѣ обоого полу, мужи и жены со младенцы си срѣтеніемъ*

страстотерпца и новомученика младенца почтоша. Царя царь съ рабы срътая...» [РИБ 1891: 321]. Для раскрытия равенства всех в описываемом событии достаточно было написать *соборнѣ. Введение сложного слова с первым корнем все- характеризует именно всепоглощающее, тотальное единство участников этой процессии.

Ряд КСК оказываются на пересечении бытийного и ценностного типов. Так, например, *[движение] в характеристике царевича Дмитрия: *«къ намъ пришель еси, сотворивъ дивно дивство во дни наша; гряди убо, незлобиве, чисте, принесшаяся жертва Богови, не у грѣха познавый; вниди во своя, и своя съ любовію прімутъ тя»* [РИБ 1891: 321]. Другой случай оценки в сочетании с цепями *[власть]+*[место]+**[текстовое протяженное] – *«и преждебывшихъ, его царей крестную ему въ людѣхъ утвердiti клятву во утверженіи царства. Сотвори невозбранную своя власти волею нѣкое законопреступно, чрезъ первыхъ царей положеня ими уставы, яже прежде въ доможителныхъ храминахъ, <...> бывый со угрожающими бо воли его»* [РИБ 1891: 344]; *[место]+*[совокупность] – *«упоиль бо всю землю мою кровми, различными муками вся люди моя умучая, нетокмо сушу покры, но и водное естество ими згусти»* [РИБ 1891: 273]. В следующем фрагменте отчасти реализуется составляющая бытийного типа *[структура] – *«якоже отъ песка всего малостно едино число песочныя дробности»* [РИБ 1891: 291-292]. Заключает рассмотрение сочетание КСК **[тождество] +*[характеристика содержания мыслей]: *«Се чтущимъ ото образа вещи свойство ея знатно есть»* [РИБ 1891: 273]; *«Не знааше бо, ниже свѣдуще прежде, что есть плоти грѣхъ»* [РИБ 1891: 370] и т.д. Помимо «смешанных» реализаций, фиксируются и сравнительно «чистые».

К таковым относится проявление КСК *[характеристика содержания мыслей] и *[рецепция органами восприятия]: *«достойныя и царскимъ разумомъ, премудростію украшенныя, испусти, могущая яко челоувѣческія увидѣти слухи сущихъ ту встѣхъ въ неудержимъ плачь подвигнути, слышащимъ людемъ встѣмъ господа своего»* [РИБ 1891: 295]; *«яко ноць темна видѣниемъ зряхуся»* [РИБ 1891: 272] и другие. Более того, из глубины XVII столетия И.Т. Семенов задаёт

вопрос читателю: «*Кто бо таковъ безуменъ, якоже мы?*» [РИБ 1891: 382]. В этом высказывании о рациональности всего происходившего в «Смутном времени» выявляется и ценностный аспект.

Аксиология текста оформлена и в таких фрагментах, как «*сего ради и языцы, на ны нашедше, всю землю нашу растлиша, яко и паче елико хотѣша*» [РИБ 1891: 264]; «*егда незлобивѣй души его отъ чистаго тѣлеси бѣ исходъ*» [РИБ 1891: 290], и в паремиях, в которых отображены дифференциальные социокультурные оппозиции.

1. Добро/Зло: «*древо зло плодъ добръ не творить*» [РИБ 1891: 358]. «Зло», «Добро», взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На данном этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание классифицируется только на «ядерную» реализацию, поскольку «периферийную» выявить не удалось.

1.1. «Ядерная реализация». Слое древо и плод^д его золь [Симони 1899: 104]; Сд добрава коренї. и о^тросль добра. [Симони 1899: 152]; Адамъ зло сотвориль и раи сатвориль [Симони 1899: 73]; Бесѣды злы растлѣвають умы [Симони 1899: 78]; Брюхо что худой друг добра не помнитъ [Симони 1899: 84]; Доброму ве^здѣ добро [Симони 1899: 93]; Добро доброе слушать [Симони 1899: 94]; Доброе зло^м пог^бляю^т а злаго добро^м при^вчаютъ [Симони 1899: 94]; Добро добро а ноги кривы [Симони 1899: 95]; Двор добро с ушами, а храмина с очами [Симони 1899: 95]; Добро тогда будетъ до^бро когда люди по^хваля^т [Симони 1899: 97]; Сл^вю печаль ра^звѣвай доброю мыслию [Симони 1899: 104]; Слыи всегда мысли^т слое [Симони 1899: 104]; Зл^в жен^в имѣя учить ея умѣя [Симони 1899: 105]; Слое ремесло на рель занесло [Симони 1899: 105]; Злыхъ всехъ слее слая жена [Симони 1899: 105]; Золь женихъ а слу невесту обѣгаетъ [Симони 1899: 105]; И самъ то я знаю. что не до^бро. содеваю. [Симони 1899: 110]; К^нги читать. сла не плутать. [Симони 1899: 113]; Много добра не надакучить [Симони

1899: 121]; Не добро до^м бе³ ушей а хра^м бе³ очей [Симони 1899: 128]; Очи добры толко ямы одны [Симони 1899: 131]; Тотъ. мнѣ. и свой кто до меня добръ. [Симони 1899: 143]; Умъ добро. а два и лу^тче тово [Симони 1899: 145]; У добра всегда ноги кривы [Симони 1899: 146]; Кто добръ тому и бо^бръ а хто не до^бръ тому ї вы^дры не буде^т [Симони 1899: 148]; СѸ добра добра не ищуть [Симони 1899: 153]; ЩасливомѸ. ве³дѣ до^бро. [Симони 1899: 159];

2. *Мудрость/Безумие: «прещєніє, рече, сокрушаєть сердце мудраго, безумень же и бїєнь не чюєть рань»* [РИБ 1891: 381] – проявление компонентно-смысловой категории *[характеристика содержания мыслей]. «Мудрость», «Безумие», взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На данном этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов.

2.1. «Ядерная реализация». Безумень с учонымъ не пируеть [Симони 1899: 78]; Безумень учения не любить [Симони 1899: 78]; Елико разумныхъ толико безумныхъ [Симони 1899:98.]; Умом наживають а безумиємъ і старое теряю^т [Симони 1899: 146];

2.2. «Периферийная реализация» (Ум/Глупость). Бе³ уса борода бе³ ума голова [Симони 1899: 79], Без ума торговать лише дѣ^нги терять [Симони 1899: 80]; Богату хотя глупу всякъ дѣ^теть мѣсто [Симони 1899: 81]; Волосы до^лги да умъ коротокъ [Симони 1899: 86]; Глупъ да лѣ^ннивъ о^дно двожды дѣ^лае^т [Симони 1899: 91]; Для умнова печать а ^для глупова замокъ [Симони 1899: 95]; Ждут Ѹому чають быть умѸ [Симони 1899: 101]; Жениху много на ум идетъ [Симони 1899: 103]; Женские умы что татарские сѣ^мы [Симони 1899: 103]; За скудасть разума полать лишаются [Симони 1899: 105]; За скудость. ума таска^т. бѣ^деть. сума [Симони 1899: 106]; На умнаго

печать а на глѣпова замо^к [Симони 1899: 126]; Умь добро. а два и лу^тче тово [Симони 1899: 145]; Чюжимь умомь не до^тго жить [Симони 1899: 155]. Бешенство: Бѣшену мужѣ. и море са лужѣ [Симони 1899: 82];

3. Деяние/Воздаяние: «*жатва наста многа, дѣлателе же мало*» [РИБ 1891: 403]. «Жатва», «Дело»/«Делатель», взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На данном этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов.

1.1. «Ядерная реализация». Жатва многа а дѣлателеи мало [Симони 1899: 99]; Каково посѣемь, таково и пожнемь [Симони, 1889: 116], Бѣ свое содѣваеть [Симони 1899: 78]; Всякой члѣвкъ у дѣла по^зновається [Симони 1899: 88]; Всякое дѣло до искуса [Симони 1899: 88]; Всякое дѣло мѣра красить [Симони 1899: 88]; Достоинь дѣлатель мзды своеіа [Симони 1899: 94]; Жнут поле в пору [Симони 1899: 101]; Каково кто сѣяль таково. и пожнет [Симони 1899: 111]

1.2. «Периферийная реализация». Какъ в лесъ кликнешь так и откликнется [Симони, 1889: 112]; Браги многие а руки одинокие [Симони 1899: 80]; Великому коро^блю велико и плавание [Симони 1899: 84]; Каковъ. молебень такова и мзда [Симони 1899: 110];

Из этого фрагментарного сопоставления становится очевидным факт значимости используемых слов в избранных И.Т. Семеновым паремиях для текста «Временника». Каждое из них – добро, зло, мудрость, безумие, дело – становится номинацией не только качеств и оценки поступков отдельных представителей этноколлектива, но и обозначением культурных смыслов.

Фиксация последних в ряде случаев осуществляется самим И.Т. Семеновым в виде отсылок к Священному Писанию. «Распредмечивание» смысла как результат герменевтики, деятельности интерпретации знака и события скрещивает план повествования с «текстовым массивом культуры» (Ю.М. Лотман). Например:

«Лѣто же время царска гнѣва на мя тогда течаше къ седми тысяцѣмъ 78-е; можетъ же о сихъ исполнити всяко словесы непостиженія моего скудость тождество числа самого всего Псалма сила, и сосѣдствующего ему 79 -го, крѣпость глаголомъ по исполненіе дастъ» [РИБ 1891: 274].

В современном переводе первый стих 78 псалма звучит как: *«Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины...»* (Псалтирь 78:1). «Временник» описывает часть из происходившего в период «Смутного времени», но в представленном отрывке нет лексически обозначенного события (бунт, война, голод, пожар и т.д.). Произошедшее в прошлом И.Т. Семенов характеризует посредством отсылок к прецедентным текстам.³⁶ Вследствие этого и образные структуры обусловлены содержанием духовной литературы.

Эйдолологический пояс включает дифференциальные составляющие, которые формируются за счет сравнений в синтаксических конструкциях с союзом «яко»: *«доселѣ отъ главы и до ноги злоютнѣ мя, яко змій, держася, обвивъ хоботомъ своимъ»* [РИБ 1891: 360]. Отметим, что чаще образ змеи воплощается лексической номинацией, плавно «обрастая» дополнительными коннотациями: *«и исторгнетъ мя отъ поглощенія гортани зубовъ онога аспида судбами си»* [РИБ 1891: 362], *«Конецъ же злымъ о мнѣ яже по сихъ василиска онаго»* [РИБ 1891: 362]; *«не яко царица, но человекообразная аспида на христіянство, грядущи, дыша»* [РИБ 1891: 371], *«падѣ скимень, аспида же, обаче и яйцо василисково, Гришка Рострига, порекло Отрепьевъ»* [РИБ 1891: 409]. В последнем примере, где речь идет о Лжедмитрии, образная характеристика этой

³⁶ В этом заключается интересный с точки зрения филологической герменевтики момент, когда автор «Временника» как бы предполагает возможность читателя выходить на «распредмечивающий тип» понимания. Наблюдается своеобразное «отзеркаливание» двух языковых личностей: И.Т. Семенова и Т. Васильева. Первый из названных обращается к текстам Священного писания как к оформленным смыслам для читателя, второй – для личных нужд постижения этих же смыслов через стороннюю интерпретацию («Дионисий Ареопагит»).

фигуры не исчерпывается. Обнаруживается метафорическое представление самозванца как домашней скотины: *«еже Ростригинымъ во царство пришествіемъ. И егда той оного, яко козель погама (так в издании – прим. З.А.), збодъ и съ престола долу свергъ»* [РИБ 1891: 319]. Для княжеского сословия характерно сравнение Лжедмитрия с псом, но в данном случае различие только подчеркивает творческую индивидуальность ЯЛ.

Отмечается образная структура «корабль», тематически связанная с ходом изложения о Хорошем/Плохом правителе (в сущности, это отображение рефлексии автора о кризисе государственной власти). Он пишет, что *«...нѣсть праведено вожду слѣпу церковная вручати, и монастырь растакателемъ ввѣряти, кормчію же неискусну карабль управляти»* [РИБ 1891: 358]. Ритмическая организация «уравнивает» значение частей синтаксической конструкции (*вожду слѣпу, растакателемъ, кормчію неискусну*), сводя их к единому пейоративно-оценочному контексту. Его развертывание происходит в изложении последствий, какие наступают при занятии высокого положения в обществе неблагонадежных людей. *«Горе же паствѣй, о ней же пастырю дремлющу, и монастырю, неснабдители истощеваему, и кораблю, ненаучеными окормляему, граду же, мытоимцы злотворнѣ строиму!»* [РИБ 1891: 358]. Сочетание действительного и страдательного причастий (если не рассматривать шире – как чередование активного и пассивного залога) продолжает ритмически оформлять эксплицированные на письме образные составляющие эйдолологического пояса ЯЛ. Вместе с тем на протяжении всей реконструкции обнаруживается оценка И.Т. Семеновым чего-либо. Присутствует она и в коммуникативно-соотносительном поясе.

И.Т. Семенов показывает, что сложившиеся обстоятельства, само «Смутное время» напрямую зависели от социума. Во «Временнике» общество делится на три пласта: старые, средолетние, юные. И.Т. Семенов приходит к выводу, что виноваты

«Всѣ; убо первые крѣпости оскудѣхомъ въ конецъ: старіи въ насъ быша младоумни и вмѣсто разума токмо съдину едину имуще и бравную власомъ долготь, юже являху людемъ и

красахуся тою, яко мудріи; средолътніи же бяху міролюбни и славолюбни, якоже и предиреченніи, и ко властемъ обои о неправдахъ самоподвиженіемъ утреневаху присно... юніи же у превозрастныхъ тѣмъ же и донинѣ учатся злобамъ» [РИБ 1891: 264].

Тем самым ЯЛ не снимает с себя вины за происходившие потрясения. Более того, на протяжении всего повествования дьяк подчеркивает свою принадлежность этому времени, этим событиям. Точка «Я» в тексте обозначена весьма отчетливо: «*Лѣто же время царска гнѣва на мя тогда течаше къ седми тысящамъ 78-е» [РИБ 1891: 274] и другие. «Объективность» изложения (как у И.М. Катыврева-Ростовского) сменяется субъективностью очевидца, занимавшего высокий пост. В ряде случаев повествование принимает сугубо личностный характер:*

«Яко отъ туждихъ и невѣрныхъ не бы нещепаль быхъ есмь толикихъ золь пострадати, яко же азъ труда отъ господствующаго мною, оболгатель нанесеніемъ на мя, отъ руку его пріяхъ: упоилъ бо всю землю мою кровми, различными муками вся люди моя умучая» [РИБ 1891: 266].

Ситуация передана через самосознание ЯЛ с четким указанием своей позиции в выносимых оценках описываемому периоду.

Заключительная точка данного этапа моделирования – описание синтаксических конструкций с союзом *сиречь*. «Временник» содержит следующий фрагмент: «*согрѣшиша бо отъ главы и до ноги, отъ величайшихъ и до малыхъ, сирѣчь, отъ святитель и царя, инокъ же и святыхъ» [РИБ 1891: 378].* Как и в четырех предыдущих реконструкциях, в настоящем случае также «разворачивается» левый контекст от союза *сиречь* в полюс T1, а правый – в T2 (табл. 25).

Табл. 25 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (И.Т. Семенов)

T1		T2
<i>«согрѣшиша бо отъ главы и до ноги, отъ величайшихъ и до малыхъ»</i>		
<i>*[V_(согрѣшиша) отъ N_g и до N_g, отъ Adj_g и до Adj_g]</i>	<i>сиречь</i>	<i>отъ святитель и царя, инокъ же и святыхъ</i>
		<i>отъ *[N_g и N_g, N_g и N_g]</i>

Вновь выявляется падежная идентичность двух частей, которая становится маркером грамматической трансляции, однако коммуникативный план вносит изменение в виде модификации лексико-грамматического класса. В правом контексте от союза *сиречь* компоненты «уравнены» процессом субстантивации,

благодаря чему достигается однородность структуры. Отметим, что со стороны «каркаса» поясняемой части нет потребности в дублировании её всей в поясняющих членах предложения. Подобная экспрессия синтаксиса [Сковородников 1981] – компонент, не свойственный системе как таковой [Бахтин 1997], что позволяет выявлять за этими конструкциями личностное участие создателя текста. При этом, как в случаях И.М. Катырева-Ростовского, И.А. Хворостинина, у И.Т. Семенова анализируемый фрагмент текста подкреплён КСК **[тождество].

Узел III. Наступает последний этап моделирования. В тексте «Временника» употребляются многочисленные метаэлементы: *«о здѣ слово в малѣ сихъ, идѣ же многократно по тонку речеся о нихъ»* [РИБ 1891: 266]; *нужда здѣ подобствомъ слова конецъ отдати* [РИБ 1891: 290]; *Но возвращу паки рѣчь, отъ идѣ же недокончана оставихъ слово* [РИБ 1891: 318] и другие. Завершается реконструкция выявлением совпадающих КСК у ЯЛ XVII века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия.

Бытийный тип: *[власть] – «Тимоѳеевъ, Иванъ, дьякъ» [РБС Т. 20 1905: 538], «он былъ государевымъ дьякомъ» [РБС Т. 20 1905: 538], «ему была дана память снабжать «кормом и питьемъ» цесарского посла» [РБС Т. 20 1905: 538], «и во все время господства послѣднихъ» [РБС Т. 20 1905: 538]. В цитируемом источнике приводится название частей текста И.Т. Семенова, которые также отображают *[власть]: «О крестномъ цѣлованіи королевичу Владиславу», 3) «О вдовствѣ Московского государства двѣ притчи» [РБС Т. 20 1905: 538]. Это один из «чистых» примеров деятельности трансляции (в данном случае – знаковых последовательностей).

Цепь КСК *[совокупность] + *[власть] + *[восприятие органами чувств] обнаруживается во фрагментах: «Там онъ былъ, между прочимъ (осложнение, демонстрирующее вторичность приводимой информации, но имеющее значимость – З.А.) свидѣтелем народного самосуда (возникновение сложного слова с первым элементом сам- своего рода корреспондирует с результатами проведенного нами анализа в первом «узле» – прим. З.А) [РБС Т. 20 1905: 538]»,

«Причины смуты онъ усматриваетъ въ другихъ общественно-историческихъ явленіяхъ» [РБС Т. 20 1905: 539]. Последний фрагмент подтверждает наблюдения на этапе реконструкции «узла II» («виноваты в смуте все»). Вместе с тем этот пример оказывается связанным с лично-психологическим типом, точнее, с КСК *[восприятие органами чувств]: «Там онъ былъ <...> свидѣтелем народного самосуда» [РБС Т. 20 1905: 538], «Разорение Новгорода шведами, чему Т. был очевидцемъ» [РБС Т. 20 1905: 538], «происки и домогательства внѣшнихъ врагов <...> получаютъ въ глазахъ (! – З.А.) Т. второстепенное значеніе» [РБС Т. 20 1905: 539]. Это воспроизводство единиц во вторичных текстах апеллирует к зрению (ср. в «узле I» *самосвидѣтельнѣ* [РИБ 1891: 308], *самовидень* [РИБ 1891: 311], *самовидицы* [РИБ 1891: 448]).

На первый взгляд, ценностный тип КСК в силу его абстрактности не конкретизирован в издании А.А. Половцова, однако обнаруживается следующее замечание. «Причины смуты он усматриваетъ <...> въ деспотической политике Иоанна Грознаго, въ упадкѣ личной и общественной нравственности на Руси – и это положеніе иллюстрируется всѣмъ содержаніемъ «Временника», наполненного отрицательными характеристиками дѣятелей Смутнаго времени» [РБС Т. 20 1905: 539]. В этом «Временник» оказывается созвучен другому произведению – «Сочиненію о Россіи...» Г.К. Котошихина, ЯЛ которого реконструируется ниже.

2.3.3 Г.К. Котошихин

Узел I. Предваряется моделирование замечанием, что и язык сочинения «О Россіи...», и язык личности Г.К. Котошихина рассматривались подробно на протяжении последних двух сотен лет [Аксаков 1880; Борковский 2007; Бурова 1965; Горшкова 1981; Живов 2017; Ковалевская 1978; Колесов 2009; Котошихин 1884; Ломтев 1956; Пешковский 2001; Потеня 1941; Стеценко 1972; Улуханов 1972; Успенский 2002; Чернов 1984; Щемилина 2016; Якубинский 1986 и другие]. Среди перечисленных авторов исчерпывающий речевой портрет был составлен в работе [Щемилина 2016]. Отметим, что наш подход и апробация предлагаемой модификации модели ЯЛ отличаются от последнего из указанных исследований и герменевтико-феноменологической направленностью, и сравнительно-

сопоставительным планом анализа, как в рамках одного сословия, так и в пределах разных ситуаций.

В тексте «О России» насчитывается не менее 211 сложных слов, среди которых наиболее объемными группами по первому корню оказались следующие: благ-43, нов-33, ин-24, пол-18, бог-15. Эта конфигурация принимается как исходная в рамках исследования. Образовавшийся пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный – представлен в таблице 26 ниже.

Табл. 26 Группировка сложных слов по бытийному типу (Г.К. Котошихин)

*[совокупность]				
Нов-		Бог-		
-брак-	-рожд-	-род-		
*[движение]				
Бог-		Ин-		
-люб-		-ход-		
*[власть]				
Пол-				
-голов-				
*[место]				
Нов-		Ин-		Бог-
-град-		-зем-		-дел-
*[время]				
Благо-		Пол-		
-вещ-		-год-		
*[число]				
Пол-				
-тор-				
*[имя]				
Пол-				
-им-				

В основу реконструкции КСК *[совокупность] легли такие примеры, как: *новобрачная* [Котошихин 1884: 173], *новорожденному* [Котошихин 1884: 17], *Богородицынь* [Котошихин 1884: 60]; *[движение] – *иноходцахъ* [Котошихин 1884: 36], *боголюбивъ* [Котошихин 1884: 2]; *[власть] – *полуголова* [Котошихин 1884: 74]; *[место] – *Новгородъ* [Котошихин 1884: 121], *иноземци* [Котошихин 1884: 121]; *[время] – *Благовъщеньева* [Котошихин 1884: 89] – «*кромъ Благовъщеньева дни*» [Котошихин 1884: 89], *полгода* [Котошихин 1884: 176]; *[число] – *полторы* [Котошихин 1884: 82], *[имя] – *полуимянемъ* [Котошихин

1884: 143] и другие. При весьма насыщенном содержании бытийного типа количество отсылающих к нему «вторых» корней ограничено.

Далее анализируется лексический пласт, вошедший в лично-психологический тип. Эта группировка полученного массива представлена всего одной КСК *[характеристика содержания мыслей] (см. табл. 27).

Табл. 27 Распределение сложных слов по лично-психологическому типу
(Г.К. Котошихин)

*[характеристика содержания мыслей]	
Благ-	
-ум-	

В основу реконструкции легли два примера слова *благоразумный* [Котошихин 1884: 58, 178]. Особенность этих случаев употребления заключается в том, что они характеризуют шведского читателя на фоне «неразумного» народа Московского государства (пересечение с коммуникативно-соотнесительным поясом). В подобном использовании сложных слов прослеживается связь с ценностным типом КСК.

К положительному полюсу относятся примеры: *благословение* [Котошихин 1884: 9], *благополучно* [Котошихин 1884: 4], *богобоязливъ* [Котошихин 1884: 153], *новокрещеные* [Котошихин 1884: 151]. Последний случай рассматривается как «поле аксиологии» в том отношении, что бывшие сторонники другого мировоззрения вошли в область «Своего православного» из «Чужого языческого». К «негативному» полюсу относятся употребления *богохуство* [Котошихин 1884: 130, 131]. Тем самым «положительный» член противопоставления обладает большим разнообразием средств (первые корни благ, бог-, нов-), чем пейоративный.

Узел II. Этот этап моделирования ЯЛ начинается с фиксации проявления КСК, полученных из анализа сложных слов. Цепь бытийного типа *[совокупность]+*[движение]+*[власть] возникает в описании похоронной процессии: «а позади царского тѣла идутъ патриархъ и власти и царевичи и бояре, потомъ царица и царевны и боярыни, и много множества народа, мужеска полу и женска, всѣ вмѣстѣ, безъ чину, рыдающе и плачуще».

[Котошихин 1884: 22]. Сочетание *[движение]+*[власть]+*[место] проявляется в изложении о поездках: «*И о поѣздѣ Московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣль гѣхати никому не позволено*» [Котошихин 1884: 58]. Сравнительно чистые реализации допустимо усматривать на уровне словосочетаний: *[время] – «*И въ тѣ смутныя времена*» [Котошихин 1884: 3]; *и въ скоромъ времени* [Котошихин 1884: 3]; *И мало время минуше* [Котошихин 1884: 5]; *[число] – «*исходитъ вина съ 400 и съ 500 ведръ; пива и меду тысяче по двѣ и по три ведръ и болии*» [Котошихин 1884: 5]. «Онтологический» статус такой составляющей, как *[имя] может быть обоснован не только через философию имени [Булгаков 1953, Лосев 1993, Флоренский 2000], но и выявиться в призме лингвистического анализа по используемой стратегии исследования.

Например, в контексте «*А даетца новорожденному младенцу имя отъ того времени, какъ родитца счотчи впередъ въ восьмой день, которого святаго день, и ему то жь имя и будетъ*» [Котошихин 1884: 17] оформлен целый ряд КСК. Если их описать в последовательности возникновения в приведенном фрагменте, будет получена конфигурация по типу: *[совокупность]+*[имя]+*[время]+*[число]. И хотя в настоящем случае мы воздерживаемся от каких-либо выводов, всё же будет отмечено, что контекстуальная близость при подавляющем большинстве однотипных КСК может отсылать также и к ассоциации «глубинных» составляющих ЯЛ.

Из предыдущего этапа реконструкции («узел I») известно, что Г.К. Котошихин различал «благоразумного иностранного читателя» и «неразумный русский народ». Вследствие этого допустимо утверждать, что КСК *[характеристика содержания мыслей] дана на пересечении с бытийным и ценностным типами:

«А какъ приспѣетъ время учить того царевича грамотъ, и въ учителя выбираютъ учителныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ посолскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, Латинскому, Греческого, Нѣмецкого, и некоторыхъ, кромѣ Руского, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ» [Котошихин 1884: 19].

В этом утверждении содержится некоторое искажение: сам Г.К. Котошихин владел, как минимум, польским языком в той мере, чтобы писать на нём официальные обращения к вышестоящим лицам.

При этом пословиц ни иностранного, ни церковного происхождения в тексте Г.К. Котошихина не обнаружено. Выявленный пласт устойчивых конструкций связан с деловой письменностью: «*о чемъ они пріѣдутъ бить челомъ*» [Котошихин 1884: 37], «*билъ по рукамъ*» [Котошихин 1884: 115], «*дадутъ ихъ на поруки*» [Котошихин 1884: 136] и другие.³⁷ Среди этого массива встречаются примеры словосочетаний, употреблявшихся в более ранних веках: «*рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ*» [Котошихин 1884: 115], «*отъ малого и до великого встѣмъ ровно*» [Котошихин 1884: 101], «*не напрасно ль на нихъ говорятъ, по насерткѣ*» [Котошихин 1884: 243] – «по злобе» [СлРЯ XI - XVII Т. 10 1983: 243] и прочие. На протяжении пяти реконструкций это второй (после И.М. Катырева-Ростовского) случай, когда не выявлены пословицы (паремии). Вероятно, их использование не отвечало коммуникативной установке Г.К. Котошихина. Насколько с ней коррелируют динамические составляющие личности, а именно образные структуры, анализируется далее.

В рамках *эйдолологического пояса* можно выделить символику государственной власти, например, при описании печатей: «*вырѣзано царь на конѣ побѣдилъ змія*» [Котошихин 1884: 41]. В другом фрагменте:

«А бываетъ та печать у думного дьяка беспрестанно повѣшена на вороту, и въ дому; а вырѣзано на той печати орель двоеглавой, всерединѣ царь на конѣ побѣдилъ змія, около подпись царская титла самая короткая, а величиною та печать будетъ немного болши ефимка Любского кругомъ» [Котошихин 1884: 128].

Возможна также передача (трансляция) образа как описание внешнего вида официально-деловых бумаг: «*к Галандским статом... травы золотомъ на верху надъ писмомъ, а по сторонамъ не бываетъ*» [Котошихин 1884: 40]. В этих условиях реализуется не только функция информатора для Швеции, но и

³⁷ В этой связи возникает вопрос о корреляции этих конструкций и КСК бытийного типа. Архаичность происхождения словосочетаний может подтверждаться их «телесностью», которую допустимо интерпретировать как отображение «бытийной» составляющей *[структура]. Выявляются вполне отчетливо части тела: чело, руки, ноги, глаза.

художника, ведь от ЯЛ требуется воспроизводство знаковыми средствами мыслительного содержания (цвет, форма, расположение на плоскости листа).

Коммуникативно-соотнесительный пояс, в котором реализуется оценка, частично затронут И.Н. Щемилиной в диссертационном исследовании. Отмечена значимость выбора предикатов «не только основных, о чём свидетельствует фактор высокой частотности фиксирования средств (ведать, ведомо, емлеть, учинить и др.), но и не частотных (завладеть (владеть), надсматривать, принять, приставить, приносить, приписывать, приказать, разорить, смотреть, укрепиться и др.)» [Щемилина 2016: 8]. Данный перечень, согласно исследованию Н.И. Щемилиной, имеет оценочные коннотации. Также позволяет охарактеризовать мировосприятие Г.К. Котошихина и его отношение к покинутой им России такой оборот, как «*брады свои уставя*» [Котошихин 1884: 27] (о знати из государственной думы). О прямой направленности сочинения на шведского читателя свидетельствуют высказывания по типу:

«Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемь свѣтъ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а таково у нихъ обычая не повелось, какъ в-ыныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времяемъ съ невѣстою самому» [Котошихин 1884: 178].

Приведенный фрагмент демонстрирует, что позиция ЯЛ сопряжена с оценкой, или, что будет также возможно допустить, оценка есть экспликация позиции «Я» в анализируемом тексте. Этот факт является одним из исключений для замечания, высказанного Л.П. Якубинским. Согласно позиции названного исследователя, «в изложении Котошихина не чувствуешь лица писателя, взволнованного описываемыми событиями, оценивающего их; в нём чувствуешь, скорее, руку подъячего, пишущего донесение по начальству. Лишь изредка нарушает он своё бюрократическое спокойствие; впрочем, и в этих случаях он не повышает особенно голоса» [Якубинский 1986: 158]. Действительно, экспрессивности, свойственной И.Т. Семенову (как и Аввакуму), в тексте Г.К. Котошихина нет, однако этот дискуссионный момент получает иное понимание в свете реконструкции «узла III».

В привлеченном материале отсутствуют случаи употребления союза *сиречь*. Синтаксические конструкции с ним выступают заключительным пунктом этого этапа моделирования. Союз «то есть» употребляется во фрагменте: «*и клали на лицъ на правой сторонѣ признаки, розжегии желъзо на красно, а поставлено на томъ железѣ «буки» то есть, бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатень*» [Котошихин 1884: 116]. Как и в пяти предыдущих реконструкциях, в данном случае также «разворачивается» левый контекст от «то есть» в полюс T1, а правый – в T2 (табл. 28).

Частично, эта ситуация обратна той, что наблюдалась у Т. Васильева, когда падежная идентичность ранее объяснялась как «включение» коммуникативно привнесенного элемента в общую деятельность трансляции.

Табл.28. Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (Г.К. Котошихин)

T1		T2
« <i>а поставлено на томъ железѣ «буки»</i> »		
*[Adv _o (поставлено) на Pron _p N _p N _n]	то есть	<i>бунтовщикъ</i>
		*[N _n]

В приведенном примере воспроизводство прерывает общее разверстывание предложения, поскольку при формальном пропуске части «то есть *бунтовщикъ*» имеется конструкция вида: *«*а поставлено на томъ железѣ «буки», чтобъ былъ до вѣку признатень*». Конечно, такое возможно было допустить, однако текст писался для иностранного читателя, который бы не смог без специальной подготовки выйти на уровень понимания значения знака-клейма и его роли в культурном пространстве России середины XVII века. Отметим, что и у С.И. Шаховского, и у Т. Васильева, и у Г.К. Котошихина реализация пояснительно-отождествительных синтаксических отношений не подкреплена КСК **[тождество], которая могла бы быть реконструирована при исследовании сложных слов.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. В тексте «О России...» употребляются многочисленные метаэлементы: «*какъ написано объ указѣ выше сего*» [Котошихин 1884: 59], «*гонцомъ встѣхъ тѣхъ вышеписанныхъ государствъ*» [Котошихин 1884: 76]; «*и графовъ бываетъ противъ того, какъ писано выше сего*

во всемъ» [Котошихин 1884: 76], «и всѣ тѣ вышеписанные чины» [Котошихин 1884: 78] и другие. Характер «высказывания о высказывании» приобретает встречаемая в ряде глав вопросно-ответная форма по типу: «для чего царь Московской пишется... что есть тому за причина» [Котошихин 1884: 42-43], где «ответ» – «пишется онъ царь для славы своей» [Котошихин 1884: 43]. Вероятно, этот образец развертывания повествования мог быть взят а) из катехизиса, построенного по тому же принципу, или б) из работ западных мыслителей, где форма диалога традиционна для философии.

Заключает реконструкцию фиксации совпадающих КСК у ЯЛ XVII века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия. Во фрагментах представлены цепи *[совокупность]+*[место] – «Безъ него въ Москвѣ отецъ его былъ обвиненъ въ растратѣ монастырской суммы <...>, но домъ и все имущество Котошихиныхъ были отобраны за эту растрату» [РБС 1903: 343]; *[время]+*[движение]+*[место]+*[число] – «Въ томъ же году Котошихинъ дважды ѣздилъ изъ Дерпта въ Ревель, съ грамотою къ находившемуся тамъ шведскому посольству, 9 октября и 11 декабря» [РБС 1903: 343]; «въ концѣ августа 1664 г. онъ бѣжалъ въ Польшу» [РБС 1903: 343]. Встречаются и сравнительно «чистые» реализации КСК. Среди них *[власть] – «онъ подвергся наказанію за описку въ царскомъ титулѣ въ одной изъ грамотъ; но это не имѣло никакого неблагопріятнаго вліянія на его службу» [РБС 1903: 342]; *[место] – «о дипломатическихъ сношеніяхъ московскаго государства съ сосѣдями (главы 1-5), о дворцовомъ хозяйствѣ (гл.6)» [РБС 1903: 344]; *[время] – «Годъ рожденія неизвѣстенъ» [РБС 1903: 342]; *[число] – «Сочиненіе Котошихина содержитъ 13 главъ, въ которыхъ 235 статей» [РБС 1903: 342]; *[имя] – «Со времени своего пребыванія въ Польшѣ Котошихинъ называется Иваномъ Александромъ Селицкимъ» [РБС 1903: 343]. В последнем случае фрагмент, насколько это допустимо, фиксирует переход из одной «онтологии» русского мира в «онтологию» зарубежной действительности, из московского подьячего в служащего иностранным государствам.

На этапе реконструкции «узла II» приводилось замечание Г.К. Котошихина об отсутствии обучения иностранным языкам в России времён А.М. Романова. Во вторичных текстах этот пример оказывается связанным, с одной стороны, с КСК *[характеристика содержания мыслей], а с другой – с биографическим фактом: «обученіе его ограничилось изученіемъ грамоты, а всѣ свои свѣдѣнія, которыми обладалъ Котошихинъ впоследствии, онъ приобрѣлъ уже за время службы» [РБС 1903: 343]. Учителей набирали из дьяков и подьячих, что верно передано в сочинении исследуемой ЯЛ, но искажен сам факт освоения языков как профессиональной необходимости.

Деформированы и ценностные ориентиры по меркам того времени. Хотя комментатор и отмечает, что «(гл. 13) о нравахъ московскихъ людей» [РБС 1903: 344], им же высказывается: «Котошихинъ принялъ здѣсь (в Швеции – прим. З.А.) протестанство» [РБС 1903: 344]. В определенной степени этот шаг к религии уже имел место у другого государственного служащего – Т. Васильева, однако в настоящем случае ситуация чуждая по «духу». Иноземец, иноверец, Г.К. Котошихин войдет в историю как человек, покинувший привычное культурное поле и не нашедший себе своего места. По логике изложения возникает необходимость соотнести результаты реконструкции того, кто покинул пределы вынужденно и не вернулся, с теми, кто был паломником, путешественником, возвратившимся в Россию по своему желанию.

2.4 Языковая личность паломников и путешественников

Данный параграф посвящен реконструкции трёх ЯЛ: купца В.Я. Гагары, черного дьякона Ионы и купца Ф.А. Котова. Их сочинения невелики по объёму, что обуславливает и их очередность, и их малую «информативность» в аспекте приложения нашей модификации модели. В отличие от предыдущих реконструкций, где ЯЛ были объединены по социальному положению, в дальнейшем изложении материал связывает авторов самой ситуацией выхода за пределы государства и возвращения в него обратно по своей воле.

2.4.1 В.Я. Гагара

Узел I. Для реконструкции ЯЛ были привлечены две редакции сочинения «*Житіе и хождение въ Иерусалимъ и Египетъ казанца Василя Яковлева Гагары 1634 – 1637 гг.*» (иные документы не обнаружены [РБС Т. 4 1914]). При анализе этих текстов был выявлен пласт сложных слов. В первом варианте сочинения наиболее объемные группы по первому корню составили последовательность: мног-20, благ-/злат-7, все-3, люб-2. Во второй редакции выявленные факты выстроились в следующий порядок «по убывающей»: благ-15, мног-6, бог-5, злат-/человек-3, все-/мил-/три-2. Полученные совокупности сложных слов суммируются, и из общего количества вычлениаются пять наиболее частотных по первому корню групп. Таким образом, выстроена конфигурация вида: мног-26, благ-22, злат-10, все/человек-3. Данный пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный – представлен в таблице 29 ниже.

Табл. 29 Группировка сложных слов по бытийному типу (В.Я. Гагара)

*[совокупность]			
Благ-			
-род-			
*[движение]			
Человек-			
-люб-			
*[время]			
Мног-		Все-	
-лет-		-ден-	-ноч-

Вследствие малого количества самих фактов оформленные ими КСК перечислены друг за другом. В основу результатов в таблице легли примеры: *[совокупность] – *благородные* [ППС 1891: 10]; *[движение] – *человѣколюбець* [ППС 1891: 54]; *[время] – *многолѣтное* [ППС 1891: 10], *повседневную* [ППС 1891: 37], *всеношное* [ППС 1891: 25] и другие. Отметим, что в ситуации паломничества составляющие *[движение] и *[время] получают особую значимость, поскольку в пространстве текста им соответствует «хронология пути».

Лично-психологический тип, оформленный сложными словами, представлен КСК *[характеристика содержания мыслей] (см. табл. 30).

Табл. 30 Распределение сложных слов по лично-психологическому типу
(В.Я. Гагара)

* [характеристика содержания мыслей]			
Благ-		Злат-	
-ум-		-кузн-	-кова-

В основу её реконструкции легли такие примеры, как: *благоразумному* [ППС 1891: 52], *златокузнецъ* [ППС 1891: 22] = *златоковачъ* [ППС 1891: 65] – «золотых дел мастер, ювелир» [СлРЯ XI – XVII Т.6 1979: 11]. С позиций избранной типологии, все эти факты, разнородные в аспекте семантики средств языка, являются в своем фундаменте близкими по критерию субъекта-носителя. Будучи «кузнецом», «ковачем», человек является *обученным* ремеслу обработки драгоценных металлов.

Заключает анализ исследование пласта сложных слов в ценностном типе. Абстрактность значения этих единиц позволяет в рамках реконструкции распределить их в границах общей оппозиции Положительный/Отрицательный. К первому полюсу относятся такие примеры характеристик и их носителей, как: *благословеніе* [ППС 1891: 2], *благодать* [ППС 1891: 27], *благочестиваго* [ППС 1891: 47], *благоденствіи* [ППС 1891: 53], *благольственными* [ППС 1891: 51] – отсутствует в словаре «Русского языка XI-XVII вв.». Употреблено в контексте: «*Гора же Оаворская велми красна и кругловидна, и древами благольственными преукрашенна паче иных горъ*» [ППС 1891: 51]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«дерево с хорошими или красивыми листьями». Также в ценностном типе положительного полюса допустимо рассматривать контексты: «*честь наше въздають: стелють отъ воротъ до полатъ въ подножіе участъки златоглавы*» [ППС 1891: 29]; «*новой намъстникъ къ полатамъ, и въ томъ саду по дороге постилають ему участъки златоглавыя*» [ППС 1891: 69], где «*вчастъкъ* – часть, доля, определенное количество чего либо» [Срезневский Т.3 1912: 1333], а *златоглав* – «название ткани» [СлРЯ XI – XVII Т.6 1979: 9], которая является церемониально значимой для описываемой В.Я. Гагарой местности. К «отрицательному» члену противопоставления относятся:

многогрѣшный [ППС 1891: 8], *неблагодарнии* [ППС 1891: 66]. Обращает на себя внимание специфическая асимметрия при реконструкции. Положительный полюс противопоставления привлек больше лексических средств, однако отрицательный член оппозиции маркирован количественно при минимуме структурного разнообразия. В этой связи определить аксиологические координаты затруднительно: все благое дано на фоне персональной греховности.

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ, как и в предыдущем анализе, рассматриваются две редакции сочинения «Житіе и хожденіе...», начиная с выявления на текстовом уровне КСК, полученных из анализа сложных слов. «Бытийный тип» оформлен цепью *[совокупность]+*[движение]+*[место]: «*Митрополитъ же и все священници и старцы греческіе поидоша въ тоє великую церковь, да и азъ же многогрѣшный поиде въ тоє великую церковь помолитися...*» [ППС 1891: 8]; *[движение]+*[место] – «*А подлинный крестъ, на коемъ былъ распять Господь нашъ Исусъ Христось, увезень въ немцы, какъ былъ Іерусалимъ за немцами*» [ППС 1891: 11], «*И потомъ поиде во Іерусалимъ*» [ППС 1891: 2] и иные; *[время]+*[место] – «*а на ней снегъ не сходитъ ни лѣтомъ, ни зимою*» [ППС 1891: 5]; «*съ великой пятницы по вся годы стоитъ кроваво до Вознесеніева дни*» [ППС 1891: 16] и т.д. В приведенных выше примерах допустимо выделить и другие КСК, однако отсутствие таковых на уровне реконструкции «узла I» редуцирует их наличие и в дальнейшем моделировании.

Сочетание лично-психологического и ценностного типов прослеживается в отрывке: «*и сказа ему о златокузнецы, исповѣдаючи ему свое преже умышленіе и того твердую вѣру Христову, яко не прелстися моими любодѣйственными словесы и яко свое десное око избодє*» [ППС 1891: 25]. Аксиологическая составляющая является ведущей, инициальной для всего повествования, особенно в первой редакции. В.Я. Гагара пишет о себе: «*И жихъ отъ юности своя житіе свое блудно и скверно препроводилъ, аки свинія въ калъ грѣховнъ пребыхъ, блудъ творяше безспрестанно: не имѣхъ бо ни среды, ни пятка, ни торжественнаго Божія праздника*» [ППС 1891: 1]. Во второй редакции этого откровения нет: «*Въ то время и въ тѣхъ скорбехъ и напастехъ азъ многогрѣшный и наипаче учаль*

обещатися, ежебѣ ми тамо быти во Еросалимь у гроба Господня и въ протчихъ святыхъ мѣстехъ помолитися и чтобѣ скорби своей мало некое утешеніе приобрести» [ППС 1891: 48]. В последнем из приведенных вариантов памятника сохранилось только «следствие», т.е. необходимость паломничества без обозначения (или подробного описания) побудивших к этому причин.

Некоторое продолжение рассмотренных КСК (*[время] и *[движение]) обнаруживается в тексте в виде фразеологизмов и паремий: «*a того было съ часъ бойчей*» [ППС 1891: 8], «*и по малъ времени*» [ППС 1891: 9]; *опричь техъ ступеней инуды на гору взойти некуды*» [ППС 1891: 21]. Глаголы, обозначающие хождение (взойти, идти, ходить) и взятые как ключевые слова, могут отсылать к потенциальным контекстам, выявленным в сопоставлении со сборником пословиц XVI-XVII веков. На данном этапе моделирования допустимо предположение о культурной значимости рассматриваемых единиц. Их содержание классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов.

1. «Ядерная реализация». Антихристь примает хто Хрѣста ѿступааетъ [Симони 1899: 73]; Волному воля ходячему путь [Симони 1899: 85]; Вѣтръ вѣетъ а дорожной ѣдетъ [Симони 1899: 87]; Вра^жда бабе с мешкомъ что не ходитъ о^н пе^шко^м [Симони 1899: 87]; Дошо^л чо^{рт} бродѣ кину^лся в воду [Симони 1899: 95]; Дошо^л тать в цѣль веду^т ево на рѣль [Симони 1899: 96]; Жаравль межи не знаетъ и чере^з ступает [Симони 1899: 101]; За неволю хода коли ноги болятъ [Симони 1899: 106]; Збежалъ не дожалъ пришоль не нашо^л [Симони 1899: 108]; Совут мяня и часто да ленюся ходить [Симони 1899: 108]; Иде^т дождь. несе^т. онъ. рожь [Симони 1899: 109]; Ити дорогою. не все с вологою. [Симони 1899: 110]; Кѣды конь хочеть тѣды онъ скочить. [Симони 1899: 114]; Которой дѣнь прошо^л то^т до на^с дошоль [Симони 1899: 116]; Мла^л идетъ к дивѣ а ста^р бредеть к пивѣ [Симони 1899: 121]; По^л лежачь вода не идетъ [Симони 1899: 132]; Пошоль по кану^н да и самъ потонуль [Симони 1899: 133]; Шол бы Карпъ. к пивѣ. да не зовѣтъ [Симони 1899: 157]; Шо^л бы чорт на сва^лбѣ. да боится попа. [Симони 1899: 157]

2. «Периферийная реализация». В гости на нога^х. А и³ гостѣи на дровняхъ [Симони 1899: 85]; В баню на ногахъ а и³ бани на дровняхъ [Симони 1899: 90]; Быль конь да ѣхаль [Симони 1899: 79]; Зделаль му^ж дверцы ни во^н ни в ы³бѣ [Симони 1899: 108]; Гонить чортъ курицу да в не тѣ улицѣ [Симони 1899: 92]

Как демонстрируется большинством примеров, и контексты пословиц, и контекст высказывания в сочинении В.Я. Гагары носят отпечаток народной смеховой культуры (М.М. Бахтин) с присущей ей иронией. Её, правда, лишены динамические составляющие, а именно – образные структуры.

В первой редакции «Жития и хождения...» коммуникативная задача описать всё увиденное ЯЛ предполагает трансляцию этого содержания ресурсами письменного языка. Это является ключом к экспликации составляющих *эйдолологического пояса*. Привлечение сравнительных оборотов с направленностью сознания читателя на «память о» предмете позволяет замещать лакуны образного восприятия уже готовыми, известными формами: «*А среди тоя великая церкви виситъ паникадило, здѣланъ верхъ, какъ zde на Москвѣ въ соборѣ надъ ризою Господнею, мѣдною, позолочено на красно, велми велико, а мѣрою есть сажень 15*» [ППС 1891: 10]. Исходя из части «какъ zde на Москвѣ въ соборѣ», можно предположить, что текст был адресован жителям Москвы, или, что также верно, автор предполагал, что его читатель будет находиться в Москве и должен знать вид помещений местных церквей. При этом использование сравнительных оборотов является весьма характерным для В.Я. Гагары способом передачи объема: «*Да во Египта же за рекою Нилею, а по гречески Геонъ, здѣланы полаты велми велики и страшны, аки горы сильны; а отъ рѣки Нили б поприщъ*» [ППС 1891: 16]. В других случаях, когда необходимо транслировать содержательную сторону чего-либо, например, видимые предметы в помещении, ЯЛ привлекает другие ресурсы: «*а по смете есть ломпадъ съ триста*» [ППС 1891: 10]. Использование числительных позволяет читателю конкретнее представить описываемое.

Во второй редакции сохранение тех же тенденций происходит при привлечении других средств и ресурсов. Эйдолологический пояс теперь включает и сложную лексику, а синтаксические конструкции дополняются семантикой противительности: *«Огнь же небесный багровиденъ, а не какъ протчей огнь естественъ отъ земнаго огня»* [ППС 1891: 74]. При этом используются и те средства, какие были выявлены для первой редакции: *«градъ Иеросалимъ, и около его горы и холми покажутца все кровавы, аки кровь»* [ППС 1891: 52]. Сравнительные обороты во втором варианте сочинения функционально те же, что и вышерассмотренные, поэтому их анализ нами опускается.

Коммуникативно-соотносительный пояс проявляется в маркировании своей позиции по отношению к представителям иных вероисповеданий: *«а служить въ немъ копты нашея веры»* [ППС 1891: 17]. Это допускает эксплицирование ряда оценок, например, *«у безбожнаго турскаго кадыя, а по нашему митрополитъ»* [ППС 1891: 56]. В действительности это единичные факты, поскольку выявленная асимметрия при реконструкции «узла I» позволяет усматривать за «безбожностью» скорее отсутствие православного Бога в мусульманской Турции, чем «перенос» персональной «многогреховности» верующего В.Я. Гагары.

Заключительный пункт данного этапа моделирования – описание синтаксических конструкций с союзом *сиречь*. «*Житіе и хожденіе...*» содержит один случай её употребления в первой редакции, однако во второй она уже отсутствует: *«А идучи ко Египту путь истомленъ, сиргъчь нуженъ, возле моря, какъ есть море пещаное, на лошадгъхъ и пгъшему чловгьку пройти нелзя тгьмъ путемъ, а ходятъ на тотъ путь, на необходахъ»* [ППС 1891: 13 – 14]. Как и в шести предыдущих реконструкциях, в настоящем случае также «разворачивается» левый контекст от союза *сиречь* в точку T1, а правый – в T2 (табл. 31).

Табл. 31 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (В.Я. Гагара)

T1		T2
«идучи ко Египту путь истомленъ»		

*[Part ко N _d N _n Adj]	<i>сиречь</i>	<i>нужень</i>
		*[Adj]

Этот пример идентичен ситуации на данном этапе моделирования у Г.К. Котошихина, когда воспроизводство прерывает общее разверстывание предложения. Во второй редакции союзная связь не используется: «*И ко Египту идучи путь истомень: возле пещаное море, и тѣмъ путемъ человеку пѣшему итти нелзѣ солнечнаго ради жжженія и жажды водные*» [ППС 1891: 59]. Формальный показатель трансляции убран, и предложение разверстывается по логике общего повествования. Отметим, что этот случай оказывается значимым: «такие перефразировки составят интерпретационную (или трансформационную) парадигму предложений» [Всеволодова 2000: 214], которая может оказаться принципиально неполной у каждой ЯЛ. Также, как у С.И. Шаховского, Т. Васильева, Г.К. Котошихина, при исследовании текстов В.Я. Гагары реализация пояснительно-отождествительных синтаксических отношений не подкреплена КСК **[тождество]. Последняя могла бы быть реконструирована при распределении сложных слов, но подобных фактов не обнаружено.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. В редакциях «Жития и хождения...» обнаруживаются жанровые формулы по типу: «*А что есть написано въ сихъ тетратехъ, и то все не ложно: видѣхомъ бо своима многогрѣшныма очима азъ странный; все описано въ правду, или слышалъ у кого. А буде сіе писмо лживо написати повелѣ, и я буду анаѳема въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ*» [ППС 1891: 45]; «*и еже что видехъ своима очима и слышахъ неложно отъ тамо живущихъ во Египте, то и написахъ*» [ППС 1891: 71]. Эти отступления весьма значимы для религиозного мировоззрения русского человека первой половины XVII века. Анаѳема – лишение главной константы культуры (Бога), прерывание связи с силами, в руках которых судьба.

Сама ЯЛ маркирует принадлежность действию, подчеркивая свою роль в формировании повествования. Это отображается использованием метаэлементов по типу: «*и призва епископъ преженареченнаго златоковача*» [ППС 1891: 25]; «*по два города предиреченныя*» [ППС 1891: 49], «*И призва епископъ прежереченнаго ковача*» [ППС 1891: 65] и т.д. Завершается реконструкция фиксацией

совпадающих КСК у ЯЛ и в энциклопедическом комментарии, начиная с бытийного типа.

Цепь *[совокупность] + *[движение] + *[время] представлена во фрагменте: «Г. (Гагара – прим. З.А.) первый из русских посѣтилъ Иерусалимъ послѣ смутнаго времени и так сказать возобновил сношенія русскихъ людей съ дорогой ихъ сердцу святыней» [РБС Т. 4 1914: 54]. В этом отношении паломничество как некоторый акт служит восстановлением коммуникации и содержащейся в ней трансляции (воспроизводство традиции поклонения определенной святыне). КСК *[движение] является во многом исходной, так как доминирует описание физического перемещения в пространстве. Вместе с тем эта группа контекстов ассоциирована с такими составляющими, как *[время], *[место] и *[число], однако *[место] и *[число] как отсутствующие факты реконструкции «узла I» были редуцированы во всем моделировании ЯЛ. «В 1634 г. Г. (Гагара – прим. З.А.) отправился въ путь со своимъ слугой Гаранькой, раньше ѣздившимъ съ его товарами въ Персію» [РБС Т. 4 1914: 53]; «Возвращаясь на родину, онъ пошелъ сначала прежнимъ путемъ, но, услышав о движеніи персидскихъ войскъ противъ турокъ, не рѣшился идти на Грузію, а свернулъ къ Черному морю и имѣлъ намѣреніе отъ Синопа продолжать путь моремъ» [РБС Т. 4 1914: 53] и так далее. Как это демонстрировалось при реконструкции «узла II», В.Я. Гагара указывает временные рамки чего-либо. Вследствие этого его «Житие и хождение...» в некоторой степени есть хроника одного путешествия, что обуславливает появление КСК *[время] во вторичных текстах: «Въ Египтѣ пробылъ онъ 14 недѣль (съ декабря 1635 г. до половины марта 1636 г.)» [РБС Т. 4 1914: 53]. Составляющая лично-психологического типа *[характеристика содержания мыслей] также получает своё отображение: «Г. (Гагара – прим. З.А.) – образчикъ средняго русскаго чловѣка первой половины XVII вѣка; незаурядный дѣловой чловѣкъ, достаточно книжный, онъ чрезвычайно любопытенъ первобытностью своихъ понятій» [РБС Т. 4 1914: 54]. Частично с этим утверждением можно согласиться, но ценностные координаты В.Я. Гагары сомнительно считать «статистической нормой». «По собственному свидѣтельству онъ до 40 лѣтъ вель

жизнь грѣховную (аки свинья въ калѣ грѣховнѣ пребыхъ, блудъ творяше безпрестанно»), пока удары судьбы не заставили его исправиться» [РБС Т. 4 1914: 54]. Это включение фрагмента сочинения «Жития и хождения...» в энциклопедическое издание – «чистый» пример трансляции во вторичном тексте. В некоторых случаях (как в последующем изложении) из сведений о ЯЛ известен только сам факт путешествия, исходя из дошедшего памятника.

2.4.2 Иона Маленький

Узел I. Для реконструкции ЯЛ были привлечены две редакции «*Повѣсть и сказаніе о походе Іоны Маленькаго*...». Как и в случае с предыдущим моделированием (В.Я. Гагара), иных текстов рассматриваемого автора не обнаружено [ППС 1895]. При исследовании редакций «*Повѣсть и сказаніе о походе Іоны Маленькаго*...» Ионы Маленького в первой из них наиболее употребительны следующие группы сложных слов по первому корню: пол-43; Бог-21, цар-19, благ-9, жив-7, а в другой – пол-32; бог-30, цар-14, жив-11, благ-8. Полученные совокупности суммируются, и из общего количества вычленяются пять самых частотных по количеству комплексов. Таким образом, получена конфигурация вида: пол-75; Бог-51; цар-33; жив-18; благ-17. Образовавшийся пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный – представлен в таблице 32 ниже.

Табл. 32. Группировка сложных слов по бытийному типу (Иона)

*[совокупность]									
Бог-									
-род-	-отец-	-мол-							
*[место]									
Цар-		Жив-		Пол-				Благ-	
-град-		-твор-	-начал-	-ден-	-ноч-	-гор-	-верст-	-пут-	-вещ-
*[время]									
Благ-		Пол-							
-вещ-		-час-							
*[число]									
Пол-									
-тор-	-тр(ет)-								

Нами, учитывая минимальное количество самих примеров, кратко перечисляются те, что легли в основу реконструкции обозначенных КСК: *Богородицы* [ППС 1895: 56], *богоотець* [ППС 1895: 44], *богомольцовъ* [ППС 1895: 19] и др. – *[совокупность]; и во *Царьградъ* [ППС 1895: 1], *цареградицкого* [ППС 1895: 2] –

*[место]. Включение в эту группу контекстов по типу: «*святый и животворящий крестъ Господень*» [ППС 1895: 11]; «*честный и животворящий крестъ Господень*» [ППС 1895: 11], «*животворящее древо, крестъ Господень*» [ППС 1895: 40], «*въ дому пресвятыя и живоначальныя Троицы*» [ППС 1895: 29] и т.д. вызван рядом причин. Либо это название церкви (места молитвы), либо это введение (или возврат) в мир живых человека, который это место утратил со смертью. Также КСК *[место] включает примеры: *въ полуденныя врата* [ППС 1895: 6], *а полунощная стѣна* [ППС 1895: 7], *полугоръ* [ППС 1895: 18], *полверсты* [ППС 1895: 19], *полупути* [ППС 1895: 21], *Благовѣщеніе* [ППС 1895: 24], поскольку «*церковь Благовѣщеніе Пречистые Богородицы*» [ППС 1895: 24]. Последний пример несколько амбивалентен, поскольку затрагивает другую составляющую – *[время]: *Благовѣщеніе* [ППС 1895: 3] – «*въ великій постъ, на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы*» [ППС 1895: 3]; *полчаса* [ППС 1895: 25]. Категория *[число] представлена целиком первым корнем пол-: *польторы* [ППС 1895: 50], *полтретьи* [ППС 1895: 45] и другие.

Далее описываются сложные слова, оформившие лично-психологический тип (табл. 33). Общая классификация этого корпуса единиц представлена КСК

Табл. 33 Распределение сложных слов по лично-психологическому типу (Иона)

*[характеристика содержания мыслей]	
Бог-	
-слов-	-мудр-

*[характеристика содержания мыслей]: *богомудрая* [ППС 1895: 39], *Богослова* [ППС 1895: 37] и т.д. Объяснение последнего случая было дано при реконструкции ЯЛ княжеского сословия и государственных служащих.

Заключает анализ исследование сложных слов в ценностном типе. Ранее (в предыдущих семи моделированиях) абстрактность значения этих лексем позволяла в рамках реконструкции распределить их в границах общей оппозиции Положительный/Отрицательный. В настоящий момент последний полюс в этих группах сложных слов у Ионы Маленького отсутствует: *богомолцы* [ППС 1895: 13], *богоспасаемый* [ППС 1895: 1], *богоноснаго* [ППС 1895: 55], *богоприятные*

[ППС 1895: 53], *благовестиша* [ППС 1895: 23], *благодатию* [ППС 1895: 6], *благословеніе* [ППС 1895: 4], *благочестивому* [ППС 1895: 29], *благовѣрнаго* [ППС 1895: 42], *благоплодень* [ППС 1895: 26]. Если имеет место некоторая закономерность, то она начинает фиксироваться с моделирования В.Я. Гагары, у которого отрицательный член оппозиции был оформлен двумя примерами (*многогрѣшный* [ППС 1891: 8], *неблагодарнии* [ППС 1891: 66]).

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ рассматриваются две редакции сочинения «Повѣсть и сказаніе о походе и о походе». Начинается реконструкция с фиксации проявления на текстовом уровне КСК, полученных из анализа сложных слов. Бытийный тип представлен цепью *[совокупность] + *[место] + *[время] + *[число]: «*Туть живутъ чернцы, збирають милостыню на гробъ Господень; мы жь у нихъ пребыхомъ 12 дней*» [ППС 1891: 3]; *[совокупность]+*[место]+*[число]: «*Мы жь въ томъ селѣ обнощевалися, а было богомолцовъ съ полъ 2000, а для обереганія изъ Ерусалима выгъзжалъ наша турской и съ нимъ 6 сотъ конныхъ и пѣшихъ людей*» [ППС 1891: 19]. Если рассматривать разночтения в редакциях как реализацию «интерпретационной парадигмы предложения» (М.В. Всеволодова) у ЯЛ, то следующий пример идет по логике прояснения обозначенной спаянности бытийных составляющих:

«Мы же въ томъ мѣсте ночевали; а было насъ богомольцовъ съ полторы тысячи; а для обереганія изъ Ерусалима выгъзжалъ наша турской съ войскомъ своимъ, а войска съ нимъ конныхъ и пѣшихъ шесть сотъ человекъ, для того что дикіе арапы изходятъ изъ горъ и побиваютъ богомолцовъ, того ради собираютца многими людьми и тако ходятъ на святыи Иерданъ» [ППС 1891: 19].

Приведенный фрагмент охватывает практически все содержание таблицы 32.

В «чистом» виде КСК обнаруживаются в единичных примерах, ср.: *[место] – «*азъ же убогий остася во обители Живоначальные Троицы*» [ППС 1891: 19]. Вероятно, это наблюдение может при иных методологических установках послужить основанием для выявления большего/меньшего участия автора в художественной обработке своего словесного материала.

Лично-психологический тип представлен всего одной составляющей – *[характеристика содержания мыслей], однако текст воспроизводит и

*[движение], и *[рецепция органами восприятия], которые в доминантных группах сложных слов у Ионы Маленького отсутствуют: «*И отъ того часа прииде ми веліе желаніе, и восхотѣхъ видѣти святыи градъ Іерусалимъ, ово жь и наученія ради греческаго языка и грамоты: онъ же даде ми слово, еже довести до гроба Господня*» [ППС 1891: 3]. Уже данный фрагмент, как и последующие примеры, затрагивает ценностный тип КСК: «*И посадиша насъ на трапезе и угостиша. насъ добръ*» [ППС 1891: 3], «*а уставъ святаго и донине добре содержать*» [ППС 1891: 24] и другие. Эти высказывания характеризуют отношение к чему-либо постороннему (коммуникативно-соотнесительный пояс). О себе самом, однако, Иона категорично утверждает: «*И въ то время мнѣ грѣшному и недостойному и послѣдному во всѣхъ мнѣхъ иноку Іоанъ работаютъ священнодѣяконская въ дому Пресвятыя Троицы, и случися патриарху ходити по церквамъ молитися*» [ППС 1895: 1-2]; «*и язъ недостойный*» [ППС 1895: 10]; «*Азь же убогій поклонихся до земли*» [ППС 1895: 29] и другие. Эти факты могут рассматриваться и как знание письменного этикета, жанра, и как христианское смирение, которое является следствием жизненного выбора моделируемой ЯЛ. Далее анализируются динамические составляющие, а именно – образные структуры.

В первой редакции «Повести и сказания...» эйдолологический пояс включает описание населенных пунктов. Например, «*а стѣнами святыи градъ Іерусалимъ не высокъ; на коейждо стѣне по 5 башень, а башни не велики, плоски, токмо едиными зубцами выше стѣны: строень каменіемъ бѣлымъ четверугольнымъ*». [ППС 1895: 7]. Вербализация образной структуры включает существительные (стѣнами, башни, каменіемъ), краткие (высокъ, велики, плоски) и полные (бѣлымъ, четверугольнымъ) прилагательные, наречия (выше), числительное (5). Привлекает внимание опыт построения объемного представления увиденного ЯЛ.

«*А то преддверіе здѣлано яко стѣнцы предъ двери, ис камени белого и мраморомъ бѣлымъ внутрь и внѣ устроено и въ томъ преддверіи той святыи камень противо дверей гроба Господня; и надъ тѣмъ каменемъ висять 16 кандиль сребреныхъ съ масломъ, горять безпрестани, греческихъ и разныхъ вѣрь*» [ППС 1895: 9].

Раскрытие содержания образа осуществляется через сравнительный оборот с «яко» (преддверіе здѣлано яко сѣнцы предъ двери), противопоставление внутреннего и внешнего (через использование наречий: внутрь и внѣ; другой вариант – через предлоги: ис, въ, съ), верха и низа (использование предлогов: въ, надъ).

Трансляция пространственных характеристик на письме чаще приводит к описанию оппозитивных направлений. Например, «*А величествомъ той святыи камень отъ земли въ колено, а другая половина въ земли водружена, а въ долготу 3 пяди, а въ широту полъ 3-ти; угловать*» [ППС 1895: 9]. Контекстуальная антонимия семантики предлогов (отъ земли въ колено – высота / въ земли водружена – глубина), лексики (долготу / широту) – один из примеров передачи пространственных образных структур.

Во второй редакции содержание эйдолологического пояса практически идентично. Отметим только, что в ряде случаев различны способы презентации образа. К примеру:

«устроень каменіемъ бѣлымъ четверугольнымъ, не зѣло высокъ, но покрыть зубцы широки. На коейждо стѣнь по пяти башенъ, а башни не велики, плоски, точію едиными зубцы выше стѣны, мало выставлены изъ стѣны» [ППС 1895: 37].

Во фрагменте отмечается использование 1) противительных отношений (не зѣло высокъ, но...), 2) существительных (каменіемъ, зубцы), 3) кратких и полных прилагательных (устроень, высокъ, покрыть, высокъ, широки, велики, плоски, бѣлымъ, четверугольнымъ, едиными), 4) наречий (не зѣло, выше, мало).

Описанная нами ранее синтаксическая конструкция, посредством которой передавался объемный образ, встречается и во второй редакции. «*А то преддверіе устроено, яко сѣнцы предъ келію, ис камени бѣлаго и мраморомъ бѣлымъ внутрь и внѣ, яко теремець; а двери гроба Господня четырехъ пядей великихъ въ длину, а поперегъ трехъ*» [ППС 1895: 38]. Сравнительный оборот («яко») дублируется за счет отсутствия раскрытия внутренней формы: (А то преддверіе устроено, яко сѣнцы предъ келію; яко теремець), но трансляция через оппозицию направлений сохраняется: внутрь и внѣ, въ длину, а поперегъ.

Заключительный пункт данного этапа моделирования – описание синтаксических конструкций с союзом *сиречь*. «Повѣсть и сказаніе...» включает один случай употребления таковых в первой редакции, но во второй этот факт отсутствует: «*а стояли кругъ того двора столпы мраморный, а на нихъ каморы, сиречь своды, отъ столпа до столпа, и 2 кладезя посредъ того двора великіе, а врата яко во градъ, и стена та отъ западу еще стоитъ*» [ППС 1895: 21]. Как и в предыдущих семи реконструкциях, в настоящий момент нами также «разворачивается» левый контекст от союза *сиречь* в точку T1, а правый – в T2 (табл. 34)

Табл. 34 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (Иона)

T1		T2
« <i>а на нихъ каморы</i> »		
*[а на Pron _p N _n]	<i>сиречь</i>	<i>своды</i>
		[N _n]

Этот пример идентичен ситуациям на данном этапе моделирования у Г.К. Котошихина и В.Я. Гагары, когда воспроизводство прерывает общее разверстывание предложения. Во второй редакции союзная связь убрана: «*и то мѣсто устроено было яко дворъ великій, огражденъ стеною каменною и высланъ каменемъ бѣлымъ, и были столпы каменный мраморныя и своды между ихъ были яко комары; посреди же того двора устроена комара на столпцахъ мраморныхъ згло хитро, шатромъ*» [ППС 1895: 49]. Отметим, что у С.И. Шаховского, Т. Васильева, Г.К. Котошихина, В.Я. Гагары и Ионы реализация пояснительно-отождествительных синтаксических отношений не подкреплена КСК **[тождество].

Узел III. Переходим к последнему этапу моделирования. В редакциях «Повести и Сказания...», как и при реконструкции ЯЛ В.Я. Гагары, обнаруживаются жанровые формулы по типу: «*Сія вся описахъ во святемъ граде Іерусалиме, еже видѣхъ очима своима и преходихъ грѣшными ногами, елико возможно, а премѣрити же и горазно разсмотрѣти страха ради поганыхъ турковъ неудобно*» [ППС 1895: 45]. При этом данный фрагмент может быть примером метаэлемента, поскольку идентичен с такими случаями, как: «*Сія вся*

описана суть съ востоку по Удоли Плачевной» [ППС 1895: 17]; *«Сія описахъ святая мѣста. ижъ близъ святого Іерусалима внѣ града»* [ППС 1895: 18]; *«Сія описахъ святая мѣста близъ святого Еросалима»* [ППС 1895: 48] и другие. При этом перечень этой группы пополняется за счет оборотов по типу: *«И вшедъ во святую церковь преждереченными враты»* [ППС 1895: 8]; *«преждереченными враты»* [ППС 1895: 37], *«И не дошедшимъ намъ преждереченнаго Ерихонскаго села»* [ППС 1895: 51] и иные.

Заключает моделирование Ионы Маленького выявление совпадающих КСК у ЯЛ XVII века и в энциклопедическом комментарии XIX столетия. Ранее описанная цепь *[совокупность] + *[место] + *[время] + *[число] своеобразно представлена и во вторичном тексте, с некоторой перестановкой элементов и ассоциацией с лично-психологическим типом: *«Такъ мы наверное знаемъ, что патріархъ Паисій 23-го Февраля 1652 г. былъ у армянскаго патріарха Филиппа вмѣстѣ съ Арсеніемъ и Іоною»* [цит. по: ППС 1895: IV]. Формируется «бытийная» последовательность вида *[совокупность] + *[число] + *[время] + *[место].

Ассоциация типов представлена цепью *[характеристика содержания мыслей] +*[движение] +*[рецепция органами восприятия], которая была выявлена на уровне реконструкции «узла II»: *«тотчасъ объяло его великое желаніе видѣть святой градъ Іерусалимъ; побуждало еще къ путешествію стремленіе лучше изучить греческій языкъ и грамоту, знаніе которыхъ, очевидно, и ранее было ему не чуждо»* [цит. по: ППС 1895: II]. Если указывать на ценностные координаты, то вторичный текст их также фиксирует, например: *«Дальнейшій путь Іона совершилъ съ тѣмъ же старцемъ Іоакимомъ. предавшимъ его, на котораго явно благотворно подѣйствовало незлобіе и душевная чистота нашего инока: они благополучно добрались до Іерусалима»* [цит.по: ППС 1895: III]. Указание на незлобие и душевную частоту принадлежит самому комментатору, как рефлексия над текстами (и «Повести...», и поведения) Ионы Маленького.

2.4.3 Ф.А. Котов

Узел I. Для реконструкции ЯЛ был привлечен текст *«Хожденіе на Востокъ Ф.А. Котова въ первой четверти XVII в.»*. Сочинение было несколько раз

опубликовано, но только в избранном источнике сохранена орфография семнадцатого столетия. Этот вариант дошёл в поврежденном состоянии, вследствие чего реконструкция данной ЯЛ позиционируется в диссертации как заключающая часть рассмотрения всех авторов-путешественников.

В избранном тексте обнаруживается пласт сложных слов. Наиболее употребительными из них по первому корню оказались следующие группы: пол-9, Бог-3, чет(ыр)-2. Эта конфигурация принимается в диссертации как исходная. Специфика полученной совокупности заключается в том, что в её рамках был выявлен только «бытийный» тип, представленный в таблице 35 ниже.

Табл. 35. Распределение сложных слов по бытийному типу (Ф.А. Котов)

*[совокупность]			
Бог-			
-род-			
*[место]			
Пол-		Бог-	
-ден-	-ноч-	-яв-	
*[время]			
Пол-			
-ден-			
*[число]			
Пол-		Чет(ыр)-	
-тр(еть)-	-агач-	-десят-	-сто-

Нами, учитывая минимальное количество самих примеров, кратко перечисляется то, что легло в основу реконструкции обозначенных КСК. *[совокупность]: *богородицы* [П-ий 1906: 75]; *[место] – *полдень* [П-ий 1906: 115] – «*хоть в турскую землю промежь полдень и западь*» [П-ий 1906: 115], *полночь* [П-ий 1906: 117] – «*на полночь два дни ходу*» [П-ий 1906: 117], *богоявление* [П-ий 1906: 101] – «*а на другой сторонъ стоятъ преображение господне да богоявлеие*» – не отмеченное в (СлРЯ XI – XVII) значение *«икона, названная в честь праздника богоявления», однако в контексте также – предмет с отведенным ему местом в храме; *полушеста* [П-ий 1906: 101] – «*а у нихъ у верху привязана таѣтица уска тонка сажень съ пять до полушеста висятъ а на верху шестовъ что ножицы, или что жаравеи носъ желъзное*» [П-ий 1906: 101]; *[время] – *в полудне* [П-ий 1906: 104] – «*с утра да в полудне да в вечере*» [П-ий 1906: 104]; *[число] – *полтретья* [П-ий 1906: 88], *польагача* [П-ий 1906: 82] – отсутствует в (СлРЯ XI –

XVII). Употреблено в контексте: *«Да отъ шамахи же с польгача на полночь стоятъ два сада шаховъ садъ да шамахинсково хана»* [П-ий 1906: 82]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«мера пути, численно равная двум с половиной верстам».

Узел II. На этом этапе моделирования ЯЛ также рассматривается текст *«Хождение на Востокъ Ѳ.А. Котова въ первой четверти XVII в.»*. Начинается реконструкция с фиксации проявления в сочинении КСК, полученных при анализе сложных слов. Среди них *[совокупность] представлена фрагментом: *«кизылбаши и перси, арменья своимъ полкомъ з женами и дѣтми. ицѣицы своимъ полкомъ. жидове своимъ полкомъ з женами и детми. аврамляне своимъ полкомъ»* [П-ий 1906: 98]. КСК *[место] реализуется, например, в отрывках: *«А астрахань городъ стоитъ надъ волгою стоитъ на луговой сторонѣ городъ каменной великъ»* [П-ий 1906: 72]; *«а итти полями и мокрымъ мѣстомъ»* [П-ий 1906: 76]. Составляющие бытийного типа *[время]+*[место]+*[совокупность] даны во фрагменте: *«а в городе торгуютъ после обѣда, а до обѣда торгуютъ за городомъ в надолобахъ с тотары с ногаемъ»* [П-ий 1906: 73]; *[число]+*[место] – *«отъ низовой ходу до Шаврина четыре агача а по русскому во всякой агачи по \hat{E} версть»* [П-ий 1906: 71]. При всей поврежденности сочинения обнаруживается использование устойчивых конструкций *билъ челомъ* [П-ий 1906: 120], *и про тѣ мечети писано ни в похвалу ни в славу* [П-ий 1906: 87]. Последний пример может входить в аксиологию, но не в координатах религии или высокой книжной культуры, а в оценку светского, мирского существования [Колесов 2006; Лотман 2010]. Далее анализируются динамические составляющие, а именно – образные структуры.

Через эйдологический пояс транслируются описания с пространственным содержанием: *«Дербень городъ каменной бѣлои бывалъ крѣпокъ толко нелюдень. а стоитъ концомъ на горы а другимъ концемъ в море»* [П-ий 1906: 79]. Помимо этого, эксплицируется связь «узла I» и «узла II».

В частности, в рамках эйдологического пояса появляется апелляция к образу поведения, который известен читателю, живущему в Московской Руси

первой половины XVII века: «а на голове носят колпаки дурны, а в руках носят палицы и копы и топоры, а в ушах камень хрустали. А образом страшны что бешеные и дурни» [П-ий 1906: 102]. Последний пример обнаруживается в описании одного из священнодействий местного населения. Сам автор успевае зафиксировать 4 праздника, и по итогу их выносит оценку: «и всего в персидской земли четыре праздники. а что про них писано и то имъ не на славу, но на укоризну и понось и на пагубу имъ!» [П-ий 1906: 111]. Этот пример уже эксплицирует содержание коммуникативно-соотнoсительного пояса.

В привлеченном материале отсутствуют случаи употребления синтаксических конструкций с союзом «сиречь». Напомним, что эти единицы выступают заключительным пунктом данного этапа моделирования. Союз «то есть» в этой редакции памятника также не употребляется, однако привлекает внимание активное использование оборота «а+по+Pron_d» (а по нашему), пример которого: «станеть говорить ѳату. а по нашему молитву по своей вере» [П-ий 1906: 107]. Как и в предыдущих восьми реконструкциях, в данном случае также «разворачивается» левый контекст от «а по нашему» в полюс T1, а правый – в T2 (табл. 36).

Табл. 36 Грамматическая трансляция на уровне синтаксиса (Ф.А. Котов)

T1		T2
«станеть говорить ѳату»		
*[Vf _{3s} (станет) Inf _{(говорить)N_a]}	а по нашему	молитву по своей вере
	а+по+Pron _d	*[N _a по Pron _d N _d]

Проведенный разбор демонстрирует случай двойного воспроизведения: «каркас» поясняющей части предложения включает и падежную идентичность поясняемых членов предложения, и соответствие обороту «а+по+Pron_d» (а по нашему). В ряде случаев структурная схема этого средства расширяется, что демонстрируют примеры по типу: *Да они же зовутъ баишь дакеми а по нашему по руски на верху горы ковчегъ. А у насъ тоъ гору зовутъ арарать* [П-ий 1906: 117]; *а хльбно пшеница пшено арпа а по рускому ячень а инога хльба нтъ* [П-ий 1906: 76]; *рыбная ловля астроханьсково монастыря какаравзикъ, по рускому тоня а в астрохани зовутъ илымъ* [П-ий 1906: 74]; *вышли на встречу шаху их мулълы и*

кешиши а по нашему попы [П-ий 1906: 100] и другие. Отметим, у С.И. Шаховского, Т. Васильева, Г.К. Котошихина, В.Я. Гагары, Ионы и Ф.А. Котова реализация пояснительно-отождествительных синтаксических отношений не подкреплена КСК **[тождество], которая могла бы быть реконструирована при исследовании сложных слов.

Узел III. Наступает последний этап моделирования. В тексте «Хождение на Востокъ...», как и в сочинениях уже рассмотренных паломников и путешественников, присутствует формульное указание на то, что всё описываемое Ф.А. Котовым было увидено им воочию: *«сия повесть до zde и конецъ понеже бо не все исписать. что видели то и написали. Зде же писано о праздникахъ»* [П-ий 1906: 102]. Если дьякон Иона причиной возможной неполноты фактов считает объективные условия враждебности, то анализируемый купец прямо указывает на разнообразие самого воспринимаемого мира. Тем не менее, этот фрагмент также может выступать метаэлементом по типу: *«и сия повесть доздръ. Здъ же возвратимся на подлежащий путь»* [П-ий 1906: 72], *«а о бабръ писано ниже каковъ бе»* [П-ий 1906: 89] и другие.

Прежде, чем перейти к следующему этапу (выявлению совпадающих КСК у ЯЛ и в энциклопедическом комментарии), напомним, что сочинение в приведенном источнике дошло в поврежденном состоянии. Вследствие этого, вероятно, некоторые составляющие не получили полноценного отображения.

Это замечание, правда, не относится к цепи *[совокупность]+*[место]: *«члены боярской думы <...> обсуждали просьбу Джона Мерина <...> объ отводе англичанамъ участка земли около Вологды для сѣянiя льна; спрошенные по поводу этого купцы, представители гостиной сотни, отвѣчали отказом; но Котовъ с нѣсколькими другими стоялъ за позволенiе»* [РБС Т. 9 1903: 342]; *[совокупность] + *[число] + *[время] + *[место] («сопровождаемый восемью «товарищами» он выѣхалъ изъ Москвы 5 мая») [РБС Т. 9 1903: 342]; *[место]+*[время] («указываетъ почти всюду разстоянiя между городами и мѣстечками, производя счетъ на дни» [РБС Т. 9 1903: 342]). Необходимо отметить, что в цитируемом энциклопедическом издании так же, как и в тексте

ЯЛ, отсутствует и лично-психологический, и ценностный типы, которые могли быть получены из анализа сложных слов. Комментатор не выносит суждений о знаниях, степени осведомленности, статусе, не характеризует Ф.А. Котова как «хорошего» или «плохого», что в определенной степени повторяет наличие только «бытийной» составляющей, выявленной посредством описания лексического пласта.

Выводы

Обнаружение общего и индивидуального между ЯЛ XVII века возможно в рамках комплексного методологического подхода, основанного, с одной стороны, на варианте феноменологического метода в языкознании (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский), а с другой – на достижениях филологической герменевтики (Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Г.И. Богин). В очерченных координатах допустимо выявление сходств и различий как в пределах одного социального слоя (князья, государственные служащие), так и в границах общей ситуации (паломники и путешественники).

Основанием для этого при диахроническом сравнительно-сопоставительном исследовании может выступать не вся языковая система целиком, а её фрагмент, определенный набор элементов, которые оказываются «сигнальными», ключевыми для моделирования. На протяжении 9 реконструкций таковыми явились сложные слова, предложения с пояснительными отношениями, паремии и образно-символические структуры.

Избранный в диссертации лексический корпус, введенный в деятельность онтологию, в аспекте трансляции фиксирует воспроизводство ЯЛ морфемо-морфолого-семантических комплексов со стабильным полем значений: *единоземнородныхъ* [ЛЗАК 1907: 119]; *единомудръствующи* [ЛЗАК 1907: 137] у И.М. Катырева-Ростовского, *единообъщникъ* [РИБ 1891: 547], *единосверстникомъ* [РИБ 1891: 547] у И. А. Хворостинина и т.д. Также сложные слова позволяли очерчивать создателю текста в XVII веке свои аксиологические координаты: *многославному* [РИБ 1891: 847],

многосоставному [РИБ 1891: 872] С.И. Шаховского; *преблагословенныя* [ВИМОИДР 1851: 11], *любовъщна* [ВИМОИДР 1851: 20] Т. Васильева; *богобоязливъ* [Котошихин 1884: 153], *богохулство* [Котошихин 1884: 130] Г.К. Котошихина; *благочестиваго* [ППС 1891: 47], *многогрѣшный* [ППС 1891: 8] В.Я. Гагары и т.д. Более того, избранный лексический корпус оказывается «сигнальным» элементом при моделировании дважды: по первому корню – собственно «системные» предпочтения ЯЛ, и по группировкам внутри единиц, оформленных компонентами смысла.

Направленность на последний характерна и для фрагментов предложений с бессоюзной пояснительной связью (Т. Васильев), и для фрагментов с союзами «сиречь» (И.М. Катырев-Ростовский, И.А. Хворостинин, С.И. Шаховской, И.Т. Семенов, В.Я. Гагара, Иона Маленький), «то есть» (Г.К. Котошихин), «а по нашему» (Ф.А. Котов). Состав этих синтаксических конструкций не идентичен даже в пределах редакций одного текста. Более того, применение деятельностной онтологии выявляет падежную идентичность поясняемого и поясняющего членов предложения, которую допустимо считать маркером грамматической трансляции, осуществленной в коммуникативной единице, фиксирующий момент истолкования, т.е. раскрытие смысла для потенциального адресата.

В тех сочинениях ЯЛ, где используются паремии, они либо имеют церковное (И.А. Хворостинин, С.И. Шаховской, И.Т. Семенов), либо профессиональное (Т. Васильев), либо неопределенное, возможно, народное происхождение (В.Я. Гагара). Избранные единицы маркируют предпочтения каждого из исследованных создателей текстов XVII столетия. Например, паремии включают в качестве ключевых слов спасение и речение у И.А. Хворостинина, око и ухо у С.И. Шаховского, хребет и лицо в контексте трудовой деятельности у Т. Васильева, добро, зло, мудрость, безумие, деяние, воздаяние у И.Т. Семенова, хождение у В.Я. Гагары.

Образная составляющая по данным моделирования каждой ЯЛ также оказывается значимой в сравнительно-сопоставительном плане. В

эйдолологическом поясе у И.М. Катырева-Ростовского обнаруживаются символические представления Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Древа и Креста, а также обозначения зодиакального цикла (Рыбы, Овен). Образы, используемые И.А. Хворостининым в его сочинениях: крест, гора, корабль, змий, волк, пёс и иные. В свою очередь у С.И. Шаховского выявлена специфическая тенденция введения в христианский контекст животных (что подчас спорно в наше время после церковной реформы XVII века): овца, ласточка, заяц, феникс. В письмах Т. Васильева обнаруживается образ колеса с его авторской интерпретацией, а также птенец и курица как часть метафоры. Для «Временника» И.Т. Семенова (помимо символа корабля и сравнения Лжедмитрия с домашним скотом) ключевым в структурном отношении является лексически вариативный компонент с обозначением змеи (змий, змея, аспид, василиск). Для сочинения Г.К. Котошихина значимым оказывается описание внешнего вида печатей и государственных бумаг. В.Я. Гагарой воспроизведены образы церквей, их убранства, городов и ландшафтов, в то время как у Ионы фиксация убранства храма тяготеет к объёмности образа, что отличает их обоих от Ф.А. Котова, у которого изображение городов сопровождается дескрипцией поведения его жителей в языческий праздник.

Благодаря комплексному методологическому подходу, основанному на варианте феноменологического метода в языкознании и филологической герменевтике, были выявлены компонентно-смысловые категории (КСК), т.е. исторически дошедшие и восстановленные из текстов элементы некогда единой смысловой системы как «специфического признака деятельности» (Г.П. Щедровицкий). В очерченных координатах эти составляющие и принадлежат ЯЛ, и предзаданы им; могут и объединять, и дифференцировать создателей текста в XVII веке. Возможность обнаружения КСК позволяет допустить их «интерсубъективный» статус, поскольку они получены и как герменевтика текстов, языковой и стилистических систем со стороны исследователя, и как описание понятий действительности человеком

отдаленных эпох, что в совокупности даёт представление о персональной картине мира.

«Включение в деятельность» (Г.П. Щедровицкий) характерно и для документов, не связанных с XVII веком по времени создания. Тем не менее тексты с энциклопедическими сведениями о каждой ЯЛ указанного столетия выступают как результат коммуникативного акта, в котором транслируются не только системно-языковые, но и КСК, организующие вторичную интерпретацию со стороны комментатора. Последний, выступая и как «герменевт» (Г.И. Богин) знаковой системы поведения, в своих трудах фиксирует те корреляции по составляющим, какие удалось выявить на протяжении всех реконструкций от первого до последнего этапа исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено проблеме моделирования ЯЛ первой половины XVII века в деятельностных координатах трансляции, коммуникации и интерпретации. Ими же обуславливается и решение поставленных задач.

В ходе диссертационного исследования описание тенденций к выдвиганию понятия «языковая личность» потребовало обращения к филологическим трудам XIX- начала XX века, в которых фиксируется стабильность воспроизводства (трансляции) словосочетаний «поэтическая личность» (К.С. Аксаков, В.Г. Белинский, Г.Г. Шпет, В.В. Виноградов) и «литературная личность» (Ф.И. Буслаев, В.Г. Белинский, Ю.Н. Тынянов, В.В. Виноградов). Было выявлено, что в контексте эпистемологического исследования указанные типы (пишущих/говорящих) предполагают связь с определенными типами сознания, и, так как в ряде трудов эти понятия уравниваются (В.Г. Белинский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.Г. Шпет, В.В. Виноградов), появление номинации «языковая личность» сопровождалось появлением обозначения «языковое сознание» (и наоборот), образуя соотносительную пару. Вместе с тем отсутствие строгих дефиниций вплоть до трудов Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова позволяет рассматривать их концепции как полноценно лингвоперсонологические.

Было зафиксировано постоянство трех- (Н.М. Карамзин, Н.И. Надеждин, К.С. Аксаков, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов) и пятичастных структур (А.С. Шишков, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.И. Богин) либо при описании воплощения замысла в то, что проговаривается, либо при анализе полноты и богатства самого языка/ средств у его носителя. Архивные работы Г.Г. Шпета, опубликованные после изданных трудов Г.И. Богина, регистрируют эти же структуры в инвертированном порядке как типы понимания, интерпретации и т.д., образуя тем самым в пределах лингвоперсонологии ещё один ряд соотносительных пар, но уже не понятий (тип личности/тип сознания), а построений (структура говорения/структура понимания).

Представлена (на базе проведенного анализа) модификация модели языковой личности на герменевтических (Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Г.И. Богин) и феноменологических (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, Г.Г. Шпет) основаниях. Разработка позволяет вычлениить компоненты смысловой системы (компонентно-смысловые категории) пишущих из фрагментов языковой системы – сложных слов, пояснительно-отождествительных конструкций (с союзами «сиречь», «то есть» и оборотом «а по нашему»). Это потребовало описание методологии с характеристикой каждого этапа моделирования.

В соответствии с ней были извлечены и систематизированы сложные слова и пояснительно-отождествительные конструкции. Для анализируемого лексического пласта характерна как коллективная воспроизводимость (транслируемость) первых корней бог-, благ-, все-, мног-, так и уникальность коммуникативного предпочтения. В девяти реконструкциях нет идентичных конфигураций сложных слов от наиболее частотного употребления к наименьшему, единичному использованию. В свою очередь для анализируемых синтаксических конструкций совпадение по количеству отсутствует даже в пределах редакций одного сочинения. Более того, из всего перечня полученных фрагментов с союзами «сиречь», «то есть» и оборотом «а по нашему» нет идентичности в поясняемых и поясняющих членах предложения, что характеризует уникальность выбора того, что интерпретируется, истолковывается для потенциального читателя.

Дан анализ образных структур и паремий (если они употреблены), используемых языковыми личностями первой половины XVII века. Все сравнения, метафоры отсылают к общей языческой и религиозной символике, накопленной этносом. В свою очередь каждая паремия, включенная в текст личностью, позволяет выйти через сопоставление с содержанием сборников пословиц на культурозначимые темы. При этом и употребление данных устойчивых единиц, и образно-символических структур является как трансляцией коллективного опыта, так и индивидуальным коммуникативным предпочтением,

поскольку в девяти реконструкциях не обнаружено полного совпадения этих составляющих.

Охарактеризована (насколько это позволял материал) статика и динамика смысловых компонентов картины мира, разделенных в соответствии с замечаниями И.А. Бодуэна де Куртенэ на бытийные (*[совокупность], *[движение], *[власть], *[место], *[время], *[структура], *[число], *[имя]), лично-психологические (*[характеристика содержания мыслей], *[рецепция органами восприятия]) и ценностные (положительный и отрицательный полюса) типы. Тем самым, с одной стороны, схематически представлены общие контуры составляющих «апперцепционной базы» (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.П. Якубинский, Н.И. Гайнуллина) этноколлектива, с другой – получено подтверждение со стороны эмпирического материала о наличии «системно-организующего пояса» языковой личности.

Сама ситуация понимания читателями и учеными знаковой последовательности, ассоциированной с конкретным автором периода «бунташного века», вероятно, возможна только по той причине, что компонентно-смысловые категории между адресантами и адресатами совпадают, или же частично идентичны. Это позволяет рассматривать их как следы общей вовлеченности языковой личности XVII столетия в деятельность трансляции, коммуникации и интерпретации, значимые также для вскрытия механизмов динамики всего «Смутного времени». Вероятно, само становление нового типа ментальности и картины мира не затрагивает кардинально компонентно-смысловые категории каждого пишущего, но является результатом коллективного выбора оптимальной доминанты мировосприятия, полученной из множественного наложения персональных конфигураций каждой единицы этноса.

В результате проведенного исследования все поставленные задачи решены, цель достигнута. Подтверждена гипотеза, согласно которой языковая личность определенного периода жизни этноса может быть реконструирована на материале созданных ею текстов, компоненты которых подвергаются трансляции,

коммуникации, интерпретации, формируя особый тип понимания действительности.

Дальнейшие перспективы исследования обусловлены тем обстоятельством, что вторая половина XVII столетия является сложным периодом в историко-культурном и речемыслительном аспектах. Предложенный подход может по-новому осветить церковный раскол и поведение его участников как проблему герменевтики текста и доминанты различного типа понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список используемых сокращений

- АГ – Русская грамматика (1980)
- АИ – Акты исторические.
- ВИМОИДР – Временник императорского московского общества истории и древностей российских.
- КСК – компонентно-смысловая категория.
- ЛЗАК – Летопись занятий императорской археографической комиссии.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
- ППС – Православный Палестинский сборник.
- РБС – Русский биографический словарь
- РИБ – Русская историческая библиотека.
- СГГид – Собрание государственных грамот и договоров.
- СлРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв.
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.
- ЯЛ – языковая личность

Источники основные

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею [Текст]. - Санкт-Петербург : в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841-1842. - Т. 3: 1613-1645. - 1841. - III, 501, 18 с.
2. Временник императорского московского общества истории и древностей российских [текст] : Книга 9. – М. : Университетская типография, 1851. – 458 с.
3. О России в царствование Алексея Михайловича / соврем. соч. Григория Котошихина. - Изд. 3-е. - Санкт-Петербург : издание Археогр. комис., 1884. - [4], XXXVI, 196, XX с., [2]

4. Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 год [Текст] / под ред В.Г. Дружина. – Санкт-Петербург : Типография М.А. Александрова (Надеждинская, 43), 1907. – Вып. 18. – 284 с.
5. Палестинский сборник / Акад. наук СССР. Рос. Палест. о-во. - Москва ; Ленинград, 1881-. - Т XI. - Санкт-Петербург. : Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворц. площ., 1891. – 106 с.
6. Палестинский сборник / Акад. наук СССР. Рос. Палест. о-во. - Москва ; Ленинград, 1881-. - Т XIV. – Санкт-Петербург. : Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворц. площ., 1895. – 70 с.
7. П-ий М. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века / М.П. Петровский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1906. — Т. XI. Кн. 1. — С. 67—125.
8. Русская историческая библиотека / издаваемая Археографическою комиссиею. - Санкт-Петербург : [б. и.], 1875. - Т. 2. - 1228 стлб.
9. Русская историческая библиотека / издаваемая Археографическою комиссиею. - Санкт-Петербург : [б. и.], 1891. - Т. 13, вып. 1: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. - 982 стлб.

Источники сопоставительные

1. Вейнберг, Л. Хворостинин, Иван Андреевич / Л. Вейнберг // Русский биографический словарь / Изд.подъ наблюдениемъ.... А.А. Половцова. – Т. 21 (Фабер – Цявловскій). – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Ко, 1901. – С. 289-290.
2. Корсаков, Д. Шаховской / Д. Корсаков // Русский биографический словарь / Изд.подъ наблюдениемъ.... А.А. Половцова. – Т. 22 (Чаадаев – Швитков). – Санкт-Петербург: Типография И.Н Скороходова, 1905. – С. 586-589.
3. Острожская Библия [текст]. - Острог, 1581. - 624 л.

4. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. - Т. 4: Гааг - Гербель. - 1914. - [2], 494 с.
5. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. - Т. 8 (Ибак – Ключарев) – 1897. – 756 с.
6. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. - Т. 9: Кнаппе - Кюхельбекер. - 1903. - 710 с.
7. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. - Т. 18: Сабанеев - Смыслов. - 1904. - [2], 673 с.
8. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. - Т. 20: Суворова - Ткачев. - 1912. - [2], 600 с.
9. Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий [Текст] / Собр. и пригот. к печати Павел Симони. - Санкт-Петербург : Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. - Вып. 1 : с приложением XIII-ти таблиц снимков с рукописей : I-II. – 268 с.
- 10.Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел : Т. 3. - Москва, 1822. - 540 с.

Словари лингвистические

- 11.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 1: (А-Б) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]. - 1975. - 371 с.
- 12.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. -

- Вып. 2: (В - Волога) / сост. Г. А. Богатова, Г. Я. Романова. - 1975. - 319 с.
- 13.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 3: (Володънье - Вящышина) / сост. О. В. Малкова, Г. Я. Романова. - 1976. - 288 с.
- 14.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 5: (Е - Зинутие) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, В. Я. Дерягин [и др.]. - 1978. - 392 с.
- 15.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 6 (Зипунъ – Иянуарий). – М. : Наука, 1979. – 359 с.
- 16.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 7: (К - Крагуяръ) / сост. В. Я. Дерягин, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая [и др.]. - 1980. - 403 с.
- 17.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 8: (Крада - Лящина) / Сост. Г. А. Богатова и др. - 1981. - 351 с.
- 18.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 9. М / [Сост. Г. А. Богатова, О. В. Малкова, Г. П. Смолицкая, Э. Г. Шимчук; Ред. В. Я. Дерягин, О. В. Малкова]. - М. : Наука, 1982. - 357 с.
- 19.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 10. Н - наятися / [Составители Г. А. Богатова, О. И. Смирнова, А. Н. Шаламова]. - М. : Наука, 1983. - 327 с.

- 20.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 11: (Не - Нятый) / [А. Н. Шаламова]. - М. : Наука, 1986. - 456 с.
- 21.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 12: (О - Опарный) / сост. Л. Ю. Астахина [и др.]. - 1987. - 381 с.
- 22.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 18: Потка - Преначальный / [авт. слов. ст. О. И. Смирнова, В. Г. Чурганова]. - 1992. - 288 с.
- 23.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 23: (Съ - Сдымка) / [Л. Ю. Астахина и др.]. - 1996. - 253 с.
- 24.Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Наука, 1975-. - Вып. 27: (Спась - Старицынь) / [Р. Н. Кривко и др.]. - 2006 (СПб. : Типография "Наука"). - 275 с.
- 25.Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского. - Санкт-Петербург : издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1906. - Т. 3, вып. 4: Дополнения А - Я. - 1912. - [4] с., 512 стб., 13 с.
- 26.Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / Макс Фасмер ; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - 2-е изд., стер. - М. : Прогресс, 1986-. - Т. 1: (А - Д) [Текст] / Фасмер, Макс; под редакцией и с предисловием проф. Б.А. Ларина. - Москва : Прогресс, 1986. - 576 с.
27. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / Макс Фасмер ; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - 2-е изд., стер. - М. : Прогресс, 1986-. - Т. 2: (Е -Муж) [Текст] / Фасмер, Макс. - Москва : Прогресс, 1986. - 672 с.

28. Słownik polszczyzny XVI wieku / Inst. badań lit. Pol. akad. nauk; Kom. red. Stanisław Bak et al. - Wrocław etc. : Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1966-. - Т. X. (K-KORZYSC). - 1976. - 674 p.
29. Słownik polszczyzny XVI wieku / Inst. badań lit. Pol. akad. nauk; Kom. red. Stanisław Bak et al. - Wrocław etc. : Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1966-. - Т. XI. (KOS-KYRYJE). - 1978. - 632 p.

Иные словари и энциклопедии

1. Королев, К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Кирилл Королев. - Санкт-Петербург : Мидгард, 2005. - 603 с.
2. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. - М. : Гуманитар. изд. центр "ВЛАДОС", 1996. - 415 с.
3. Мифы народов мира : В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. - 2-е изд. - М. : Сов. энцикл., 1987-. - Т. 2: К-Я. - М. : Сов. энцикл., 1988. - 719 с.
4. Библейский словарь : Энцикл. слов. / Сост. Эрик Нюстрем; Пер. со швед. под ред. И. С. Свенсона. - Новое пересмотр. и испр. изд. с ил. - СПб. : Библия для всех, 2000. - 523 с.
5. Славянская мифология : Энцикл. слов. / [Науч. ред. В. Я. Петрухин и др.]. - М. : Эллис Лак, 1995. - 414 с.

Научная литература

1. Аксаков, К. С Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1-3. - Москва : тип. П. Бахметева; Унив. тип. (Катков и К°), 1861. - Т. 1: Сочинения исторические. - VIII, 632, II с.
2. Аксаков, К. С Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1-3. - Москва : тип. П. Бахметева; Унив. тип. (Катков и К°), 1875. - Т. 2: Сочинения филологические. - XII, 661 с.
3. Аксаков, К. С Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1-3. - Москва : тип. П. Бахметева; Унив. тип. (Катков и К°), 1880. - Т. 3: Опыт русской грамматики. - 709 с. разд. паг.

4. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя "Повести временных лет" : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Барнаул, 2004. - 205 с.
5. Анисимова, Н. П. Современные французские семантические теории : (Ист.-эпистемол. анализ) : Монография / Н. П. Анисимова; М-во образования Рос. Федерации. Твер. гос. ун-т. - Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. - 195 с.
6. Баранникова, Л. И. Введение в языкознание [Текст] : [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов]. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. - 384 с.
7. Барсукова, Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии : на материале "Архива князя Воронцова" : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Барсукова Елена Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2007. - 22 с.
8. Барт, Р. S/Z / Ролан Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. - Москва : Акад. проект, 2009. - 373 с.
9. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : [В 7 т.] / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Рос. акад. наук. - М. : Рус. словари, 1996-. - Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. - 2003. - 957 с.
10. Собрание сочинений : [В 7 т.] / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Рос. акад. наук. - М. : Рус. словари, 1996-. - Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов / [Ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили]. - М. : Рус. словари, 1996. - 731 с.
11. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского [Текст] : в 12 томах / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. - С.-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900 - Т. 1: [Стихотворения. Переводы. Статьи]. - XIII, 542 с.
12. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского [Текст] : в 12 томах / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. - С.-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901 - Т. 5 : Критические статьи : с

- приложением портрета Белинского, изданного А. Мюнстером в 1859 г. - VIII, 579 с.
- 13.Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского [Текст] : в 12 томах / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. - С.-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903 - Т. 6: "Отечественные записки" 1841 года. - Статьи, примыкающие к "Критической истории русской литературы". [Текст] : с приложением портрета Белинского, рисованного И. А. Астафьевым в 1881 г., и двух снимков с рукописи статей Белинского о народной поэзии. - Санкт-Петербург : Общественная польза. - VIII, 637 с.
- 14.Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского [Текст] : в 12 томах / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. - С.-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904 - Т. 7: "Отечественные записки" 1942 года ; Посмертные и неизвестные статьи 1840-1842 гг. - VIII, 643 с.
- 15.Белошапкова, Т. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) / Т.В. Белошапкова // Вестник ТГУ. – Тамбов, 2008. – №5. – С.214-218
- 16.Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук : (10.02.19). - Л., 1984. - 31 с.
- 17.Богин, Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. / Г.И. Богин – Тверь : Твер. гос. Ун-т, 2009. – Т.1 – 156 с.
- 18.Богин, Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. / Г.И. Богин – Тверь : Твер. гос. Ун-т, 2009. – Т.2 – 152 с.
- 19.Богин, Г. И. Слово в тексте как средство пробуждения рефлексии / Г.И. Богин [Текст] // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Смоленск, 1999. – Ч.4. – С. 16-17.

20. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики : (Из унив. чтений) / В.А. Богородицкий, орд. проф. Имп. Казан. ун-та. - Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1907. - [2], IV, 271 с.
21. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. - Москва : Изд. АН СССР, 1963. - 384 с.
22. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. - Москва : Изд. АН СССР, 1963. - 392 с.
23. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 208 с.
24. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. - Изд. 4-е. - Москва : URSS, 2007. - 511 с.
25. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений [Текст] : В 7 т. / Под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; [Подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина и др.] ; [Вступ. статья П. Г. Антокольского, с. 7-28]. - Москва : Худож. лит., 1975. – Т. 6. – 656 с.
26. Будагов, Р. А. Человек и его язык [Текст]. - 2-е изд., расшир. - Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 429 с.
27. Булгаков, С. Н. Философия имени / Прот. С. Булгаков. - Париж : YMCA-press, Сор. 1953. - 279 с.
28. Бурова, Н. Е. Из истории синонимии имен существительных [Текст] : (На материале сочинения Г. К. Котошихина "О России в царствование Алексея Михайловича") : Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. - Москва : [б. и.], 1965. - 22 с.
29. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : Т. 1 / Соч. Ф. Буслаева. - Санкт-Петербург : Д.Е. Кожанчиков, 1861. - 706 с.
30. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : Т. 2 / Соч. Ф. Буслаева. - Санкт-Петербург : Д.Е. Кожанчиков, 1861. - 668 с.

- 31.Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка : [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит."] : Сборник / Ф. И. Буслаев; Вступ. ст. И. Ф. Протченко, с. 7-24]. - М. : Просвещение, 1992. - 511 с.
- 32.Буслаев, Ф. И. Сочинения Ф. И. Буслаева : сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1-3. - Санкт-Петербург : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1908 - Т. 1. Сочинения по археологии и истории искусства [Текст]. - [2], IV, 552, II, [1] с.
- 33.Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung / Й. Л. Вайсгербер ; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. - Изд. 3-е. - Москва : URSS : Либриком, 2009. - 229 с.
- 34.Валгина, Н. С. Теория текста : Учеб. пособие для студентов вузов по специальностям 021500 - Изд. дело и редактирование, 021600 - Книгораспространение и направлению 520700 - Кн. дело / Н. С. Валгина. - М. : Логос, 2003. - 279 с.
- 35.Варбот, Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование [Текст] : Ретроспективная форм. характеристика / АН СССР. Ин-т рус. яз. - Москва : Наука, 1969. - 230 с.
- 36.Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования [Текст] : (макрокосм) / Т. И. Вендина ; ...Отд. славян. языкознания. - Москва : Индрик, 1998. - 236 с.
- 37.Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : Избр. тр. / В. В. Виноградов; [Послесл. А. П. Чудакова, с. 285-315. - М. : Наука, 1980. - 360 с.
- 38.Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков [Текст] : [учебник для филологических факультетов университетов] / В. В. Виноградов ; [вступ. ст. Н. И. Толстого]. - 3-е изд. - Москва : Высшая школа, 1982. - 529 с.
- 39.Войченко, В. М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины : автореферат дис. ... кандидата

- филологических наук : 10.02.01 / Войченко Виктория Муратовна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. - Иваново, 2012. - 24 с.
40. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки . – 2001. – №1. – С. 64-72.
41. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : Фрагм. приклад. (пед.) модели яз. : Учебник / М. В. Всеволодова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501 с.
42. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : В 6-ти т. / Л. С. Выготский ; Гл. ред. А. В. Запорожец. - М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова; [Авт. послесл. А. Р. Лурия; Коммент. Л. А. Радзиховского]. – 504 с.
43. Гайнуллина, Н. И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. - Алматы, 1996. - 54 с.
44. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого : опыт диахрон. описания / Н. И. Гайнуллина ; Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби. - Алматы : Қазақ унив., 2002. - 139 с.
45. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. - 4-е изд. стер. - Москва : URSS, 2006. - 139 с.
46. Гальченко, М. Г. Челобитная инока Савватия Государю Алексею Михайловичу на книжных справщиков / М.Г. Гальченко // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. – Москва : Древлехранилище, 2006. – С. 295-369.
47. Ганичева, С. А. Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингвогеографическом аспектах : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ганичева Светлана Алексеевна; [Место защиты: Вологод. гос. ун-т]. - Вологда, 2016. - 23 с.

48. Георгиевский, П. Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащее в себе: Общие понятия об изящных искусствах, Теорию красноречия, Пиитику и Краткую историю литературы, составленное профессором Императорского Царскосельского лицея и Императорского Училища правоведения Петром Георгиевским : В 4 ч. [Ч. 1-4]. - Санкт-Петербург : тип. И. Глазунова, А. Смирдина и К°, 1836. - 4 т. – 314 с.
49. Гинзбург, Е. Л. Синтаксическая типология сложных слов: («Внутренний синтаксис» сложений) / Е.Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики. 1967. - М.: Наука, 1968. - С. 202-239.
50. Глаголев, А. Г. Умозрительные и опытные основания словесности : В 4 ч. / Соч. А. Глаголева. Ч. 1-4. - Санкт-Петербург : тип. Имп. Рос. акад., 1834.
51. Гончаренко, И. Г. "Литературная персона" Владимира Набокова и способы ее художественного конструирования : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. - Екатеринбург, 2004. - 219 с.
52. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка : [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов] / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. - М. : Высш. школа, 1981. - 359 с.
53. Гречко, В. А. Теория языкознания : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 520300 и спец. 021700 - "Филология" / В.А. Гречко. - М. : Высш. шк., 2003 (Казань : ГУП ПИК Идел-Пресс). - 374 с.
54. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. - 2. изд. - М. : Прогресс, 2000. - 397 с.
55. Гумилев, Н. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. / Н. С. Гумилев; Ред. кол. Н. Н. Скатов (гл. ред.) и др.; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом.). - М. : Газ.-журн. об-ние "Воскресенье", 2006. – Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – 552 с.

56. Гурчиани, М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Гурчиани Мимоза Теймуразовна; [Место защиты: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т]. - Казань, 2009. - 22 с.
57. Гуссерль, Э. Логические исследования [Текст] / Эдмунд Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. - Москва : Акад. проект, 2011. - Т. 2, Ч. 1: Т. 2, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания. - 565 с.
58. Даниленко, В. П. История русского языкознания : курс лекций : учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов, а также филологических факультетов университетов / В. П. Даниленко. - Москва : Флинта : Наука, 2009. - 318 с.
59. Жданова, А. В. Формирование и функционирование категории «Литературная личность» в публицистическом тексте (на материале очерка А. Аграновского «Как я был первым») / А. В. Жданова // Вестник ВУиТ. – Тольятти, 2014. - №3 (16). – С.22-31
60. Живов, В. М. История языка русской письменности [Текст] : [в 2 т.] / В. М. Живов ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Университет Дмитрия Пожарского. - Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. - Т. 1. - 815 с.
61. Живов, В. М. История языка русской письменности [Текст] : [в 2 т.] / В. М. Живов ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Университет Дмитрия Пожарского. - Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. - Т. 2. - 1285 с.
62. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. / А. А. Залевская. - М. : Гнозис, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). - 542 с.
63. Зеленецкий, К. П. Система и содержание философского языкоучения, с приложением к языку русскому : Конспект чтений проф. рус. словесности в Ришельев. лицее Константина Зеленецкого. - Санкт-Петербург : тип. Имп. Рос. акад., 1841. - 56 с.

64. Зимняя, И. А. Речевая деятельность и психология речи. / И.А. Зимняя // Основы теории речевой деятельности. – М. : Изд-во «Наука», 1974. - С. 64 – 72.
65. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология [Текст] : основы теории языковой личности : для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия по направлению 031000 и специальности 031001 - "Филология" / Е. В. Иванцова ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Томский гос. ун-т". - Томск : Изд-во Томского ун-та, 2010. - 158 с.
66. Исследование рече-мыслительной деятельности [Текст] / Отв. ред. М. М. Муканов. - Алма-Ата : [б. и.], 1974. - 194 с.
67. История и методология языкознания [Текст] : учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по программе магистратуры по направлению подготовки 032700 "Филология" / М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина ; [сост. О. В. Мищенко]. - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 61 с.
68. Кабакова, С.В. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. / С.В. Кабакова. – München: Verlag otto sagner, 2002. – 124 с.
69. Карамзин, Н. М. Избранные сочинения [Текст] : В 2 т. / [Вступ. статья, с. 5-76, П. Беркова и Г. Макогоненко] ; [Подготовка текста и примеч. П. Беркова]. - Москва ; Ленинград : Худож. лит. [Ленингр. отд-ние], 1964. - Т. 2: [Стихотворения] : [Критика]. [Публицистика]. [Главы из "Истории Государства российского"] / [Сост., подготовка текста и примеч. Г. Макогоненко]. - 591 с.
70. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

71. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик ; Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". - М. : ГНОЗИС, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). - 390 с.
72. Карманова, З. Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Карманова Зоя Яковлевна; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. - Москва, 2012. - 56 с.
73. Карсавин Л. П. Малые сочинения / [Сост., науч. подгот. и коммент. С.С. Хоружего]. - СПб. : Алетейя, 1994. - 531 с.
74. Кирилова, Е. А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Кирилова Елена Алексеевна; [Место защиты: Вологод. гос. пед. ун-т]. - Вологда, 2008. - 18 с.
75. Ключевский, В. О. Русская история : В 3 кн. / В. О. Ключевский. Кн. 2. - М. : Мысль : Изд. центр "Академия", 1997. - 584 с.
76. Ковалевская, Е. Г. История русского литературного языка [Текст] : [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2101 "Рус. яз. и лит."]. - Москва : Просвещение, 1978. - 384 с.
77. Кодухов, В. И. Общее языкознание : [Учеб. для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов : Пер. с рус.] / В. Кодухов. - Рига : Звайгзне, 1987. - 293,
78. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Филология" и направлению подготовки "Филология" / В.В. Колесов ; Фак. филологии и искусств С.-Петербур. гос. ун-та. - Москва: Академия ; Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. - 511 с.
79. Колесов, В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка / В. В. Колесов. - Санкт-Петербург : Logos, 2007. - 382 с.
80. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. - Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. - 624 с.

81. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике [Текст] : учебное пособие / З. И. Комарова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гос. пед. ун-т, Ин-т междунар. связей. - Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2012. - 817 с.
82. Кортава, Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01. - Москва, 1999. - 295 с.
83. Корш, Ф. Е. Замечания профессора Ф.Е. Корша / Ф.Е. Корш // Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий [Текст]. – Санкт-Петербург : Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. – С. 3-8.
84. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С. Д. Кацнельсон ; под общ. ред. В. М. Жирмунского (отв. ред.), М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон. - Изд. 3-е. - Москва : URSS, 2011. - 112 с.
85. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? : монография / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
86. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М. : Филол. фак. МГУ, 1996. - 245 с.
87. Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке. / Н.В. Крушевский. – Казань: Типография Императорского Университета, 1883. – 150 с.
88. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е.С. Кубрякова. - М. : Яз. славян. культуры, 2004 (ППП Тип. Наука). - 555 с.
89. Кузнецов, П. С. О принципах изучения грамматики / П. С. Кузнецов. - 2. изд., испр. - М. : УРСС, 2003. - 100 с.
90. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X-середина XVIII в.) : учеб. для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-

- тов / Б. А. Ларин. - 2-е изд., испр. - СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2005 (ГПП Печ. Двор). – 413 с.
91. Левицкий, Ю. А. История лингвистических учений : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий, Н. В. Бронникова. - М. : Директ-Медиа, 2013. - 525 с.
92. Лешак, О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности : На материале славян. яз. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19. - Тернополь, 1997. - 529 с. + Прил. (121с.: ил.).
93. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М. : «Большая российская энциклопедия», 1998. - 685 с.
94. Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка [Текст] : [Учеб. пособие для гос. ун-тов]. - Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. - 596 с.
95. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. - Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2010. - 703 с.
96. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос : [Сборник] / Алексей Федорович Лосев; [Вступ. ст. А. А. Тахо-Годи, с. 5-30; Послесловия В. П. Троицкого, Л. А. Гоготишвили, с. 882-923; Комментарии И. И. Маханькова]. - М. : Мысль : Рос. открытый ун-т, 1993. - 958 с.
97. Максимов, Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений [Текст] : (на материале современного русского литературного языка) / Леонард Юрьевич Максимов ; Ставропольский гос. ун-т, Пятигорский гос. лингвистический ун-т. - Ставрополь ; Пятигорск : Изд-во СГУ ; 2011. - 675 с.
98. Манаенко, Г. Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19, 10.01.10 / Рост. гос. пед. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2004. - 42 с.

99. Марчук, А. А. Социально-философская герменевтика в России XIX - начала XX веков : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. - Великий Новгород, 2006. - 22 с.
100. Мельников, Г. П. Системная типология языков : Синтез морфол. классификации яз. со стадиальной : Курс лекций / Г. П. Мельников. - М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. – 89 с.
101. Мельчук, И. А. Язык : от смысла к тексту [Текст] / И. А. Мельчук. - Москва : Яз. славянской культуры. ЯСК, 2012. - 174 с.
102. Мертон, Роберт К. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон ; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. - Москва : АСТ : Хранитель, 2006 (Н.Новгород : Нижполиграф). – 873 с.
103. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи [Текст] / Акад. И. И. Мещанинов ; Акад. наук СССР. - Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР, 1945. - 322 с.
104. Михайлова, Т. В. Средства и способы выражения оценочной семантики в языке повестей Смутного времени XVII в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Санкт-Петербург, 1999. - 184 с.
105. Морфемика и словообразование русского языка : Учеб. пособие / М-во образования Рос. Федерации. Вологод. гос. пед. ун-т ; [Отв. ред. Л. Г. Яцкевич]. - Вологда : Русь, 2002 (Литография Сев. лесоустроит. предприятия). - 283 с.
106. Надеяева, О. Е. Родом из Библии. Часть 2. Символический язык христианства [Текст]. - Чита : Палитра, 2013. - 47 с.
107. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. – М. : Изд-во Московского гос. лингвистического ун-та., 1996. – С. 112-116

108. Никитин, О. В. Из истории Московской лингвистической школы: новые материалы и републикации / О.В. Никитин // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. — М. : Институт русского языка, 2004. — С. 308–309.
109. Никитина, А. Ю. Языковая личность Екатерины Второй : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Никитина Алена Юрьевна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2014. - 22 с.
110. Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку [Текст] / [Вступ. статья С. Г. Бархударова, с. 3-25]. - Москва : Учпедгиз, 1960. - 355 с.
111. Общее языкознание [Текст] : Методы лингвист. исследований / [Отв. ред. чл.-кор. АН СССР Б. А. Серебренников]. - Москва : Наука, 1973. - 318 с.
112. Осипова, О. В. Эпистемологическая характеристика ведущих российских лингвистических теорий конца XIX - первой половины XX веков : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Осипова Ольга Владимировна; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. - Тверь, 2007. - 17 с.
113. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] : Пер. с нем. / Г. Пауль ; Под ред. А. А. Холодовича ; Вступ. статья С. Д. Кацнельсона. - Москва : Иностран. лит., 1960. - 499 с.
114. Педагогика и логика : [Сборник] / Георгий Щедровицкий, Вадим Розин, Никита Алексеев, Нелли Непомнящая. - М. : Касталь : ТОО "Международ. журн. "Магистериум", 1993. — 412 с.,
115. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении : [Учеб. пособие] / А. М. Пешковский; Вступ. ст. проф. Е. В. Клобукова. - 8. изд. - М. : УРСС, 2001. - 451 с.

116. Пименова, М. В. Русский язык и ментальность в диахронии [Электронный ресурс] / М. В. Пименова. URL: <http://www.conference-spbu.ru/conference/36/reports/6423/> (дата обращения: 31.12.2017).
117. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика : учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. - Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. - 314 с.
118. Попова, О. В. Языковая личность Ивана Грозного : На материале деловых посланий : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ом. гос. ун-т. - Омск, 2004. - 19 с.
119. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / Сост. А. Потебня. I-II. - Воронеж : тип. Н.Д. Гольдштейн. – Т. I.: Введение. – 157 с.
120. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике IV. Глагол, местоимение, числительное, предлог [Текст] / А. А. Потебня ; Акад. наук СССР. Ин-т яз. и мышления им. Н. Я. Марра. - Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. - 318 с.
121. Потебня, А. А. Мысли и язык : Собр. тр. / А. А. Потебня. - М. : Лабиринт, 1999. - 268 с.
122. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре : Собр. тр. / А. А. Потебня. - М. : Лабиринт, 2000. - 479 с.
123. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] : А. А. Потебня ; [сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратов]. - Москва : Высш. шк., 1990. – 342 с.
124. Прияткина, А. Ф. Русский язык [Текст] : синтаксис осложненного предложения : [учебное пособие для филологических спец. вузов] / А. Ф. Прияткина. - Москва : Высш. шк., 1990. – 175 с.
125. Пятигорский, А. М., Успенский, Б. А. Персонологическая классификация как семиотическая проблема / А.М. Пятигорский, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1967. – С. 7 – 29.
126. РИА Новости. Путин призвал новое поколение студентов не бояться ошибок [Электронный ресурс] / РИА Новости. URL:

- <https://ria.ru/society/20180125/1513319925.html> (дата обращения: 25.01.2018)
127. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов; Под общ. ред. А. Н. Николюкина; [Комментарии А. Н. Николюкина и др.]. - М. : Республика, 1996. - 701 с.
128. Романские языки и культура: история и современность : Тез. докл. рос. науч. конф., Москва, 17-19 дек. 2003 г. / [Отв. ред. М. А. Косарик]. - М. : Макс Пресс, 2003. - 146 с.
129. «РУССКАЯ ГРАММАТИКА 4.0». Международный научный симпозиум [Электронный ресурс] / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. URL: <http://www.pushkin.institute/simpozium/index.php#collapseOne> (дата обращения: 4.02.2018)
130. Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. : Наука, 1980. - Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. - 783 с.
131. Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. : Наука, 1980. - Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. - 709 с.
132. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова; Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. - 239 с.
133. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка : Опыт систем. исслед. / А. П. Сковородников. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. - 255 с.
134. Славянская письменность и культура как фактор единения народов России [Текст] : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Северо-Осетинский гос. ун-т им.

- К. Л. Хетагурова", Владикавказское правосл. духовное училище ; [редкол. : И. И. Кунавина (отв. ред.) и др.]. - Владикавказ : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2016. - 237 с.
135. Слышкин, Г. Г. От текста к символу [Текст] : лингвокультур. концепты прецедент. текстов в сознании и дискурсе : [монография] / Г. Г. Слышкин; Моск. гос. лингвист. ун-т. Науч.-учеб. центр яз. и культуры Север. Евразии им. князя Н. С. Трубецкого. - Москва : Academia, 2000. - 125 с.
136. Смольников, С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики : на материале деловой письменности Русского Севера XVI-XVII веков : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01. - Санкт-Петербург, 2005. - 425 с.
137. Современный русский язык : [Учеб. для пед. ин-тов по спец. 2101 "Рус. яз. и лит."]. - 2-е изд., перераб. - М. : Просвещение, 1987. - Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. - 256 с.
138. Солодкин, Я. Г. Иван Тимофеев сын Семёнов / Я.Г. Солодкин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Санкт-Петербург : Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук, 1993. — Вып. 3 (XVII в.). Часть 2 (И — О). — С. 14—20.
139. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики : Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера / Ф. де Соссюр ; Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина ; Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. - 2. изд., стер. - М. : УРСС, 2004 (Тип. ООО Рохос). - 272 с.
140. Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры : Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин ; Рос. АН, Ин-т языкознания, Моск. гос. лингв. ун-т. - Москва : Наука, 1993. - 157 с.
141. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. - 2. изд., испр. и доп. - М. : Акад. проект, 2001. - 990 с.

142. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва : Наука, 1975. - 311 с.
143. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка [Текст] : [Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов]. - Москва : Высш. школа, 1972. - 360 с.
144. Судаков, Г. В. История русского слова [Текст] : монография / Г. В. Судаков ; М-во образования и науки Российской Федерации, Вологодский гос. ун-т. - [2-е изд., доп.]. - Вологда : ВоГУ, 2015. - 359 с.
145. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст]. - Москва : Наука, 1973. - 366 с.
146. Тезаурусный анализ мировой культуры [Текст] : сборник научных трудов / Московский гуманитарный ун-т, Ин-т фундаментальных и прикладных исслед., Центр теории и истории культуры, Научно-образовательный центр "Тезаурусный анализ мировой культуры" [и др.] ; под общ. ред. Вл. А. Лукова. - Москва : Изд-ва Московского гуманитарного ун-та, 2010. - Вып. 20. – 80 с.
147. Тезаурусный анализ мировой культуры [Текст] : сборник научных трудов / Московский гуманитарный ун-т, Ин-т фундаментальных и прикладных исслед., Центр теории и истории культуры, Научно-образовательный центр "Тезаурусный анализ мировой культуры" [и др.] ; под общ. ред. Вл. А. Лукова. - Москва : Изд-ва Московского гуманитарного ун-та, 2013. - Вып. 25. – 159 с.
148. Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда [Текст] : Учеб. пособие / М-во просвещения РСФСР. Свердлов. гос. пед. ин-т. Шадрин. гос. пед. ин-т. - Шадринск : [б. и.], 1971. - 122 с.
149. Толстой, Н. И. Избранные труды / Н.И. Толстой. - М.: Яз. рус. культуры, 1997 - Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. - 519 с.
150. Толстой, Н. И. Избранные труды / Н.И. Толстой. - М.: Яз. рус. культуры, 1999 - Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. - 542 с.

151. Толстой, Н. И. Избранные труды / Н.И. Толстой. - М.: Яз. рус. культуры, 1999 - Т. 3: Очерки по славянскому языкознанию. - 462 с.
152. Трапезникова, О. А. Языковая репрезентация авторской модальности в торжественных словах Кирилла Туровского : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Трапезникова Ольга Александровна; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. - Кемерово, 2012. - 26 с.
153. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура : в 2 т. / О. Н. Трубачев. - М. : Языки славян. культуры, 2004-. - Т. 3. - 2008. - 799 с.
154. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете; Ч. 1 [Текст]. - Москва : В Университетской типографии, 1812-1824. - 226 с.
155. Труды Отдела древнерусской литературы [Текст] / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). - Санкт-Петербург : ДБ, 1934- (Акад. тип. Наука РАН). - Т. 42 [Текст]. - Ленинград : из-во "Наука", 1989. - 464 с.
156. Тхорик, В. И. Языковая личность : Лингвокультурологический аспект : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19. - Краснодар, 2000. - 304 с.
157. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов ; [Предисл. В. Каверина ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры]. - Москва : Наука, 1977. - 574 с.
158. Улуханов, С. И. О языке Древней Руси [Текст]. - Москва : Наука, 1972. - 135 с.
159. Успенский, Б. А. Избранные труды : [в 2 т.] / Б.А. Успенский. - Москва: Гнозис, 1994. - Т. 2: Язык и культура. - 686 с.

160. Успенский, Б. А. Избранные труды : [в 3 т.] / Б.А. Успенский. - Москва: Школа "Языки русской культуры" : А. Кошелев, 1997. - Т. 3: Общее и славянское языкознание. - 800 с.
161. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI - XVII вв.) / Б.А. Успенский. - 3. изд., испр. и доп. - М. : Аспект Пресс, 2002. – 559 с.
162. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : Курс лекций : [Для философов, а также для специалистов, занимающихся проблемами текста] / К.А. Филиппов ; С.-Петербур. гос. ун-т. - СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003 (Тип. изд-ва СПбГУ). - 334 с.
163. Флоренский, П. А. Имена / П. Флоренский. - Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000. - 441 с.
164. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды [Текст] / Акад. Ф. Ф. Фортунатов ; [Ред. коллегия: д-р филол. наук М. Н. Петерсон (отв. ред.) и др.] ; [Вступ. статья проф. М. Н. Петерсона] ; Акад. наук СССР. Отд-ние языка и литературы. - Москва : Учпедгиз, 1956 - Т. 1. - 450 с.
165. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды [Текст] / Акад. Ф. Ф. Фортунатов ; [Ред. коллегия: д-р филол. наук М. Н. Петерсон (отв. ред.) и др.] ; [Вступ. статья проф. М. Н. Петерсона] ; Акад. наук СССР. Отд-ние языка и литературы. - Москва : Учпедгиз, 1957 - Т. 2: Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка : Сравнительная морфология индоевропейских языков. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. - 471 с.
166. Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – Москва : Изд-во «Наука», 1996. – №2 – С. 55-67.
167. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. - Изд. 4-е. - Москва : Типо-лит. Кушнерева, 1900-1914. – Т. 2. Сочинения богословские. - 1907. - [8], XXXVI, 550 с.

168. Хоружая, Ю. Н. Семантические функции пространственных и временных предлогов в русском и немецком языках : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Кубан. гос. ун-т. - Краснодар, 2007. - 26 с.
169. Чернов, В. А. Русский язык в XVII веке [Текст] : морфология / В. А. Чернов. - Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1984. - 199 с.
170. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, Д. И. Лебедева-Полянского, Н. Л. Мещерякова, И. Д. Удадьцова, Н. М. Чернышевской. – М. : ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, 1949. – Т. 14. – 899 с.
171. Чуглов, В. И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке : структурно-семантический аспект : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Чуглов Владимир Иванович; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. - Ярославль, 2012. - 45 с.
172. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; Вступ. ст. Е. В. Клобукова ; Ред. и коммент. Е. С. Истоминой. - 3. изд. - Москва : УРСС, 2001. - 620 с.
173. Шептаев, Л. С. Стихи справщика Савватия // Труды Отдела древнерусской литературы. - М., Л.: Наука, 1965. - Т. XXI. - С. 5-28.
174. Шестак, Л. А. Русская языковая личность : Коды образной вербализации тезауруса : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2003. - 50 с.
175. Шишков, А.С. Собрание сочинений и переводов. / А.С. Шишков. – СПб. : В Типографии Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. II. – 466 с.

176. Шишков, А.С. Собрание сочинений и переводов. / А.С. Шишков. – СПб. : В Типографии Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. IV. – 394 с.
177. Шпет, Г. Г. Густав Шпет [Текст] : [собрание сочинений] / Густав Шпет ; [сост. и отв. ред. : Т. Г. Щедрина]. - Москва : РОССПЭН, 2005. - Т. 1: Мысль и Слово. Избранные труды. – 686 с.
178. Шпет, Г. Г. Густав Шпет [Текст] : [собрание сочинений] / Густав Шпет ; [сост. и отв. ред. : Т. Г. Щедрина]. - Москва : РОССПЭН, 2006. – Т.3: Philosophia natalis. Избранные психолого-педагогические труды. - 621 с.
179. Шпет, Г. Г. Густав Шпет [Текст] : [собрание сочинений] / Густав Шпет ; [сост. и отв. ред. : Т. Г. Щедрина]. - Москва : РОССПЭН, 2005. - [Т. 4]: Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. - 2007. - 710, [1] с.
180. Штайн, К. Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура / Клара Эрновна Штайн. - Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006 (Ставрополь : ИПФ Ставрополье). - 645 с.
181. Штайн, К. Э. Филология: История. Методология. Современные проблемы [Текст] : учебное пособие / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. - Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. - 915 с.
182. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий; [Ред.-сост. А. А. Пископель, Л. П. Щедровицкий; Авт. вступ. ст. А. Пископель, с. XIII-XXXVII]. - М. : Изд-во шк. культ. политики, 1995. - XXXVII, 759 с.
183. Щедровицкий, Г. П. О методе исследования мышления. / Г.П. Щедровицкий. – М. : Фонд «Институт развития им. Г.П.Щедровицкого», 2006. – 600 с.
184. Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность = Sign and activity : 34 лекции 1971-1979 г. : [в 3 кн.] / Г. П. Щедровицкий. - М. : "Вост. лит." РАН, 2005-2007. - Кн. 1: Структура знака : смыслы, значения, знания =

- The Structure of the Sign : sense, meaning, knowledge : 14 лекций 1971 г. - 464 с.
185. Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность = Sign and activity : 34 лекции 1971-1979 г. : [в 3 кн.] / Г. П. Щедровицкий. - М. : "Вост. лит." РАН, 2005-2007. - Кн. 2: Понимание и мышление. Смысл и содержание = Understanding & Thinking. Sense & Contents : 7 лекции 1971 года / [Некоммерч. науч. фонд "Ин-т развития им. Г.П. Щедровицкого"]. - 2006. - 351 с.
186. Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность = Sign and activity : 34 лекции 1971-1979 г. : [в 3 кн.] / Г. П. Щедровицкий. - М. : "Вост. лит." РАН, 2005-2007. - Кн. 3: Методологический подход в языковедении = Methodological approach to language study : 11 лекций 1974-1979 годов. - Москва : Некоммерческий научный фонд "Институт развития им. Г.П. Щедровицкого", 2007. - 447 с.
187. Щедровицкий, Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия = Thinking understanding reflection / Г. П. Щедровицкий. - М. : Наследие ММК, 2005. - 798 с.
188. Щедровицкий, Г. П. На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого / [ред. текста, авт. коммент. - В.Л. Данилова]. - М. : [Изд-во Шк. Культур. политики], 2004. - 195 с.
189. Щемилиная, И. Н. Когнитивный, прагматический, стилистический потенциал делового текста : сочинение "О России в царствование Алексея Михайловича" Г.К. Котошихина: средства номинации и предикации : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Щемелинина Ирина Николаевна; [Место защиты: Сев. (Арктический) федер. ун-т]. - Архангельск, 2016. - 42 с.
190. Щерба, Л. В. Языковая и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. - Изд. 2-е, стер. - Москва : УРСС, 2004. - 427 с.

191. Энгельгардт, Б. М. Феноменология и теория словесности / Б. М. Энгельгардт. - М. : Новое лит. обозрение, 2005 (РГУП Чебоксар. тип. N1). - 460 с.
192. Язык и ментальность в диахронии [Текст] : материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир-Суздаль, 26-28 сентября 2017 г.) / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых" ; [редакционная коллегия: М. Вас. Пименова (отв. ред.) и др.]. - Владимир : Транзит-ИКС, 2017. - 509 с.
193. Якубинский, Л. П. Язык и его функционирование : Избр. работы / Л. П. Якубинский; Отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. - М. : Наука, 1986. - 207 с.
194. Ярхо, Б. И. Методология точного литературоведения : [Текст] : избранные труды по теории литературы / Б. И. Ярхо ; подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир ; под общ. ред. М. И. Шапира. - Москва : Яз. славян. культур, 2006. - XXXI, [1], 927 с.
195. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность : На материале историко-биографической прозы князя Б.И. Куракина : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. - Москва, 2004. - 25 с.
196. Яцкевич, Л. Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования / Л.Г. Яцкевич // Вопросы языкознания. – Москва : Изд-во Наука, 1992. – №4 – С. 111-122.
197. Яцкевич, Л. Г. Структура поэтического текста : Учеб. пособие / Л.Г. Яцкевич; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Волог. гос. пед. ун-т. - Вологда : Русь, 1999. - 238 с.

198. Evans V., Green M. Cognitive linguistics: an introduction. / V. Evans, M. Green. – Edinburgh, 2006. – 830 p.
199. Harris, Z. S. Discourse Analysis [Текст] / Zellig S. Harris // : Langages. – 1952. – Vol. 28, No. 1. - pp. 1-30.
200. Frith, C.D. The Cognitive Neuropsychology of Schizophrenia. / C.D. Frith. – Hillsdale, 1992. – 169 p.
201. Frith, U. Autism and Asperger syndrome / U Frith. – Cambridge university press, 1991. – 247 p.
202. Frith, U. Autism A Very Short Introduction / U Frith. – Oxford University Press, 2008. – 129 p.
203. Happé, F. Autism an introduction to psychological theory / F. Happé. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 133 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Деятельность – предельная реальность (субстанция), к которой в конечном итоге сводятся все социокультурные предметы и явления на правах видов и форм ее самопроявления. Универсум деятельности тождественен человеческому миру как таковому. Такое понимание деятельности противостоит, в частности, индивидуально-психическому ее пониманию: индивидуальный человек рассматривается не как источник и производитель деятельности, а как один из ее продуктов, элементов и носителей. Историческое бытие деятельности обеспечивается механизмами ее самовоспроизводства.

Интерпретация в настоящем диссертационном исследовании понимается как «деятельность», как «высказанная рефлексия» ЯЛ [Богин 2001]. Может быть «первичной» («спонтанные процессы понимания текста» [Залевская 2005: 468] у носителя языка) и «вторичной» («целенаправленный анализ вербализованных продуктов понимания текста» [Залевская 2005: 469] исследователем).

Коммуникация – «специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [ЛЭС 1998: 233].

Компонентно-смысловые категории (КСК) – исторически дошедшие и восстановленные из текстов элементы некогда единой смысловой системы как «специфического признака деятельности»; фрагмент связей или отношений, объединяющих текст с разными элементами ситуации, способный к последующему наращению до более крупных составляющих (либо до понятийных полей и концептосферы, либо до «типических переживаний» этноса).

Соотносительные эпистемологические пары (СЭП) – реализация одной идеи в двух плоскостях. Определить содержание этого понятия допустимо посредством трёх типов понимания в полном соответствии с концепцией Г.И. Богина.

СЭП для семантизирующего понимания – фиксируемая способность двух лексем выстраивать аналогичные лексико-семантические и лексико-

синтаксические сочетания для обозначения чего-либо в конкретной области изучения.

СЭП для когнитивного понимания – фиксируемая способность двух терминов как части подсистемы лексической системы конкретного языка выстраивать идентичные синтагматические и парадигматические типы связей, отсылающих к одному понятийному полю.

СЭП для распредмечивающего понимания – фиксируемое взаимодействие разных отраслей духовного производства (наука, философия, средства массовой информации и так далее), фрагментарно выраженное в формально-содержательных терминологических соответствиях как знаках языка метаописания.

Трансляция – «простое «перетекание» или простая «передача» функциональных элементов социальной структуры из одного, разрушающегося состояния в другое, складывающееся» [Педагогика и логика 1993: 34].

Эпистемология – «наука о природе познания и о путях развития самой науки; исследование оснований науки, которое <...> так или иначе входит в состав когнитивной науки или же считается одной из когнитивных наук как таковых» [Словарь когнитивных терминов 1996: 194].

Языковая личность – личность, «...реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Опыт терминологического осмысления, классификаций типов и анализ критериев для типологий в области лингвоперсонологии проводился неоднократно. Из прецедентов в научных работах данной дисциплины – соотнесение Е.Я. Шмелевой уровней обобщения понятия «языковая личность» с исходными, самостоятельными значениями этого словосочетания [Культура русской речи 2003]. В предлагаемом приложении каждая статья делится на три части: «лексис» (семантика из словаря), «логос» (значение в специальных контекстах) [Реформатский 1968], контекст соотносительной эпистемологической пары (СЭП).

А

АВТОРИТАРНЫЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Книжн. 1. Основанный на беспрекословном подчинении власти, авторитету. 2. Стремящийся утвердить свой авторитет. [От франц. *autoritaire* — властный]» [МАС Т.1 1999: 23]

ЛОГОС: «Авторитарная языковая личность как тип языковой личности характеризуется авторитарным способом построения дискурса. Авторитарный дискурс представляет собой корпус речевых актов директивного и недирективных интенциональных типов, посредством которых в процессе языкового общения реализуется авторитарный тип межличностных отношений, при этом необходимо выполнение ряда предварительных условий прагматического контекста (тип ситуации, приоритетность позиции авторитарной языковой личности, обязательность каузируемого действия, бенефактивность действия для авторитарной языковой личности и др.)». [Пушкин 1992: 3]; [Пушкин, 1990].

КОНТЕКСТ СЭП: «Авторитарное сознание, которое формировалось тысячелетиями» [НКРЯ. Авторитарное сознание 2018].

АКЦЕНТУИРОВАННЫЙ.

ЛЕКСИС: *«АКЦЕНТУА́ЦИЯ, -и, ж. Лингв. Система ударения (в каком-л. языке, в каком-л. памятнике письменности и т. п.)» [МАС Т.1 1999: 31]*

ЛОГОС: *«Типичными персонажами – акцентуированными языковыми личностями для современной американской художественной прозы являются депрессивные, для дискурса которых типичны самокритика и самообвинения, а также роль жертвы в вербальных конфликтах, – 19 % от общего количества проанализированных нами персонажных дискурсов; демонстративные (истеричные), дискурс которых отличается чрезмерным употреблением гипербол и интенсификаторов, – 15,4%, паранойяльные, дискурс которых характеризуется узуальной агрессивностью, – 13» [Бондаренко 2002: 8].* В концепции А.Е. Личко выделяются следующие типы акцентуации характера: гипертимный, циклоидный, сенситивный, шизоидный, истероидный, конморфный, психастенический, паранойяльный, неустойчивый, эмоционально-лабильный, эпилептоидный. Исходя из исследования Я.А. Бондаренко, наиболее активными в речевых актах являются истероидные и паранойяльные личности.

КОНТЕКСТ СЭП: *«Обсуждается проблема влияния акцентуированного сознания на особенности вербальной структуризации художественного текста» [Хизроева 2009: 29].*

АМБИВАЛЕНТНЫЙ.

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999].

ЛОГОС: *«Это такой тип ЯЛ, т.е. человека, существующего в языковом пространстве (в общении, в стереотипах поведения, закрепленных значениями языковых единиц, смыслами текстов), для которого определяющим является совмещение взаимоисключающих характеристик» [Котова 2008: 4].* В определенной степени амбивалентный тип ЯЛ может выступать как дополнение и обобщение акцентуации характеров (см. АКЦЕНТУИРОВАННАЯ).

КОНТЕКСТ СЭП: *«Амбивалентность сознания, или субъективный вид, представляет собой психологическую патологию» [Амбивалентность в психологии: определение и методы лечения 2018]; «попадает в сложное, и, если*

угодно, амбивалентное сознание русского народа. Да, мы такие, мы сложные»
[Соловьёв 2018]

АМЕРИКАНСКИЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Прил. к американцы, к Америка» [МАС Т.1 1999: 35].

ЛОГОС: тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: «Американское сознание мыслит комиксами» [НКРЯ. Американское сознание 2018].

АНГЛИЙСКИЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Прил. к англичане, к Англия» [МАС Т.1 1999: 37].

ЛОГОС: тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: «Результат эксперимента: английское сознание» [Стешина 2007: 54]

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999].

ЛОГОС: тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: «Детство в англо-американском литературном сознании XVII-XX веков» [Детство в англо-американском литературном сознании XVII-XX веков 2016]

Б

БИЛИНГВАЛЬНЫЙ.

ЛЕКСИС: «БИЛИНГВИЗМ, -а, м. То же, что двуязычие» [МАС Т.1 1999: 90].

ЛОГОС: *«У.М. Бахтикиреева ([Бахтикиреева 2005] – прим. З.А.) квалифицирует билингвальную личность как личность, которая, владея типовым способом осмысления действительности средствами своей («первичной») языковой культуры, при изучении второго языка овладевает типовым способом осмысления действительности, выработавшимся в сознании другого народа (через «вторичную» языковую культуру), что позволяет ей познать особенности смысловой схемы типовых высказываний в обоих языках» [Кузнецова 2013: 188].*

КОНТЕКСТ СЭП: *«Проблема формирования билингвального сознания в обучении иностранным языкам» [Алексеева 2009: 83].*

БУРЯТСКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к буряты» [МАС Т.1 1999: 127].*

ЛОГОС: тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: *«Например, отсутствие новостей от близкого человека русское и бурятское сознание воспринимает как признак того, что произошло что-то непредвиденное или несчастный случай» [Бухаева 2005: 126]*

В

ВТОРИЧНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое; -чен, -чна, -чно.*

1. только полн. ф. Происходящий или совершаемый во второй раз; повторный. 2. только полн. ф. Представляющий собой вторую, позднейшую ступень в развитии чего-л. 3. Второстепенный, побочный» [МАС Т.1 1999: 240].

ЛОГОС: *«В современной отечественной лингводидактике сложилась качественно новая теоретическая парадигма, с позиции которой процесс обучения иностранному языку рассматривается как процесс формирования «вторичной» языковой личности» [Хитрик 2001: 2]. В качестве её составляющих автором отмечается наличие «у нее 1) языкового сознания (и самосознания), 2) когнитивного сознания и 3) нравственного сознания» [Хитрик 2001: 15]. В дальнейшем Н.А. Мамонтовой была предложена более строгая дефиниция:*

«совокупность способностей человека к общению на втором языке на межкультурном уровне» [Мамонтова 2010: 108]. На момент составления словника термин активно используется в различных исследованиях [Андреева 2004; Мордас 2004; Шашлова 2006; Птицына 2008; Кострица 2011; Пахаренко 2017].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Живут себе две матери, взаимодействуют, а вторичное сознание, которое они же и породили, старается их осмыслить»* [НКРЯ. Вторичное сознание 2018].

ВЬЕТНАМСКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к вьетнамцы, к Вьетнам»* [МАС Т.1 1999: 293]

ЛОГОС: тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: *«Для европейского сознания понятие использования объекта культурного наследия означает его приспособление под другую функцию в других социальных условиях, а для вьетнамского сознания означает воссоздание его первоначальной функции»* [Нгуен Хоанг Туан 2007: 12].

Г

ГЕНДЕРНЫЙ

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999].

ЛОГОС: Такая языковая личность, в основе речевой деятельности которой *«лежит гендерный тип личности (маскулинный, фемининный, андрогинный)»* [Фомин 2003: 91]. В определенной степени не столько термин, сколько категория со своими подвидами. Справедливо замечание Л.А. Хурановой, что этот тип возможен только как родовое наименование для исследований *«социального пола»* [Хуранова 2017: 56]. В таком случае схематически изучение гендерной языковой личности можно представить в виде следующей таблицы (табл.1)

Табл. 1. Гендерная языковая личность как категория исследований

Гендерная языковая личность [Фомин 2003]
--

Маскулинный тип	Феминный тип	Андрогинный тип
[Народная речь Вологодского края 2017];	[Прокудина 2002]; [Хачмафова 2010, 2011]	[Фомин 2004]

Открытым пока остаётся вопрос: может ли определение андрогинного типа соответствовать такому у амбивалентной языковой личности? (см. АМБИВАЛЕНТНАЯ)

КОНТЕКСТ СЭП: *«Автор рассматривает «гендерное сознание» как одну из форм общественного сознания»* [Жаркимбаева 2014: 59].

ГРУППОВОЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -бе. Прил. к группа»* [МАС Т.11999: 353].

ЛОГОС: В системе А.А. Ворожбитовой – обобщенный субъект, речевой акт которого производится от «лица» социальной группы [Ворожбитова 2005]. В диссертации И.В. Анистратенко термин определяется как *«несколько продуцентов совместного дискурса, представленного в концептуальном издательском проекте – коллективной монографии. Совокупность индивидуальных текстов, формирующих дискурс групповой ЯЛ, обладает инвариантным ядром / идиостилевыми наслоениями на уровне трех категориальных рядов ЛР (лингвориторической – прим. З.А.) парадигмы: идеологии речевого поступка (этнос, логос и пафос в конкретике социокультурно-политической ситуации); уровней структуры ЯЛ (интенциональный спектр прагматикона, когнитивная база идеологической аксиоматики тезауруса, ключевые слова лексикона); риторической технологии дискурсивного процесса (этапы инвенции, диспозиции, элокуции)»* [Анистратенко 2009: 6]. Групповая языковая личность выступает как минимальный этап «расширения субъекта» (А.А. Потебня). Если речь идёт об этносе в целом, то А.А. Ворожбитова предлагает использовать термины «коллективная ЯЛ» или «совокупная ЯЛ» (см. КОЛЛЕКТИВНАЯ, СОВОКУПНАЯ).

КОНТЕКСТ СЭП: *«В статье рассматриваются историко-психологические аспекты феномена группового сознания, которое определяется*

как динамичное психологическое явление, зависящее от ряда внешних и внутригрупповых факторов» [Отрохова 2013: 239].

Д

ДИАЛЕКТНЫЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Лингв. Прил. к диалект» [МАС Т.1 1999: 397]

ЛОГОС: Синонимичное название – языковая личность диалектоносителя, которая «формируется в среде носителей местного говора, усваивает с детства его традиции, этические, эстетические и речевые нормы» [Иванцова 2010: 83]. Является одной из наиболее разрабатываемых областей лингвоперсонологии: [Лютикова 1998; Иванцова 2002; Волкова 2004; Казакова 2005] и другие.

КОНТЕКСТ СЭП: «Теоретические основы лексикографического описания динамики диалектного сознания» [Хохлова, Цапенко 2009: 471].

Е

ЕВРАЗИЙСКИЙ.

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999]

ЛОГОС: «Результатом <> действительного эволюционного развития различных типов национальных языковых личностей становится евразийская языковая личность, внутри которой происходит постоянный мирный диалог культур Востока и Запада» [Койше 2013: 213]

КОНТЕКСТ СЭП: «Евразийское сознание» [Евразийское сознание 2002].

И

ИДИОЛЕКТНЫЙ.

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999]

ЛОГОС: Понятие, вероятно, введено В.П. Нерознаком в статье «Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины». В этом опыте эпистемологии одной из наук в языкознании автор опирался на противопоставление, введенное в философии Н.С. Трубецким, а именно:

«частночеловеческая» / «многочеловеческая» или «симфоническая» личности. Первый член оппозиции представляет собой единственного представителя чего-либо (группы, народа и так далее), второй – народ, этнос. По аналогии с этим противопоставлением В.П. Нерознак вводит понятия «идиолектная личность», которая *«являет собой последовательность синхронных индивидуации, характеризующихся статикой доминантных признаков речи»* [Нерознак 2006: 113], и «полилектная личность» (см. ПОЛИЛЕКТНАЯ). Вероятно, является первой типологией, давшей начало росту терминологического аппарата «по экспоненте». По замечанию Е.В. Иванцовой, *«возможно, терминообозначение «коллективная (и под.) ЯЛ» впоследствии выйдет из активного употребления тогда термин «индивидуальная («идиолектная», «частночеловеческая», «конкретная»...) ЯЛ» утратит тавтологичные поясняющие определения и закрепится в лингвоперсонологии в качестве центрального»* [Иванцова 2010: 73 - 74].

КОНТЕКСТ СЭП: *«является ли он фактом идиолектного или национального языкового сознания»* [Ангелова 2004: 4]. На данный момент контекстов с непосредственной близостью не выявлено.

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ.

ЛЕКСИС: *«ИНТЕРПРЕТИ́РОВАТЬ, -рую, -руешь; сов. и несов., перех. Книжн. Дать (давать) интерпретацию чего-л.; объяснить (объяснять), истолковать (истолковывать) что-л.»* [МАС Т.1 1999: 673]

ЛОГОС: Тип личности, осуществляющий *«рецептивно-интерпретационную деятельность, направленную на установление смысла речевого произведения и получающую воплощение в виде интерпретирующего текста. Эта деятельность носит продуцирующий характер и представляет собой автономный, в определенном смысле независимый от замысла автора процесс, характеризующийся собственной интенциональностью и субъективностью и отражающий качественное разнообразие типов интерпретирующей языковой личности»* [Языковая личность 2014: 71]. Иной

вариант дефиниции – языковая личность, применяющая определенный набор интерпретативных стратегий, является интерпретирующей личностью. Данный тип активно разрабатывается сибирскими лингвоперсоналогами: [Языковая личность 2014; Языковая личность 2016].

КОНТЕКСТ СЭП: *«смысл символа не имеет простого наличного существования, к которому можно было бы отослать интерпретирующее сознание»* [Доброхотов 2016: 22].

ИНТРОВЕРТНЫЙ.

ЛЕКСИС: - отсутствует в [МАС Т.1 1999]

ЛОГОС: Носитель языка, идентифицируемой психодиагностикой как интровертированный тип личности. Ему присущ *«избыток пояснительности»* в аспекте синтаксиса, из-за чего части предложения структурированы *«каузальной связью»* [Ляпон 1995: 265 – 267]. По мнению Е.В. Иванцовой, *«Тексты интровертов отличаются большим вниманием к описанию чувств, более экспрессивным синтаксисом, у них больше средств выражения неуверенности (не знаю, как бы, может быть...) и ассоциативных комментариев, вдвое чаще используются средства выразительности (гиперболы, эпитеты и т.п.), меньше нарушений логики, наблюдается склонность к пессимистической интерпретации событий»* [Иванцова 2010: 60].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Интровертное сознание»* [Гуревич 2011: 205].

ИСТОРИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое»*.

1. Прил. к история (в 1, 2, 3 и 4 знач.). 2. Существовавший в действительности, соответствующий реальной действительности; не вымышленный. 3. Важный для истории, знаменательный, вошедший в историю. 4. Имеющий в основе событие из истории. 5. Рассматривающий явления с точки зрения их возникновения и развития в связи с конкретными условиями их существования. 6. Изучающий явления в их последовательном развитии. 7.

Связанный с определенным этапом в развитии общества; не вечный, преходящий.

8. *Относящийся ко времени, от которого сохранились вещественные памятники»* [МАС Т.1 1999: 690].

ЛОГОС: Тип языковой личности, принадлежащей *«иной исторической эпохе»*, предполагающее исследование *«значительно отдаленной во времени от исследователя»* [Аникин 2004: 18] создателя текста. Изначально (что фиксирует классификация Л.А. Хурановой) развивалось как русло, реконструирующее выдающихся деятелей прошлого. Вместе с тем менее чем за десятилетие изучение языковой личности данного типа оформилось как антропоцентрический подход к истории языка. [Гайнуллина 1996; Аникин 2004; Попова 2004; Ясинская 2004; Трапезникова 2012; Никитина 2014; Щемилина 2016 и другие].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Есть такая тема/ которая интересна как научная тема и в то же время связана с политикой больше/ нежели сегодняшняя тема/ и которой я последние годы занимался. Это историческое сознание. То есть не история как наука/ а что делают при помощи истории/ зачем её употребляют и какие ещё есть функции у истории/ у... у исторического сознания/ кроме вот чистого такого академического интереса»* [НКРЯ. Историческое сознание 2018].

К

КАЛМЫЦКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. 1. Прил. к калмыки. Калмыцкий язык. 2. Такой, как у калмыка»* [МАС Т.2 1999: 21]

ЛОГОС: Тип языковой личности – см. **«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»**

КОНТЕКСТ СЭП: *«Как показывает анализ, калмыцкое сознание высоко оценивает человеческие качества в мужчине»* [Есенова 2012: 59].

КОЛЛЕКТИВНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. 1. Общий, совместный, производимый коллективом. 2. Свойственный коллективу, основанный на общности труда, интересов. 3. Существующий, предназначенный для коллектива»* [МАС Т.2 1999: 74].

ЛОГОС: В системе А.А. Ворожбитовой – обобщенный субъект, речевой акт которого производится от «лица» народа или этноса [Ворожбитова 2005]. Ряд критических замечаний высказан Е.В. Иванцовой. *«Несмотря на распространенность, термин «коллективная ЯЛ» (с его синонимическими аналогами «совокупная», «полилектная», «многочеловеческая» и т.п.) представляется внутренне противоречивым вследствие изначального противопоставления исходных понятий «личность» и «коллектив» <...> Возможно, терминологическое обозначение «коллективная (и под.) ЯЛ» впоследствии выйдет из активного употребления»* [Иванцова 2010: 73]. В определенной степени соотносится с термином «полилектная языковая личность» (см. ПОЛИЛЕКТНАЯ).

КОНТЕКСТ СЭП: *«А если в сознании, то в чьём— индивидуальном или коллективном? Если в коллективном, то что представляет собою коллективное сознание?»* [НКРЯ. Коллективное сознание 2018]

КОНФЛИКТНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Представляющий собой конфликт»* [МАС Т.2 1999: 96].

ЛОГОС: Языковая личность *«обобщенно-типичного образа участника массмедийного дискурса, для которого конфликтность является статусным компонентом коммуникативного поведения»* [Шаповалова 2008: 5]. Выступает наравне с центрированным и кооперативным (см. КООПЕРАТИВНАЯ) одним из трех типов, описанных К.Ф. Седовым [Седов 2000]

КОНТЕКСТ СЭП: *«конфликтное сознание»* [Самыгин 2012: 173].

КООПЕРАТИВНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к кооператив (в 1 знач.)»* [МАС Т.2 1999: 98].

ЛОГОС: Согласно концепции Е.А. Ничипорович, *«обозначение «кооперативная языковая личность» применимо к конкретному лицу в том случае, если в его дискурсивной деятельности отмечается определенный набор*

признаков кооперативности» [Ничипорович 1999: 3]. Является наравне с центрированным и конфликтным (см. КОНФЛИКТНАЯ) одним из трех типов, описанных К.Ф. Седовым [Седов 2000].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Кооперативное сознание проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик»* [Туган-Барановский 1989: 302].

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ.

ЛЕКСИС: 1) *«КУЛЬТУ́РНЫЙ, -ая, -ое; -рен, -рна, -рно.*

1. *только полн. ф. Прил. к культура (в 1, 2, 3 и 4 знач.).*

2. *Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий высокому уровню культуры.*

3. *только полн. ф. Связанный с распространением культуры, просвещения.*

4. *только полн. ф. Разводимый, выращиваемый (о растении); противоп. дикий, дикорастущий»* [МАС Т.2 1999: 149].

2) *«ЯЗЫКОВО́Й, -ая, -ое. Прил. к язык (в 3 и 4 знач.)»* [МАС Т.4 1999: 781]

ЛОГОС: «Культурно-языковая личность – это интегративное и целостное качество субъекта, обладающего определенными этно – и социокультурным статусом, языковым и культурным информационным запасом, представленным в виде тезаурусов и способностью его адекватного применения, которое свидетельствует об уровнях владения языком и культурой» [Рубцова 2012: 291; Фурманова 1994: 114]. Подразделяется на: Бикультурную ЯЛ – носитель языка, владеющий и двумя языками, и двумя культурами, и поликультурную ЯЛ – носитель языка, владеющий несколькими языками и сочетающий в себе элементы разных культур.

КОНТЕКСТ СЭП: *«культурно-языковое сознание»* [Культурные слои 2004: 332].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое; -рен, -рна, -рно. 1. только полн. ф. Прил. к литература (во 2 знач.). 2. только полн. ф. Связанный с созданием художественных, критических и публицистических произведений. Литературная деятельность писателя. 3. только полн. ф. Прил. к литератор; писательский. 4. Соответствующий нормам литературного языка» [МАС Т.2 1999: 188].

ЛОГОС: В XIX веке, на основе анализа в первой главе нашего диссертационного исследования, это понятие обозначало человека как продуцента литературных текстов. Для концепции Ю.Н. Тынянова первой трети XX столетия это – «ложнобиографическое» лицо, восстанавливаемое читателем из художественных произведений. «Читатель за словом видит человека, за стиховой интонацией угадывает «личную». Вот почему необыкновенно сильна была в стихах литературная личность Блока (не живой, не «биографический» Блок, а совсем другого порядка, другого плана, стиховой Блок)» [Тынянов 1977: 170]; «Литературная, стиховая личность Есенина раздулась до пределов иллюзии» [Тынянов 1977: 171]. Иными словами, это конструкт, творение аудитории, коллектива: «литературная культура с ее навыками личного творчества не оправдывает безыменного фольклора и прикрепляет его к определенной литературной или исторической личности» [Тынянов 1977: 80]. Согласно позиции О.Н. Панченко «литературная личность понимается как личность автора / реального лица / в совокупности с большим или меньшим отвлечением от реальной личности, реализованным в тексте и определяемым в традиции В.В. Виноградова как образ автора. Литературная личность получает определенное языковое выражение в созданных автором текстах различной жанровой принадлежности / от частного письма автора – до текстов повести, романа, стихотворения, теоретической исследовательской книги, представляющих артефакты, относящиеся к собственно литературной коммуникации /. Языковая манифестация литературной рассматривается как языковая личность» [Панченко 1998: 8 - 9]. Термин активно употребляется в

исследованиях и является одним из старейших в лингвоперсонологии [И.Г. Гончаренко 2004; А.В. Жданова, 2014 и другие].

КОНТЕКСТ СЭП: см. первую главу диссертационного исследования.

М

МАРГИНАЛЬНЫЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.2 1999].

ЛОГОС: В концепции В.Д. Черняк личность *«горожанина, лишь частично порвавшего с деревней и занимающего промежуточное положение между литературной и диалектной системами национального языка»* [Черняк 1994: 115]. В диссертации М.Е. Трубчаниновой *«термин маргинальная языковая личность употребляется по отношению к инофонам, частично утратившим стереотипы родного языка и не приобретшим в полной мере эффективных новых стереотипов (стереотипов иностранного языка)»* [Трубчанинова 2008: 6]. Изучая носителей китайского языка, вводится дефиниция *«дискурсивная маргинальная ЯЛК»*, т.е. *«языковая личность китайца», которая «в инокультурном коммуникативном пространстве» есть «языковая личность инофона с высокой степенью зависимости от исконных культурно-языковых традиций, умеренной степенью адаптации в инокультурной и иноязыковой среде по типу приспособления (аккомодации). Компенсаторный механизм маргиналии воплощается на всех уровнях ЯЛК при коммуникативной подстройке под адресата (своеобразном коммуникативном тюнинге)»* [Трубчанинова 2008: 7]. О множественности понимания критерия маргинальности указывается не только в цитируемом исследовании, но и в ряде других [Степанова 2000; Карасик 2003 и другие].

КОНТЕКСТ СЭП: *«изучение творчества М. Волошина, Е. Гуро, Е. Кузьминой-Караваевой проводилось с целью выявления роли поэтов маргинального сознания в литературном процессе начала XX века»* [Бунина 2006: 5].

МЕТАСИМВОЛИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.2 1999]

ЛОГОС: Тип языковой личности, демонстрирующий *«интуитивно-логический психотип»*, в психологии квалифицирующаяся *«как мыслитель-теоретик»*, употребляет языковые единицы творчески, *«что отражает интуитивистскую основу психотипа, с удовольствием и часто применяет в речи метафоры и аналогии, имея в арсенале богатый словарный запас»* [Большова 2015: 48]

КОНТЕКСТ СЭП: на данный момент не обнаружен. Вместе с тем: *«обслуживавших символическое сознание эпохи Средневековья»* [Колесов 2002: 164]

Н

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЯЛ.

ЛЕКСИС: *«НАЦИОНАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно. 1. только полн. ф. Относящийся к нации (в 1 знач.), национальности (в 1 знач.). 2. Выражающий характерные особенности какой-л. нации, национальности; свойственный какой-л. нации, национальности. 3. только полн. ф. Относящийся к данной стране, государству; государственный. 4. только полн. ф. Относящийся к отдельной, малочисленной национальности»* [МАС Т.2 1999: 413 – 414]

ЛОГОС: Предпосылки для развития в лингвоперсонологии даны в трудах Ю.Н. Караулова. Сама разработка, вероятнее всего, генетически восходит к сравнительно-сопоставительной лингвистике XX века и создана «по аналогии». Речь идет (помимо деления на *флективный, агглютинативный, инкорпорирующий тип*) о высказывании Г.А. Климова о необходимости найти *«имплицитные зависимости, существующие в рамках языкового типа»* [Климов 1981: 21], и Г.П. Мельникова, наметившего пути систематизации стихийной терминологии общеславянского типа [Мельников 2014]. Также следует учитывать оформленность к последней трети XX века персонологии как психологической науки со своими структурами и классификациями [Хьелл, Зинглер 2013]. Наложение дифференциальных гуманитарных областей друг на друга фиксируется в замечаниях Е.В. Иванцовой. *«В научный оборот введено*

понятие национального типа ЯЛ как личности, являющейся воплощением национальной культуры <...> Обращаясь к национальным типам личности, лингвисты рассматривают прежде всего специфику менталитета и языковой картины мира, отраженных в лексике, фразеологическом и паремиологическом фонде, отчасти в речевом поведении, поднимают проблему опознания признаков национально специфичного текста» [Иванцова 2010: 27]. В определенной степени это не столько термин, сколько категория со своими подвидами. В этой связи оправданно толкование данного типа языковой личности как совокупности «всех общественных отношений» или некоторой тотальности «системы этих отношений, представленных одновременно в качестве их объекта и субъекта» [Ле Дык Тху 2003: 17]. Среди опытов описания (по алфавиту) выявляются следующие.

Английская ЯЛ [Леонтьев 1999, Жура 2000; Летова 2004]

Англо-американская ЯЛ [Масгутова 2010]

Бурятская ЯЛ [Шойсоронова 2006]

Вьетнамская ЯЛ [Ле Дык Тху 2003]

Калмыцкая ЯЛ [Есенова 2005]

Немецкая ЯЛ [Масгутова 2010].

Русская ЯЛ [Караулов 2010; Курбатова 2000, Полякова 2002, Шестак 2003, Оленёв 2006, Прокудина 2009, Шпильная 2010]

Славянская ЯЛ [Тупикова 2007].

Французская ЯЛ [Седых 2005]

Японская ЯЛ [Недосугова 2002].

При этом мы не считаем каждый из элементов списка отдельным термином, поскольку все они могут быть сведены к дефиниции **модель носителя языка определенной нации*.

КОНТЕКСТ СЭП: «Национальное сознание проявляется как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий» [НКРЯ. Национальное сознание 2018].

НЕМЕЦКИЙ.

ЛЕКСИС: НЕМЕЦКИЙ, -ая, -ое. 1. Прил. к немцы. 2. Устар. Такой, как у немцев (во 2 знач.), иностранный, чужеземный» [МАС Т.2 1999: 454]

ЛОГОС: языковая личность – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: «Немецкое сознание всегда нормативное» [Бердяев 1918: 170]

НОМИНАТИВНЫЙ.

ЛЕКСИС: «НОМИНАТИВНЫЙ, -ая, -ое. Грамм. Служащий для названия, обозначения (предметов, явлений, качеств, действий)» [МАС Т.2 1999: 508].

ЛОГОС: «Номинативная деятельность является одним из ярких проявлений языковой личности. В рамках этого вида лингвопродуктивной активности формируется отдельный вид языковой личности – номинативная личность, которая не только диагностируется на особом материале, но имеет уровневую структуру, отчасти совпадающую с общепринятыми модельными конструктами языковой личности» [Гафурова 2012: 5 – 6]. Иными словами, тип языковой личности, рассматриваемый в аспекте деятельности – названия, номинации чего-либо.

КОНТЕКСТ СЭП: «Те области исторического содержания, которые выделялись ранее, а именно: тематическое, символическое, иконическое и номинативное сознание» [Генисаретский 2018].

О

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Прил. к орфография» [МАС Т.2 1999: 641].

ЛОГОС: Изначально языковая личность, исследуемая в аспекте вариантов «орфографической способности носителей русского языка» [Татаринцева 2007: 8]. В дальнейшем стало родовым названием для относительно самостоятельных видов. Во втором томе монографии [Языковая личность 2016] представлена следующая типология орфографических языковых личностей (рисунок 1).

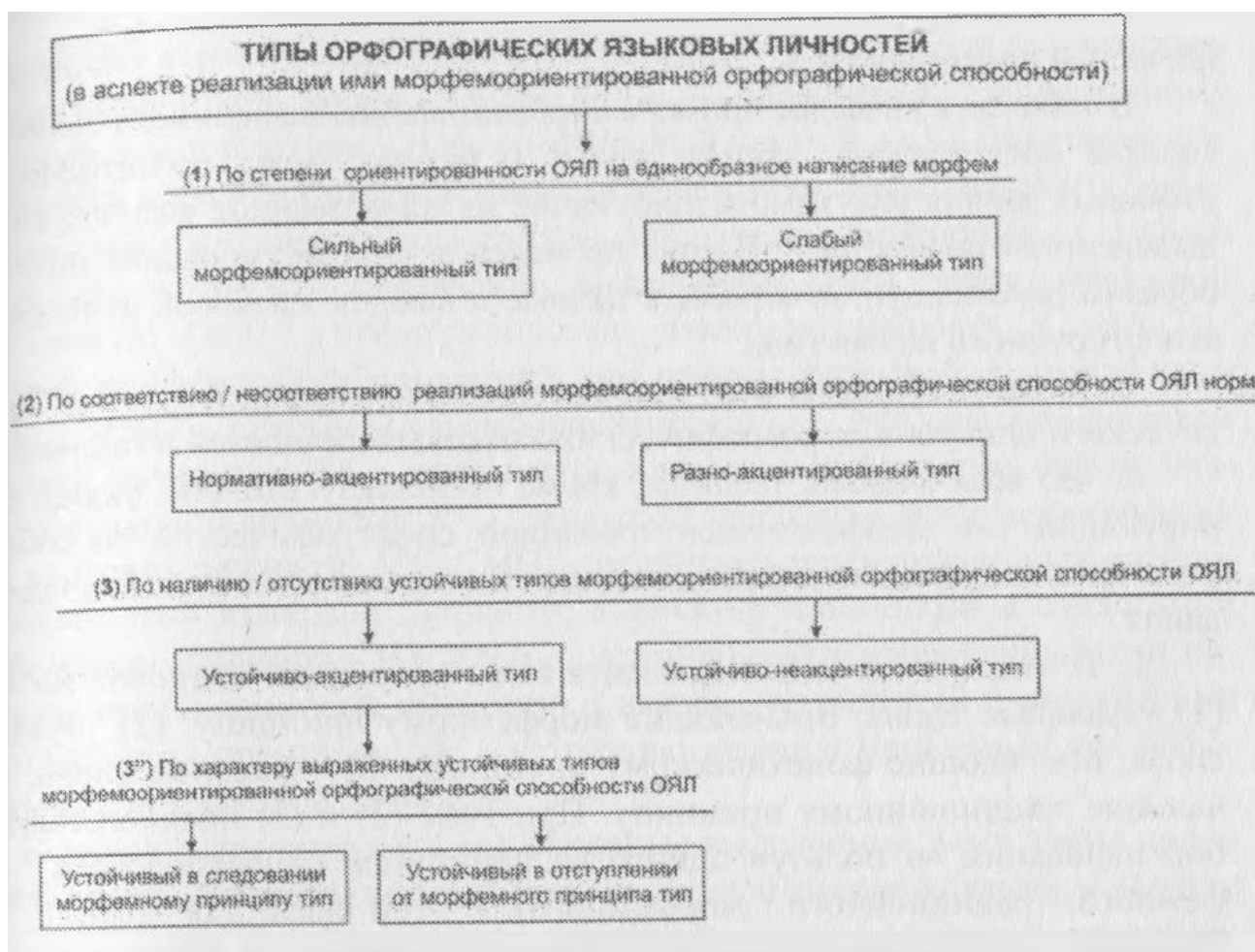

Рис. 1. Типология орфографических языковых личностей русского языка в аспекте реализации ими морфемоориентированной орфографической способности [Языковая личность 2016: 107]

Согласно данной концепции, «определение типов орфографических языковых личностей диагностируемых осуществляется следующим образом:

1. Сильный и слабый морфемоориентированные типы определяются на основании соотношения количества реализаций в рамках заданий эксперимента следования морфемному принципу (СМП — следование морфемному принципу; МВ - морфемное выравнивание) и отступлений от него (ОМП - отступление от морфемного' принципа; СФП - следование фонетическому принципу; СТП - следование традиционному принципу).

Сильный морфемоориентированный тип орфографической языковой личности характеризуется доминированием «следований» морфемному принципу

(СМП, МВ); слабый морфемоориентированный тип - преобладанием «отступлений» от него (ОМП, СФП, СТП).

2. Нормативно- и разно-акцентированные типы орфографической языковой личности выявляются на основании наличия среди реализованных носителей языка типов морфемоориентированной орфографической способности, предполагающих ориентацию на морфему (СМП, МВ), тех, которые определяют написания, соответствующие орфографической норме (нормативно-акцентированный тип), и которые обуславливают написания, и соответствующие, и не соответствующие орфографической норме (разно-акцентированный тип).

3. Устойчиво-акцентированный и устойчиво-неакцентированный типы орфографической языковой личности определяются на основании наличия или отсутствия устойчивых типов морфемоориентированной орфографической способности, реализуемых носителями языка. В первом случае орфографическая языковая личность относится к устойчиво-акцентированному типу, во втором случае — к устойчиво-неакцентированному типу» [Языковая личность 2016: 106]. Критические замечания к этому типу исследований были высказаны Е.В. Иванцовой. «В работах Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и их учеников в соответствии с владением разными уровнями языковой системы говорится также об «орфографической», «пунктуационной», «морфологической», «синтаксической», «жанровой» ЯЛ и т.п. [172] ([Лингвоперсонология 2006] – прим. З.А.). Выделение таких типов представляется спорным по нескольким причинам: в отличие от всех ранее охарактеризованных классификаций, в подобных терминообозначениях редуцирован внеязыковой компонент ЯЛ; определение типа совпадает с аспектом исследования (или подменяется им); «уровневые» типы не составляют оппозиций и, следовательно, не обладают диагностирующей силой; число подтипов внутри этих типов стремится к бесконечности» [Иванцова 2010: 91 – 92]. Вследствие этого «подобные классификации удобны как таксономический прием при обращении к конкретному предмету исследования, но в связи с узостью обобщающих

признаков плохо переносятся на другие объекты исследования» [Иванцова 2010: 92]. Отметим также, что тип орфографической языковой личности затруднительно вычленишь в диахронии при отсутствии устоявшихся норм написания и проводимой языковой политики.

КОНТЕКСТ СЭП: *«Проблемы русского письма сквозь призму польского орфографического сознания»* [Маршалек 2002: 100]

II

ПЕРЕВОДЯЩАЯ, ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ, ПЕРЕВОДЧИКА.

ЛЕКСИС: *«ПЕРЕВÓДЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Прил. к переводчик»* [МАС Т.3 1999: 52]. *«ПЕРЕВÓДЧИК, -а, м. Тот, кто занимается переводами с одного языка на другой»* [МАС Т.3 1999: 52].

ЛОГОС: Тип языковой личности, для которой перевод является частью профессиональной деятельности, или, согласно позиции О.Н. Шевченко, *«особый функционально обусловленный тип»* [Шевченко 2005: 1]. При этом последнее определение оказывается более обширным. Если исходить из общих дефиниций, то детерминированы и интерпретирующий (см. ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ), и номинативный (см. НОМИНАТИВНАЯ), и орфографический (см. ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ) типы личности. Кроме того, дискуссионным остаётся вопрос о соотношении этого термина со смежными обозначениями.

КОНТЕКСТ СЭП. *«Придирки к правописанию настолько глубоко въелись в профессиональное переводческое сознание (профдеформация, как заметил кто-то), что рассчитывать на "простые" решения – наивно»* [Профессиональный форум переводчиков 2018].

ПОЛИЛЕКТНЫЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.3 1999].

ЛОГОС: Понятие, вероятно, введено В.П. Нерознаком в статье *«Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины»*. В этом опыте эпистемологии одной из наук в языкознании автор опирался на противопоставление, введенное в философии Н.С. Трубецким, а именно:

«частночеловеческая» / «многочеловеческая» или «симфоническая» личности. Первый член оппозиции представляет собой единственного представителя чего-либо (группы, народа и так далее), второй – народ, этнос. По аналогии с этим противопоставлением В.П. Нерознак вводит понятия «идиолектная личность» (см. ИДИОЛЕКТНАЯ) и «полилектная личность», предстающая с точки зрения развития «как динамическая система, диахронически организующая разновременные языковые состояния (индивидуации)» [Нерознак 2006: 113]. Вероятно, является первой типологией, давшей начало росту терминологического аппарата по экспоненте.

КОНТЕКСТ СЭП. На данный момент отсутствует.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Прил. к регион» [МАС Т.3 1999: 694].

ЛОГОС: Тип языковой личности. В концепции А.А. Ворожбитовой – «член территориально обособленного языкового коллектива, функционирующего в рамках данного дискурсивного пространства, обладающий регионально маркированными знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации, общими с другими членами данного сообщества» [Ворожбитова 2008: 131].

КОНТЕКСТ СЭП: «на уровень развития регионального сознания» [Смирнов 2000: 1].

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ.

ЛЕКСИС: «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, -и, ж. Книжн. Представительство кого-л., чего-л. [Франц. *représentation*]» [МАС Т.3 1999: 708].

ЛОГОС: языковая личность, «демонстрирующая «сенсорно-созерцательный психотип», в психологии квалифицирующаяся «как прагматическая художественная натура», рассматривает язык как инструмент, приспособление, предназначенное для передачи результатов мыслительной деятельности» [Большова 2015: 50]

КОНТЕКСТ СЭП: *«Репрезентативное сознание. Язык мысли. Парадокс владения языком»* [Аналитическая философия 2006: 535]

РЕЧЕВОЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к речь (в 1, 2, 3 и 4 знач.)»* [МАС Т.3 1999: 713].

ЛОГОС: *«речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. В этом случае речевая личность – набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками данной ситуации общения: её коммуникативными целями и задачами, её темой, нормой и узусом, её этнокультурными, социальными и психологическими параметрами»* [Прохоров 1999: 54]. В концепции А.П. Седых *«под речевой личностью понимается человек, специфические поведенческие стереотипы которого определяются его принадлежностью к данному этносу. Каждый этнос рассматривается как носитель черт национальной психологии и стратегий речевого поведения»* [Седых 2005: 11].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Кстати, выражение «речевое сознание» достаточно часто встречается в современной психолингвистической литературе»* [Ушакова 2018].

РУССКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. 1. Принадлежащий русским (см. русские), созданный русскими, свойственный русским. 2. Прил. к Россия, к Русь»* [МАС Т.3 1999: 742].

ЛОГОС: Тип языковой личности – см. **«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»**

КОНТЕКСТ СЭП: *«Средняя Азия прочно вошла в русское сознание»* [НКРЯ. Русское сознание 2018]

С

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ и СЕМИОТИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: «СЕМИОТИКА, -и, ж. Наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. [Греч. σημειωτικόν]» [МАС Т.4 1999: 76]

ЛОГОС: В концепции Ю.М. Лотмана: «структура кодов, образующая семиотическую личность автора текста и его первого интерпретатора, заведомо не идентична» [Лотман 2010: 209]. Семиологическая личность представляет собой «зонтичное» понятие, которое можно определить как тип говорящего, рассматриваемого между уровнем идеального знакового пространства и реального коммуникативного акта [Баранов 1997].

КОНТЕКСТ СЭП: «Одной из основных является категория «семиосознание» («семиотическое сознание», «семиологическое сознание»). Впервые термин «семиологическое сознание» появляется в работах У. Эко» [Смирнов 2009: 302].

СИЛЬНАЯ и СЛАБАЯ.

ЛЕКСИС: «С^ИЛЬНЫЙ, -ая, -ое; с^илен и с^илён, с^ильн^а, с^ильн^о, с^ильн^ы и с^ильн^ы. 1. Отличающийся большой физической силой (о человеке, животном); противоп. слабый. 2. Твердый, стойкий, с твердым, стойким, волевым характером. 3. Хорошо вооруженный, хорошо укрепленный. 4. Обладающий властью, большим влиянием, авторитетом; могущественный, мощный. 5. Значительный по своему действию. 6. Большой, значительный по напряженности, степени проявления, величине. 7. Достигший больших успехов в своем деле; способный, умелый» [МАС Т.4 1999: 93].

«С^ЛАБЫЙ, -ая, -ое; слаб, слаб^а, слаб^о, слаб^ы и слаб^ы. 1. Не обладающий достаточной физической силой; противоп. сильный. 2. Не обладающий душевной твердостью, стойкостью, твердым характером. 3. Недостаточно мощный, не располагающий значительными военными силами, могуществом. 4. Имеющий небольшую мощность, энергию, незначительный по своему действию. 5. Небольшой по силе, напряженности. 6. Малый, незначительный, недостаточный; плохой. 7. Плохо знающий, плохо выполняющий свою работу, дело. 8. на кого-что, до кого-чего, к кому-чему (обычно кратк. ф.). Разг. Имеющий пристрастие,

расположение к кому-, чему-л. (обычно плохому, предосудительному). 9. Не тугой, неплотно завернутый, несильно затянутый. 10. Спец. Не твердый, не плотный» [МАС Т.4 1999: 128].

ЛОГОС: Согласно концепции О.А. Кадилиной, «критериями самого эффективного результата межличностного общения могут быть признаны подлинное взаимопонимание и радость, коммуникативный комфорт, интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое сопереживание коммуникантов. Владение такими коммуникативными универсалиями и уместное их применение в межличностной коммуникации делает языковую личность сильной» [Кадилина 2011: 5]. Также следует отметить, что «универсальными для сильной языковой личности можно считать перечень таких качеств <...>: личная заинтересованность, искренность, доброжелательность и честность в любом межличностном общении, активная демонстрация их проявлений; умение вызывать эмоции слушателей, апеллируя к их чувствам, насыщать речь эмоциональной мощью; конкретность, подъем и глубокая убежденность; способность заразить своим порывом и слушателей; как можно более полное понимание собеседника, своего рода проникновение в его личность, замыслы и мотивы речи; умение всегда говорить спокойно, очень мягко и дружелюбно, не допуская никакого принуждения и нажима» [Кадилина 2011: 6]. Слабая языковая личность не выстраивается как прямой антипод описанного выше типа. «Слабую языковую личность может характеризовать даже элитарная речь из-за недостаточности адресованности речи <...> идиостилевыми характеристиками слабой языковой личности являются: незнание норм различных стилей и жанров языка и речи, форм речевого этикета, бедность речи, однообразие лексического состава, неумение слушать собеседника и достойно отстаивать свою точку зрения, агрессивный тон, неприятный голос, наличие большого количества слов-паразитов, пустых звуков, не имеющих никакого смысла, что свидетельствует о скудости словарного запаса, логические нарушения, отсутствие умения считывать кинетическую информацию, неумение вести беседу в нужном русле, скованность, зажатость, страх перед

общением и стремление избегать его, шумливость, суетливость, самонадеянность, чванство, канцелярит, употребление слов и словосочетаний в несвойственных им значениях, чрезмерное употребление иноязычных слов, применение вульгарных, непристойных выражений, брань, насмешки, критиканство без разбора, неуживчивость, неприменение похвалы и одобрения, неумение различать ситуации, требующие применения суггестивов и директивов. Слабая языковая личность считает себя умнее и значимее окружающих» [Кадилина 2011: 6 - 7]. Данный тип неоднократно подвергался осмыслению [Инфантова 2000, 2008; Иванцова 2010 и другие.]

КОНТЕКСТ СЭП: *«Ненастоящий человек не знает себя, но у него очень сильное сознание» [НКРЯ. Сильное сознание 2018]; «и во сне на его слабое сознание напали разные воспоминания» [НКРЯ. Слабое сознание 2018].*

СЛАВЯНСКИЙ

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. 1. Прил. к славяне, к славянство. 2. Относящийся к древней письменности славян; церковнославянский» [МАС Т.4 1999: 130].*

ЛОГОС: Тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: *«У Чеховъ, повторяю, очень сильно славянское сознание» [Леонтьев 1876: 36].*

СЛОВАРНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. 1. Относящийся к составлению и изданию словарей (в 1 знач.). 2. Прил. к словарь (во 2 знач.); лексический» [МАС Т.4 1999: 138 - 139].*

ЛОГОС: *«С позиций языка можно построить также модель словарной личности, т.е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например,*

критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим группам слов» [Карасик 2003: 19].

КОНТЕКСТ СЭП: Отсутствует на данный момент.

СОВОКУПНЫЙ.

ЛЕКСИС: «ая, -ое. Книжн. Объединенный, совместный, общий» [МАС Т.4 1999: 177].

ЛОГОС: «И.И. Сентенберг говорит о совокупной ЯЛ — обобщенном образе носителя данного языка и индивидуальной ЯЛ — конкретном носителе данного языка как двух сторонах одной медали, не существующих друг без друга. Отмечается, что совокупная ЯЛ вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом и т.п. отношении; в связи с этим возможно изучение ЯЛ школьника, дошкольника, студенческой и рабочей молодежи, основного и уходящего поколений» [Иванцова 2010: 73]. В системе А.А. Ворожбитовой – обобщенный субъект, речевой акт которого производится от «лица» народа или этноса [Ворожбитова 2005], идентичен термину коллективная языковая личность (см. КОЛЛЕКТИВНАЯ). Оправдан ряд критических замечаний Е.В. Иванцовой. «Несмотря на распространенность, термин «коллективная ЯЛ» (с его синонимическими аналогами «совокупная», «полилектная», «многочеловеческая» и т.п.) представляется внутренне противоречивым вследствие изначального противопоставления исходных понятий «личность» и «коллектив» <...> Возможно, терминообозначение «коллективная (и под.) ЯЛ» впоследствии выйдет из активного употребления» [Иванцова 2010: 73].

КОНТЕКСТ СЭП: «и вводится культурным деянием в совокупное сознание человечества» [НКРЯ. Совокупное сознание 2018].

Т

ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.4 1999]

ЛОГОС: «Системноструктурное образование, в пределах которого взаимодействие двух или более систем языковых значений и речевых смыслов

привело к формированию третьей знаковой системы, не соотносимой ни с одним из естественных языков (в том числе тех, носителем которых эта языковая личность является), что, в свою очередь, обуславливает образование новых систем речевых готовностей, систем ценностей, концептосфер» [Каракуц-Бородина 2009: 95].

КОНТЕКСТ СЭП: *«Транслингвальное языковое сознание» [От билингвизма к транслингвизму 2017: 4]*

Ф

ФАКТОГРАФИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. То же, что фактографичный» [МАС Т.4 1999: 549].*
«ФАКТОГРАФИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна, -чно. Основанный на фактографии» [МАС Т.4 1999: 549].

ЛОГОС: Тип языковой личности, демонстрирующий *«сенсорно-планирующий психотип»*, в психологии квалифицирующаяся *«как мыслитель-практик»*, считает языковую систему *«инструментом, приспособлением, предназначенным для как можно более точной передачи мыслей» [Большова 2015: 49].*

КОНТЕКСТ СЭП: На данный момент не найден.

ФРАНЦУЗСКИЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к французы, к Франция» [МАС Т.4 1999: 583].*

ЛОГОС: Тип языковой личности – см. **«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»**

КОНТЕКСТ СЭП: *«французское сознание предписывает человеку бороться с высшими силами и привлекать все позитивное на свою сторону» [Голованивская 2009: 367].*

ФРУСТРИРУЮЩИЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.4 1999].

ЛОГОС: *«Фрустрирующей называется языковая личность, которая находится в состоянии фрустрации. При этом необходимо различать фрустрирующую языковую личность персонажа в художественных произведениях и феномен реальной фрустрирующей самоидентификации, выраженный в эпистолярных текстах. Мы выделяем пять типов писем в зависимости от способа изображения фрустрирующей языковой личности. В первом типе фрустрирующая языковая личность констатирует сам факт состояния фрустрации; второй тип — это письма, представляющие собой просьбу о помощи у другого «я» выхода из состояния душевных метаний; третий тип писем представляет собой поддержку, совет для человека, испытывающего душевные метания; четвертый тип — это письма, в которых содержится благодарность близким людям за помощь, оказанную при преодолении душевных страданий; пятый тип — смешанный тип писем, где в различных комбинациях в одном письме могут содержаться данные типы. Фрустрирующая языковая личность — это дериват эмоциональной языковой личности, в связи с чем в ее структуре выделяется эмотивно-прагматический аспект (эмотикон). Центральное место в эмотиконе фрустрирующей языковой личности занимают такие отрицательные эмоции, как раздражение, злость, гнев; опасение, страх, ужас; печаль, грусть, горе и др., которые репрезентируются определенными лексическими средствами»* [Колышкина 2012: 5].

КОНТЕКСТ СЭП: *«пытаясь привести в порядок отчаянно фрустрирующее сознание. Получалось плохо»* [Волосатый 2018].

Э

ЭКСТРАВЕРТНЫЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.4 1999].

ЛОГОС: Носитель языка, идентифицируемой психодиагностикой как экстравертированный тип личности. По мнению Е.В. Иванцовой, *«речь экстравертов характеризуется более высоким словарным разнообразием, более детальным описанием, большим количеством предложений для выражения замысла речи ... при их меньшей информативной плотности — отношении*

однократно повторяющихся слов к их общему числу; для них типичны оптимистическая интерпретация событий, вводные слова со значением уверенности (думаю, конечно, наверняка), вопросы и обращения к собеседнику, ссылки на социальные нормы и традиции» [Иванцова 2010: 60].

КОНТЕКСТ СЭП: *«современное христианское экстравертное сознание» [Африн 2015: 33].*

ЭЛИТАРНЫЙ.

ЛЕКСИС: *«-ая, -ое. Прил. к элита (во 2 знач.)» [МАС Т.4 1999: 758]*

ЛОГОС: Данный тип введен Т.В. Кочетковой [Кочеткова 1999], разработку получил в трудах Г.Г. Инфантовой [Инфантова 2008]. В общих чертах интерпретируется как языковая личность, *«имеющая языковую способность высшего качества и умеющая правильно, целесообразно и эффективно использовать язык в разных ситуациях общения» [Языковая личность 2014: 21].* Иначе, но сходно: *«идеальный носитель культурно-речевой компетенции, которая позволяет создавать тексты любой сложности и при этом соблюдать как языковые, так и коммуникативные нормы» [Ашева 2013: 19].* Согласно позиции М.С. Силантьевой, *«в качестве дискурсивных доминант элитарной языковой личности выступают высокий уровень культуры, достижение говорящим коммуникативных задач, соблюдение литературных, стилевых и этических норм, стремление к постоянному речевому совершенствованию и коммуникативной ответственности» [Силантьева 2012: 7].* При этом последний фрагмент обнаруживает пересечение с интерпретацией «сильной» языковой личности (см. СИЛЬНАЯ и СЛАБАЯ).

КОНТЕКСТ СЭП: *«В связи с этим некоторые теоретики постмодернизма (Ф.Джеймисон) полагают, что массовое сознание и его ценностные ориентации растворяют в себе элитарное сознание» [Суворов 2005: 3].*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое; -лен, -льна, -льно. 1. *Насыщенный эмоциями, выражающий эмоции.* 2. *Способный остро чувствовать что-л., живо реагировать на что-л., не рассудочный, легко возбуждающийся, несдержанный*» [МАС Т.4 1999: 760].

ЛОГОС: Понятие введено В.И. Шаховским как «*синтез лингвистического и психологического знания*» [Шаховский 1997: 8], используемого в коммуникации. Сама разработка всесторонне осмысливается в книге [Человек в коммуникации 2013].

КОНТЕКСТ СЭП: «*Эмоциональное сознание*» [Барабаш 2018].

ЭМПАТИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.4 1999].

ЛОГОС: Тип языковой личности, демонстрирующий «*интуитивно-эмоциональный психотип*», в психологии квалифицирующаяся «*как эстетическая художественная натура*», использует язык «*изобретательно, считая изящную речь искусством*» [Большова 2015: 49];

КОНТЕКСТ СЭП: «*новое эмпатическое сознание и другие фундаментальные изменения*» [Официальный сайт Владимира Познера 2018]

ЭТНИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. *Связанный с принадлежностью к какому-л. народу*» [МАС Т.4 1999: 770].

ЛОГОС: «*Этническая языковая личность <...> обладает способностью осуществления коммуникации в полиэтническом окружении с помощью пиджинов*» [Акопян, Гурулева 2013: 123]

КОНТЕКСТ СЭП: «*Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания*» [Вера. Этнос. Нация... 2007].

ЭТНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ.

ЛЕКСИС: отсутствует в [МАС Т.4 1999]

ЛОГОС: С.Г. Воркачев интерпретирует данный тип как «своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций» [Воркачев 1997: 115]. Для А.П. Седых *«этносемантическая, или словарная, личность реализуется в функционировании специфически национальных способов номинации, отражающихся в структуре значения рассматриваемой языковой единицы. Данный тип языковой личности является объектом изучения в этносемантике»* [Седых 2005: 11 - 12].

КОНТЕКСТ СЭП: на данный момент не обнаружен.

Я

ЯПОНСКИЙ.

ЛЕКСИС: «-ая, -ое. Прил. к японцы, к Япония» [МАС Т.4 1999: 783].

ЛОГОС: Тип языковой личности – см. «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

КОНТЕКСТ СЭП: *«Массовое же японское сознание склонно даже сейчас делать больший акцент на том, что отличает японцев от других народов»* [Культурология 2003:102]

Источники контекстов СЭП

1. Алексеева, А. А. Проблема формирования билингвального сознания в обучении иностранным языкам / А.А. Алексеева // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2009. Том 10, выпуск 2. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2009. – С. 83-87.
2. Амбивалентность в психологии: определение и методы лечения [Электронный ресурс] / neurofob.com. URL: <https://neurofob.com/mental-behavioural/personality-disorder/ambivalentnost-eto.html> (дата обращения: 25.01.2018)

3. Аналитическая философия : учеб. пособие / [А. Л. Блинов и др.]; под ред. М. В. Лебедева и А. З. Черняка. - Москва : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 621 с.
4. Ангелова М.М. "Концепт" в современной лингвокультурологии / М.М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. - М., 2004. - С. 3-10.
5. Африн, Иван. Архетип Тени в современной культуре [Текст] / Иван Африн (Hermann Nordtveit). - Москва : Ин-т общегуманитарных исследований, 2015. - 109 с.
6. Барабаш И. К. Эмоциональное сознание [Электронный ресурс] / Статья. Психология. Самопознание.ру. URL: https://samopoznanie.ru/articles/emocionalnoe_soznanie/
7. Бердяев, Н. А. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности / Николай Бердяев. - Москва : Леман и Сахаров, 1918. - V, 240 с.
8. Бунина, С. Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века : М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2006. - 38 с.
9. Бухаева, Р. В. Этнокультурные стереотипы речевого общения : на материале бурятского языка : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Бухаева Раджана Владимировна; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т]. - Москва, 2015. - 45 с.
10. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Российская акад. наук, Ин-т социологии, Исслед. центр "Религия в современном о-ве" ; [М. П. Мчедлов и др.]. - Москва : Культурная революция, 2007. - 367 с.

11. Волосатый М. Переговорный процесс [Электронный ресурс] / М. Волосатый. URL: <http://ogrik2.ru/b/maksim-volosatyj/peregovornyj-process/27807/glava-18/18>
12. Генисаретский О.И. Свидание с историей [Электронный ресурс] / О.И. Генисаретский. URL: http://www.fondgp.ru/lib/mmk/171/Genisaretskij_Svidanie_s_istoriej.doc (дата обращения: 26.01.2018)
13. Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка : некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских / М. К. Голованивская. - Москва : Языки славянской культуры, 2009. - 372 с.
14. Гуревич, Павел Семенович. Психоанализ личности [Текст] : [монография] / Павел Гуревич. - Москва : Ин-т общегуманитарных исслед., 2011. - 399 с.
15. Детство в англо-американском литературном сознании XVII-XX веков [Текст] / Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук ; [ответственные редакторы: Мария Надъярных, Александра Уракова]. - Москва : ИМЛИ РАН, 2016. - 262 с.
16. Доброхотов, А. Л. Телеология культуры [Текст] / Доброхотов А. Л. - Москва : Прогресс-Традиция, 2016. – 527.
17. Евразийское сознание: формирование мировоззренческой парадигмы в образовательном пространстве современной России: Материалы круглого стола. Ч. 2. – Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2002. – 210 с.
18. Есенова, Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков [Текст] / Т.С. Есенова. - Элиста, 2012.- 160 с.
19. Жаркимбаева Дана Бактубаевна. Функции гендерного сознания // Вестник ЧелГУ. 2014. №25 (354). С.59-62
20. Карауц-Бородина, Л. А. Транслингвальная языковая личность Владимира Набокова как эстетический и лингвистический феномен : монография / Л. А. Карауц-Бородина ; Восточная экономика-

ED%E8%E5&mode=paper&docid=216482&sid=167 (дата обращения:
27.01.2018)

29.НКРЯ. Американское сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%EC%E5%F0%E8%EA%E0%ED%F1%EA%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&mode=paper&docid=33302&sid=6 (дата обращения: 27.01.2018)

30.НКРЯ. Вторичное сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%F2%EE%F0%E8%F7%ED%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&mode=main&docid=20076&sid=6621 (дата обращения: 27.01.2018)

31.НКРЯ. Историческое сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
[http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=\(\(topic%253A%2522%25E8%25F1%25EA%25F3%25F1%25F1%25F2%25E2%25EE%25E2%25E5%25E4%25E5%25ED%25E8%25E5%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25E8%25F1%25F2%25EE%25F0%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EA%25F3%25EB%25FC%25F2%25F3%25F0%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EF%25F0%25E0%25E2%25EE%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EF%25F1%25E8%25F5%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25F4%25E8%25EB%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25F4%25E8%25EB%25EE%25F1%25EE%25F4%25E8%25FF%2522\)%2520%2526%2526%2520\(\(sphere%253A%2522%25F3%25F1%25F2%25ED%25E0%25FF%2520%25EF%25F3%25E1%25EB%25E8%25F7%25ED%25E0%25FF%2520%25F0%25E5%25F7%25](http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=((topic%253A%2522%25E8%25F1%25EA%25F3%25F1%25F1%25F2%25E2%25EE%25E2%25E5%25E4%25E5%25ED%25E8%25E5%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25E8%25F1%25F2%25EE%25F0%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EA%25F3%25EB%25FC%25F2%25F3%25F0%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EF%25F0%25E0%25E2%25EE%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25EF%25F1%25E8%25F5%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25F4%25E8%25EB%25EE%25EB%25EE%25E3%25E8%25FF%2522%2520%257C%2520topic%253A%2522%25F4%25E8%25EB%25EE%25F1%25EE%25F4%25E8%25FF%2522)%2520%2526%2526%2520((sphere%253A%2522%25F3%25F1%25F2%25ED%25E0%25FF%2520%25EF%25F3%25E1%25EB%25E8%25F7%25ED%25E0%25FF%2520%25F0%25E5%25F7%25)

FC%2522)%2520%257C%2520(sphere%253A%2522%25F3%25F1%25F2%25ED%25E0%25FF%2520%25ED%25E5%25EF%25F3%25E1%25EB%25E8%25F7%25ED%25E0%25FF%2520%25F0%25E5%25F7%25FC%2522)))
&mysent=&mysize=1051906&mysentsize=84251&dpp=&spp=&spd=&mode=
=spoken&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E8%F1
%F2%EE%F0%E8%F7%E5%F1%EA%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0
%ED%E8%E5&docid=1437&sid=81 (дата обращения: 27.01.2018)

32.НКРЯ. Коллективное сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%EE%EB%EB%E5%EA%F2%E8%E2%ED%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&mode=main&docid=115069&sid=49 (дата обращения: 27.01.2018)

33.НКРЯ. Национальное сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E0%F6%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&docid=114399&sid=1073 (дата обращения: 27.01.2018)

34.НКРЯ. Русское сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F0%F3%F1%F1%EA%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&docid=52862&sid=22
(дата обращения: 27.01.2018)

35.НКРЯ. Сильное сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL:
http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%E8%

- EB%FC%ED%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&mode=main&docid=40249&sid=813 (дата обращения: 30.01.2018)
- 36.НКРЯ. Слабое сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%EB%E0%E1%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&docid=111850&sid=1144 (дата обращения: 30.01.2018)
- 37.НКРЯ. Совокупное сознание [Электронный ресурс] / Национальный корпус русского языка. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%EE%E2%EE%EA%F3%EF%ED%EE%E5%20%F1%EE%E7%ED%E0%ED%E8%E5&mode=main&docid=37938&sid=121 (дата обращения: 30.01.2018)
- 38.От билингвизма к транслингвизму: про и контра = From Bilingualism to Translingua: Pro and Contra : материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. Москва, 1-2 декабря 2017 г. / сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитриук. - Москв : РУДН, 2017. - 562 с.
- 39.Отрохова Л. В. К проблеме исследования группового сознания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. №1 (25). С.239-242
- 40.Познер В. Ответы В. Познера: Иисус Христос, Айн Рэнд, Габриэль Гарсиа Маркес [Электронный ресурс] / Официальный сайт Владимира Познера. URL: <http://pozneronline.ru/2015/02/10444/#comment-8107>
- 41.Профессиональный форум переводчиков. Правописание на форуме [Электронный ресурс] / <http://www.trworkshop.net>. URL: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=55&t=58270&start=120#p913467> (дата обращения: 28.01.2018)

42. Самыгин, С.И. Деловое общение : учебное пособие / С.И. Самыгин, А.М. Руденко. — 2-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2012. — 440 с.
43. Смирнов, А. А. Социально-философский анализ влияния рефлексивной культуры на уровень развития регионального сознания государственного служащего : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. - Великий Новгород, 2000. - 173 с.
44. Смирнов, Д.Г. Семиосознание как форма духовного бытия человека / Д.Г. Смирнов // Личность. Культура. Общество. Том XI. Вып. 2., 2009. – С. 302-309
45. Соловьев В.Р. Путин. Путеводитель для неравнодушных. Ч. II. [Электронный ресурс] / <http://www.redov.ru>. URL: http://www.redov.ru/politika/putin_putevoditel_dlja_neravnodushnyh/p4.php (дата обращения: 27.01.2018)
46. Стешина Елена Геннадьевна Этимологическая память концепта «Богатство» / «Wealth» в русском и английском языковом сознании // Вестник ТГУ. 2007. №7. С.53-56
47. Суворов, Н. Н. Элитарное и массовое сознание в художественной культуре постмодернизма : автореферат дис. ... доктора философских наук : 24.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. - Санкт-Петербург, 2005. - 42 с.
48. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации / Предисл., коммент.: Л. А. Булочникова, Г. Н. Сорвина, Т. П. Субботина.- М. : Экономика, 1989. – 496
49. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс] / Теоретические проблемы языкового сознания. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html#rref1 (дата обращения: 25.01.2018)

50. Хизроева, З. М. Эмоционально-смысловая доминанта как основа психиатрического подхода к анализу художественного текста // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2009. №4. С.29-36
51. Хохлова Н. В., Цапенко С. А. Теоретические основы лексикографического описания динамики диалектного сознания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №2 (24). С.471-476

Библиография к предварительному словнику

1. Акопян, Л. А., Гурулева, Т.П. Этническая языковая личность на приграничных территориях / Л.А. Акопян, Т.П. Гурулева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – Пенза: Издательский Дом "Академия Естествознания", 2013. – С.123
2. Алексеева, Л.М. От трансформационных теорий к переводящей личности / Л.М. Алексеева // Интерпретация. Понимание. Перевод: сб. науч. статей. – СПб., Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С.28-43.
3. Андреева, С. М. Формирование коммуникативной культуры "вторичной" языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку : Подготовительный факультет : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2004. - 20 с.
4. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя "Повести временных лет" : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Барнаул, 2004. - 205 с
5. Анистратенко, И. В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX в.: лингвориторические параметры групповой языковой личности : на материале сборника статей "Из глубины", 1918 г. : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Анистратенко Ирина Викторовна; [Место защиты: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова]. - Нальчик, 2009. - 22 с.

6. Ашева Аминат Аслановна Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. №2 (121). С.19-23
7. Баранов, А.Г. Семиологический подход к личности / А.Г. Баранов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / ВГПУ. – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та «Перемена», 1997. – С. 17-18.
8. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: Национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. Монография. М.: Триада, 2005. 190 с.
9. Бондаренко, Я. А. Дискурс акцентуированных языковых личностей: коммуникативно-когнитивный аспект (на материале персонажной речи в современной американской художественной прозе): автореф. дис. ... канд. Филол. наук / Я.А. Бондаренко. – Киев, 2002. – 22 с.
10. Бушев, А.Б. Языковая личность профессионального переводчика: научное издание / А.Б. Бушев. – Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010. – 265 с.
11. Василюк, И. П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности : На материале афористики : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2004. - 20 с.
12. Войткова, А.Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект. Автореф. дисс... канд. филол. наук / А.Н. Войткова. – Иркутск, 2011. – 20 с.
13. Волкова, Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. - Томск, 2004. - 29 с.

14. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. – М., 1997. С. 115-124.
15. Ворожбитова, А. А. Региональная языковая личность и лингворегионология как область научного поиска / А.А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: Сочинский государственный университет, 2008. – С.130 – 138.
16. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учеб. пособие / А.А. Ворожбитова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
17. Гайнуллина, Н. И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. - Алматы, 1996. - 54 с.
18. Гафурова, М. Н. Номинативная личность как реализация языковой личности : опыт экспериментального исследования : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Гафурова Мария Нуриахметовна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2012. - 24 с.
19. Гончаренко, И. Г. "Литературная персона" Владимира Набокова и способы ее художественного конструирования : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ур. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2004. - 23 с.
20. Горицкая, Ю.В. Методологические основы изучения категории вторичная языковая личность / Ю.В. Горицкая // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2014. – Вып. 89 – С. 152-154.
21. Грязнова, В.М., Айрапетян, Н.Г., Желябова, И.В.. Лингвориторическая компетенция регионального государственного служащего в публичной сфере общения: научное издание / В.М. Грязнова, Н.Г. Айрапетян, И.В.

- Желябова. – Ставрополь: Сервисшкола, Ставропольский государственный университет, 2010. – 200 с.
22. Дружинина, В.В., Ворожбитова, А.А. Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев) / В.В. Дружинина, А.А. Ворожбитова. – Сочи: РИО СГУ ТИКД, 2005. – 152 с.
23. Есенова Т.С. Портрет языковой личности калмыцкого писателя и государственного деятеля А.М. Амур-Санана // Калмыкия - субъект Российской Федерации: история и современность. Элиста, 2005. С. 355-361.
24. Жданова, А.В. Формирование и функционирование категории «Литературная личность» в публицистическом тексте (на материале очерка А. Аграновского «Как я был первым») / А.В. Жданова // Вестник ВУиТ. – Тольятти, 2014. - №3 (16). – С.22-31
25. Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности : На материале англоязычной художественной литературы : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Волгоград гос ун-т. - Волгоград, 2000. - 22 с.
26. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. Пособие / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
27. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. - Томск, 2002. - 46 с.
28. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.А. Сеина. Таганрог, 2000 (6). С.63-69.
29. Инфантова, Г. Г. Язык. Речь. Личность / Г. Г. Инфантова ; отв. ред. Н. А. Сеина. - Ростов-на-Дону : Легион, 2008. - 501 с.

- 30.Кадилина, О.А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики: на материале текстов Д. Карнеги: диссертация ... кандидата филол. наук. / О.А. Кадилина. – Краснодар, 2011. – 193 с.
- 31.Казакова, О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. - Томск, 2005. - 22 с.
- 32.Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - Волгоград : Перемена, 2003. - 389,
- 33.Койше Кенесар Куанышевич О мутационном характере современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2013. №1. С.208-215
- 34.Кострица, Е. И. Культурная среда современной России как фактор формирования межкультурной компетенции вторичной языковой личности : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Кострица Екатерина Игоревна; [Место защиты: Забайк. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. - Чита, 2011. - 22 с.
- 35.Котова, Н. С. Амбивалентная языковая личность : лексика, грамматика, прагматика : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Котова Нина Сергеевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2008. - 39 с.
- 36.Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. - Саратов, 1999. - 53 с.
- 37.Кузнецова, А. В. Билингвальная языковая личность: лингвориторический потенциал в поликультурном пространстве / А.В. Кузнецова // Известия сочинского государственного университета. Сочи: Сочинский государственный университет, 2013. – С. 180-190.

38. Культура русской речи [Текст]: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
39. Курбатова, С. А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Москва, 2000. - 21 с.
40. Ле Дык Тху. Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании : На материале русской и вьетнамской культур : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. - Москва, 2003. - 40 с.
41. Леонтьев, В. В. "Похвала", "Лесть" и "Комплимент" в структуре английской языковой личности : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Волгоградский гос. ун-т. - Волгоград, 1999. - 26 с.
42. Летова, А. Д. Лингвокультурологический концепт "Английская национальная личность" в сопоставительно-контрастивном описании афористики : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2004. - 20 с.
43. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение : монография / [Н. Д. Голев и др. ; редкол.: Н. В. Сайкова (отв. ред.) и др.] ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Барнаульский гос. пед. ун-т", Лаб. развития языковой личности КемГУ, Лаб. народной письменной культуры БГПУ [и др.]. - Барнаул ; Кемерово : [БГПУ]; 2006. - 435 с.
44. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
45. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиодialeкт : Монография / В.Д. Лютикова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. - 188 с.

46. Лю Лицзюнь. Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность: дис ... канд. филол. наук / Лю Лицзюнь. – Санкт-Петербург, 2009. – 208 с.
47. Ма, Т. Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века : опыт прототипического подхода : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Ма Татьяна Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак.]. - Москва, 2012. - 49 с.
48. Мамонтова, Н. А. Вторичная языковая личность в онтогенезе: уровни лингвокультурологического описания : на материале начального этапа обучения английскому языку русскоязычных учащихся : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Мамонтова Наталья Александровна; [Место защиты: Воен. ун-т]. - Москва, 2010. - 210 с.
49. Масгутова М.Ф. Концептуальное представление 'дружба' в пространстве немецкой и англо-американской языковых личностей (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32. - С. 79-83.
50. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие : Для студентов вузов / В. А. Маслова. - М. : Academia, 2001. - 202, [2] с.; 22 см. - (Высшее образование).
51. Мельников, Г. П. Основы терминоведения [Текст] / Г. П. Мельников. - Изд. 2-е. - Москва : URSS, 2014. - 115 с.
52. Мельникова Л. П. Разработка терминологии дефектов фильмо-вых материалов / Л.П. Мельникова // Техника кино и телевидения. – Москва, 1981. - № 4. - С. 53 – 55.
53. Мордас, С. Б. Формирование грамматико-коммуникативной компетенции "вторичной" языковой личности франкоговорящих иностранных студентов при изучении предложно-падежных конструкций с пространственным значением : автореферат дис. ... кандидата

- педагогических наук : 13.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2004. - 19 с.
54. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета [Текст] : монография / [Н. А. Волкова и др.] ; Вологодское региональное отделение Русского географического общества, Вологодский государственный университет, Череповецкий государственный университет. - Вологда ; Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2017. - 231 с.
55. Недосугова А.Б. Понятие «японская национальная личность» в лингвокультурологическом аспекте // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. рус. яз. нефилологам. Теория и практика. 2002. № 3. С. 84-89.
56. Никитина, А. Ю. Языковая личность Екатерины Второй : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Никитина Алена Юрьевна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2014. - 219 с.
57. Ничипорович, Е. А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Москва, 1998. - 190 с.
58. Панченко, О. Н. Виктор Шкловский: Текст-Миф-Реальность : К проблеме литературной и языковой личности : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов. - Москва, 1998. - 41 с.
59. Пахаренко, С. В. Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Пахаренко Сабина Витальевна; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. - Ставрополь, 2017. - 28 с.
60. Полякова, В. Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности : На материале произведений художественной литературы : автореферат дис. ...

- кандидата филологических наук : 10.02.01 / Рост. гос. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2002. - 19 с.
61. Попова, О. В. Языковая личность Ивана Грозного : На материале деловых посланий : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ом. гос. ун-т. - Омск, 2004. - 19 с.
62. Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродуцирования научного текста : на материале студенческих рефератов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Прокудина Ирина Сергеевна; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. - Кемерово, 2009. - 25 с.
63. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности : На материале русской и английской диалогической речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19. - Кемерово, 2002. - 209 с.
64. Птицына, И. Ф. Педагогические условия формирования межкультурной компетенции вторичной языковой личности студентов : на материале изучения японского языка и культуры : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Птицына Ирина Фёдоровна; [Место защиты: Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова]. - Якутск, 2008. - 22 с.
65. Пушкин, А. А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. - Чебоксары, 1992. - 16 с.
66. Пушкин, А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей / А.А. Пушкин // Язык, дискурс и личность: сб. науч. Тр. – Тверь: Изд-во Твер. Ун-та, 1990. – С. 50-60.
67. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – 1968. – С. 102–125.
68. Рубцова, А. В. Осмысление концепта «культурно-языковая личность» с позиции продуктивного подхода в профессиональном иноязычном

- образовании / А.В. Рубцова // Педагогическое мастерство: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – С.290-293
- 69.Седов, К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: изд-во Саратовского университета, 2000. – С. 6–12
- 70.Седых, А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности : На материале французской языковой личности : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. - Саратов, 2005. - 43 с.
- 71.Сироткина, Т. А. Этническая личность в языковом пространстве региона / Т. А. Сироткина // Филологические науки. - 2009. - N 1. - С. 74-80.
- 72.Степанова, Н. Е. Маргинализация как результат изменения социокультурной ситуации в постсоветском российском обществе : диссертация ... кандидата культурол. наук : 24.00.02. - Краснодар, 2000. - 159 с.
- 73.Татаринцева, Е. Н. Лингвоперсонологическое функционирование принципов русской орфографии : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Татаринцева Елена Николаевна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. - Барнаул, 2007. - 20 с.
- 74.Татаринцева, Е.Н. Орфографическая языковая личность и её типы // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / Под. Ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – С.95-121.
- 75.Трубчанинова, М. Е. Языковая личность в инокультурной среде : по данным русскоязычной технически опосредованной коммуникации носителей китайского языка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Трубчанинова Маргарита Евгеньевна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. - Воронеж, 2008. - 21 с.

- 76.Тупикова Н.А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала 17 века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2007. № 6. - С. 168-173.
- 77.Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов ; [Предисл. В. Каверина ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры]. - Москва : Наука, 1977. - 574 с.
- 78.Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности / А.Г. Фомин. – Москва; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 236 с.
- 79.Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Алт. гос. ун-т. - Барнаул, 2004. - 45 с.
- 80.Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков : языковой вуз : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.02. - Москва, 1994. - 475 с.
- 81.Хачмафова, З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков) / З.Р. Хачмафова. – Майкоп: АГУ, 2010. — 282 с.
- 82.Хачмафова, З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте : на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Хачмафова Зайнета Руслановна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. - Ставрополь, 2011. - 45 с.
- 83.Хитрик, К. Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе : На материале иранской ветви индоевропейских языков : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Моск. гос. лингвист. ун-т. - Москва, 2001. - 44 с.

84. Хьюэлл Л., Зинглер Д. Теории личности / Л. Хьюэлл, Д. Зинглер. – СПб. : Питер, 2013. - 607 с.
85. Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике [Текст] : сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В. И. Шаховского / ФГБОУ ВПО "Волгоградский гос. социально-пед. ун-т", Науч.-исслед. лаб. "Язык личность", Каф. языкознания ; [редкол.: Н. Н. Панченко (отв. ред.) и др.]. - Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. - 369 с.
86. Черняк, В.Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности / В.Д. Черняк // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. – СПб, 1994. - №2. – С. 115-130.
87. Шаповалова, Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса : на материале радио, телевидения и Интернета : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Шаповалова Надежда Геннадиевна; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. - Саратов, 2008. - 20 с.
88. Шаховский В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 3 – 10.
89. Шашлова, Г. С. Теоретико-познавательные и методологические аспекты проблемы вторичной языковой личности : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.01 / Современ. гуманитар. акад. - Москва, 2006. - 30 с.
90. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика : На материале дискурса Б.В. Заходера : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2005. - 22 с.
91. Шестак, Л. А. Русская языковая личность : Коды образной вербализации тезауруса : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2003. - 50 с.

- 92.Шойсоронава, Е. С. Языковая личность: этнический аспект : на материале бурятской языковой личности : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ, 2006. - 21 с.
- 93.Шпильная, Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности : на материале сочинений по картине В.А. Серова "Девочка с персиками" : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Шпильная Надежда Николаевна; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. - Кемерово, 2010. - 23 с.
- 94.Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.1. / Под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 640 с.
- 95.Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.2. / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Мельник и С.В. Оленева. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 432 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

И.М.Катырев-Ростовский

«На иконоборцы на вся злыя ереси»

(19 конструкций)

«Здѣже імать свидѣтельство отъ божественаго Божия древняго и новаго завѣта. «Рече Господь к Моисѣю: сотвори себѣ змя и положи его на знамени, сиречь на древѣ, и будетъ аще уранитъ человека и всякъ ужаленный, видѣвый, живъ будетъ» [ЛЗАК 1907: 120].

Тамо подобие змя, віденіе убо імѣя зверино, яда же не імѣя; тако и здѣ чловѣкъ Господь, обаче же яда греховнаго свободь, подобиемъ плоти греховныя пришедъ, сиречь подобиемъ плоти греху подлежащей, обаче же не греху плоть сущи. [ЛЗАК 1907: 120]

«Просьтре же руцѣ Христось даже своею рукою древнихъ, сиречь і Израильтескихъ, людей овою же языки привлечеть и обои собѣ совокупить» [ЛЗАК 1907: 122].

«Сего ради глаголетъ Господь: «подобаетъ Сыну Человеческому распятися», сиречь несть инако возможно быти мукамъ, токмо крестомъ и ту суща» [ЛЗАК 1907: 123]

«хто оклеветаетъ рабовъ, но избранныхъ Божіихъ, і хто укоритъ вѣрующихъ Богу, хто, рече, нань подъемлетъ, сирѣчь, хто посмѣеть, или дерзнетъ что глаголати на избранныя Божия» [ЛЗАК 1907: 155]

«Глаголетъ бо апостоль безъ брашнымъ, сирѣчь иже житейскимъ не причастишася бракомъ, тако и вдовицамъ повелеваетъ глаголя: «добро, иже хто пребудеть, якоже и я. Аще ли не удержася, да посягають» [ЛЗАК 1907: 162].

«Тамо подобие змя, віденіе убо имѣя зверино, яда же не имѣя; тако и здѣ чловѣкъ Господь, обаче же яда греховнаго свободь, подобиемъ плоти греховныя пришедъ, сиречь подобиемъ плоти греху подлежащей, обаче *) же не греху плоть сущи». [ЛЗАК 1907: 120],

«Сего ради убо подобно рече якоже Моисей змя воснесе и прочая, яко же бо онъ вознесе змя, даже взирающей нанъ имуть живота; тако и Христось вознесся, даже взірающей нанъ, сирѣчь верующей, имуть животъ вечный» [ЛЗАК 1907: 120],

«И се есть, иже глаголетъ Павель: «совлекъшу начала и власти» *) показа яве, обличивъ сию симъ, сирѣчь Адамъ убо праведно умре, согреши бо, Господь же неправедно умре, не согреши бо» [ЛЗАК 1907: 121],

«Которою бо иною смертию быша сотворилася сия, аще не симъ, еже на воздусѣ бывше, сиречь на крестѣ?» [ЛЗАК 1907: 122],

«Сего ради глаголетъ Господь: «подобаетъ Сыну Человѣческому распятися», сиречь нѣсть инако возможно быти мукамъ, токмо крестомъ и ту суща...» [ЛЗАК 1907: 123],

«Мудръствуютъ иконохулници, пишутъ во апологии своей, сиречь во своемъ узаконеніи...» [ЛЗАК 1907: 137],

«Се убо зміи живыи и ядовитыя насъ уязвляше, сииречь врагъ...» [ЛЗАК 1907: 145],

«Сице же и Давыдъ, гадателствуя, рече: «даль еси боящимся тебѣ знамение, еже убѣжати отъ лица луку», сирѣчь отъ стрѣль вражихъ» [ЛЗАК 1907: 149],

«Слышите, противнии, не глаголетъ: хто оклеветаетъ рабовъ, но избранныхъ Божиихъ, і хто укорить вѣрующихъ Богу, хто *), рече, нань подъемлетъ, сирѣчь, хто посмѣеть, или дерзнетъ что глаголати на избранныя Божия, Богъ бо оправдалъ ихъ» [ЛЗАК 1907: 155],

«Многие святыхъ тела миро источиша, сирѣчь масла благоухания, мнози благоухания испустиша і многи болезни прогнаша» [ЛЗАК 1907: 157],

«Иже слышите, маловѣрнии, яко въ животѣ своемъ тако отшествіи своемъ, сирѣчь і по умерьтвии своемъ, обѣщася о насъ святой божественый Петръ апостоль память творіти» [ЛЗАК 1907: 160],

«Рече къ нему: «глаголи сыномъ Израилевымъ: мужъ или жена, аще сотворить отъ всѣхъ грѣхъ, чловѣкъ презрѣвъ, презритъ въ Господѣ», сиречь преступилъ бы заповеди Господи!» [ЛЗАК 1907: 168],

«Тому же подобно и новымъ иерѣомъ, сиречь ученикомъ своимъ, даде силу очищати, то естъотпущати грѣхи...» [ЛЗАК 1907: 168],

**Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку
Императорской Публичной Библиотеки Q. IV. № 154
(5 конструкций)**

«Той же царь Борисъ помрачися умомъ, отлоши велемудрый свой и многоразсудный разумъ и восприемши горделивое безуміе, сирѣчь ненависть и проклятое мнѣніе...» [РИБ 1891: 567]

«И тако съ началнымъ властелиномъ Полсково воинства, сирѣчь зъ гетманомъ, утвердиша слово, яко быти уже имъ мирнымъ...» [РИБ 1891: 602]

«...посреди тоя последнія седмицы, сирѣчь во ѿторникъ, свитающу дневи, восходящу солнцу, юже повсюду свѣту изліяну бывшу...» [РИБ 1891: 602]

«Отъ сего же Поляцы ужасни быша, и пребывающе въ заключеніи вратъ, сирѣчь въ осаде, и на кожѣхъ своихъ къ тому не творять ополченія...» [РИБ 1891: 610]

«Въ то же время чловѣкъ нѣкый въ Нижнемъ Новѣградѣ убогою куплею питаяся, сирѣчь продавецъ мясу и рыбѣ въ требованіе людемъ, имя ему Козма...» [РИБ 1891: 613],

**Повѣсть князя И.М. Катырева-Ростовскаго во второй редакціи.
(6 конструкций)**

«краника, сирѣчь лѣтописецъ...» [РИБ 1891: 626],

«Той же царь Борисъ вознесся мыслию и помрачнел умомъ, отложше велемудренный и многоразсудный свой разумъ, и воспріемлетъ горделивое безумие, сирѣчь ненависть и проклятое дменіе...» [РИБ 1891: 636],

«И тако съ началнымъ властелиномъ Полсково воинства, сирѣчь зъ гетманомъ, утвердишася мирнымъ поставленіемъ, яко быти имъ уже мирнымъ...» [РИБ 1891: 686],

«яко послѣдняя недѣля Великого поста преходить, въ ней же воспоминаются Христа Бога нашего спасенія страсти,—посреди тоя послѣднія седмицы, сирѣчь во вторникъ» [РИБ 1891: 692]

«Отъ сего же Поляцы ужасни быша зѣло, и пребывающе въ заключеніи вратъ, сирѣчь во осадѣ и на конѣхъ своихъ не творятъ къ тому ополченія...» [РИБ 1891: 697].

«Въ то же время мужъ нѣкій въ Нижнемъ Новѣградѣ убогою куплею питался, сирѣчь продавецъ мясу и рыбѣ въ требованіе людемъ, имя ему Козма...» [РИБ 1891: 699].

И.А. Хворостинин

«Словеса дней и царей и святителей Московскихъ еже есть в России»

«рече: «сотворите плодъ достоинъ покаянію; и не нарицайте себе глаголати, яко отца имама Авраама; можетъ Богъ и отъ камени сего воздвигнути чада Аврааму», сирѣчь отъ языкъ» [РИБ 1891: 541].

«Повѣсть слезная о Листрискомъ...соборѣ»

(7 конструкций)

«Повесть слезная о Листрискомъ, сирѣчь Ѳеларскомъ и Фларентискомъ разбойническомъ кровопролитномъ осмомъ соборѣ» [ЛЗАК 1907: 81]

«и ради многія бѣды і неволи изволи царь и патриарси вси синдону, сирѣчь собору, быти въ влоскихъ странахъ не по уставу и закону» [ЛЗАК 1907: 83],

«Видѣвше то нѣмцы і елицы папина послушанія западной церкви срѣте его съ процесіею, сирѣчь съ литѣею, во слѣдъ ихъ...» [ЛЗАК 1907: 87],

«Третіе, еже есть проготоріумъ, сирѣчь чистецъ, иже римски отцы мудрствуютъ...» [ЛЗАК 1907: 89],

«...и паки глаголаше того-жь Исаи прореченіе: «Се отрокъ Мои возлюбленный, положихъ Духъ Мой на Немъ, сирѣчь, ибо отъ Своихъ нѣдръ Отець кладеть на Сына Духъ Святый, того ради Отець есть и начало» [ЛЗАК 1907: 89],

«И еще предложиша писаніе премудраго Дионисия Ареопагита (sic): «Всяко даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяи ть Отца светомъ (sic), сирѣчь Сыномъ; даръ оный разумеется...» [ЛЗАК 1907: 91],

«Богъ убо Отець Бога Сына помазуетъ елеомъ радости, божественнымъ параклитомъ, сирѣчь утешителемъ, тоя ради вины Отець и начало» [ЛЗАК 1907: 91],

И.Т. Семенов.

Временник

«согрѣшиша бо отъ главы и до ноги, отъ величайшихъ и до малыхъ, сирѣчь, отъ святитель и царя, инокъ же и святыхъ» [РИБ 1891: 378].

В.Я. Гагара

Первая редакция

(2 конструкции)

«А идучи ко Египту путь истомлень, сирѣчь нужень, возле моря, какъ есть море пещаное, на лошадѣхъ и пѣшему человѣку пройти нелзя тѣмъ путемъ, а ходять на тотъ путь, на нуждахъ» [ППС 1891: 13 – 14]

«И по накупу жидовскому, что была у нихъ преніе о Вѣре съ юдеи, сирѣчь з жидаы, и призва сущаго ту епископа, всѣхъ христіанъ учителя, и глагола ему: слыши, о епископе, речеть ти ся нынѣ во словесѣхъ Христа твоего: аще имате правую Вѣру въ себѣ, рцыте горѣ сей: востани» [ППС 1891: 23]

Иона

Первая редакция

«...а стояли кругъ того двора столпы мраморный, а на нихъ каморы, сирѣчь своды, отъ столпа до столпа, и 2 кладезя посреѣ того двора великіе, а врата яко во градъ, и стена та отъ западу. еще стоитъ» [ППС 1895: 21]

Вторая редакция

(2 конструкции)

«И по той же Удоли огороды и сады многіе; таможе внизу и кладезь Іоавовъ; оттолѣ и путь ко святому Саве; та Удоль, сирѣчь сухой донъ, и до Мертваго Содомскаго моря; а по обѣ страны горы высокіе каменные» [ППС 1895: 47]

«А на западную страну отъ святаго Виоліема двѣ версты на взгоріи домъ Ефрантовъ, сирѣчь домъ веселія: на томъ мѣсте былъ старый градъ іудейскій, а нынѣ село великое, а въ немъ живутъ христіане арапы, боле трехъ сотъ дворовъ; а церковь въ немъ едина святаго Николы» [ППС 1895: 54].

Всего обнаружено 44 синтаксических конструкций.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Стремление эксплицировать индивидуальность конфигурации сложных слов у той или иной языковой личности потребовало от нас количественного подсчёта в каждом затронутом памятнике. Иными словами, это изначально прикладная задача для целей лингвоперсонологического исследования. Работа опубликуется в том виде, в каком она отвечает своим целям и задачам. Нами не предложен словарь как система, поэтому весь корпус полученных сведений было решено озаглавить как *«Материалы к словарю исторических корневых гнезд русского языка XVII века»*. По нашим подсчётам, здесь учтено 3117 употреблений сложных слов из 42 текстов 9 языковых личностей первой половины семнадцатого столетия. Единичные факты, не составившие группировок по первому корню, опущены как малозначимые для генеральной линии реконструкции, однако количество их для каждого текста дано. Оговоримся, что значение отсутствующих в (СлРЯ XI-XVII) единиц в настоящем приложении приводится только для «доминантных» групп.

И.М.Катырев-Ростовский

«На иконоборцы на вся злыя ереси»

Комплекс слов с первым элементом Благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 101.

1) Благ + слов (23): благословеніе [ЛЗАК 1907: 120], благословенное [ЛЗАК 1907: 121], благословеніе [ЛЗАК 1907: 122], благословляетъ[ЛЗАК 1907: 123], преблагославенная[ЛЗАК 1907: 123], благослови [ЛЗАК 1907: 125], благословеніе [ЛЗАК 1907: 125], благословенномъ[ЛЗАК 1907: 138], благословенно, [ЛЗАК 1907: 142], благословится [ЛЗАК 1907: 142], благословитца [ЛЗАК 1907: 142], благословенно [ЛЗАК 1907: 142],благословенно [ЛЗАК 1907: 142], благословенное [ЛЗАК 1907: 142], благословеннаго [ЛЗАК 1907: 142], благословеніе [ЛЗАК 1907: 146], благословение [ЛЗАК 1907: 151], благословеніи [ЛЗАК 1907: 151], благословеніихъ. [ЛЗАК 1907: 151], благословенныхъ [ЛЗАК 1907: 155], благослови, [ЛЗАК 1907: 172], преблагословенныя [ЛЗАК 1907: 176], благословлю [ЛЗАК 1907: 161],

2) Благ + чест (13): благочестіе [ЛЗАК 1907: 124], благочестне [ЛЗАК 1907: 124], благочестіе [ЛЗАК 1907: 127], благочестіи[ЛЗАК 1907: 129], благочестива [ЛЗАК 1907: 136], благочестівии [ЛЗАК 1907: 141], благочестиве [ЛЗАК 1907: 141], благочестиви [ЛЗАК 1907: 148], благочестивыхъ [ЛЗАК 1907: 159], благочестивыя [ЛЗАК 1907: 164], благочестія [ЛЗАК 1907: 171], благочестно [ЛЗАК 1907: 176], благочестіи [ЛЗАК 1907: 177],

3) Благ + вер(12): благовѣрніи [ЛЗАК 1907: 126], благовѣрным [ЛЗАК 1907: 127], благовѣрию [ЛЗАК 1907: 127], благовѣрія[ЛЗАК 1907: 128], благовѣрія [ЛЗАК 1907: 129], благовѣрія [ЛЗАК 1907: 129], благовѣрному [ЛЗАК 1907: 148], благовѣрным [ЛЗАК 1907: 152],

благовѣрнымъ [ЛЗАК 1907: 163], благовѣрнымъ [ЛЗАК 1907: 164],
благовѣрне [ЛЗАК 1907: 166], благовѣриемъ [ЛЗАК 1907: 170],

4) Благо+вест/вещ (10): благовѣстїи [ЛЗАК 1907: 124],
благовѣснїцы [ЛЗАК 1907: 126], благовѣстую [ЛЗАК 1907: 128],
благовѣстующе [ЛЗАК 1907: 132], благовѣщениемъ [ЛЗАК 1907: 139],
благовѣстуютъ, [ЛЗАК 1907: 140], благовѣстїя [ЛЗАК 1907: 149],
благовѣстїи [ЛЗАК 1907: 154], благовѣстїи [ЛЗАК 1907: 163], Благовѣщения
[ЛЗАК 1907: 172],

5) Благ + да(ти)(10): благодать [ЛЗАК 1907: 149], Благодатию
[ЛЗАК 1907: 149], благодати, [ЛЗАК 1907: 151], благодатию [ЛЗАК 1907:
152], благодатию [ЛЗАК 1907: 153], благодати [ЛЗАК 1907: 155],
благодать. [ЛЗАК 1907: 167], благодати [ЛЗАК 1907: 167], благодать [ЛЗАК
1907: 170], благодать [ЛЗАК 1907: 172],

6) Благ + леп (9): благолѣпїемъ [ЛЗАК 1907: 126], благолѣпїе
[ЛЗАК 1907: 126], благолѣпїе [ЛЗАК 1907: 140], , благолѣпїе [ЛЗАК 1907:
143], благолѣпїе [ЛЗАК 1907: 143], благолѣпїе [ЛЗАК 1907: 154],
благолѣпїе [ЛЗАК 1907: 154], благолѣпныхъ [ЛЗАК 1907: 159],
благолѣпное [ЛЗАК 1907: 166],

7) Благ + уха(ти)(6): благоуханїи [ЛЗАК 1907: 157], благоуханна
[ЛЗАК 1907: 157], благоуханныхъ [ЛЗАК 1907: 157], благоуханїе [ЛЗАК
1907: 157], благоуханїя, [ЛЗАК 1907: 157], благоуханїя [ЛЗАК 1907: 157],

8) Благ+вол (3): благоволи [ЛЗАК 1907: 124], благоволенїе [ЛЗАК
1907: 142], благоволил [ЛЗАК 1907: 176],

9) Благ+ вон (2): благовонною [ЛЗАК 1907: 155], благовонныхъ
[ЛЗАК 1907: 157],

10) Благ + дар (2): неблагодарнїи [ЛЗАК 1907: 152], благодаренїемъ
[ЛЗАК 1907: 162], благодаренїемъ. [ЛЗАК 1907: 162],

11) Благ + год(ити): благоугодиша [ЛЗАК 1907: 117],

12) Благ + двиг(/з): благоподвизающихъ [ЛЗАК 1907: 166],

13) Благ + держ: благовоздержныя [ЛЗАК 1907: 117],

- 14) Благ + дух(/ш): благодушни [ЛЗАК 1907: 167],
- 15) Благ + искус: благоискусне [ЛЗАК 1907: 170],
- 16) Благ + мудр: благомудренно [ЛЗАК 1907: 165],
- 17) Благ + суд: благоразсуженіе. [ЛЗАК 1907: 152],
- 18) Благо + (рас)твор: благорастворенную [ЛЗАК 1907: 171],
- 19) 3-х корневое образование: благовсекраснаго [ЛЗАК 1907: 175],

Образовано от «благ» + «всекрасный», при этом «Благо² – первая часть сложных слов, соответствует греч. εἶ: 1) хорошо, добро: благовоніе, благодарити, благодушіе, благолюбець, благонаказательный, благонравіе и т.п.; 2) полностью, вполне, весьма, очень, совершенно: благознаменитый, благомудрый, благонадежный и т.п.» [СлРЯ XI – XVII, 1975 (I): 191 – 192], а «всекрасный» – «Прекрасный» [СлРЯ XI – XVII, 1976: 122]. Употреблено в контексте: «Но мы убо слушаемъ пророковъ, и апостоловъ и богомудрыхъ святыхъ отецъ, и благовсекраснаго ихъ премудрѣйшаго Дионисія Ареопагита, иже единомысленно съ ними мудръствуя, якоже отъ великаго Павла научися и въ книзе своей написа, дабы и милостыни о умершихъ творили, да учинитъ Господь Богъ во стране живыхъ, въ нѣдрехъ Авраама, і Исака, і Якова» [ЛЗАК 1907: 174 – 175]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «*тот, кто совершенно прекрасен в чем-л.*».

Комплекс слов с первым элементом Бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 36.

- 1) Бог + род (10): Богородица, [ЛЗАК 1907: 133], Богородица, [ЛЗАК 1907: 133], Богородицу [ЛЗАК 1907: 135], Богородичный [ЛЗАК 1907: 135], Богородица [ЛЗАК 1907: 139], Богородицу [ЛЗАК 1907: 150], Богородицу [ЛЗАК 1907: 157], Богородица, [ЛЗАК 1907: 172], Богородица [ЛЗАК 1907: 172], Богородицы [ЛЗАК 1907: 176],

- 2) Бог + слов (6): богословъ, [ЛЗАК 1907: 127], богословъ [ЛЗАК 1907: 145], богословъцы [ЛЗАК 1907: 142], Богословъ [ЛЗАК 1907: 159], Богословъ [ЛЗАК 1907: 175], богословець [ЛЗАК 1907: 177],
- 3) Бог + (нена) висть (3): богоненавистный [ЛЗАК 1907: 132], богоненавистный [ЛЗАК 1907: 138], богоненависный [ЛЗАК 1907: 139],
- 4) Бог + люб (2): боголюбцы, [ЛЗАК 1907: 143], боголюбивому [ЛЗАК 1907: 148],
- 5) Бог + мудр (2): богомудрый [ЛЗАК 1907: 152], богомудрыхъ [ЛЗАК 1907: 175],
- 6) Бог + тел (2): боготелеснаго [ЛЗАК 1907: 126], боготелеснаго [ЛЗАК 1907: 129],
- 7) Бог + бор: богоборное [ЛЗАК 1907: 141],
- 8) Бог + вид: боговидцемъ [ЛЗАК 1907: 148],
- 9) Бог + мат: Богоматере [ЛЗАК 1907: 136],
- 10) Бог + мерз: богомерскаго [ЛЗАК 1907: 177],
- 11) Бог + нач: богоначалии [ЛЗАК 1907: 128],
- 12) Бог + нос(ити): богоносныхъ [ЛЗАК 1907: 154],
- 13) Бог + пис: богописанъ [ЛЗАК 1907: 133],
- 14) Бог + проповед: богопроповѣданный [ЛЗАК 1907: 127],
- 15) Бог + против: богопротивнии [ЛЗАК 1907: 150],
- 16) Бог + свят(/щ): богоосвященныя [ЛЗАК 1907: 154],
- 17) Бог + год(ити): богоугоднымъ [ЛЗАК 1907: 155],

Комплекс слов с первым элементом икон-. Общее количество выявленных нами употреблений – 24

- 1) Икон + бор (21): Иконоборцы [ЛЗАК 1907: 117], Иконоборцевъ [ЛЗАК 1907: 117], иконоборственый [ЛЗАК 1907: 117], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 119], иконоборцевъ [ЛЗАК 1907: 120], Иконоборъственныя [ЛЗАК 1907: 124], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 124], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 124],

иконоборцы [ЛЗАК 1907: 126], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 126],
иконоборство [ЛЗАК 1907: 135], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 136],
иконоборцы [ЛЗАК 1907: 137], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 137],
иконоборную [ЛЗАК 1907: 137], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 140],
иконоборцы [ЛЗАК 1907: 144], иконоборствующи [ЛЗАК 1907: 145],
иконоборецъ [ЛЗАК 1907: 146], иконоборцы [ЛЗАК 1907: 142], иконоборцы
[ЛЗАК 1907: 150]

2) Икон + хул (2): иконохулници [ЛЗАК 1907: 145], иконохулнымъ
[ЛЗАК 1907: 144].

3) Икон + (нена)висть: икононенавитный [ЛЗАК 1907: 137].

Комплекс слов с первым элементом пред-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 22

1) Пред + став (6): представихъ [ЛЗАК 1907: 151], предустави
[ЛЗАК 1907: 155], предустави [ЛЗАК 1907: 155], представлениа [ЛЗАК 1907:
160], представить [ЛЗАК 1907: 162], представить [ЛЗАК 1907: 166],

2) Пред + леж (5): предлежащей, [ЛЗАК 1907: 120], предлежить
[ЛЗАК 1907: 151], предлежить [ЛЗАК 1907: 151], предлежить [ЛЗАК 1907:
156], предлежащее [ЛЗАК 1907: 159],

3) Пред + вед (3): предувѣданию [ЛЗАК 1907: 155], предувѣда
[ЛЗАК 1907: 155]. Предвѣдый [ЛЗАК 1907: 133] – отсутствует в словаре.
Образовано от предъ + ведый ← ведь – «1. Провидение, промысел;
чудодейственная сила. 2. Колдовство, чародейство, знахарство и лицо,
обладающее склонностью к этому. 3. Знание, сведение» [СлРЯ XI – XVII,
1975 (II): 50]. Употреблено в контексте: «Вся же предвѣдый Господь вѣру
сердцу его и прозволение» [ЛЗАК 1907: 133]. Исходя из фрагмента, общее
значение можно определить как *«промысливший, знающий наперед»

4) Пред + лаг/лож (2): предлагающе [ЛЗАК 1907: 147],
предложихъ, [ЛЗАК 1907: 153],

- 5) Пред + сто(й) (2): предстоя [ЛЗАК 1907: 125], предстояща [ЛЗАК 1907: 146],
- 6) Пред + тек (2): Предчети [ЛЗАК 1907: 138] (результат метатезы), Предотечевымъ [ЛЗАК 1907: 138].
- 7) Пред + рек: предрекшихъ, [ЛЗАК 1907: 135],
- 8) Пред + слов: предисловия, [ЛЗАК 1907: 119],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 21

1) Един + мысл (8): единомысленникъ [ЛЗАК 1907: 129], единомысленники [ЛЗАК 1907: 129], единомысленики [ЛЗАК 1907: 130], единомысленицы [ЛЗАК 1907: 130], единомысленикъ, [ЛЗАК 1907: 136], единомысленикъ, [ЛЗАК 1907: 136], единамысленника [ЛЗАК 1907: 136], единомысленно [ЛЗАК 1907: 175],

2) Един + мудр (6): единомудръствуите [ЛЗАК 1907: 147], единомудренно [ЛЗАК 1907: 142], единомудренно [ЛЗАК 1907: 162], единомудриемъ [ЛЗАК 1907: 175]. *Единомудрствующий (единомудръствующими [ЛЗАК 1907: 129], единомудръствующи [ЛЗАК 1907: 137]) отсутствует в словаре. Образовано от едино + мудрствующий, при «единомудрствовати = единомыслити = «Придерживаться одинаковых мыслей, взглядов, убеждений» [Сл.РЯ XI – XVII Т.5 1978: 25]. Употреблено в контекстах: «Въ лѣто 318 по вознесеніи на небеса едиnorodнаго Сына Божия Господа нашего Исуса Христа, святыи вселенскій первый соборъ въ Пикѣи правилми осуди и прокля всѣхъ единомысленникъ его прежде смерти его, осуди со инѣми единомудръствующими» [ЛЗАК 1907: 129]; «яко же убо сіи іконоборцы злодѣйскимъ своимъ учениемъ не единомудръствующи, и разно пишугъ» [ЛЗАК 1907: 137]. Исходя из фрагментов, общее значение можно определить как *«тот, кто придерживается единых мыслей, убеждений с кем-л.»

3) Един + глас (2): единоголасный [ЛЗАК 1907: 168], единоголасуется [ЛЗАК 1907: 164] - отсутствует в словаре (СлРЯ XI – XVII). «Согласитися» - «1. Дать согласие, согласиться на что-л. 2. Прийти к согласию, договориться. 3. Соединиться. [Сл.РЯ XI – XVII Т.26 2002: 73]. Употреблено в контексте: «также же и церковь Христова повелевает и единоголасуется с Павломъ» [ЛЗАК 1907: 164]. Исходя из контекста, общее значение можно определить как *«тот, кто разделяет что-л. с кем-л.»

4) Един + род (2): единогороднаго [ЛЗАК 1907: 129], единогородну [ЛЗАК 1907: 171]

5) Един + равн: единогоравно [ЛЗАК 1907: 127],

6) Един + сущ: единогосущей [ЛЗАК 1907: 130],

7) 3-х корневое образование: единогоземногородныхъ [ЛЗАК 1907: 119]. Образовано от «един-» + «земногородный» – «*Рожденный на земле*» [СлРЯ XI – XVII, 1978: 379]. Употреблено в контексте: «*паки на своя блевотины возвращающися, овии отъ нашихъ единоговѣрныхъ и единогоземногородныхъ прилагающися имъ отъ нашего закона отходяще до люторского и до колвинского закона*» [ЛЗАК 1907: 119]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, кто едины с рожденными на какой-л. земле, территории».

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 19

1) Все + держ (10): Вседержитель. [ЛЗАК 1907: 119], Вседержитель. [ЛЗАК 1907: 127], Вседержителю [ЛЗАК 1907: 127], Вседержителя [ЛЗАК 1907: 145], Вседержителю [ЛЗАК 1907: 147], Вседержителя [ЛЗАК 1907: 148], Вседержителю, [ЛЗАК 1907: 160], Вседержителю, [ЛЗАК 1907: 160], Вседержитель: [ЛЗАК 1907: 164], Вседержавный [ЛЗАК 1907: 171],

2) Все + мир (2): Всемиренное [ЛЗАК 1907: 127], всемирнаго [ЛЗАК 1907: 155],

3) Все + свят(/щ) (2): Всесвященнѣйшій [ЛЗАК 1907: 120],
всесвятый[ЛЗАК 1907: 174],

4) Все + сил (2): Всесильною [ЛЗАК 1907: 120], Всесильный
[ЛЗАК 1907: 171],

5) Все + вид: Всевидцу [ЛЗАК 1907: 147],

6) Все + мудр: всемудрыхъ[ЛЗАК 1907: 177],

7) Все + *жечь: Всесожденія [ЛЗАК 1907: 125] форма не
зафиксирована в Словаре XI-XVII веков.

Комплекс слов с первым элементом жив-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 13

1) Жив + твори(ти) (11): животворящего [ЛЗАК 1907: 119], животворящего
[ЛЗАК 1907: 140]; животворящему [ЛЗАК 1907: 141], животворящій [ЛЗАК
1907: 143], животворящаго [ЛЗАК 1907: 147]; животворящій [ЛЗАК 1907:
149], животворящій [ЛЗАК 1907: 144], животворящаго [ЛЗАК 1907: 148],
животворящим [ЛЗАК 1907: 171], животворящее [ЛЗАК 1907: 171],
животворящую [ЛЗАК 1907: 171],

2) Жив + да(ти): живодателное [ЛЗАК 1907: 146];

3) Жив + пис: живописцы [ЛЗАК 1907: 140];

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 9

1) Много + грех (4): многогрѣшным [ЛЗАК 1907: 117],
многогрѣшным [ЛЗАК 1907: 119], многогрѣшным [ЛЗАК 1907: 124],
многогрешный, [ЛЗАК 1907: 147],

2) Много + Бог: многобожия [ЛЗАК 1907: 127],

3) Много + ед: многоядение [ЛЗАК 1907: 162],

4) Много + (раз)лик(/ч): многоразличными[ЛЗАК 1907: 117],

5) Много + слов: многословый[ЛЗАК 1907: 177],

6) Много + числ: многочислеными[ЛЗАК 1907: 147],

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

1) Право + слав (6): православную [ЛЗАК 1907: 119], православныхъ[ЛЗАК 1907: 138], православный [ЛЗАК 1907: 138], православному [ЛЗАК 1907: 148], православныхъ [ЛЗАК 1907: 149], православныхъ. [ЛЗАК 1907: 151],

2) Право + вер: правовѣрию [ЛЗАК 1907: 172],

3) Право + разум: праворазумѣваемъ [ЛЗАК 1907: 152] - нет в Словаре XI-XVII веков.

4) Право + ход: правоходящаго [ЛЗАК 1907: 165] - нет в Словаре XI-XVII веков.

Комплекс слов с первым элементом бляд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

1) Бляд + слов (7): блядословцы [ЛЗАК 1907: 117], блядословиша [ЛЗАК 1907: 117], блядословите, [ЛЗАК 1907: 125], блядословиемъ [ЛЗАК 1907: 126], блядословиемъ [ЛЗАК 1907: 138], блядословяще [ЛЗАК 1907: 151], блядословять [ЛЗАК 1907: 168],

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

1) Нов + крест(/щ) (4): Новокрещенцы, [ЛЗАК 1907: 117], новокрещенцы, [ЛЗАК 1907: 124], новокрещенской; [ЛЗАК 1907: 136], новокрещенския [ЛЗАК 1907: 137],

2) Нов + мышл: новумышленное [ЛЗАК 1907: 168].

- 3) Нов + став: новоустановленное [ЛЗАК 1907: 168],
- 4) Нов + (со)твор/твар: «новосотворенное» [ЛЗАК 1907: 171].

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Зло + дея(ти) (2): злодѣя [ЛЗАК 1907: 121], злодѣйскимъ [ЛЗАК 1907: 137],
- 2) Зло + начал: злоначальный [ЛЗАК 1907: 149],
- 3) Зло + нрав: злонравніи [ЛЗАК 1907: 138],
- 4) Здо + смрад: злосмрадное [ЛЗАК 1907: 171],
- 5) Зло + ум: злоумну [ЛЗАК 1907: 133],

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Сам + вол (2): самоволне [ЛЗАК 1907: 138], самовольнымъ, [ЛЗАК 1907: 140],
- 2) Сам + бы(ти): самобытне [ЛЗАК 1907: 170]
- 3) Сам + власт: самовластвовавъ [ЛЗАК 1907: 135],
- 4) Сам + люб: самолюбцы [ЛЗАК 1907: 161],

Комплекс слов с первым элементом закон-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Закон + (пре)стуг (3): законопреступный, [ЛЗАК 1907: 133], законопреступныя [ЛЗАК 1907: 141], закопреступнаго [ЛЗАК 1907: 132],
- 2) Закон + да(ти): законодатель [ЛЗАК 1907: 168],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

1) Люб + мудр (2): любомудриемъ [ЛЗАК 1907: 170], любомудрия [ЛЗАК 1907: 170],

2) Люб + страст (2): любострастнымъ [ЛЗАК 1907: 136], любострастїи [ЛЗАК 1907: 136 – 137]

Комплекс слов с первым элементом три-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

1) Тр + десят (2): тридесятомъ [ЛЗАК 1907: 146], тридесятомъ [ЛЗАК 1907: 166]

2) Тр + ден: тридневное [ЛЗАК 1907: 146],

3) Тр + свят: трисвятую [ЛЗАК 1907: 146],

Комплекс слов с первым элементом дв(ое)-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Дв + слов (2): Двоесловцу [ЛЗАК 1907: 145], Двоесловець [ЛЗАК 1907: 146],

2) Дв+ десят: двоюнадесять, [ЛЗАК 1907: 152],

Комплекс слов с первым элементом перв-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Перв + род (2): первородныхъ; [ЛЗАК 1907: 123], первородну [ЛЗАК 1907: 155],

2) Перв + образ: первообразныхъ [ЛЗАК 1907: 136],

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Человек + люб (3): человекѡлюбїе [ЛЗАК 1907: 157], человекѡлюбїю, [ЛЗАК 1907: 170], человекѡлюбнѣи [ЛЗАК 1907: 176],

Комплекс слов с первым элементом басн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Басн + слов (2): баснословіе [ЛЗАК 1907: 126], баснословесныхъ [ЛЗАК 1907: 152],

Комплекс слов с первым элементом душ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Душ + спас: душеспасительный [ЛЗАК 1907: 119]
- 2) Душ + тле(ти): душетлѣннаго [ЛЗАК 1907: 171]

Комплекс слов с первым элементом лж-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Лже + слов (2): лжесловіе [ЛЗАК 1907: 144], лжесловесникъ [ЛЗАК 1907: 161],

Комплекс слов с первым элементом мал-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 3) Мал + вер: маловѣрнии [ЛЗАК 1907: 160]
- 4) Мал + душ: малодушныхъ [ЛЗАК 1907: 120],

Комплекс слов с первым элементом огн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 5) Огн + бол: огнеболѣзненнымъ [ЛЗАК 1907: 170]
- 6) Огн + вид: огненовидно [ЛЗАК 1907: 128],

Комплекс слов с первым элементом присн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Присн + дев: Приснодѣвы [ЛЗАК 1907: 139];

- 2) Присн + сут/сущ: присносушное [ЛЗАК 1907: 177];

Комплекс слов с первым элементом равн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Равн + ангел: равноаггельному [ЛЗАК 1907: 119]
- 2) Равн + апостол: равноапостолном [ЛЗАК 1907: 146]

Комплекс слов с первым элементом свят-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Свят + да(ти): святодательную [ЛЗАК 1907: 154],
- 2) Свят + образ: святообразная [ЛЗАК 1907: 169],

Комплекс слов с первым элементом сласт-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Сласт + люб (2): *сластолюбныя* [ЛЗАК 1907: 136]; *сластолубцы* [ЛЗАК 1907: 143]

Комплекс слов с первым элементом христ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Христ + люб (2): христолубіе [ЛЗАК 1907: 127], христолубива [ЛЗАК 1907: 136],

Вне групп (38)

Выявлено нами 358 сложных слов.

Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку
Императорской Публичной Библиотеки Q. IV. № 154

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 32

- 1) Благ + род (9): благородный [РИБ 1891: 579]. благородную [РИБ 1891: 579], благородію [РИБ 1891: 579], благородніи [РИБ 1891: 579]. благородніи [РИБ 1891: 579]. благородствѣ [РИБ 1891: 579], благородіе [РИБ 1891: 579], благородіе [РИБ 1891: 580], благородія [РИБ 1891: 603].
- 2) Благ + чест (5): Благочестивый [РИБ 1891: 563], благочестивъ, [РИБ 1891: 563], благочестивую [РИБ 1891: 564], благочестивый [РИБ 1891: 564], благочестія [РИБ 1891: 604].
- 3) Благ + леп (4): благолѣпіе [РИБ 1891: 563], Благолѣпіе [РИБ 1891: 579]. благолѣпіемъ [РИБ 1891: 620], благолѣпіемъ [РИБ 1891: 621],
- 4) Благ + род (4): возблагодареніе [РИБ 1891: 566]. благодарнаго [РИБ 1891: 569], неблагодарнаго [РИБ 1891: 569]; неблагодарный [РИБ 1891: 580]
- 5) Благ + вер (2): благовѣрный [РИБ 1891: 565], благовѣрень [РИБ 1891: 620],
- 6) Благ + слов (2): благослови [РИБ 1891: 581], благословеніе [РИБ 1891: 603],
- 7) Благ + тих/тех (2): благоутишно [РИБ 1891: 562], благоутѣшно [РИБ 1891: 620],
- 8) Благ + гове(ти): благоговѣйнѣ [РИБ 1891: 603],
- 9) Благ + (по)луч: благополучно [РИБ 1891: 562],
- 10) Благ + чин: благочиннійша [РИБ 1891: 621],
- 11) Благ + (ю)род: благоюродивъ [РИБ 1891: 564]

Комплекс слов с первым элементом пред/преж-. Общее количество
выявленных нами употреблений – 24

1) Пред/Преж + рек (12): Предреченный[РИБ 1891: 569],
предреченный[РИБ 1891: 570], Предреченныи[РИБ 1891: 572],
предреченнаго[РИБ 1891: 581], предреченный [РИБ 1891: 585],
прежереченный [РИБ 1891: 589], Предреченный [РИБ 1891: 594],
Предиреченный [РИБ 1891: 599], прежереченныи[РИБ 1891: 601],
прежереченному [РИБ 1891: 605], прежереченный[РИБ 1891: 614],
предиреченнаго [РИБ 1891: 623],

2) Пред + лаг/лож (6): предлагають[РИБ 1891: 594],
предлагають[РИБ 1891: 601], предлагати [РИБ 1891: 606], предлагаеми
[РИБ 1891: 607], предложимь[РИБ 1891: 622], предлагаемь[РИБ 1891: 622],

3) Пред + бы(ти) (5): Прежебывшемь [РИБ 1891: 576],
прежебывшаго[РИБ 1891: 578], прежебывшемь[РИБ 1891: 594],
прежебывшая[РИБ 1891: 602], прежебывшаго[РИБ 1891: 618],

4) Пред + ид(ти): предъидущий [РИБ 1891: 623],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 18

1) Бог + мерз (7): богомерскаго [РИБ 1891: 559], богомерскому
[РИБ 1891: 576], богомерскаго [РИБ 1891: 576], богомерскаго [РИБ 1891:
578], богомерскій [РИБ 1891: 580], богомерский [РИБ 1891: 583],
богомерскимь [РИБ 1891: 605],

2) Бог + род (6): Богородицы [РИБ 1891: 578], Богородица; [РИБ
1891: 581], Богородица [РИБ 1891: 582] Богородица [РИБ 1891: 582],
Богородицы [РИБ 1891: 617], Богородица. [РИБ 1891: 619]

3) Бог + (из)бра(ти): богоизбранный [РИБ 1891: 619],

- 4) Бог + люб: боголюбивыхъ [РИБ 1891: 564],
- 5) Бог + мат: Богоматере [РИБ 1891: 603],
- 6) Бог + (нена)висть: боганенавидимаго [РИБ 1891: 564],
- 7) Бог + ступ: богоотступникъ, [РИБ 1891: 581],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 18

- 1) Един + глас (6): единоголасно [РИБ 1891: 566], единоголасники [РИБ 1891: 571], единоголасника [РИБ 1891: 578], единоголасникъ [РИБ 1891: 581], единоголасника [РИБ 1891: 582], единоголасно [РИБ 1891: 618],
- 2) Един + кров (5): единокровнымъ [РИБ 1891: 563], единокровной [РИБ 1891: 576], единокровнаго [РИБ 1891: 590], единокровнаго [РИБ 1891: 592], единокровень [РИБ 1891: 619]
- 3) Един + род (5): едиnorodнаго [РИБ 1891: 565], едиnorodному [РИБ 1891: 565], едиnorodну [РИБ 1891: 570], едиnorodнаго [РИБ 1891: 579], едиnorodнаго [РИБ 1891: 588],
- 4) Един + дух(/ш): единомушно [РИБ 1891: 617],
- 5) Един + мышл: единомушленно [РИБ 1891: 565],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 10

- 1) Мног + (раз)суд (5): многоразсудень, [РИБ 1891: 559], многоразсудно [РИБ 1891: 566], многоразсудный [РИБ 1891: 567], многоразсудныхъ, [РИБ 1891: 583], многоразсудна, [РИБ 1891: 602],
- 2) Мног + слав (2): многославный [РИБ 1891: 561], многославному [РИБ 1891: 565],
- 3) Мног + рек (2): многорѣчивъ [РИБ 1891: 620], многорѣчивъ [РИБ 1891: 622]
- 4) Мног + лет: многолѣтныхъ [РИБ 1891: 617],

Комплекс слов с первым элементом власт-. Общее количество выявленных нами употреблений –6

- 1) Власт + люб (6): властолюбивъ [РИБ 1891: 563], властолюбець [РИБ 1891: 563] властолюбиваго [РИБ 1891: 564], властолюбію [РИБ 1891: 564], властолюбію [РИБ 1891: 580], властолюбію [РИБ 1891: 621],

Комплекс слов с первым элементом вел-. Общее количество выявленных нами употреблений –4

- 1) Вел + мудр (2): велемудрый [РИБ 1891: 567]; велемудрое [РИБ 1891: 613],
- 2) Вел + моч/мощ: велемошно [РИБ 1891: 613],
- 3) Вел + рек: велерѣчивъ [РИБ 1891: 563],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений –4

- 1) Все + щедр (3): всещедраго [РИБ 1891: 563], всещедраго [РИБ 1891: 603], всещедраго [РИБ 1891: 619],
- 2) Все + мил: всемилостивый [РИБ 1891: 566].

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений –3

- 1) Зло + хищ (2): злохищный [РИБ 1891: 569], злохищный [РИБ 1891: 589],
- 2) Зло + (за)вещ: злозавѣщателныя [РИБ 1891: 606]

Комплекс слов с первым элементом крест-. Общее количество выявленных нами употреблений –3

1) Крест + (пре)стуг (3): крестопрестугленіе [РИБ 1891: 576], крестопрестугники [РИБ 1891: 576], крестопрестугники [РИБ 1891: 576]

Комплекc слов с первым элементом перв-. Общее количество выявленных нами употреблений –3

1) Перв + нач (2): первоначалстугующихъ [РИБ 1891: 561], первоначалстугующими [РИБ 1891: 574]

2) 3-х корневое образование: первополкочначалникъ [РИБ 1891: 576],

Комплекc слов с первым элементом скифетр-. Общее количество выявленных нами употреблений –3

1) Скифетр + держа(ти) (3): скиетродержавнаго [РИБ 1891: 564], скиетродержавство [РИБ 1891: 565], скиетродержателю [РИБ 1891: 569].

Вне групп (31)

Выявлено нами 159 сложных слов.

Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго во второй
редакціи.

Комплекс слов с первым элементом вое-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 124

1) Вое + вод (124):

воеводъ, [РИБ 1891: 628], воеводы, [РИБ 1891: 630], воеводъ, [РИБ 1891: 631], воеводамъ [РИБ 1891: 636], воеводъ [РИБ 1891: 637], воеводъ [РИБ 1891: 638], воеводъ [РИБ 1891: 638], воевода [РИБ 1891: 638], воеводы [РИБ 1891: 638], воеводѣ [РИБ 1891: 641], воевода [РИБ 1891: 641], воевода [РИБ 1891: 641], воевода [РИБ 1891: 642], воеводы [РИБ 1891: 643], воеводы [РИБ 1891: 643], воеводы [РИБ 1891: 643], воевода [РИБ 1891: 644], воеводъ [РИБ 1891: 644], воеводы [РИБ 1891: 644], воеводы [РИБ 1891: 645], воеводъ [РИБ 1891: 645], воеводы [РИБ 1891: 645], воеводъ [РИБ 1891: 646], воеводы [РИБ 1891: 646], воеводы [РИБ 1891: 646], воеводамъ [РИБ 1891: 648], воеводъ [РИБ 1891: 648], воеводъ [РИБ 1891: 648], воеводъ [РИБ 1891: 649], воеводъ [РИБ 1891: 649], воеводъ [РИБ 1891: 649], воеводы [РИБ 1891: 649], воеводы, [РИБ 1891: 649], воеводъ [РИБ 1891: 650], воеводъ [РИБ 1891: 651], воеводъ [РИБ 1891: 655], воеводу [РИБ 1891: 655], воеводамъ [РИБ 1891: 661], воеводы [РИБ 1891: 661], воеводы [РИБ 1891: 662], воеводы [РИБ 1891: 662], воеводъ [РИБ 1891: 663], воеводъ [РИБ 1891: 663], воеводъ [РИБ 1891: 663], воеводъ [РИБ 1891: 663], воеводы [РИБ 1891: 663], воеводы [РИБ 1891: 663], воеводы [РИБ 1891: 664], воеводы [РИБ 1891: 664], воеводу [РИБ 1891: 666], воеводы своего [РИБ 1891: 666], воеводъ [РИБ 1891: 667], воеводъ [РИБ 1891: 667], воевода [РИБ 1891: 667], воеводъ [РИБ 1891: 667], воеводу, [РИБ 1891: 668], воеводу [РИБ 1891: 669], воеводу [РИБ 1891: 669], воеводу [РИБ 1891: 669], воеводы [РИБ 1891: 669], воеводы [РИБ 1891: 669], воевода [РИБ 1891: 669], воеводы [РИБ 1891: 670], воеводъ [РИБ 1891: 670], воеводамъ [РИБ 1891: 671],

воеводамъ [РИБ 1891: 671], воевода, [РИБ 1891: 672], воевода [РИБ 1891: 672], воевода [РИБ 1891: 673], воевода [РИБ 1891: 673], воеводъ [РИБ 1891: 669], воеводу [РИБ 1891: 675], воеводъ [РИБ 1891: 675], воевода [РИБ 1891: 677], воевода [РИБ 1891: 678], воевода [РИБ 1891: 679], воевода [РИБ 1891: 680], воевода [РИБ 1891: 680], воевода [РИБ 1891: 680], воеводствомъ [РИБ 1891: 681], воеводствомъ [РИБ 1891: 682], воеводу [РИБ 1891: 682], воевода [РИБ 1891: 683], воеводу [РИБ 1891: 683], воевода [РИБ 1891: 684], воевода [РИБ 1891: 684], воевода [РИБ 1891: 684], воеводы [РИБ 1891: 685], воеводу [РИБ 1891: 689], воеводы [РИБ 1891: 691], воеводѣ [РИБ 1891: 691], воеводъ [РИБ 1891: 694], воевода [РИБ 1891: 694], воеводствомъ [РИБ 1891: 695], воеводствомъ [РИБ 1891: 695], воеводы [РИБ 1891: 695], воевода [РИБ 1891: 695], воеводы [РИБ 1891: 695], воевода [РИБ 1891: 696], воеводы [РИБ 1891: 696], воевода [РИБ 1891: 696], воеводы [РИБ 1891: 697], воеводу [РИБ 1891: 697], воеводы [РИБ 1891: 697], воевода [РИБ 1891: 698], воевода [РИБ 1891: 698], воеводы, [РИБ 1891: 698], воеводы [РИБ 1891: 698], воевода [РИБ 1891: 701], воевода [РИБ 1891: 701], воевода [РИБ 1891: 702], воеводы [РИБ 1891: 702], воевода [РИБ 1891: 703], воеводамъ [РИБ 1891: 704], воеводъ [РИБ 1891: 704], воеводы [РИБ 1891: 704], воеводы [РИБ 1891: 704], воеводъ [РИБ 1891: 705], воеводы [РИБ 1891: 705], воеводу [РИБ 1891: 705], воеводъ [РИБ 1891: 705], воеводы [РИБ 1891: 705],

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 49.

1) Благ + род (14): благородныхъ [РИБ 1891: 640], Благородію [РИБ 1891: 641], благородна [РИБ 1891: 642], благородныя [РИБ 1891: 653], благородную [РИБ 1891: 653], благородію [РИБ 1891: 653], Благородніи [РИБ 1891: 653]. Благородніи [РИБ 1891: 653], благородныя [РИБ 1891: 653], благородствѣ [РИБ 1891: 653], благородіе [РИБ 1891: 653], благородіе [РИБ 1891: 654], благородіе [РИБ 1891: 688], Благородія [РИБ 1891: 688],

- 2) Благ + чест (8): Благочестивый [РИБ 1891: 630], благочестивъ, [РИБ 1891: 630], Благочестивую [РИБ 1891: 632], благочестивый [РИБ 1891: 632], Благочестивая [РИБ 1891: 633], благочестивой [РИБ 1891: 643], благочестивыя [РИБ 1891: 655], Благочестивыхъ [РИБ 1891: 683],
- 3) Благ + леп (6): Благолѣпїи [РИБ 1891: 630], Благолѣпїи [РИБ 1891: 644], благолѣпныхъ [РИБ 1891: 653], Благолѣпїе [РИБ 1891: 653], благолѣпїемъ [РИБ 1891: 708], благолѣпїемъ [РИБ 1891: 709],
- 4) Благ + вер (5): благовѣрный [РИБ 1891: 633], Благовѣрїя [РИБ 1891: 640], благовѣрнаго [РИБ 1891: 659], благовѣрнаго [РИБ 1891: 660], благовѣренъ [РИБ 1891: 708],
- 5) Благ + дар (5): возблагодаренїе [РИБ 1891: 635], неблагодарнаго [РИБ 1891: 639], Благодаренїе [РИБ 1891: 658], Неблагодарный [РИБ 1891: 654], благодаряще [РИБ 1891: 705],
- 6) Благ + слов (2): благослови [РИБ 1891: 655], благословенїе [РИБ 1891: 687],
- 7) Благ + (у)тих (2): благоутишно [РИБ 1891: 629], благодїшно [РИБ 1891: 708],
- 8) Благ + гове(ти): благоговѣйно [РИБ 1891: 687],
- 9) Благ + дея(ти): Благодѣянїе [РИБ 1891: 630],
- 10) Благ + нрав: Благонравїи [РИБ 1891: 630],
- 11) Благ + (по)луч: благополучно [РИБ 1891: 630],
- 12) Благ + рек: благорѣчіемъ [РИБ 1891: 709].
- 13) Благ + (у)род: благоуродивъ [РИБ 1891: 632],
- 14) Благ + чин: Благочинїи [РИБ 1891: 709],

Комплекс слов с первым элементом пред/преж-. Общее количество выявленных нами употреблений – 40

- 1) Пред/Преж + рек(ти) (18): Предиреченный [РИБ 1891: 637], предиреченный [РИБ 1891: 642], Предиреченныи [РИБ 1891: 644],

предиреченный [РИБ 1891: 649], предиреченного [РИБ 1891: 655],
прежереченного [РИБ 1891: 657], Предиреченный [РИБ 1891: 658],
прежереченного [РИБ 1891: 659], прежереченного [РИБ 1891: 659],
предиреченный [РИБ 1891: 665], Предиреченный [РИБ 1891: 676],
предиреченный [РИБ 1891: 678], Предиреченный [РИБ 1891: 680],
Предиреченный [РИБ 1891: 681], предиреченный [РИБ 1891: 685],
прежереченному [РИБ 1891: 690], предиреченный [РИБ 1891: 690],
предиреченный [РИБ 1891: 700]

2) Пред/Преж + бы(ти) (10): прежебывшаго [РИБ 1891: 625],
прежебывшаго [РИБ 1891: 637], прежебывшемъ [РИБ 1891: 649],
прежебывшему [РИБ 1891: 668], прежебывшаго [РИБ 1891: 674],
прежебывшая [РИБ 1891: 686], прежебывшихъ [РИБ 1891: 700],
прежебывшаго [РИБ 1891: 706], прежебывшему [РИБ 1891: 706],
прежебывшихъ [РИБ 1891: 708]

3) Пред/Преж + лаг/лож (9): предложися [РИБ 1891: 674],
предлагають [РИБ 1891: 678], предлагають [РИБ 1891: 684], предлагати;
[РИБ 1891: 691], предложенныхъ [РИБ 1891: 691], предлагаеми [РИБ 1891:
693], предлагаемъ [РИБ 1891: 707], Предложимъ [РИБ 1891: 710],
предлагаемъ [РИБ 1891: 711],

4) Пред/Преж + ид(ти): предъидущій [РИБ 1891: 711]

5) Пред/Преж + леж: предлежащая [РИБ 1891: 660],

6) Пред/Преж + стоя(ти): предстоя [РИБ 1891: 708],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 19

1) Бог + мерз (8): богомерскаго [РИБ 1891: 625], богомерскаго
[РИБ 1891: 637], богомерское [РИБ 1891: 637], богомерскомъ [РИБ 1891:
638], богомерскаго [РИБ 1891: 638], Богомерскій [РИБ 1891: 653],
богомерскаго [РИБ 1891: 659], богомерскимъ [РИБ 1891: 690],

- 2) Бог + род (4): Богородица [РИБ 1891: 652], Богородица [РИБ 1891: 658], Богородицы [РИБ 1891: 705], Богородица [РИБ 1891: 707].
- 3) Бог + мат (2): Богоматери [РИБ 1891: 658], Богоматери [РИБ 1891: 688],
- 4) Бог + (из)бра(ти): богоизбранный [РИБ 1891: 706],
- 5) Бог + (нена)висть: богоненавистнаго [РИБ 1891: 631],
- 6) Бог + да(ти): богоданныя [РИБ 1891: 657],
- 7) Бог + люб: боголюбивыхъ [РИБ 1891: 632],
- 8) Бог + (от)ступ: богоотступникъ, [РИБ 1891: 656],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 19

- 1) Мног + суд (6): многоразсудень [РИБ 1891: 627], Многоразсуженіи [РИБ 1891: 630], многоразсудно [РИБ 1891: 635], многоразсудный [РИБ 1891: 636], многоразсудна, [РИБ 1891: 660], многоразсудна. [РИБ 1891: 687],
- 2) Мног + слав (4): многославнаго [РИБ 1891: 625], многославный [РИБ 1891: 627], многославному [РИБ 1891: 634], многославную [РИБ 1891: 646],
- 3) Мног + (про)стран (2): многопространно [РИБ 1891: 625], Многопространнѣй [РИБ 1891: 636],
- 4) Мног + велик: многовеличественное [РИБ 1891: 641],
- 5) Мног + лет: многолѣтныхъ [РИБ 1891: 705],
- 6) Мног + люд: многолюдно [РИБ 1891: 652],
- 7) Мног + рек: многорѣчивъ [РИБ 1891: 707]
- 8) Мног + (со)ста(ти): многосоставному [РИБ 1891: 660],
- 9) Мног + труд: Многотрудныя [РИБ 1891: 629],
- 10) Мног + числ: многочисленно [РИБ 1891: 657],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 18

- 1) Един + род (6): однородного [РИБ 1891: 633], однородному [РИБ 1891: 634], однородну [РИБ 1891: 642], однородного [РИБ 1891: 653], однородного [РИБ 1891: 666], однородного [РИБ 1891: 683],
- 2) Един + глас (5): единоголасницы [РИБ 1891: 643], единоголасного [РИБ 1891: 652], единоголасникъ [РИБ 1891: 655], единоголасника [РИБ 1891: 657], единоголасно [РИБ 1891: 706],
- 3) Един + кров (4): единокровный [РИБ 1891: 649], единокровного [РИБ 1891: 669], единокровного [РИБ 1891: 672], единокровень [РИБ 1891: 706]
- 4) Един + мышл (2): единомышленно [РИБ 1891: 634], единомысленныхъ [РИБ 1891: 639],
- 5) Един + душ: единомушно [РИБ 1891: 704],

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 11

- 1) Нов + град/город (11): Новгородокъ [РИБ 1891: 644], Новгородокъ, [РИБ 1891: 644], Новагородка [РИБ 1891: 644], Новгородокъ [РИБ 1891: 644], Великій Новградъ [РИБ 1891: 672], Новаграда [РИБ 1891: 672], Новаграда [РИБ 1891: 673], Новаграда. [РИБ 1891: 684], Новградъ [РИБ 1891: 685], Нижнемъ Новѣградѣ [РИБ 1891: 699], Новгородъ [РИБ 1891: 700].

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Все + щедр (4): Всещедрого [РИБ 1891: 630], Всещедрый [РИБ 1891: 660], всещедрого [РИБ 1891: 688], всещедрого [РИБ 1891: 707],

- 2) Все + (на)род (3): всенародномъ [РИБ 1891: 633], всенародное [РИБ 1891: 656], всенародное [РИБ 1891: 635],
- 3) Все + мил: всемилостивый [РИБ 1891: 635],
- 4) Все + рос: Всеросійскія [РИБ 1891: 636].

Комплекс слов с первым элементом власт-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Власт + люб (6): властолюбіи [РИБ 1891: 625], Властолюбіи [РИБ 1891: 630], Властолюбивъ [РИБ 1891: 631], властолюбець [РИБ 1891: 631], властолюбиваго [РИБ 1891: 634], Властолюбію [РИБ 1891: 708],

Комплекс слов с первым элементом ин-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Ино + плем (4): иноплеменныхъ [РИБ 1891: 659], иноплеменныхъ [РИБ 1891: 680], иноплеменныхъ [РИБ 1891: 694], иноплеменныхъ, [РИБ 1891: 700],
- 2) Ино + вер: иновѣрною [РИБ 1891: 656],

Комплекс слов с первым элементом чуд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Чуд + твор (5): чудотворными [РИБ 1891: 634], чудотворца [РИБ 1891: 638], чудотворными [РИБ 1891: 651], чудотворною [РИБ 1891: 658], чудотворною [РИБ 1891: 705],

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Зло + хищ (3): злохищный [РИБ 1891: 640], злохищный [РИБ 1891: 648], злохищный [РИБ 1891: 668],
- 2) Зло + (за)вещ: зловѣщателныя [РИБ 1891: 692].

Комплекс слов с первым элементом вел-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Вел + мудр: велемудренный [РИБ 1891: 636],
- 2) Вел + рек: велерѣчивъ [РИБ 1891: 630],
- 3) Вел + слав: велеславныхъ [РИБ 1891: 640].

Комплекс слов с первым элементом перв-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Перв + начал (2): первоначалствующими [РИБ 1891: 647], первоначалствующихъ [РИБ 1891: 627],
- 2) Перв + брак: первобрачныя [РИБ 1891: 629],

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Сам + держ (3): самодержавствѣ [РИБ 1891: 625], самодержца [РИБ 1891: 625], Самодержца [РИБ 1891: 654],

Комплекс слов с первым элементом скипетр-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Скипетр + держ (3): скипетродержавнаго [РИБ 1891: 632], скипетродержавствуя [РИБ 1891: 633], скипетродержавство [РИБ 1891: 634].

Комплекс слов с первым элементом брат-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Брат + (нена)вид (2): братоненавидѣнія [РИБ 1891: 632], братоненавидцы [РИБ 1891: 637],

Комплекс слов с первым элементом присн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Присно + (по)минать: приснопоминаемого [РИБ 1891: 625],
- 2) Присно + память: приснопамятного [РИБ 1891: 662],

Вне групп (39)

.

Выявлено 355 сложных слов

Общая сумма по проанализированным текстам: 872

Языковая личность князя И.А. Хворостинина

«Словеса дней и царей и святителей Московских еже есть в России»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 39

1) Благ + чест (11): благочестіе [РИБ 1891: 525], благочестіемъ [РИБ 1891: 529], благочестіемъ [РИБ 1891: 530], благочестіемъ [РИБ 1891: 537], благочестиви [РИБ 1891: 530], благочестивыхъ [РИБ 1891: 543], благочестивыя [РИБ 1891: 541], благочестивыхъ [РИБ 1891: 534], благочестивыхъ [РИБ 1891: 551], благочестію [РИБ 1891: 545], благочестное [РИБ 1891: 546],

2) Благ + слов (5): благослови [РИБ 1891: 529], благословеніе [РИБ 1891: 548], благословенію [РИБ 1891: 551], благословенію [РИБ 1891: 551], благословеніе [РИБ 1891: 546].

3) Благ + да(ти) (4): Благодать [РИБ 1891: 529], благодать [РИБ 1891: 532], благодать [РИБ 1891: 554] благодатію [РИБ 1891: 536]

4) Благ + род (4): благородныхъ [РИБ 1891: 532], благородный [РИБ 1891: 533], благородныя [РИБ 1891: 546] благородныя [РИБ 1891: 537],

5) благ+хвал (3): благохваленію [РИБ 1891: 531], благохваленіемъ [РИБ 1891: 554], благохваленія [РИБ 1891: 542],

6) Благ + (по)треб (2): благопотребія [РИБ 1891: 539], благопотребно [РИБ 1891: 552]

7) Благ + (у)готов (2): благоуготовленныя [РИБ 1891: 553], благоготовляшеся [РИБ 1891: 541] – Последнее слово отсутствует в «Словаре русского языка XI – XVII вв». Благоготовляшеся [РИБ 1891: 541], вероятно, образовано от «благо» + «готовление» ← «готовити» – «1. Подготавливать; снаряжать. 2. Устраивать, изготовлять. 3. Готовить (о еде). 4. Заготовлять, запасать» [СлРЯ XI – XVII, 1977: 110]. Употреблено в контексте: «къ хотѣнію своему ласканіемъ превозводя, обѣты имъ всячески

творити благоготовляшеса; яко же и сродницы его» [РИБ 1891: 541]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«хорошо, полностью подготовиться к чему–л.», в связи с выделяемым в рамках «Словаря русского языка XI – XVII вв» соответствиям греческого εὖ подгруппе значений «2) полностью, вполне, весьма, очень, совершенно: благознаменитый, благомудрый, благонадежный и т.п.» [СлРЯ XI – XVII, 1975 (I): 191 – 192]. Добавление семы «хорошо, добро» в приведенную интерпретацию детерминировано отсутствием других контекстов в данной повести И.А. Хворостинина.

- 8) Благ + вест: Благовѣстиі [РИБ 1891: 540]
- 9) Благ + глагол: благоглаголати [РИБ 1891: 530]
- 10) Благ + дар: благодаренія [РИБ 1891: 542]
- 11) Благ + душ: благодушно [РИБ 1891: 555]
- 12) Благ + леп: благолѣпно [РИБ 1891: 536]
- 13) Благ + разум: благоразумія [РИБ 1891: 539]
- 14) Благ + суд: благоразсуднаго [РИБ 1891: 531]
- 15) Благ + серд: благосердія [РИБ 1891: 538]

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 17

- 1) Един + мысл (7): единомышленія [РИБ 1891: 539], единомысліе [РИБ 1891: 547], единомысліе [РИБ 1891: 551], единомысліе [РИБ 1891: 551], единомысленниками [РИБ 1891: 548], единомысленными [РИБ 1891: 552], единомысленники [РИБ 1891: 548]
- 2) Един + глас: единоголасень [РИБ 1891: 539], единоголасень [РИБ 1891: 550]
- 3) Един + род: единогоднаго [РИБ 1891: 529], единогодною [РИБ 1891: 549]
- 4) Един + вер: неединовѣрнаго [РИБ 1891: 550]
- 5) Един + вина: единовиновну [РИБ 1891: 552]

6) Един + мудр: единомудрствующе [РИБ 1891: 530]

7) Един + начал: единачаліи [РИБ 1891: 541],

8) Един + обещ: единообѣщникъ [РИБ 1891: 547]. Образовано от «обещникъ (общникъ, обѣщникъ, обѣщникъ), м. 1. Тот, кто разделяет вместе что–л. с кем–л.; тот, кто причастен к чему–л., участник. 2. Тот, кто образует одно целое с кем–л. (об одной из ипостасей Троицы). 3. Общительный, обходительный, благожелательный человек» [СлРЯ XI – XVII, 1987: 45]. Впрочем, не исключен вариант происхождения от омонима «обѣщникъ, м. То же, что обѣтникъ» [СлРЯ XI – XVII, 1987: 45]. Последнее имеет значение «Тот, кто делает что–л. по обету» [СлРЯ XI – XVII, 1987: 45]. Употреблено в контексте: «...«а отецъ его самодержецъ добрѣ о насъ совѣща, видѣвъ нашу бѣду и поколебаніе, вмѣсто мѣрила праведнаго сына своего нашей земли царя даетъ, и послужимъ ему суще, яко истинному своему владыцѣ но будемъ беспечалны ради свидѣнія: аще и не единообѣщникъ вѣрѣ нашей, но хоцетъ насъ ради единомысліе пріяти и во единой благой совѣсти закона нашего быти съ нами» [РИБ 1891: 547]. Наиболее вероятное толкование – *«единый, совокупный с теми, кто разделяет вместе что–л. с кем–л.; единый с теми, кто причастен к чему–л.».

Однако на периферии значений под эту дефиницию подходит и «Тот, кто делает что–л. по обету» [СлРЯ XI – XVII, 1987: 45]. Последнее возможно в силу единства всех участников события в социально–значимом моменте (при восшествии царя на престол).

9) Един + плем: единоплеменныхъ [РИБ 1891: 543],

10) Един + (с)верст(ник): единосверстникомъ [РИБ 1891: 547]. Образовано от «едино + «сверстникъ» – «1. Равный по возрасту, сверстник, ровесник. 2. Равный, одинаковый по положению, силе, знаниям, взглядам и т.д.» [СлРЯ XI – XVII, 1996: 114]. Употреблено в контексте: «Ини отъ славныхъ нашихъ мнози приложишася къ нимъ и совѣсть творяше къ намъ, яко властодержца намъ нѣсть, и корень владыки великаго Владимира самодержца всеа Росіи, чресль его отрасли доброцвѣтуція нашія господія,

отьяся отъ насъ, и поработихомся сами себе единосверстникомъ своимъ: Внимайте же себѣ опасно!» [РИБ 1891: 547]. Исходя из фрагмента, значение слова можно определить как *«тот, кто равен по положению или качествам кого–л., чего–л.». Данное толкование можно принять в расчет в связи с последующим предложением: «...се Полскаго и Литовскаго короля сынъ есть, именуется Владиславъ и сей есть потребень къ нашему господоначалствію: юноша предобръ и рода самодержавныхъ владыкъ искони, и никто же возможетъ его укорити, истинный властелинъ и подобень нашимъ прежнимъ владыкамъ во всемъ...» [РИБ 1891: 547]. Иными словами, в самом тексте прослеживается ключ к интерпретации лексемы.

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 13

- 1) Сам + держ (9): самодержца [РИБ 1891: 529], самодержавець [РИБ 1891: 531], самодержца [РИБ 1891: 539], самодержецъ [РИБ 1891: 547], самодержца [РИБ 1891: 547], самодержавныхъ [РИБ 1891: 547], самодержецъ [РИБ 1891: 542], самодержавіе [РИБ 1891: 539], самодержавець [РИБ 1891: 531]
- 2) Сам + вол (2): самоволнѣ [РИБ 1891: 542]; самоволнѣ [РИБ 1891: 555]
- 3) Сам + вид: самовидцемъ [РИБ 1891: 528],
- 4) Сам + люб: самолюбныхъ [РИБ 1891: 532]

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Пред/прежд + бы(ти): преждебывшихъ [РИБ 1891: 532], преждебывшими [РИБ 1891: 533], преждебывшихъ [РИБ 1891: 552], преждебывшій [РИБ 1891: 534]

2) Пред/прежд + рек: прежденареченнаго [РИБ 1891: 534], преждереченнаго [РИБ 1891: 535], преждереченнымъ [РИБ 1891: 543], Преждереченному [РИБ 1891: 554]

3) Пред/прежд + (вос)помян: преждевоспомянутый [РИБ 1891: 552] - - отсутствует в словаре. Образовано от прежде + воспомянутый - воспомянути = вспомянути - «1. То же, что вспомнити (в знач. 1) [Сл.РЯ XI - XVII Т.3 1976: 146], т.е. «вспомнить» [Сл.РЯ XI - XVII Т.3 1976: 145]; «2. Напомнить. 3. Упомянуть» [Сл.РЯ XI - XVII Т.3 1976: 146]. Употреблено в контексте: «Посланныхъ же, преждевоспомянутый краль Жигимонтъ и его единомысленнии совѣтницы ни во что же вмѣнивъ, едино рече имъ» [РИБ 1891: 552]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «ранее упомянутый».

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений - 8

- 1) Бог + люб (4): боголюбивъ [РИБ 1891: 532], боголюбивымъ [РИБ 1891: 540], боголюбцы [РИБ 1891: 542], боголюбецъ [РИБ 1891: 542]
- 2) Бог + леп: боголѣпнаго [РИБ 1891: 533]
- 3) Бог + начал: богочалія [РИБ 1891: 539],
- 4) Бог + разум: богоразуміа [РИБ 1891: 529],
- 5) Бог + спас: богоспасаемыхъ [РИБ 1891: 552]

Комплекс слов с первым элементом власт-. Общее количество выявленных нами употреблений - 8

- 1) Власт + держ (6): властодержествуютъ [РИБ 1891: 525], властодержавецъ [РИБ 1891: 533], властодержавецъ [РИБ 1891: 538], властодержца, [РИБ 1891: 535], властодержца [РИБ 1891: 552], властодержцы [РИБ 1891: 551]
- 2) Власт + люб (2): властолюбцы, [РИБ 1891: 542], властолюбецъ [РИБ 1891: 542]

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Все + держ (3): Вседержителя [РИБ 1891: 525], Вседержителя [РИБ 1891: 538], Вседержителю [РИБ 1891: 538]
- 2) Все + вид (2): всевидящее [РИБ 1891: 529], всевидящее [РИБ 1891: 539]
- 3) Все + град: всеградно [РИБ 1891: 540].
- 4) Все + мир: всемірно [РИБ 1891: 540].
- 5) Все + слав: всеславнаго [РИБ 1891: 536],

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Прав + слав (4): православію [РИБ 1891: 537], православія [РИБ 1891: 555], православія [РИБ 1891: 550], православія [РИБ 1891: 547],
- 2) Прав + дел: праводѣлательное [РИБ 1891: 530]
- 3) Прав + суд: правосудный [РИБ 1891: 545].

Комплекс слов с первым элементом веле-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Веле + глас (2): велегласный [РИБ 1891: 535], велегласный [РИБ 1891: 540]
- 2) Веле + леп: велелѣпіемъ [РИБ 1891: 532]
- 3) Веле + рек: велерѣчіемъ [РИБ 1891: 551]

Комплекс слов с первым элементом закон-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Закон + (пре)струп (4): законопреступникъ [РИБ 1891: 533], законопреступникъ [РИБ 1891: 536], законопреступникъ [РИБ 1891: 537], законопреступнаго [РИБ 1891: 540]

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Зло + дея(ти): злодѣвъ [РИБ 1891: 534]
- 2) Зло + серд: злосердіемъ [РИБ 1891: 544]
- 3) Зло + совет: злосовѣтникъ [РИБ 1891: 534]
- 4) Зло + чест: злочестивно [РИБ 1891: 537]

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Мног + глагол: многоглавоушаго [РИБ 1891: 554].
- 2) Мног + лик: многоличнымъ [РИБ 1891: 551],
- 3) Мног + образ: многообразное [РИБ 1891: 542],
- 4) Мног + тысяч: многотысящное [РИБ 1891: 546]

Комплекс слов с первым элементом присн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Присн + дев (2): Приснодѣвы [РИБ 1891: 528], Приснодѣву [РИБ 1891: 544]
- 2) Присн + глагол: присноглаголемый [РИБ 1891: 544]
- 3) Присн + (вос)пе(ти): присновоспѣваемаго [РИБ 1891: 525].

Комплекс слов с первым элементом род-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Род + начал (4): родоначальника [РИБ 1891: 528], родоначальника [РИБ 1891: 525 – 526], родоначальника [РИБ 1891: 529], родоначаліе [РИБ 1891: 531]

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

1) Человек + люб (4): человеклюбія [РИБ 1891: 531], человеклюбный [РИБ 1891: 532], человеклюбецъ [РИБ 1891: 543], человеклюбіемъ [РИБ 1891: 544]

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Люб + мудр (2): любомудрія [РИБ 1891:550], любомудрію [РИБ 1891:551]
- 2) Люб + чест: любочестію [РИБ 1891:538]

Комплекс слов с первым элементом мал-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Мал + душ: малодушствующа [РИБ 1891: 545],
- 2) Мал + ум: малоумныхъ [РИБ 1891: 545]

Комплекс слов с первым элементом мил-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Мил + серд (2): умилосердися [РИБ 1891: 527], милосердіа [РИБ 1891: 531]

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Нов + (из)бра(ти): новоизбранный [РИБ 1891: 542]
- 2) Нов + (про)свещ: новопросвѣщенныя [РИБ 1891: 540],

Комплекс слов с первым элементом против-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) (Со)против + рек: сопротиворѣчіе [РИБ 1891: 527]
- 2) (Со)против + слов: сопротивословесіе [РИБ 1891: 527]

Вне групп (29)

Выявлено 176 сложных слов.

«Предисловіе и слововѣщанія почитателемъ, имуща нѣчто къ родителемъ о
воспитаніи чадъ»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 29

1) Благ + разум (6): благоразумная [ЛЗАК 1907: 35], благоразумія [ЛЗАК 1907: 35], благоразумѣющему [ЛЗАК 1907: 35], благоразумнѣйши [ЛЗАК 1907: 37], благоразуміе. [ЛЗАК 1907: 36], благоразуміе. [ЛЗАК 1907: 36],

2) Благ + дар (5): благодаря [ЛЗАК 1907: 37], благодаря [ЛЗАК 1907: 37], благодаря [ЛЗАК 1907: 37], безблагодареніе [ЛЗАК 1907: 37], благодарни [ЛЗАК 1907: 36],

3) Благ + чест (5): благочестіи [ЛЗАК 1907: 34] и неблагочестивых [ЛЗАК 1907: 35], благочестія [ЛЗАК 1907: 37], благочестивыя [ЛЗАК 1907: 37], благочестиемъ [ЛЗАК 1907: 36],

4) Благ + вер (2): благовѣрнымъ [ЛЗАК 1907: 34], благовѣрія [ЛЗАК 1907: 35],

5) Благ + дея(ти) (2): облагодѣтельствовани [ЛЗАК 1907: 36], облагодѣтелей [ЛЗАК 1907: 36],

6) Благ + искуc (2): благоискуcтва [ЛЗАК 1907: 36], благоискуcсныхъ [ЛЗАК 1907: 36]. Образовано от «искуcство» – «1. Умение, знаніе, искуcство. 2. Опыт; способ к узнаванію чего–л., эксперимент». [СлРЯ XI – XVII, 1976: 266]. Употреблено в контексте: «Тацы суть достойни царствія небеснаго, таковіи суть достойни бытіи друзи і земнымъ владыкамъ: идѣже будетъ сокровище ихъ благоразсужденное, тамо и сердце ихъ не благоискуcтва» [ЛЗАК 1907: 36]. Исходя из фрагмента, общее значеніе слова можно определить как *«доброе знаніе, умение, искуcство»

7) Благ + вест: благовѣстіи [ЛЗАК 1907: 37],

8) Благ + леп: благолѣпно [ЛЗАК 1907: 36],

9) Благ + (по)луч: благополучнѣ [ЛЗАК 1907: 37],

10) Благ + слыш: благослышанія [ЛЗАК 1907: 33]. Образовано от «слышание» – «1. Одно из пяти внешних чувств, дающее возможность воспринимать звуки; слух. 2. То, что слышно, звуки, издаваемые кем, чем–л. 3. Весть, известие (о чем–л.). 4. Послушание; повиновение, покорность. 5. Слышаниемъ, в знач. нареч. Понаслышке» [СлРЯ XI – XVII, 2000: 147]. Употреблено в контексте: «Да услышите убо глаголаша мною, отцы и братіа, не сана ради глаголющаго, но благослышанія ради сия восписую воспоминающаго раба онога скрившаго господьскій талантъ и прібыли имъ не сотвориша» [ЛЗАК 1907: 34]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«известие о хорошем, добром».

- 11) Благ + суд: благоразсужденное [ЛЗАК 1907: 36],
- 12) Благ + учи(ти): благоученія [ЛЗАК 1907: 36],
- 13) Благ + чад: благочадія [ЛЗАК 1907: 34],

Комплекс слов с первым элементом добр-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Добр + дея(ти) (7): добродѣтель [ЛЗАК 1907: 34], добродѣтель [ЛЗАК 1907: 34], добродѣтель [ЛЗАК 1907: 34], добродѣтельны [ЛЗАК 1907: 35], добродѣтелию [ЛЗАК 1907: 35], добродѣтель [ЛЗАК 1907: 35], добродѣтели [ЛЗАК 1907: 36],
- 2) Добр + писа(ти): доброписаніи [ЛЗАК 1907: 34],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Бог + слов (2): Богословцы [ЛЗАК 1907: 33], Богословъ [ЛЗАК 1907: 34],
- 2) Бог + дух: боговдухновенно [ЛЗАК 1907: 33],
- 3) Бог + начал: Богоначаліи [ЛЗАК 1907: 33],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Един + мысл (2): единомысленныхъ [ЛЗАК 1907: 34], единомышленный [ЛЗАК 1907: 35],
- 2) Един + равн: единоравно [ЛЗАК 1907: 34],

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Прав + слав (2): православною [ЛЗАК 1907: 33], православными [ЛЗАК 1907: 33],
- 2) Прав + вер: правоверия [ЛЗАК 1907: 34],

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Пред + леж: предлежить. [ЛЗАК 1907: 37],
- 2) Пред + слов: предисловие [ЛЗАК 1907: 33],
- 3) Пред + став: представимъ [ЛЗАК 1907: 35],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Люб + дея(ти): любодѣянiемъ [ЛЗАК 1907: 37],
- 2) Люб + мудр: любомудрiемъ [ЛЗАК 1907: 35],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Мног + (раз)лик: многоразличными [ЛЗАК 1907: 37],
- 2) Мног + струп: многострупный [ЛЗАК 1907: 37].

Вне групп (7)

Выявлено 61 сложное слово

Къ Читателю

Комплекс слов с первым элементом лже-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Лже + еретик: Лжееретичества [ЛЗАК 1907: 39].
- 2) Лже + (из)мен: лжеизмѣнныхъ [ЛЗАК 1907: 39].
- 3) 3-х корневое образование: лжезлоизмѣннаго [ЛЗАК 1907: 39].

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Люб + душ: Любодушенный [ЛЗАК 1907: 38].
- 2) Люб + мудр: любомудрыхъ [ЛЗАК 1907: 38],
- 3) Люб + прен(ие): любопрѣнію [ЛЗАК 1907: 38].

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Благ + дея(ти): благодѣянію [ЛЗАК 1907: 39],
- 2) Благ + душ: благодушныхъ [ЛЗАК 1907: 39]

Вне групп (3)

Выявлено 11 сложных слов.

«Повѣсть слезная о Листрискомъ»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 34.

- 1) Благ + слов (6): благословенія [ЛЗАК 1907: 85], благословение [ЛЗАК 1907: 85], благословенія [ЛЗАК 1907: 84], благословеніе [ЛЗАК 1907: 86], благословивъ [ЛЗАК 1907: 86], благословеніе [ЛЗАК 1907: 95],
- 2) Благ + вест (5): благовѣствованія [ЛЗАК 1907: 94], благовѣствование [ЛЗАК 1907: 94], благовѣститъ [ЛЗАК 1907: 94], благовѣститъ [ЛЗАК 1907: 94], благовѣстихомъ [ЛЗАК 1907: 94],
- 3) Благ + чест (5): благочестивый [ЛЗАК 1907: 81], благочестивыхъ [ЛЗАК 1907: 83], благочестивыя [ЛЗАК 1907: 103], Благочестива [ЛЗАК 1907: 85], неблагочестныя [ЛЗАК 1907: 81],
- 4) Благ + леп (4): благолѣпнѣ [ЛЗАК 1907: 103], благолѣпіе [ЛЗАК 1907: 104], благолѣпному [ЛЗАК 1907: 104], Благолѣпному [ЛЗАК 1907: 87],
- 5) Благ + да(ти) (3): благодатию [ЛЗАК 1907: 94], Благодатью [ЛЗАК 1907: 94], неблагодательномъ [ЛЗАК 1907: 81],
- 6) Благ + образ (2): Благообразнѣ [ЛЗАК 1907: 99], неблагообразнымъ [ЛЗАК 1907: 87],
- 7) Благ + дар: благодаровитно [ЛЗАК 1907: 86],
- 8) Благ + ден: благоденьствие [ЛЗАК 1907: 102],
- 9) Благ + дея(ти): благоддѣяніе [ЛЗАК 1907: 103],
- 10) Благ + искус: благоискусень [ЛЗАК 1907: 84],
- 11) Благ + мысл: Благомысленыхъ [ЛЗАК 1907: 95],
- 12) Благ + раствор: неблагорастворенный [ЛЗАК 1907: 81],
- 13) Благ + разум: Благоразумиемъ [ЛЗАК 1907: 95]
- 14) Благ + род: благородныя [ЛЗАК 1907: 81],
- 15) Благ + хот: благохотнымъ [ЛЗАК 1907: 102],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 12

- 1) Бог + слов (7): богословіи [ЛЗАК 1907: 88]. Богослова [ЛЗАК 1907: 97]. богословцовъ [ЛЗАК 1907: 99]. богословныхъ [ЛЗАК 1907: 94]. богословия [ЛЗАК 1907: 94], богослова [ЛЗАК 1907: 100], Богослова [ЛЗАК 1907: 100].
- 2) Бог + глас (2): богогласный [ЛЗАК 1907: 82], богогласный [ЛЗАК 1907: 99]
- 3) Бог + леп: боголѣпными, [ЛЗАК 1907: 102].
- 4) Бог + нос(ити): богоносныхъ [ЛЗАК 1907: 85].
- 5) Бог + отец: богоотець [ЛЗАК 1907: 82],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Един + глас (5): единогласень [ЛЗАК 1907: 84]; единогласно [ЛЗАК 1907: 95]; единогласно [ЛЗАК 1907: 101]; единосогласие, [ЛЗАК 1907: 101]; единосогласномъ [ЛЗАК 1907: 102];
- 2) Един + вер: единовѣрнаго [ЛЗАК 1907: 83];
- 3) Един + род: едиnorodне [ЛЗАК 1907: 97];
- 4) Един + сущ: іединосущень [ЛЗАК 1907: 92].

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Мног + (раз)лич (2): многоразличными [ЛЗАК 1907: 81], многоразличными [ЛЗАК 1907: 81],
- 2) Мног + грех: многогрѣшнымъ [ЛЗАК 1907: 81],
- 3) Мног + плем: многоплеменное [ЛЗАК 1907: 81,]
- 4) Мног + спор: многоспорное [ЛЗАК 1907: 100].
- 5) Мног + хитр: многохитрымъ [ЛЗАК 1907: 86],
- 6) Мног + част: Многочастіе [ЛЗАК 1907: 104].

- 7) Мног + человек: многочеловѣчныя [ЛЗАК 1907: 84],

Комплекс слов с первым элементом Пред/Прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Пред/Прежд + лож/лаг (4): предложная [ЛЗАК 1907: 87]; предложиша [ЛЗАК 1907: 89]; предложиша [ЛЗАК 1907: 90]; предложиша [ЛЗАК 1907: 90]; предложиша [ЛЗАК 1907: 90]; предложиша [ЛЗАК 1907: 91]; предлагати» [ЛЗАК 1907: 95]
- 2) Пред/Прежд + леж: предлежить [ЛЗАК 1907: 95];
- 3) Пред/Прежд + рек: предрѣкохомъ. [ЛЗАК 1907: 94];
- 4) Пред/Прежд + слов: предисловіи [ЛЗАК 1907: 83];

Комплекс слов с первым элементом цар-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Цар + град (6): цареградскаго [ЛЗАК 1907: 81]; цареградскій, [ЛЗАК 1907: 83]; Цареграду [ЛЗАК 1907: 84]; Царюграду [ЛЗАК 1907: 85]; цареградскаго [ЛЗАК 1907: 85]; Царяграда [ЛЗАК 1907: 85];

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Сам + хот (2): самохотному [ЛЗАК 1907: 87], самохотнымъ [ЛЗАК 1907: 99],
- 2) Сам + власт: самовластіе [ЛЗАК 1907: 82],
- 3) Сам + вол: самовольнымъ [ЛЗАК 1907: 82],
- 4) Сам + мысл: «самомысленнѣ» [ЛЗАК 1907: 82] образовано от «само» + «мысленный» – «1. Не доступный чувственному восприятию, постигаемый умом; умозрительный, воображаемый. 2. Относящийся к мыслям, душе; умственный, духовный. 3. В знач. сущ. Мысленное, с. и Мысленная, мн. Рассуждение, размышление; способность суждения; разум»

[СлРЯ XI – XVII, 1982: 331 – 332]. Употреблено в контексте: «Гордую и высительную свою мысль вознесе, самовластие недуговавъ і свое хотѣніе дѣйствуя і строя самомысленнѣ, нелѣняся, мнозѣмъ убо нехотящимъ сего; видя нравъ ихъ, нехотяще во странахъ западныхъ собора сотвораті, но въ восточныхъ странахъ и предѣлѣхъ, якоже прежь бысть» [ЛЗАК 1907: 82]. Исходя из фрагмента, значение слова можно определить как *«Тот, что основан на мыслях, замыслах, планах лица, от которого исходит действие»

Комплекс слов с первым элементом выс-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Высок + мер: «Высокомѣрительны» [ЛЗАК 1907: 103]
- 2) Высок + песн: Высокопесенныхъ [ЛЗАК 1907: 103]
- 3) Высок + ум: высокоумную [ЛЗАК 1907: 104].

Комплекс слов с первым элементом слав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Слав + слов (2): славословіи [ЛЗАК 1907: 105]; славословимый [ЛЗАК 1907: 106];

Вне групп (25)

Выявлено 110 сложных слов.

Общая сумма по проанализированным текстам: 358

Языковая личность С.И. Шаховского

«Повѣсть извѣстно сказуема на память великомученика...Димитрія»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 13

- 1) Благ + вер (2): благовѣрнаго [РИБ 1891: 837], благовѣрный [РИБ 1891: 853],
- 2) Благ + дар (2): благодаряху [РИБ 1891: 840], неблагодарный [РИБ 1891: 858],
- 3) Благ + да(ти): благодать [РИБ 1891: 846], благодати [РИБ 1891: 847],
- 4) Благ + род (2): благородствѣ [РИБ 1891: 849], благородія [РИБ 1891: 854],
- 5) Благ + чест (2): благочестивую [РИБ 1891: 852], благочестивый [РИБ 1891: 852],
- 6) Благ + вол: благоволеніемъ [РИБ 1891: 845],
- 7) Благ + слов: благослови, [РИБ 1891: 837],
- 8) Благ + чин: благочиніемъ [РИБ 1891: 842],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Мног + брак: многобрачное [РИБ 1891: 847],
- 2) Мног + жела(ти): многожелаемаго [РИБ 1891: 858],
- 3) Мног + разум: многоразумна [РИБ 1891: 846],
- 4) Мног + слав: многославному [РИБ 1891: 847],
- 5) Мног + слов: многословія [РИБ 1891: 842],
- 6) Мног + стран: многопространной [РИБ 1891: 858],
- 7) Мног + разум: многоразсудный [РИБ 1891: 857],
- 8) Мног + цен: многоцѣнный [РИБ 1891: 857],

Комплекс слов с первым элементом пред-/прежде -. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Пред-/прежде + лаг/лож (4): предложу [РИБ 1891: 847], предложу [РИБ 1891: 847], предлагати [РИБ 1891: 856], предложити [РИБ 1891: 858],
- 2) Пред-/прежде + пагуб: преждепагубному [РИБ 1891: 857 – 858]
- 3) Пред-/прежде + рек: предиреченному [РИБ 1891: 850],
- 4) Пред-/прежде + ста(ти): представить, [РИБ 1891: 853],

Комплекс слов с первым элементом велик-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Велик + муч (2): великомученика [РИБ 1891: 837], великомученикъ [РИБ 1891: 846],
- 2) Велик + власт: великовластнаго [РИБ 1891: 854]
- 3) Велик + (пре)стол: великопрестолныхъ [РИБ 1891: 850],
- 4) 3-х корневое образование: великотезоименитому [РИБ 1891: 847],

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Сам + держ (3): самодержцу [РИБ 1891: 847], самодержцу [РИБ 1891: 850], самодержца [РИБ 1891: 854],
- 2) Сам + власт: самовластную [РИБ 1891: 857],

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Человек + люб (2): челоуѣколюбнѣй [РИБ 1891: 847], челоуѣколюбіе [РИБ 1891: 856],

2) Человек + уби(ти) (2): челоуѣкоубійца [РИБ 1891: 852],
челоуѣкоубійца [РИБ 1891: 852],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 3

- 1) Бог + (нена)висть: богоненавистнаго [РИБ 1891: 851],
- 2) Бог + люб: боголюбивый [РИБ 1891: 850],
- 3) Бог + рос/рас: богорасленныя [РИБ 1891: 839],

Комплекс слов с первым элементом добр-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 2

1) Добр + дея(ти) (2): добродѣтельныя [РИБ 1891: 843],
добродѣтелию [РИБ 1891: 849]

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 2

- 1) Един + глас: единоголасно [РИБ 1891: 854],
- 2) Един + род: единородная [РИБ 1891: 847],

Комплекс слов с первым элементом хитр-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 2

1) Хитр + слов (2): хитрословити [РИБ 1891: 846], хитрословіемъ
[РИБ 1891: 846],

Вне групп (30)

Выявлено 80 сложных слов.

«Повѣсть о нѣком мнѣсѣ»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 24

- 1) Благ + чест (7): благочестию [РИБ 1891: 865], благочестія [РИБ 1891: 869], благочестивъ. [РИБ 1891: 870], благочестиво . [РИБ 1891: 871], благочестивый [РИБ 1891: 871], благочестива [РИБ 1891: 872] благочестивыхъ [РИБ 1891: 872],
- 2) Благ + вер (4): благовѣрія [РИБ 1891: 861], благовѣрному [РИБ 1891: 872], благовѣрный [РИБ 1891: 872], благовѣрному [РИБ 1891: 875],
- 3) Благ + род (3): благородну [РИБ 1891: 861], благородствомъ [РИБ 1891: 871], благородный [РИБ 1891: 873],
- 4) Благ + дар (2): благодарнаго [РИБ 1891: 860], неблагодарнаго [РИБ 1891: 860],
- 5) Благ + вол: благоволить [РИБ 1891: 863],
- 6) Благ + вон: благовонна [РИБ 1891: 868],
- 7) Благ + (у)годи(ти): благоугодна [РИБ 1891: 869],
- 8) Благ + да(ти): благодати [РИБ 1891: 873],
- 9) Благ + разум: благоразумно [РИБ 1891: 869],
- 10) Благ + слов: благослови [РИБ 1891: 865],
- 11) Благ + тих: благодатишно [РИБ 1891: 876],
- 12) Благ + уха(ти): благоуханіе [РИБ 1891: 868],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 11

- 1) Мног + (со)бра(ти): многособранное [РИБ 1891: 864],
- 2) Мног + велик: многовеличественное [РИБ 1891: 861],
- 3) Мног + врем: многовременной [РИБ 1891: 874],
- 4) Мног + люд: многолюдную [РИБ 1891: 860],
- 5) Мног + мятеж: многомятежномъ [РИБ 1891: 872],

- 6) Мног + (на)род: многонародному [РИБ 1891: 874]
- 7) Мног + (со)ста(ти): многосоставному [РИБ 1891: 872],
- 8) Мног + (про)стран: многопространное [РИБ 1891: 871],
- 9) Мног + (раз)суд: многоразсудна [РИБ 1891: 871],
- 10) Мног + цвет: многоцвѣтущая [РИБ 1891: 872],
- 11) Мног + цен: многоцѣнное [РИБ 1891: 873],

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Пред/прежд- + рек (4): предиреченный [РИБ 1891: 862], предиреченный [РИБ 1891: 870], предиреченный [РИБ 1891: 870], предиреченнаго [РИБ 1891: 872],
- 2) Пред/прежд- + ста(ти) (2): представи [РИБ 1891: 871], предстаеть [РИБ 1891: 873],
- 3) Пред/прежд- + бы(ти): преждебывшаго [РИБ 1891: 865],
- 4) Пред/прежд- + леж: предлежить [РИБ 1891: 868],
- 5) Пред/прежд- + (у)мерт: преждеумершихъ [РИБ 1891: 871],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Бог + мерз (2): богомерское [РИБ 1891: 863], богомерскій [РИБ 1891: 866],
- 2) Бог + вер: боговѣрнымъ [РИБ 1891: 874],
- 3) Бог + (нена)вист: богоненавистную [РИБ 1891: 865];
- 4) Бог + рас/рос: богорасленная [РИБ 1891: 874],
- 5) Бог + отец: богоотца [РИБ 1891: 867],
- 6) Бог + (от)ступ: богоотступникъ [РИБ 1891: 866],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Все + народ (3): всенародное [РИБ 1891: 866], всенародно [РИБ 1891: 871], всенародное [РИБ 1891: 873],
- 2) Все + вид: всевидящее [РИБ 1891: 867],
- 3) Все + скот: всескотно [РИБ 1891: 871],
- 4) Все + щедр: Всещедрый [РИБ 1891: 872],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Един + мысл (2): единомысленныхъ [РИБ 1891: 860], единомысленна [РИБ 1891: 865],
- 2) Един + глас: единоголасный [РИБ 1891: 865],
- 3) Един + гнезд: единогогнѣздица [РИБ 1891: 868],
- 4) Един + кров: единокровень [РИБ 1891: 872],
- 5) Един + род: единородну [РИБ 1891: 862],

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Зло + козн (2): злокозненнаго [РИБ 1891: 861], злокозненнаго [РИБ 1891: 864],
- 2) Зло + лют: злолютыя [РИБ 1891: 871]
- 3) Зло + хищ: злохищный [РИБ 1891: 861],

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Прав + слав (3): православную [РИБ 1891: 864], православныя [РИБ 1891: 865], православную [РИБ 1891: 866],
- 2) Прав + вер: правовѣрную [РИБ 1891: 866],

Комплекс слов с первым элементом веле-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Веле + бур(н): велебурное [РИБ 1891: 872],
- 2) Веле + леп: велелѣпное [РИБ 1891: 874],
- 3) Веле + слав: велеславныхъ [РИБ 1891: 861],

Комплекс слов с первым элементом ино-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Ино + плем (2): иноплеменнича, [РИБ 1891: 871], иноплеменныхъ, [РИБ 1891: 875],
- 2) Ино + вер: иноверною [РИБ 1891: 865],

Комплекс слов с первым элементом велик-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Велик + слав: великославныхъ [РИБ 1891: 861],
- 2) Велик + (пре)стол: великопрестолнымъ [РИБ 1891: 861],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Люб + дея(ти): прелюбодей [РИБ 1891: 865],
- 2) Люб + мудр: любомудрецы [РИБ 1891: 871],

Комплекс слов с первым элементом перв-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Перв + (пре)стол: первопрестолнаго [РИБ 1891: 865],
- 2) Перв + страда(ти): первострадалнаго Авеля. [РИБ 1891: 874],

Вне групп (19)

Выявлено 105 сложных слов.

Письма

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 12

- 1) Благ + дар (3): благодариль [ВИМОИДР 1851: 5], благодарю [ВИМОИДР 1851: 5], благодарю [ВИМОИДР 1851: 7],
- 2) Благ + да(ти) (2): благодавца [ВИМОИДР 1851: 5], благодавець [ВИМОИДР 1851: 7],
- 3) Благ + нрав (2): благонравію [ВИМОИДР 1851: 5], благонравіє [ВИМОИДР 1851: 7],
- 4) Благ + разум (2): благоразумію [ВИМОИДР 1851: 5], благоразумномъ [ВИМОИДР 1851: 5],
- 5) Благ + (пре)бы(ти): благопребываніи [ВИМОИДР 1851: 8],
- 6) Благ + дея(ти): Благодетелю [ВИМОИДР 1851: 5],
- 7) Благ + искус: благоискусными [ВИМОИДР 1851: 5],
- 8) Благ + (по)треб: благопотребному [ВИМОИДР 1851: 5],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Бог + мерз: богомерзская [ВИМОИДР 1851: 6],
- 2) Бог + мол: богомолною [ВИМОИДР 1851: 8],
- 3) Бог + против: богопротивный [ВИМОИДР 1851: 6],

Комплекс слов с первым элементом брат-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Брат + люб (2): Братолюбному [ВИМОИДР 1851: 5], братолюбія [ВИМОИДР 1851:5],
- 2) Брат + (нена)вид: братоненавиденіє [ВИМОИДР 1851: 6],

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Сам + (из)вол: самоизвольно [ВИМОИДР 1851: 7],
- 2) Сам + хот: самохотию [ВИМОИДР 1851: 7],

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Человек + люб (2): человеклюбно [ВИМОИДР 1851: 5],
человеколюбцу [ВИМОИДР 1851: 6],

Вне групп (17)

Выявлено 39 сложных слов.

Общая сумма по проанализированным текстам: 224

Языковая личность дьяка Третьяка Васильева

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 19

1) Благ + да(ти) (8): благоподателя [ВИМОИДР 1851: 9], благодателю [ВИМОИДР 1851: 14], благодателя [ВИМОИДР 1851: 15], благодателю [ВИМОИДР 1851: 16], благодателю [ВИМОИДР 1851: 16], благодателя [ВИМОИДР 1851: 19], благодателя [ВИМОИДР 1851: 21], благодателю [ВИМОИДР 1851: 24],

2) Благ + слов (5): Преблагословенныя [ВИМОИДР 1851: 11], благословеніе [ВИМОИДР 1851: 18], благословеніемъ [ВИМОИДР 1851: 18], благословить. [ВИМОИДР 1851: 18], благослови [ВИМОИДР 1851: 20],

3) Благ + де(яти) (3): благодетеля [ВИМОИДР 1851: 16], благодетеля [ВИМОИДР 1851: 17], благодѣтель [ВИМОИДР 1851: 20],

4) Благ + разум (2): благоразуміе [ВИМОИДР 1851: 14], благоразуміе [ВИМОИДР 1851: 15],

5) Благ + чест: благочестіи[ВИМОИДР 1851: 15]

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Нов + (при)иск (2): новопріискныхъ [ВИМОИДР 1851: 26], новопріискныхъ [ВИМОИДР 1851: 27]

2) Нов + крест(щ): новокрещеномъ[ВИМОИДР 1851: 26],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

1) Все + душ: вседушно [ВИМОИДР 1851: 19]

2) Все + сил: всесилаго [ВИМОИДР 1851: 15],

Комплекс слов с первым элементом друг/друж-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Друг/друж- + люб (2): дружелюбство [ВИМОИДР 1851: 24], дружелюбія [ВИМОИДР 1851: 25],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Люб + вещ: любовѣщна [ВИМОИДР 1851: 20]
- 2) Люб + (пре)мудр: любопремудраго [ВИМОИДР 1851: 19],

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Пред/прежд + стоя(ти) (2): предстоятелю [ВИМОИДР 1851: 11], предстоящихъ [ВИМОИДР 1851: 21]

Вне групп (4)

Выявлено 34 сложных слова.

Комплекс слов с первым элементом сам-. Общее количество выявленных нами употреблений – 61

1) Сам + писа(ти) (6): самописщихъ [РИБ 1891: 353], самописщая [РИБ 1891: 356], самописчій [РИБ 1891: 394], самописчій [РИБ 1891: 420], самописчиємъ [РИБ 1891: 452], самописенми [РИБ 1891: 453] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Первый корень, согласно «Словарю русского языка XI – XVII», имеет следующие значения. «1. Тот, о ком идет речь, в отличие от всех остальных, всего остального. 2. Сам, без чьего-либо вмешательства или помощи. 3. Представленный собственной персоной. 4. При существительных, называющих определенный день, обозначает «как раз тот», «в точности тот», «совпадающий с названием, лежащий в пределах», и имеет усилительно-ограничительное выделительное значение. 5. При существительных, обозначающих место (в предложных конструкциях), указывает на максимальное приближение действия к границам названного места. 6. Один (только)» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 27]. Многозначность первого компонента осложняется неоднозначной интерпретацией внешней формы второй языковой единицы. «Словарь русского языка XI – XVII» фиксирует два случая. Один из них слово «писаный»: «1. Написанный, 2. Записанный, включенный в список чего-либо. 3. Писчий, предназначенный для письма. 4. Расписной, раскрашенный (кистью)» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 51]. Можно, конечно, предположить, (без учета акцентной парадигмы), что для автора фонетически заударное «а» ([ъ]) совпало с таковой у «э» ([ь]), и, по неясным пока причинам, носителю языка определить написание по критерию «твердости/мягкости» не удалось. Второй случай связан со словом «письменный» – «1. Написанный, записанный; существующий в письменном виде. 2. В знач. сущ. Письменное, с. То, что написано. 3. Рукописный. 4. Внесенный в переписные книги или в списки, перечни иного характера. 5. Относящийся к процессу письма» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 56 – 57]. Тогда

рассматриваемый компонент сложного слова может быть диалектным вариантом. Вместе с тем существует и третий случай интерпретации этого слова, которого мы и придерживаемся. «*Słownik polszczyzny XVI wieku*» регистрирует слово «*pisemny*» – «Przedstawiony na piśmie, spisany» [Słownik , 1996: 277]. И семантически, и формально (изменение могло быть за счет метатезы) обнаруживается сходство, тем более что для первой половины XVII века влияние и заимствование из польского языка, как показал анализ текстов князей-публицистов, неоспоримо. Тогда «*самописенми*» образовано от «сам» + «писенми» ← «*pisemny/письменный*» ← «*pisać/писать*». Употребленно в контексте: «*Таковое же въ самый плъненія моего часъ написаніе въ хартіяхъ вписася къ инославныхъ о насъ клятвамъ нѣкимъ, ему же имя благодати, самописенми же по чину послуженіемъ руки его отъ бѣловиднаго и преосвещенна верха и первымъ по немъ на се повелѣнь*» [РИБ, 1891: 453]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«*тот, который участвовал в процессе письма без чьего-либо вмешательства или помощи*».

2) Сам + держ (4): самодержавніи [РИБ 1891: 261], самодержавная [РИБ 1891: 269], самодержца [РИБ 1891: 269], самодержавніи [РИБ 1891: 284],

3) Сам + бра(ти) (3): самообратному [РИБ 1891: 281], самообратная [РИБ 1891: 353], самоизбранна [РИБ 1891: 389] - нет формы в СлРЯ XI – XVII. самоизбранна [РИБ, 1891: 389]. Образовано, вероятно, от сам + избранна (избранный) – «1. Отборный, лучший. 2. Принадлежащий к избранному кругу, особо ценимый отличаемый. 3. Выбранный. 4. В знач. сущ. Избранный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1979: 102]. Употребленно в контексте: «*Во время же послѣднее днешнихъ временъ Шуйского, порекла Василя, самоизбранна глаголема всеа Русіи царя*» [РИБ, 1891: 389]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«*тот, кто стал избранным по своей воле*».

4) Сам + вид (3): самосвидѣтелнѣ [РИБ 1891: 308], самовиденѣ [РИБ 1891: 311], самовидцы [РИБ 1891: 448],

5) Сам + вол (3): самоизвольную [РИБ 1891: 277], самоволнеи [РИБ 1891: 417], самоизволне [РИБ 1891: 337],

6) Сам + власт (2): самовластенъ [РИБ 1891: 261], самовластіємъ [РИБ 1891: 341],

7) Сам + господ (2): самогосподствено [РИБ 1891: 451], самогосподствія [РИБ 1891: 444] – Образовано от «сам» + господствие (= господство) – «1. Господство, владычество, власть. 2. Владение, государство, власть. 3. Собир. То же, что и господа. 4. Один из чинов ангельской иерархии» [Сл.РЯ XI – XVII, 1977: 102 – 103]. Употребленно в контексте: «Великодержавный же, яже искони быша своеземная и особъ владычества и самогосподствія,—въ нихъ же суть иже и уе бывшая върою отъ двора сего пресилныя Агарянска царствія, и за лѣта, многа владыки и самодержавными нашими бѣша обладани» [РИБ, 1891: 444]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«одиночное владение государством»

8) Сам + двиг/движ (2): самодвижни [РИБ 1891: 397], самоподвиженіємъ [РИБ 1891: 264] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «подвижение» - «1. Движение, изменение. 2. Стремление, душевное движение, побуждение. 3. Рвение, усердие» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 231]. Употребленно в контексте: «средолѣтнїи же бяху міролюбни и славолюбии, якоже и предиреченнїи, и ко властемъ обои о неправдахъ самоподвиженіємъ утреневаху присно» [РИБ, 1891: 264]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«движение к чему-л. По своей воле»

9) Сам + (раз)же(чь) (2): саморазжено [РИБ 1891: 274], саморазжено [РИБ 1891: 274],

10) Сам + люб (2): самолюбное [РИБ 1891: 379], самолюбець [РИБ 1891: 395],

11) Сам + мудр (2): самомудрыхъ [РИБ 1891: 394], самопремудрымъ [РИБ 1891: 394] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «(пре)мудрый» - «1. Мудрый, обладающий чрезвычайной мудростью. 2. В знач. сущ. Премудрый, м. Мудрец. 3. В знач. сущ. Премудрая, мн. Мудрость. 4. Проникнутый глубокой мудростью. 5. Созерцательный, умозрительный. 6. Много знающий, ученый. 7. Обладающий высоким мастерством, умением, искусный. 8. Мастерски, искусно

сделанный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 286 – 287]. Употребленно в контексте: *«еже мышляше въ себе богопротивно нѣкое, яко и прежде, но Богъ величанію рогъ сламля и запивая всяко самопремудрымъ въ коварстве ихъ»* [РИБ, 1891: 394]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«тот, кто искусен в чем-л. ради себя самого».

12) Сам + хот (2): самохотію [РИБ 1891: 272], самохотѣнно [РИБ 1891: 311],

13) Сам + цар (2): самоцарь [РИБ 1891: 351], самоцарюющему [РИБ 1891: 297] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «царюющий» ← царствовать – *«царствовать, править царствомъ»* [Срезневский, 1912: 1434]. Употребленно в контексте: *«Таковъ иже предреченый убійца онъ царствія державы мощень бѣ, яко самоцарюющему тогда не восхотѣ встѣхъ въ волю вдатися»* [РИБ, 1891: 297]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«тот, кто правит царством сам».

14) Сам + шеств(ие) (2): самошественнѣ [РИБ 1891: 281], самопришествена [РИБ 1891: 302],

15) Сам + вкус: самовкусныхъ [РИБ 1891: 445] – нет формы в СлРЯ XI – XVII, Образовано от «сам» + вкусный – *«1. Вкусовой. 2. Вкусный»*. Употреблено в контексте: *«Чювствомъ же оны предпомянутыя великія оба грады съ предѣлы встѣми, яже ми, другъ друга между себе бывшихъ имъ отъ противныхъ самовкусныхъ ими язвъ пріятіемъ болѣзни бяху несвѣдни»* [РИБ, 1891: 445]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«тот, кто обладает своим собственным вкусом».

16) Сам + венец: самовѣнчника [РИБ 1891: 390],

17) Сам + гряд(ущ): самогряduщая [РИБ 1891: 313],

18) Сам + дея(ти): самодѣйственнѣ [РИБ 1891: 285],

19) Сам + жела(ти): саможелатели [РИБ 1891: 431] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + желатель – *«тот, кто (заинтересованно, благосклонно) желает чего-л.»* [Сл.РЯ XI – XVII, 1978: 80]. Употреблено в контексте: *«Но саможелатели царствія, иже сего злосроднии сродишцы, сами*

отлomiшася естественя маслины, желаннаго ни онгъм даша, ниже намъ того зависть оставиша» [РИБ, 1891: 431]. Исходя из фрагмента, общее значение слова можно определить как *«тот, кто желает чего-л. Для себя самого, однолично»

20) Сам + живот: саможивотное [РИБ 1891: 405],

21) Сам + закон: самозаконное [РИБ 1891: 345],

22) Сам + зва(ти): самозванныхъ [РИБ 1891: 298],

23) Сам + искус: самоискуснѣ [РИБ 1891: 356],

24) Сам + мни(ти): самомнимыхъ [РИБ 1891: 359],

25) Сам + (без)начал: самобезначалства [РИБ 1891: 340],

26) Сам + покор(ити): самопокорни [РИБ 1891: 261],

27) Сам + прав: самооправдани [РИБ 1891: 428] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + оправданный – «исполненный справедливости» [Сл.РЯ XI – XVII, 1987: 37]. Употреблено в контексте: *«аще они умолкоша и отъидоша въ дома своя самооправдани, мняхуся ничему познатися въ людцкомъ множествѣ отъ прикровенія словесъ отъ словесъ ихъ лжетворному»* [РИБ, 1891: 428]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «тот, кто считает свои действия и поступки справедливыми вопреки мнению других»

28) Сам + рас: самораслена [РИБ 1891: 323],

29) Сам + слаб: самослабостни [РИБ 1891: 263],

30) Сам + слух: самопослушни [РИБ 1891: 262],

31) Сам + слых: и самослышань [РИБ 1891: 311] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «слышаный», но последний компонент также отсутствует в (Сл.РЯ XI – XVII). «Слышание – 1. Одно из пяти внешних чувств, дающее возможность воспринимать звуки; слух. 2. То, что слышно, звуки, издаваемые кем-, чем-л. 3. Вестъ, известие (о чем-л.); сведения. 4. Послушание; повиновение, покорность. 5. Слышаниемъ, в знач. нареч. Понаслышке» [Сл.РЯ XI – XVII, 2000: 147]. Употреблено в контексте: *«отнюдуже прииде, неугашень имѣ въ себѣ самовиденъ и самослышанъ страхъ отъ града, егда бѣ при стѣнахъ того, а не иже ради по немъ вѣтръ гонящаго»* [РИБ, 1891: 311]. Исходя из фрагмента

общее значение можно определить как «тот, знание о котором получено самим слышашим»

32) Сам+ (со)став: самосоставному [РИБ 1891: 357],

33) Сам + (пре)стол: самопрестолному [РИБ 1891: 425] – нет формы в СлРЯ XI – XVII, образовано от «сам» + престолный» - либо относящийся к «2. Престол, трон» [Сл.РЯ XI – XVII, 1994: 56], либо связанный с «5. В христианской (православной) церкви четвероугольный стол, неподвижно установленный в центре алтаря (называемый также святой трапезой), на котором во время литургии совершается таинство евхаристии» [Сл.РЯ XI – XVII, 1994: 57], либо понимаемый как «3. Такой, в честь которого освящен данный престол, т.е. данная церковь» [Сл.РЯ XI – XVII, 1994: 58]. Употреблено в контексте: «мню, нанести всяко муку за преимуца отъ зломысленныхъ терпѣнію, паче же оного къ самопрестолному измѣнное ихъ прослуженіе» [РИБ, 1891: 425]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «тот, кто сам утвердил себя на престоле»

34) Сам + тверд: самоутверждение [РИБ 1891: 352] - нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + утверждение – «опора ... поддержка ... удостовереніе ... обѣщаніе, присяга ... безопасность ... тщательность ... подпорка, подставка» [Срезневский, 1912: 1308 – 1309]. Употреблено в контексте: «Самоутвержеше же оному, имъ же во царствіи всяко утвержашесе самъ, не успѣ никое же, ниже предпомянутое зданіе высокостолпное» [РИБ, 1891: 352]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «тот, кто сам по себе и сам для себя нашел опору и поддержку в чем-л.»

35) Сам + (с)тек: самостечни [РИБ 1891: 444], – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «стечный» - последний компонент входит в готовящиеся выпуски. «Сътеченію – скопленіе, собраніе» [Срезневский, 1912: 843]. Употреблено в контексте: «быша они самостечии на зло и всю купно православныхъ землю, усты меча и разновидными муками умучивше, погубиша и лестию всячески ю сокрушиша и всеродно на части развлекоша» [РИБ, 1891: 444].

Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «те, кто собрались сами ради чего-л.».

36) Сам + труд: самотрудне [РИБ 1891: 313],

37) Сам + ум: самоумныхъ [РИБ 1891: 423] – нет формы в СлРЯ XI – XVII. Образовано от «сам» + «умный» - последний компонент входит в готовящиеся выпуски. Ум – *«душа, совокупность духовных сил...способность мыслить и познавать, разумъ ... мысль ... разумѣніе, пониманіе ... знаніе, умѣніе ... разсудокъ ... образъ мыслей ... предначертаніе ... промысль ... причина, основаніе...»* [Срезневский, 1912: 1211 – 1213]. Употреблено в контексте: «во мнѣ сущимъ о мнящихся самоумныхъ повѣдаху яже прилучьшаяся онѣмъ на пути» [РИБ, 1891: 423]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «те, кто мыслил о выгоде из чего-л. для себя»

38) Сам + учи(ти): самоученое [РИБ 1891: 441],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 55

1) Все + род (6): всеродно [РИБ 1891: 266], всеродителнаго [РИБ 1891: 322], всеродно [РИБ 1891: 377], всеродно [РИБ 1891: 352], всенародное [РИБ 1891: 321], всенароднаго [РИБ 1891: 426],

2) Все + лукав (4): вселукавый [РИБ 1891: 360], вселукавому [РИБ 1891: 394], вселукавнѣ [РИБ 1891: 450], вселукавнѣ [РИБ 1891: 462],

3) Все + ден (3): вседневно [РИБ 1891: 436], вседневно [РИБ 1891: 456], повседневно [РИБ 1891: 456],

4) Все + дом (3): вседомно [РИБ 1891: 266], вседомно [РИБ 1891: 317], вседомовныхъ [РИБ 1891: 379],

5) Все + крас/краш (3): всекрасныя [РИБ 1891: 299], всекрасныхъ [РИБ 1891: 432], всеукрашенѣ [РИБ 1891: 371] - Образовано от «все» + «украшенѣ», но последний компонент предполагается в последующих выпусках (Сл.РЯ XI – XVII). *«зкрашати, зкрашаю – придвати красоту ... заботиться объ украшеніи...»* [Срезневский, 1912: 1187]. Употреблено в

контексте: «Богопротивно, обаче всеукрашенъ бо та въ царскихъ лѣпотяхъ, яко царица, колеснично фараоницки съ отцемъ си въ царескии градъ приведеса» [РИБ, 1891: 371]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «полностью украшенный, тот, кому придали красоту во всем».

6) Все + вед (2): Всявѣдче [РИБ 1891: 349], Всевѣдцу [РИБ 1891: 275] - образовано от «все» + «вѣдецъ» – «Знающий человек; тот, кто сведущ в чем-л.» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 46]. Употреблено в контексте: «Всевѣдцу и Смотрителю Богу скоро отщение насилующимъ сотворшу» [РИБ, 1891: 275]; «Но Господи Всявѣдче! Остави намъ безумія глаголы» [РИБ, 1891: 349]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «тот, кто владеет абсолютным знанием, знает о всём (эпитет Бога)»

7) Все + губ: всегубителство [РИБ 1891: 350], всеизгубленія [РИБ 1891: 443] - образовано от «все» + «изгубленіе» – «1. Гибель; потери; ущерб. 2. Пропажа» [Сл.РЯ XI – XVII, 1979: 144]. Употреблено в контексте: *«корабль убо сокрушаютъ, и вмѣстѣ въ немъ соборнѣ потопляется ими, и едва по рѣдкѣ отъ всеизгубленія спасаются»* [РИБ, 1891: 443]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «неминуемая гибель для кого-л., чего-л.»

8) Все + держ (2): вседержавныя [РИБ 1891: 303], вседержавныя [РИБ 1891: 361],

9) Все + корен (2): всекоренно [РИБ 1891: 467], всекоренно [РИБ 1891: 460],

10) Все + люб (2): вселюдцкому [РИБ 1891: 427], вселюдно [РИБ 1891: 422],

11) Все + свет (2): всесветлюю [РИБ 1891: 439], превсесвѣтлаго [РИБ 1891: 363] - приставочное образование, которое, тем не менее, не зафиксировано в цитируемом лексикографическом источнике. Употреблено в контексте: «Егда паче естества си совершенно одѣся преславнаго царствія превсесвѣтлаго благолѣпія порѣирою, тогда мірови о мнящихся ими

благихъ солганъ бысть надежду» [РИБ, 1891: 363]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «самый светлый, совершенно светлый во всем»

12) Все + част (2): всечаство [РИБ 1891: 343], всечаствнѣ [РИБ 1891: 416]. Слово всечаство (всечаствѣ) образовано от все + частно. Частный – «частный, отдѣльный, особенный» [Срезневский, 1912: 1479]. Употреблено в контекстах: «варвары своимъ имъ продолжемъ стоянія всечаствнѣ многу гражданомъ сотворяху пакость» [РИБ, 1891: 416]; «Симъ всечаство надымаяся, таже и отъ ласкатель ему своихъ бояръ поджизаемъ хвалою» лстивою» [РИБ, 1891: 343]. Исходя из фрагментов, общее значение можно определить как *«всеми частями»

13) Все + блуд: всеблудно [РИБ 1891: 373],

14) Все + бед: всебѣднѣ [РИБ 1891: 400]. Образовано от «все» + «бѣднѣ» – «1. Трудно, с трудом. 2. Горестно, печально» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 88]. Употреблено в контексте: «припадоша убо рѣки и возвѣяша вѣтри, храмина поколебася всебѣднѣ и житель ея падеся» [РИБ, 1891: 400]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «очень горестно, печально в высшей степени». Считаю необходимым отметить, что в тексте «Временника» приведенный отрывок дан как отсылка к Библии, а именно к евангелию от Матфея (7 глава 25 стих), но оригинале этого слова не обнаруживается.

15) Все + град: всеградное [РИБ 1891: 302],

16) Все + год: всегодишно [РИБ 1891: 433],

17) Все + гроз: Всегрозный [РИБ 1891: 448]. Образовано от «Все» + «Грозный» – «1. Строгий, суровый, грозный. 2. Вызывающий страх, ужасный. 3 Урожающий. 4. Могущественный, сильный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1977: 140]. Употреблено в контексте: «Иванъ Всегрозный, сынъ великаго князя Василія, иже временное царствіе въ конецъ жизни си единъ по единомъ, второй по первомъ, иночествомъ измѣниша обои» [РИБ, 1891:

448]. Исходя из фрагмента, где речь идет о царе, общее значение можно определить как «самый могущественный»

18) Все + добр: вседобротная [РИБ 1891: 356 – 357]. Образовано от «Все» + «добротный» - «1. Прекрасный, хороший. 2. Добродетельный. 3. Связанный с богатством, благами» [Сл.РЯ XI – XVII, 1977: 268]. Употреблено в контексте: «*во еже господская имь вседобротная изнуряти бесь и поболънѣя*» [РИБ, 1891: 356 – 357]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «все хорошее, всё благое»

19) Все + зло: всезлый [РИБ 1891: 297],

20) Все + куп: всекупно [РИБ 1891: 465]. Образовано от Все + купно – «1. Вместе, совместно. 2. Всего, в совокупности. 3. Одинаково, точно также. 4. Одновременно» [Сл.РЯ XI – XVII, 1981: 129 – 130]. Употреблено в контексте: «*Аще ли они въ прочее, не уже къ тому живемъ, но о всекупно погибели земныхъ предъ Богомъ въ будущемъ безотвѣтнѣ обрящемся отвѣтницы*» [РИБ, 1891: 465]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «одинаково для всех»

21) Все + лаг/лож: всесложеніи [РИБ 1891: 401]. Образовано от все + сложение – «1. Соединение, сложение. 2. Соединение, составление чего-л. 3. Строение, устройство. 4. Создание, сотворение; перен. Начало. 5. Существование; то, что является основой единства. 6. Связь, скрепа. 7. Соитие, совокупление. 8. Соглашение. 9. Передача греч. *ἢ καταβολή* «исполнение, осуществление». 10. Совет» [Сл.РЯ XI – XVII, 2000: 109 – 110]. Употреблено в контексте: «*испепели убо, якоже во всесложеніи многословнѣ осемь речено бысть Мое же отсюду къ преславному граду вспять возвращеніе*» [РИБ, 1891: 401]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «соединение всего из (или по причине) чего-л.»

22) Все + леп: вселѣпотнѣмь [РИБ 1891: 449]. Образовано от все + лѣпотный – «1. Прекрасный, красивый. 2. Славный, блистательный. 3. Подобающий, приличный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1981: 209]. Употреблено в контексте: «*О церковнѣмъ же вселѣпотнѣмъ благочиніи и украшеніи*

священныхъ имѣ желаніе присно и попеченіе несытно» [РИБ, 1891: 449]. Исходя из фрагмента общее значение можно определить как «всем подобающий в чем-л.»

23) Все + (пре)лест: всепрелстившеся [РИБ 1891: 296],

24) Все + мир: всемірныя [РИБ 1891: 372],

25) Все + мог: всемогій [РИБ 1891: 282],

26) Все + (из)мен: всеизмѣнно [РИБ 1891: 266]. Образовано от «все» + «изменно» - «отлично от чего-л.». [Сл.РЯ XI – XVII, 1981: 209]. Употреблено в контексте: «и на всяко зло къ злымъ прилагающе всеизмѣнно совѣтъ» [РИБ, 1891: 266]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «все изменяющее в сторону чего-л.»

27) Все + прият: всепріятелище [РИБ 1891: 416],

28) Все + рос: всеросійскіхъ [РИБ 1891: 336 – 337],

29) Все + сил: всесилнаго [РИБ 1891: 350],

30) Все + сквер: всесквернавою [РИБ 1891: 372],

31) Все + скипетр: всескипетра [РИБ 1891: 400]. Образовано от «все» + скипетр – «1. Жезл, посох как символ власти, почетного положения (ср. греч. Σκῆπτρον). 2. Власть, монархическая власть. 3. Царство, княжество; вообще подвластная область. 4. Племя, колено (в Ветхом завете, как передача евр. Šebet). 5. Название растения, предположительно, царский скипетр» [Сл.РЯ XI – XVII, 2000: 197 – 198]. Употреблено в контексте: «и сего ради всескипетра градовъ воздвижь на ся ненависть» [РИБ, 1891: 400]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «монархическая власть над всеми»

32) Все + смрад: всесмрадное [РИБ 1891: 417]. Образовано от все + смрадное – «1. Зловонный, смрадный. 2. Чадящий, дымный. 3. Перен. Нечестивый; мерзостный; нечистый, непристойный» [Сл.РЯ XI – XVII, 2000: 215 – 198]. Употреблено в контексте: «отнюду же предпочитаемаго ими всесмрадное лицо, во ограду его сношаху» [РИБ, 1891: 417]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «мерзостное во всем»

33) Все + собор: всесоборнѣ [РИБ 1891: 321],

34) Все + цар: всецарствіи [РИБ 1891: 362]. всецарствіи [РИБ, 1891: 362]. Образовано от «все» + царствие, царство – «царскій престоль (о ханской власти)...титул царя: наше царство – вм. Мѣстоименія, замѣняющего сл. Царь» [Срезневский, 1912: 1434]. Употреблено в контексте: «яко едину ему такову по цари праведну тогда мняху вси во всецарствіи обрѣстися» [РИБ, 1891: 362]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «царская власть над всем»

35) Все + цел: всецѣль [РИБ 1891: 450],

36) Все + чая(ти): всичаемыя [РИБ 1891: 446]. Образовано от «все» + чаемые ← чаяти – «ожидать ... надѣяться ... изслѣдовать» [Срезневский, 1912: 1485 – 1486]. Употреблено в контексте: «и аще ожидахомъ градови сему всичаемыя свободы, еже благочестн- ваго царя нашего» [РИБ, 1891: 446]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «ожидаемая всеми»

37) Все + ядь: всеядельныхъ [РИБ 1891: 360]. Образовано от Все + ядельный, но последний компонент не зафиксирован. Вероятно, то же, что и «всеядливый» - «поедающий, ничтожающий все, всех». [Сл.РЯ XI – XVII, 1976: 135]. Употреблено в контексте: «И доднесь всеядельныхъ си зубовъ мене въ конецъ поядая» [РИБ, 1891: 360]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «поедающий, уничтожающий все, всех»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 54

1) Благ + слов (9): благословное [РИБ 1891: 355], неблагословнѣ [РИБ 1891: 355], благословныя [РИБ 1891: 381], неблагословныхъ [РИБ 1891: 465], неблагословна [РИБ 1891: 298], неблагословный [РИБ 1891: 346], благословенную [РИБ 1891: 292], благословеніемъ [РИБ 1891: 440], благословныхъ [РИБ 1891: 315],

- 2) Благ + чест (5): благочестиво [РИБ 1891: 267], благочестивыхъ [РИБ 1891: 269], благочестнихъ [РИБ 1891: 269], благочестивыхъ [РИБ 1891: 270], благочестіе [РИБ 1891: 277],
- 3) Благ + да(ти) (3): благодати [РИБ 1891: 269], благоданну [РИБ 1891: 269], благодатнымъ [РИБ 1891: 280],
- 4) Благ + вол (2): благоволящу [РИБ 1891: 321], благоволенія [РИБ 1891: 356],
- 5) Благ + вест (2): благовѣстіомъ [РИБ 1891: 346], благовѣствующихъ [РИБ 1891: 432] - прич. От «благовестіе» – «1. Благая, радостная вѣсть. 2. Евангелие. 3. Благовѣст» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 193].
Употреблено в контексте: «умываніе всекрасныхъ ногъ, благовѣствующихъ мирь» [РИБ, 1891: 432]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «Тот, кто разноситъ благу, радостную вѣсть»
- 6) Благ + жизн (2): благожизнены [РИБ 1891: 318], благожизненный [РИБ 1891: 449],
- 7) Благ + надежд (2): благонадежнѣ [РИБ 1891: 325] - от «благонадежный» - «надежный, верный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 206].
Употреблено в контексте: «онъ благонадежнѣ безстуденъ будетъ» [РИБ, 1891: 325]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«надежно, верно»; благонадежный [РИБ 1891: 284],
- 8) Благ + чин (2): благочиніи [РИБ 1891: 449], благочинія [РИБ 1891: 347],
- 9) Благ + вер: благовѣрнымъ [РИБ 1891: 270],
- 10) Благ + дар: неблагодарни [РИБ 1891: 456],
- 11) Благ + ден: благоденства [РИБ 1891: 408],
- 12) Благ + держ: благодержавно [РИБ 1891: 359] образовано от благо + державно – «с властью, свойственной правителю, монарху» [Сл.РЯ XI – XVII, 1977: 223].
Употреблено в контексте: «плачь изъ среды сердца глубока и рыданіе горко отъ лица града святаго великаго къ могущему спасти мя богу на иже мучителски мною владущаго, неже благодержавно»

[РИБ, 1891: 359]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто полностью соответствует власти правителя»

13) Благ + дел: благодѣлно [РИБ 1891: 313],

14) Благ + дея(ти): благодѣяній [РИБ 1891: 339],

15) Благ + (по)ждан: благопожданнѣ [РИБ 1891: 457] образовано от благо + «пожданно» – «терпеливо» [Сл.РЯ XI – XVII, 2006: 244]. Употреблено в контексте: «аще бы тогда чаяніемъ о немъ возраста его мати его благопожданнѣ бы того ожидала надѣяніемъ» [РИБ, 1891: 457]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«очень, совершенно терпеливо».

16) Благ + искус: благоискусныхъ [РИБ 1891: 278],

17) Благ + леп: благолѣпія [РИБ 1891: 363],

18) Благ + (по)луч: благополучну [РИБ 1891: 469],

19) Благ + (пре)мен: благопремѣнителенъ [РИБ 1891: 399] образовано от «благопремѣнение» - «исправление, изменение к лучшему» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 211]. Употреблено в контексте: «*благопремѣнителенъ бо иже обезславльшееся можетъ на первую паки приложити славу и вящше, обновлей образъ Адамль*» [РИБ, 1891: 399]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто способен к изменению к лучшему».

20) Благ + нрав: благонравнѣмъ [РИБ 1891: 461],

21) Благ + плод: благоплодна [РИБ 1891: 451],

22) Благ + побед: благопобедное [РИБ 1891: 313] образовано от благо + победное – «1. Относящийся к победе. 2. Несчастный, находящийся в беде» [Сл.РЯ XI – XVII, 1989: 122]. Употреблено в контексте: «*содѣяся благопобедное ту святопроисхожденіе*» [РИБ, 1891: 313]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто полностью посвящен победе, относится к ней»

23) Благ + разум: благоразуміе [РИБ 1891: 287],

24) Благ + род: благородіе [РИБ 1891: 269],

25) Благ + (у)стави(ти): благоуоставленія [РИБ 1891: 262] – от благо + установления – «установленіе ... постановленіе, положеніе ... то, что положено, назначено ... устройство ... званіе, чинь ... возстановленіе въ званіи, въ должности» [Срезневский ТЗ 1912: 1276-1277]. Употреблено в контексте: «начаша древняя благоуоставленія законная и отцы преданая превращати» [РИБ, 1891: 262].]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«благоустроенность»

26) Благ + стоя(ти): благостоятелну [РИБ 1891: 355],

27) Благ + строй: благостройно [РИБ 1891: 467] – от благо + стройно. Стройный – «1. Устроенный, благоустроенный. 2. Годный, пригодный» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 221] Употреблено в контексте: «и благостройно заповѣда въ первую лѣпоту и красоту облещися» [РИБ, 1891: 467]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «подобающе чему-л., кому-л.»

28) Благ + (от)ступ: благоотступницы [РИБ 1891: 440] - образовано от благо + отступник – «изменник, отступник; вероотступник» [Сл.РЯ XI – XVII, 1988: 42]. Употреблено в контексте: «богоотступники православныя вѣры» [РИБ, 1891: 445]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, кто отступил от блага (православной веры)»

29) Благ + (раз)суд: благоразсуднѣ [РИБ 1891: 279],

30) Благ + твор: благотвореніомъ [РИБ 1891: 363],

31) Благ + (по)треб: благопотребно [РИБ 1891: 427],

32) Благ + ум: благоумень [РИБ 1891: 304],

33) Благ + утроб: Благоутробный [РИБ 1891: 388],

34) Благ + уха(ти): благауханнаго [РИБ 1891: 296],

35) 3-х корневое образование: благодатноименнаго [РИБ 1891: 270] образовано сложением слов «благодатный» + «именной» - «1. Содержащий имена. 2. Именитый, знатный» [Сл.РЯ XI – XVII, 1979: 228]. Употреблено в контексте: «о управленіи же того державы благодатноименнаго царя»

[РИБ, 1891: 270]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, у которого благословленное имя».

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 45

1) Бог + против (3): богопротивнѣмь [РИБ 1891: 308], богопротивно [РИБ 1891: 345], богопротивно [РИБ 1891: 355] образовано от бог + противно – «1. Напротив, наперекор, противоположно тому, чего ожидают, требуют. 2. В знач. вводного слова: а) Наоборот. б) В свою очередь. 3. В сост. сказ. Неудобно. 4. В сост. сказ. Неприятно. II Предлог. 1. С род. пад. Напротив чего-л., прямо перед чем-л.». 2. С род. и дат. пад. Вопреки чему-л., наперекор кому-л., чему-л., в противоречии с чем-л.» [СлРЯ XI – XVII Т.20 1995: 256-257]. Употреблено в контексте: «Къ прочимъ же другое таково богопротивно велѣние попущенемъ ему самовластiemъ содѣя непрекословно» [РИБ, 1891: 345]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «То, что противоречит установленному Богом порядку»

2) Бог + пуст (3): богопустное [РИБ 1891: 268], богопустно [РИБ 1891: 274] – образовано от бог + пусто – «1. Перестав удерживать, дать возможность свободно двигаться (идти, бежать, течь, плыть, катиться, падать и т.п.); заставить идти, течь, двигаться. 2. Отпустить; освободить. 3. Отдать. 4. Послать (посылать); направить, отправить (отправлять). 5. Наслать, навести, напустить (напускать). 6. Послать, ниспослать. 7. Отослать, прогнать. 8. Отказаться от продолжения брачного сожителства, отпустить, покинуть (мужа или жену). 9. Изгнать, сослать. 10. Впускать (впустить), пускать (пустить), пропустить. 11. Пустить, метнуть, выстрелить. 12. Ввергнуть. 13. Влить, впрыснуть, всыпать. 14. Выставить наружу, выпустить, свесить. 15. Испустить. 16. Распространить, сообщить кому-л. для распространения. 17. Позволить, допустить. 18. Оставить, сохранить. 19. Обратить на какое-л. дело» [СлРЯ XI – XVII Т.21 1995: 49-

51]. Употреблено в контексте: «Увы, и толикъ по отцы, яко свѣща всемірная намъ возженная, ли звѣзда пресвѣтлая оставшая, въ борзости отъ сего житія угасена богопустно несенми вражіихъ прилогъ вѣтры, бывшая отъ благодати, свѣтлѣ въ роды его царствію вѣчно возженная» [РИБ, 1891: 450]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«То, что наслано Богом, что допущено Богом»; богопустнѣхъ [РИБ 1891: 300],

3) Бог + слов (3): богословцы [РИБ 1891: 349], Богослова [РИБ 1891: 371], богословцѣхъ [РИБ 1891: 373],

4) Бог + (от)ступ (3): богоотступно [РИБ 1891: 345] образовано от бог + отступно. Отступный – «1. Изменивший богу, отступивший от бога. 2. Отступающий или отступивший от истиной веры. 3. Отступнический. 4. Такой, который изменяет кому-л., выходит из-под чьей-л. воли, власти.» [СлРЯ XI – XVII Т.14 1988: 43]. Употреблено в контексте: «И даже до сего богоотступно слово приведе, яко не быти на насъ всѣхъ Сотворшаго ны милости и святыхъ Его» [РИБ, 1891: 345]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «такое, что отступает от божественных догматов или Бога»; богоотступленіемъ [РИБ 1891: 344] образовано от «Бог» + «отступление» - «1. Отступление, убывание, убыль. 2. Отступление с занятых позиций (о войске). 3. Измена, отказ от повиновения кому-л. 4. Отречение, отступничество (от веры, убеждений). 5. Переход в другую веру, под другую власть» [Сл.РЯ XI – XVII, 1988: 42]. Употреблено в контексте: «...таковымъ прикровено словомъ въ мысли своей сложися едва в малѣ не зѣ богоотступленіемъ вся привести ему во имя свое и въ родъ отъ рода подѣ клятву люди» [РИБ, 1891: 344 – 345]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«отступление от Бога»; богоотступницы [РИБ 1891: 365],

5) Бог + бор (2): богоборнаго [РИБ 1891: 311], богоборцы [РИБ 1891: 467],

6) Бог + (у)год(ити) (2): богоугоднѣ [РИБ 1891: 297], богоугодно [РИБ 1891: 355],

7) Бог + да(ти) (2): богоданными [РИБ 1891: 265], богоданну [РИБ 1891: 428],

8) Бог + мерз (2): богомерскими [РИБ 1891: 265], богомерзостень [РИБ 1891: 477]

9) Бог + наказ (2): богонаказанія [РИБ 1891: 402] образовано от «Бог» + «наказание» – «1. Поучение, наставление, наказ. 2. Приказ, повеление, указание. 3. Наука, знания. 4. Учение, обучение. 5. Наказание, кара» [Сл.РЯ XI – XVII, 1988: 42]. Употреблено в контексте: «...понужая же недостойного мя и не на удобная поущая, ко еже прилежати ми, поне мало что отчасти написати богонаказанія днешняя, иже въ нашей земли бывшая» [РИБ, 1891: 402]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«божественное поучение». Дефиниция выводится также из уже зафиксированных лексем: «богонаказанный» – «Преподанный Богом» [Сл.РЯ XI – XVII, 2006: 262] и «богонаказательный» – «закрывающий в себе божественное наставление» [Сл.РЯ XI – XVII, 2006: 262]. В определенной степени можно утверждать, что описываемый нами факт восполняет историческое корневое гнездо; богонаказательныхъ [РИБ 1891: 447],

10) Бог + цар (2): Богоцаря [РИБ 1891: 346] образовано от «Бог» + царь» – в значении «Властитель, государь» [Срезневский, 1912: 1433]. Употреблено в контексте: «...ниже самого Богоцаря, животу подателя, преношенія ради даровъ Его усрамившеся» [РИБ, 1891: 346]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«одно из обозначений Господа Бога» боговоцаренемъ [РИБ 1891: 408].

11) Бог + (по)чти(ти) (2): богопочтенный [РИБ 1891: 398], богопочтеннаго [РИБ 1891: 434] образовано от бог + почтенный – «почтенный, уважаемый» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 79]. Употреблено в контексте: «Которого же отъ Бога паче величїи вси мнимїся столпи, тогда

ту прилучшися, получать отвѣта въ будущемъ, иже досаду сію на богопочтенный вѣнецъ и мѣсто сотворите дерзымъ невѣждамъ попустившей и зрящая вся на сихъ чады?» [РИБ, 1891: 398]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«То, что уважает Бога и его догматы».

12) Бог + (пре)бы(ти): богопребывалище [РИБ 1891: 433] образовано от Бог + пребывалище – «1. Ночлежный дом, пристанище (нищих). 2. Гостинница, постоялый двор. 3. Вечное пребывалище – место обитания после смерти» [СлРЯ XI – XVII Т.18 1992: 147]. Употреблено в контексте: «Таже и во святыя обители, лавры же и мѣста честная ниже соборныхъ храмовъ въ праздницѣхъ молебныхъ нареченыхъ дней исхожденіе <...> яко на ново богопребывалище и церкви мѣсто святое» [РИБ, 1891: 433]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«церковь, храм как место обитания Бога»

13) Бог + (нена)висть: богоненавистныхъ [РИБ 1891: 293],

14) Бог + восх: боговосхитно [РИБ 1891: 468],

15) Бог + (у)готови(ти): богоуготованнѣмъ [РИБ 1891: 322] образовано от бог + уготованный ← уготовати - «приготовить ... дать, доставить ... предназначить ... устраивать ... предуготовлять ...» [Срезневский ТЗ 1912: 1139]. Употреблено в контексте: «ста на богоуготованнѣмъ ему мѣстѣ» [РИБ, 1891: 322]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «тот, что предназначен Богом»

16) Бог + зри: богозрителю [РИБ 1891: 450] образовано от Бог + зритель – «1. Свидетель, очевидец. 2. Всевидящий; тот, кто наделен даром провидения, приобщѣн к таинствам (о боге, святых и т.п.). 3. Зритель» [СлРЯ XI – XVII Т.6 1979: 65]. Употреблено в контексте: «Тезоименень бо онъ богозрителю Іереміюи по имени, иже освященномъ преже пелень во чревѣ» [РИБ, 1891: 450]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«пророк; тот, кто узрел Бога»

17) Бог + лич: боголичный [РИБ 1891: 428],

- 18) Бог + люб: боголюбезнаго [РИБ 1891: 396],
- 19) Бог + мать: Богоматере [РИБ 1891: 347],
- 20) Бог + молитв: богомолитвена [РИБ 1891: 449] образовано от бог +молитвенный – «1. Прил. к молитва (в знач.2). 2 В знач. сущ. Молитвенная, мн. Молитва, моление. 3. Приносящий богу молитвы, заступник перед богом. 4. Принимающий молитвы (о святом духе)» [СлРЯ XI – XVII Т.9 1982: 245]. Употреблено в контексте: «неправды бо всякія изимая и огребаяся, по Іову, ниже усты даде безуміе Богу, богомолитвена си языка мерскими словесы во всей жизни своей не оскверни никакоже» [РИБ, 1891: 449]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то или тот, кто приносит молитвы Богу», то же, что и молитвенный в 3 знач.
- 21) Бог + (у)мышл: богоумышленъ [РИБ 1891: 359] образовано от бог + умышлен. Умышление – «замысль» [Срезневский Т3 1912: 1218]. Употреблено в контексте: «именемъ убо глаголють мя— нова, вещью же древнимъ спребытна: сицевъ образъ имяни моего исперва богоумышленъ бысть» [РИБ, 1891: 359]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «тот или то, что замыслено Богом»
- 22) Бог + нос: богоносныхъ [РИБ 1891: 355],
- 23) Бог + отец: Богоотець [РИБ 1891: 343],
- 24) Бог + побед: богопобѣдное [РИБ 1891: 309],
- 25) Бог + (по)пущ: богопопущеніе [РИБ 1891: 328] образовано от бог + попущение – «1. Ниспослание свыше несчастья на кого-л. 2. Попущение; допущение чего-л. (по божьей воле, допускающей несчастье). 3. Снисхождение, послабление, нетребовательность. 4. Прощение долгов» [СлРЯ XI – XVII Т.17 1991: 105]. Употреблено в контексте: «Аще и уразумѣша, но хотящее богопопущеніе быти превратити не возмогоша, Богу въ прочее то смотрителне на се къ збытію попустившу» [РИБ, 1891: 328]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«То, что

наслано Богом, что допущено Богом», т.е. тоже, что и «попущение» в 1 знач.

26) Бог + (на)рек: богонареченный [РИБ 1891: 444],

27) Бог + (по)слуш: богопослушная [РИБ 1891: 457] образовано от бог + послушный – «1. Смиренный, послушный, кроткий. 2. Подвластный кому-л., находящийся в зависимости, в том числе вассальной. 3. Такой, который откликается на просьбу, нужды другого, отзывчивый. 4. Вм. послушной» [СлРЯ XI – XVII Т.17 1991: 194]. Употреблено в контексте: «преклоняти богопослушная своя ушеса къ Матере своя молитвеннымъ Ея о мѣрѣ словесемъ» [РИБ, 1891: 457]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «тот или то, что смиренно перед Богом, божественным»

28) Бог + смотр: богосмотрительнаго [РИБ 1891: 283] образовано от бог + смотрительный – «1. Связанный с миссией боговоплощения (с добавочным нюансом ‘приспособленный к человеческому пониманию’). 2. Мягкий, осторожный, примирительный. 3. Относящиеся к церковной «икономии», т.е. допускаемый по снисхождению к слабости человеческой природы» [СлРЯ XI – XVII Т.25 2000: 210]. Употреблено в контексте: «святому по Бозѣ чада своего лишение и безгодную всяко, неже царску, смерть богосмотрительнаго прилученія» [РИБ, 1891: 283]. Контекст не даёт соответствий со словарными значениями. Учитывая, что прилучение – «1. Действие по глаг. прилучити (в знач. 1). 2. Случайное стечение обстоятельств. 3.грамм. Падеж» [СлРЯ XI – XVII Т.19 1994: 210], то общее значение можно определить как * «то, что допущено Богом во имя чего-л.»

29) Бог + спас: богоспасенныя [РИБ 1891: 447],

30) Бог + стави(ти): богопоставленный [РИБ 1891: 396] образовано от Бог + поставленный, поставление ← поставити. Поставление – «1. Действие по глаг. Поставити (в знач.1); установка, размещение. 2. То, что ставится, помещается куда-л. 3.Приношение, пожертвование, вклад. 4. Действие по глаг. поставити (в знач. 4); постройка, сооружение. 5. То, что

построено; постройка, здание. 6. Возведение в должность, сан, звание; рукоположение; коронация. 7. Весы. 8. То, на чем покоится, стоит что-л.; то, что поддерживает что-л., опора. 9. Соглашение, договор; постановление. 10. Отпущение, прощение (грехов). 11. Истечение, завершение» [СлРЯ XI – XVII Т.17 1991: 230-231]. Употреблено в контексте: «Увыи, царю вѣнченосче Російскаго всего боголюбезнаго жребія по благочестіи, одушевленный по всему образу Божію властію и страхомъ, богопоставленный намъ во всей жизни во утверженіе и управление обще наше» [РИБ, 1891: 396]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто возведен в сан по божественным канонам»

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 40

1) Нов + град/город (13): Новгородцкомъ [РИБ 1891: 266], изъ Новагорода [РИБ 1891: 269], Новѣградъ [РИБ 1891: 269], новгородцкомъ [РИБ 1891: 273], Новоградцкія [РИБ 1891: 304], Новѣгородъ [РИБ 1891: 418], Новагорода [РИБ 1891: 418], Новагорода [РИБ 1891: 437], Новѣградъ [РИБ 1891: 441], Новградъ, [РИБ 1891: 445], Новѣградъ [РИБ 1891: 447], Новоградскія [РИБ 1891: 463], Новѣградъ [РИБ 1891: 465],

2) Нов + мук (4): новомученическая [РИБ 1891: 296] образовано от ново + мученическая. Мученический – «относящийся у мученикам, к их мукам» [СлРЯ XI – XVII Т9 1982: 319]. Употреблено в контексте: «и новомученическая неповинна кровь изліяся, яко же Авеля другаго и Глѣба» [РИБ, 1891: 296]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то, что относится к новым мученикам; мукам людей, признанных мучениками в недавнем прошлом или современниками»; новомученика [РИБ 1891: 321], новомученика [РИБ 1891: 298], новомученика [РИБ 1891: 380] образовано от «ново» + мученик – «1. Реально существовавшее или мифическое лицо, возведенное христианской церковью в ранг святых за

страдания и смерть, принятые им за веру. 2. Участник состязания, борец» [Сл.РЯ XI – XVII Т.9 1982: 318]. Употреблено в контексте: «мужи и жены со младенцы си срѣтениемъ страсотерпца и новомученика младенца почтоша» [РИБ, 1891: 321]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«лицо, недавно возведенное христианской церковью в ранг святых за страдания и смерть»

3) Нов + вед/вод (2): нововводнаго [РИБ 1891: 389], нововводна [РИБ 1891: 462],

4) Нов + цар (2): новоцаренія [РИБ 1891: 454] образовано от *Ново¹* («нареч. 1. Недавно, только что; впервые; вновь. 2. Заново, вновь» [СлРЯ XI – XVII, 1986: 396]) + «царение» – *«царити». Царствовати – «царствовать, править царством» [Срезневский Т.3 1912: 1434]. Употреблено в контексте: «До избранія же новоцаренія Богомъ воздвиженнаго въ наслѣдіе царска отрода въ роды государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи» [РИБ, 1891: 454]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«правление впервые; ситуация, когда на престол восходит род, не бывший до этого в роли царей». Новоцарюющему [РИБ 1891: 400] образовано от Ново + царюющий - *«царити». Царствовати – «царствовать, править царством» [Срезневский Т.3 1912: 1434]. Употреблено в контексте: «отъ нихъ же новоцарюющему во градѣ, яко пернатѣй въ клѣтцѣ, объяту сущу и затворенѣ всеродно» [РИБ, 1891: 400]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто царствует недавно или впервые». В контексте речь идёт о В.И. Шуйском, а потому данная дефиниция подчеркивает и то, что род этого царя не был на престоле, и то, что с момента его избрания прошло не так много времени.

5) Нов + (из)бра(ти): новоизбранный [РИБ 1891: 331],

6) Нов + брак/брач: новобрачными [РИБ 1891: 388],

7) Нов + вельмож: нововелможи [РИБ 1891: 369] образовано от *Ново¹* («нареч. 1. Недавно, только что; впервые; вновь. 2. Заново, вновь» [СлРЯ XI – XVII, 1986: 396]) + велможи, велможа – «знатный человек,

вельможа» СлРЯ XI – XVII Т.2 1975: 72]. Употреблено в контексте: «въ нѣкоемъ угождаемаго ему и приближна нововелможи дому безъ тоя воля» [РИБ, 1891: 369]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто стал знатным человеком недавно»

8) Нов + (по)вин: новоповинни [РИБ 1891: 428] образовано от ново + повинный – «1. Виновный, виноватый, тж. в знач. сущ. 2. Относящийся к признанию вины, раскаянию. 3. Подвергнутый, подлежащий (суду, смерти и т.п.); тж. в знач. сущ. 4. Подвластный, подчиненный; покорный. 5. Восприимчивый, предрасположенный к чему-л.; подверженный чему-л. 6. Только в кр.ф. Обязан, должен. 7. Чему. Заслуживающий» [СлРЯ XI – XVII Т15 1989: 159]. Употреблено в контексте: «И начаша обще творити о градѣ промышление со угождениемъ людемъ, яко же обыкоша по согрѣшеніюхъ новоповинни о всемъ зъ боязнію творити» [РИБ, 1891: 428]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, кто повинен или виноват в проступках и деяниях недавнего прошлого»

9) Нов + влад/блад: новообладателе [РИБ 1891: 463] образовано от «Ново» + обладатель – «властитель, правитель, владыка; хозяин, господин» [СлРЯ XI – XVII Т12 1987: 64]. Употреблено в контексте: «Таковое бо за страхъ невозможное совокупление въ насъ новообладателе наша, верныя же и нечестивыя, ясно издавна узрѣша ко еже ихъ ползѣ» [РИБ, 1891: 463]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, кто стали правителями недавно»

10) Нов + господ: новогосподѣ [РИБ 1891: 329] образовано от «Ново» + господь – «1. Владыка, хозяин, господин. 2. Наименование бога (у христиан) как владыки небесных сил» [СлРЯ XI – XVII Т4 1977: 103]. Употреблено в контексте: «и всѣмъ людемъ такоже обѣщавшемся новогосподѣ молити повсюдѣ заporučиша и во всемъ царствіи спѣшнѣ то же и съ приложении творити повелѣша» [РИБ, 1891: 329]. Исходя из

фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто стал владыкой недавно»

11) Нов + (по)доб: новоподобну [РИБ 1891: 461] образовано от ново + подобный – «1. Подобный, похожий на кого-л, что-л; такой же. 2. Подходящий; удобный, благоприятный. 3. Подобающий, надлежащий, соответствующий. 4. Достойный. 5. Принадлежащий, относящийся к кому-, чему-л.» [СлРЯ XI – XVII Т16 1990: 22-23]. Употреблено в контексте: «но по днѣхъ вместо оная ину новоподобну тоя обрѣтохомъ» [РИБ, 1891: 461]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то, что похоже на новое»

12) Нов + друг: новодругое [РИБ 1891: 453] образовано от ново + другое – «кр. ф. другъ, мест, и прил.1. Иной, другой, не этот, еще один. 2. Некоторый, какой-л. 3. Второй. 4. Другое, в знач. нареч. Во второй раз. 5. Другъ (с кем-л.), в знач. нареч. Вместе, одновременно» [СлРЯ XI – XVII Т4 1977: 360-361]. Употреблено в контексте: «Они же по своему о мнѣ злоумію то первое самохотнѣ на ино претворше и свое новодругое вмѣста сего составиша во угождениіе по всему варваромъ» [РИБ, 1891: 453]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то, что дано снова, но отличается от предыдущего»

13) Нов + здан: новозданный [РИБ 1891: 261],

14) Нов + (у)креп: новоукрѣплениемъ [РИБ 1891: 318] образовано от ново + укрепление ← крепление – «1. Действие по глаг. крѣпити (в знач. 2). 2. То, что укрепляет, ободряет, поддерживает. 3. Твердость, стойкость; последовательность. 4. Воздержание» [СлРЯ XI – XVII Т8 1981: 34]. Употреблено в контексте: «По смерти бо тогда перваго царя новоукрѣплениемъ во царствіи сынъ его утвержашесе и о немъ сильныя его» [РИБ, 1891: 318]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«принятие обязанностей или роли следом за кем-то в недавнем прошлом»

15) Нов + крои(ти): новоскроена [РИБ 1891: 406] образовано от ново + скроенный ← скроити – «1. Ударом рассечь, раскроить. 2. Разрезав материал, изготовить детали какой-л. вещи, скроить что-л.» [СлРЯ XI – XVII Т25 2000: 29]. Употреблено в контексте: «или яко новоскроена нѣкая риза, купно же не сошвена» [РИБ, 1891: 406]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«то новое, что изготовлено из материала для кройки»

16) Нов + (со)против: новоспротивная [РИБ 1891: 262],

17) Нов + пят: новопрепятія [РИБ 1891: 408] образовано от ново + препятие – «помеха, препятствие» [СлРЯ XI – XVII Т19 1994: 35]. Употреблено в контексте: «якоже случай дастъ и кромѣ будемъ коего новопрепятія, аще не запнутя въ кихъ стопы наша» [РИБ, 1891: 408]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«возникшее вновь препятствие для кого-л., чего-л.»

18) Нов + страд: новострадалне [РИБ 1891: 321] образовано от ново + страдалне. Страдальный – «1. Испытывающий страдания, мучения. 2. Несущий страдание. 3. Страдательный (грамматический термин)» [СлРЯ XI – XVII Т28 2008: 117]. Употреблено в контексте: «тебѣ въ самомъ срѣтеніи достохвалное погребеніе исполнити добрѣ, новострадалне» [РИБ, 1891: 321]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«испытывавший страдание новый мученик»

19) Нов + (вос)хит: нововосхититель [РИБ 1891: 369],

20) Нов + хоте(ти): новохотящемъ [РИБ 1891: 329] образовано от ново + хотящий ← хотети – «желать, хотѣть ... требовать ... добиваться ... быть близкимъ къ чему либо ... имѣть возможность ... какъ вспомогат. глаголь для обозначенія будущаго времени ... какъ вспомогат. глаголь при образованіи повелит. наклоненія» [Срезневский Т.3 1912: 1390 - 1392]. Употреблено в контексте: «и о приложенія лѣтъ живота новохотящемъ поставитися царіи паки молебная пѣвше доволнѣ» [РИБ, 1891: 329]. Исходя

из фрагмента, общее значение можно определить как *«желавший или добившийся чего-л. в настоящем времени»

- 21) 3-х корневые образования: новоблагодотступницы [РИБ 1891: 440] образовано от «ново» + «благодотступницы» - *«те, кто отступил от блага (православной веры)», согласно определению, данному выше. Употреблено в контексте: «...яко свѣту тма сопротивна, сице благочестію нечестіе, — новоблагодотступницы преже ласканми, потомъ же преценми къ воли своей неволею нривлекоша» [РИБ, 1891: 440]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, кто недавно отступил от блага (православной веры)». Новобоготступникомъ [РИБ 1891: 385] новобоготступникомъ [РИБ, 1891: 385]. Образовано от ново + боготступник – «Тот, кто отступил от бога, отрекся от религии» [Сл.РЯ XI – XVII, 1975: 42]. Употреблено в контексте: «На се самозваннымъ новобоготступникомъ нѣкимъ отъ правовѣрія» [РИБ, 1891: 385]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«тот, кто недавно отступил от Бога». Новоявленосвятыхъ [РИБ 1891: 336] образовано от «новоявленный» + «святой». Значения первого корня: «1. Новоявленный, ранее неизвестный, впервые проявивший себя» [Сл.РЯ XI – XVII, 1986: 412]. Значения второго корня: «1. Святой (как имманентный признак Бога, небесных сил). 2. Обладающий святостью, непорочный, праведный. 3. В знач. сущ. Святой, м. и Святая, ж. Святой и святая. 4. Посвященный в духовный сан или принявший монашество (о духовных особах, монахах); тж. при титуловании. 5. Православный, крещеный. 6. Священный (посвященный Богу и освященный – о святынях: реликвиях, предметах, постройках, местах и т.п.). 7. Основанный на правилах веры; обладающий священным авторитетом, освящающей силой (о христианских догматах, заповедях, о событиях религиозной истории и связанных с ними периодах, праздниках, обрядах, таинствах и т.п.). 8. Связанный со святым, принадлежащий святому; святой. 9. Связанный с Богом, божественный. 10. Чистый, свободный от какого-л. порока [Сл.РЯ XI – XVII, 1996: 213].

Употреблено в контексте: «на память новоявленосвятыхъ мучениковъ Всеросійкихъ князей» [РИБ, 1891: 336 – 337]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«те, которые впервые проявили себя как праведные люди».

Комплекс слов с первым элементом зло-. Общее количество выявленных нами употреблений – 39

- 1) Зло + твор (4): злотворнымъ [РИБ 1891: 266], злотворныхъ [РИБ 1891: 316], злотворная [РИБ 1891: 339], злотворцы [РИБ 1891: 444],
- 2) Зло + вер (3): зловѣрныхъ [РИБ 1891: 266], зловѣрныхъ [РИБ 1891: 379], зловѣрнымъ [РИБ 1891: 411],
- 3) Зло + дея(ти): злодеяства [РИБ 1891: 409], злодѣя [РИБ 1891: 319],
- 4) Зло + коварн (2): Злоковарень [РИБ 1891: 293], злоковарнѣ [РИБ 1891: 314],
- 5) Зло + козн (2): злокознена [РИБ 1891: 352], злокознѣства [РИБ 1891: 392],
- 6) Зло + лют (2): злолютомъ [РИБ 1891: 293], злолютнѣ [РИБ 1891: 360],
- 7) Зло + мысл (2): зломыслию [РИБ 1891: 294], зломысленныхъ [РИБ 1891: 425],
- 8) Зло + начал (2): злоначалніи [РИБ 1891: 266], злоначалства [РИБ 1891: 401],
- 9) Зло + помн (2): злопомнѣніе [РИБ 1891: 378], злопомнивѣ [РИБ 1891: 395],
- 10) Зло + хитр (2): злохитръ [РИБ 1891: 353], злохитръ [РИБ 1891: 420],
- 11) Зло + бог: злобожніи [РИБ 1891: 444],
- 12) Зло + (на)вет: злонавѣтнѣ [РИБ 1891: 400],
- 13) Зло + ден: злоденствію [РИБ 1891: 381],

- 14) Зло + мудр: зломудріємъ [РИБ 1891: 291],
- 15) Зло + раб: злорабы [РИБ 1891: 455],
- 16) Зло + рвен: злорвнїиємъ [РИБ 1891: 358];
- 17) Зло + ревн: злоревнителя [РИБ 1891: 385],
- 18) Зло + (с)род: злосродніи [РИБ 1891: 431],
- 19) Зло + серд: злосердія [РИБ 1891: 453],
- 20) Зло + слыш: злослышны [РИБ 1891: 445],
- 21) Зло + смрад: злосмрадныя [РИБ 1891: 411],
- 22) Зло + совет: злосовѣтникъ [РИБ 1891: 377],
- 23) Зло + ум: злоуміе [РИБ 1891: 410],
- 24) Зло + хоте(ти): злохотимому [РИБ 1891: 303],
- 25) Зло + чест: злочестивымъ [РИБ 1891: 376],
- 26) 3-х корневое образование: злонраводѣйственъ [РИБ 1891: 395],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 38

- 1) Мног + цен (3): многоцѣненъ [РИБ 1891: 265], многоцѣнными [РИБ 1891: 342], Многоцѣнства [РИБ 1891: 342],
- 2) Мног + числ (3): многочисліе [РИБ 1891: 305], многочислія [РИБ 1891: 417], многочисленное [РИБ 1891: 463],
- 3) Мног + лет (2): многолѣтна [РИБ 1891: 353], многолѣтнаго [РИБ 1891: 354],
- 4) Мног + разн (2): Многоразньствія [РИБ 1891: 289], многоразная [РИБ 1891: 406],
- 5) Мног + сия(ти) (2): многосіятелнѣй [РИБ 1891: 333], многосіятельное [РИБ 1891: 414],
- 6) Мног + слов (2): многословити [РИБ 1891: 278], многословнѣ [РИБ 1891: 401],
- 7) Мног + сугуб (2): многосугубныхъ [РИБ 1891: 306], многосугубу [РИБ 1891: 327],

- 8) Мног + терп (2): многотерпѣливое [РИБ 1891: 373],
многотерпѣливое [РИБ 1891: 457],
- 9) Мног + врем: многовременно [РИБ 1891: 440],
- 10) Мног + глав: многоглавна [РИБ 1891: 378],
- 11) Мног + (по)да(ти): многоподатливъ [РИБ 1891: 449],
- 12) Мног + ден: многодневно [РИБ 1891: 447],
- 13) Мног + дожд: многодождевны [РИБ 1891: 305],
- 14) Мног + живот: многоживотное [РИБ 1891: 346]
- 15) Мног + зем: многоземства [РИБ 1891: 444],
- 16) Мног + зыв: многоззывна [РИБ 1891: 456],
- 17) Мног + крат: многократно [РИБ 1891: 266],
- 18) Мног + книж: многокнижныхъ [РИБ 1891: 345],
- 19) Мног + (про)ли(ти): многопролитныя [РИБ 1891: 459],
- 20) Мног + люд: многолюдно [РИБ 1891: 469],
- 21) Мног + мут: многомутныя [РИБ 1891: 436],
- 22) Мног + образ: многообразно [РИБ 1891: 460],
- 23) Мног + пит/пищ: многопищными [РИБ 1891: 427],
- 24) Мног + плет: многоплетенныхъ [РИБ 1891: 428],
- 25) Мног + (о)полк/полч: многоополчении [РИБ 1891: 329],
- 26) Мног + пыт: многопытному [РИБ 1891: 405],
- 27) Мног + (пре)хожд: многопрехождениа [РИБ 1891: 275],
- 28) Мног + шум: многошумныхъ [РИБ 1891: 344],

Комплекс слов с первым элементом перв-. Общее количество выявленных нами употреблений – 31

- 1) Перв + им(я) (3): первоименному [РИБ 1891: 319],
первоименнымъ [РИБ 1891: 400], первоимянного [РИБ 1891: 423],
- 2) Перв + бы(ти) (2): первобытно [РИБ 1891: 297], первобывшее [РИБ 1891: 318],

- 3) Перв + глагол (2): впервоглаголнѣй [РИБ 1891: 319],
первоглаголанному [РИБ 1891: 389],
- 4) Перв + здан (2): перевозданный [РИБ 1891: 261], перевозданный
[РИБ 1891: 353],
- 5) Перв + начал (2): первоначалницы [РИБ 1891: 353],
первоначалствующиихъ [РИБ 1891: 493],
- 6) Перв + свят (2): первосвятителеви [РИБ 1891: 313],
Первосвятителный [РИБ 1891: 320],
- 7) Перв + совет (2): первосовѣтникъ [РИБ 1891: 390],
первосовѣтиемъ [РИБ 1891: 392],
- 8) Перв + сущ (2): первосущихъ [РИБ 1891: 300], первосуція [РИБ
1891: 307],
- 9) Перв + (по) вел/вол: первоповелѣвающимъ [РИБ 1891: 334],
- 10) Перв + держ: перводержавнѣйшимъ [РИБ 1891: 390],
- 11) Перв + деспот: переводесподскимъ [РИБ 1891: 429],
- 12) Перв + лож/лаг: перволожнѣй [РИБ 1891: 310],
- 13) Перв + нароч: первоначочитый [РИБ 1891: 319],
- 14) Перв + образ: первообразное [РИБ 1891: 288],
- 15) Перв + рек: первореченное [РИБ 1891: 307],
- 16) Перв + свят: первосвятителю [РИБ 1891: 296],
- 17) Перв + сия(ти): первосіятелнѣй [РИБ 1891: 410],
- 18) Перв + сед: первосѣдалище [РИБ 1891: 397],
- 19) Перв + состав: первосоставльшаго [РИБ 1891: 453],
- 20) Перв + страд: первострадалнымъ [РИБ 1891: 319],
- 21) Перв + цар: первоцарю [РИБ 1891: 389],
- 22) 3-х корневое образование: первосамодержцѣхъ [РИБ 1891: 340],

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество
выявленных нами употреблений – 29

- 1) Пред/прежд- + (из)бра(ти) (4): Предъизбирати [РИБ 1891: 443], предъизбирающе [РИБ 1891: 278], предъизбранную [РИБ 1891: 468], предъизбранную [РИБ 1891: 467],
- 2) Пред/прежд- + рек (3): предиреченніи [РИБ 1891: 264], предреку [РИБ 1891: 378], предиреченныхъ [РИБ 1891: 328],
- 3) Пред/прежд- + бы(ти) (2): предбывшую [РИБ 1891: 265], преждебывшихъ [РИБ 1891: 344],
- 4) Пред/прежд + вод: предводителя [РИБ 1891: 445],
- 5) Пред/прежд + вед: Предвѣдый [РИБ 1891: 399],
- 6) Пред/прежд + глагол: предиглаголаннѣмъ [РИБ 1891: 328],
- 7) Пред/прежд + (у)готов: предуготовляя [РИБ 1891: 451],
- 8) Пред/прежд + (у)каза(ти): предуказатель [РИБ 1891: 390],
- 9) Пред/прежд + кну(ти): предкнушася [РИБ 1891: 400],
- 10) Пред/прежд + (у)мысл: предумыслимому [РИБ 1891: 297],
- 11) Пред/прежд + писа(ти): предиписанья [РИБ 1891: 401],
- 12) Пред/прежд + подоб: предпреподобіи [РИБ 1891: 290],
- 13) Пред/прежд + помянут: предпомянутый [РИБ 1891: 294],
- 14) Пред/прежд + пуст: предипущеными [РИБ 1891: 304 – 305],
- 15) Пред/прежд + (по)сла(ти): предпосланного [РИБ 1891: 331],
- 16) Пред/прежд + сед: Предсѣдь [РИБ 1891: 399],
- 17) Пред/прежд + стоя(ти): предстоя [РИБ 1891: 265], предстоящу [РИБ 1891: 347],
- 18) Пред/прежд + строи(ти): предустрой [РИБ 1891: 468],
- 19) Пред/прежд + тек: предитекущихъ [РИБ 1891: 324],
- 20) Пред/прежд+ ход: предходатая [РИБ 1891: 371],
- 21) Пред/прежд + (по)чит: предпочитаемаго [РИБ 1891: 417],
- 22) 3-х корневое образование: предивышеписанному [РИБ 1891: 445]

Комплекс слов с первым элементом свят-. Общее количество выявленных нами употреблений – 28

- 1) Свят + (по)маза(ти) (3): святопомазаннѣмъ [РИБ 1891: 290], святопомазанія [РИБ 1891: 301], святопомазанія [РИБ 1891: 429] - есть
- 2) Свят + (на)стол (3): святонастолницы [РИБ 1891: 333], святонастолницы [РИБ 1891: 348], святонастолнаго [РИБ 1891: 434] – прилагательного нет, остально есть.
- 3) Свят + дея(ти) (2): святодѣйствія [РИБ 1891: 431], святодѣйственною [РИБ 1891: 447] – нет.
- 4) Свят + леп (2): святолѣпно [РИБ 1891: 270], святолѣпно [РИБ 1891: 320] - есть
- 5) Свят + нош/нос (2): святоношеніи [РИБ 1891: 326], святоношенми [РИБ 1891: 433] - есть
- 6) Свят + ход (2): святоисхожденія [РИБ 1891: 333], святопроисхождение [РИБ 1891: 313] - есть
- 7) Свят + (воз)глас: святовозглашенія [РИБ 1891: 346] - нет
- 8) Свят + жи(ти): святожителнаго [РИБ 1891: 290] - нет
- 9) Свят + звук: святозвучныя [РИБ 1891: 384] - нет
- 10) Свят + (про)зяб: святопрозябенія [РИБ 1891: 292] - нет
- 11) Свят + им(я): святоименныхъ [РИБ 1891: 296] - нет
- 12) Свят + млад: святомладенческимъ [РИБ 1891: 322] - нет
- 13) Свят + молеб: святомолебнѣ [РИБ 1891: 326] - есть
- 14) Свят + перв: святопервомъ [РИБ 1891: 437] - нет
- 15) Свят + род: святороженнаго [РИБ 1891: 337] - нет
- 16) Свят + (на)ста(ти): святонаставшаго [РИБ 1891: 317] - есть
- 17) Свят + страд: святостраданіи [РИБ 1891: 322 - 323] - нет
- 18) Свят + уби(ти): святоубіеніи [РИБ 1891: 313] – нет, есть святоубийца
- 19) Свят + цар: святоцарь [РИБ 1891: 449] – нет, есть святоцарских
- 20) Свят + (при)шест: святопришествіемъ [РИБ 1891: 287] – нет.

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 25

1) Прав + слав (25): православныхъ [РИБ 1891: 266], православныхъ [РИБ 1891: 299], православноѣмь [РИБ 1891: 299], православныхъ [РИБ 1891: 304], православное [РИБ 1891: 305], православноѣмь [РИБ 1891: 307], православное [РИБ 1891: 312], православію [РИБ 1891: 350], православными [РИБ 1891: 367], православіемь [РИБ 1891: 367], православнаго [РИБ 1891: 370], православныхъ [РИБ 1891: 376], православныхъ [РИБ 1891: 376], православныхъ [РИБ 1891: 384], православныхъ [РИБ 1891: 413], православнаго [РИБ 1891: 439], православныхъ [РИБ 1891: 444], православныя [РИБ 1891: 445], православія [РИБ 1891: 468],

2) Прав + вер (3): правовѣрныхъ [РИБ 1891: 377], правовѣрія [РИБ 1891: 385], правовѣрныхъ [РИБ 1891: 436],

3) Прав + суд (3): правосудства [РИБ 1891: 340], правосудства [РИБ 1891: 352], правосудства [РИБ 1891: 362],

Комплекс слов с первым элементом лже-. Общее количество выявленных нами употреблений – 20

1) Лже + цар (5): лжецарѣхъ [РИБ 1891: 264]; лжецарей [РИБ 1891: 298]; лжецаремь [РИБ 1891: 343]; лжецаря [РИБ 1891: 372]; лжецарю [РИБ 1891: 420];

2) Лже + имя (2): лжеименными [РИБ 1891: 266], лжеименного [РИБ 1891: 367],

3) Лже + слов (2): лжесловесія [РИБ 1891: 311], лжесловнѣ [РИБ 1891: 318],

4) Лже + твор (2): лжетворное [РИБ 1891: 296], лжетворному [РИБ 1891: 428],

5) Лже + бог: лжебожніи [РИБ 1891: 401],

- 6) Лже + (с)вид: лжесвидѣтельствова [РИБ 1891: 320],
- 7) Лже + вои: лжевоины [РИБ 1891: 266],
- 8) Лже + (у)год: лжеугодіемъ [РИБ 1891: 335],
- 9) Лже + папа: лжепапою [РИБ 1891: 410],
- 10) Лже + (у)сво: лжеусвоеніемъ [РИБ 1891: 445],
- 11) Лже + силентіяр: лжесилентіаромъ [РИБ 1891: 389],
- 12) Лже + храбр: лжехрабрый [РИБ 1891: 310],
- 13) Лже + христ: лжехристіане [РИБ 1891: 436],

Комплекс слов с первым элементом прав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 18

- 1) Тайн + мысл/мышл (5): тайномысліе [РИБ 1891: 271], тайномысліи [РИБ 1891: 276], тайномыслимаго [РИБ 1891: 403], тайноумышленія [РИБ 1891: 376], тайноумысла [РИБ 1891: 392],
- 2) Тайн + твор (3): тайнотворимья [РИБ 1891: 346], тайнотвореніемъ [РИБ 1891: 364], тайнотворца [РИБ 1891: 453],
- 3) Тайно + кро/кры (2): тайноприкровеніи [РИБ 1891: 276], тайнокрыемо [РИБ 1891: 432],
- 4) Тайн + бол: тайноболѣніи [РИБ 1891: 321],
- 5) Тайн + глагол: тайноглагольникъ [РИБ 1891: 371],
- 6) Тайн + двиг: тайнодвиженіи [РИБ 1891: 429],
- 7) Тайн + дея(ти): тайнодѣйствиє [РИБ 1891: 392],
- 8) Тайн + мест: тайномѣстѣхъ [РИБ 1891: 394],
- 9) Тайн + писа(ти): тайнописаніи [РИБ 1891: 407],
- 10) Тайн + руга(ти): тайноругателно [РИБ 1891: 369],
- 11) Тайн + хран: тайнохранилницахъ [РИБ 1891: 375],

Комплекс слов с первым элементом добр-. Общее количество выявленных нами употреблений – 17

- 1) Добр + твор (4): добротворенія [РИБ 1891: 311], добротворивая [РИБ 1891: 339], добротворна [РИБ 1891: 357], добротворенія [РИБ 1891: 341],
- 2) Добр + мысл (2): добромислимая [РИБ 1891: 271], добромислено [РИБ 1891: 304],
- 3) Добр + вина: добровиновень [РИБ 1891: 339],
- 4) Добр + ден: доброденствія [РИБ 1891: 383],
- 5) Добр + дея(ти): добродѣтелѣхъ [РИБ 1891: 264],
- 6) (Не)добр + нач: недоброначатіи [РИБ 1891: 443],
- 7) Добр + побед: добропобѣдныхъ [РИБ 1891: 315]
- 8) Добр + плод: доброплодна [РИБ 1891: 280],
- 9) Добр + (со)став: добросоставленія [РИБ 1891: 465],
- 10) Добр + (раз)суд: доброразсудливый [РИБ 1891: 279],
- 11) Добр + хвал: доброхвалнаго [РИБ 1891: 429],
- 12) Добр + хот: доброхотнѣ [РИБ 1891: 266],
- 13) Добр + чест: доброчестиваго [РИБ 1891: 359],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 15

- 1) Един + мысл/мышл (2): единомысліе [РИБ 1891: 319], единомысленники [РИБ 1891: 467],
- 2) Един + част (2): единочастнѣ [РИБ 1891: 294], единочаснѣ [РИБ 1891: 304],
- 3) Един + власт: единовластно [РИБ 1891: 444],
- 4) Един + врем: единовременно [РИБ 1891: 288],
- 5) Един + вер: единовѣрныхъ [РИБ 1891: 403],
- 6) Един + глагол: единоголагольно [РИБ 1891: 424],
- 7) Един + глас: единоголасно [РИБ 1891: 329],
- 8) Един + мудр: единомудренное [РИБ 1891: 465],
- 9) Един + нрав: едионравнѣ [РИБ 1891: 469],

- 10) Един + отец: единоотечни [РИБ 1891: 288],
- 11) Един + подраж: единоподражанію [РИБ 1891: 311],
- 12) Един + ступ: единоступленіємъ [РИБ 1891: 330],
- 13) Един + (при)шест: единопришествинѣ [РИБ 1891: 298],

Комплекс слов с первым элементом мир-. Общее количество выявленных нами употреблений – 14

- 1) Мир + люб (3): міролюбни [РИБ 1891: 264], Міролюбца [РИБ 1891: 348], міролюбовную [РИБ 1891: 354],
- 2) Мир + твор (3): Міротворителная [РИБ 1891: 285], Міротвореній [РИБ 1891: 324], миротворцы [РИБ 1891: 383],
- 3) Мир + облад (2): мірообладателю [РИБ 1891: 314], мірообладателя [РИБ 1891: 348],
- 4) Мир + убийств (2): міроубійствєныхъ [РИБ 1891: 409], Міроубійствєною [РИБ 1891: 399],
- 5) Мир + губ: Мірогубителя [РИБ 1891: 275],
- 6) Мир + (препо)доб: миропреподобнаго [РИБ 1891: 303],
- 7) Мир + жит: мирожитєльныхъ [РИБ 1891: 288],
- 8) 3-х корневое образование: міролюбообладателю [РИБ 1891: 389]

Комплекс слов с первым элементом власт-. Общее количество выявленных нами употреблений – 11

- 1) Власт + люб (10): властолюбцу [РИБ 1891: 289], властолюбець [РИБ 1891: 290 - 291], властолюбець [РИБ 1891: 297], властолюбца [РИБ 1891: 297], властолюбца [РИБ 1891: 302], властолюбца [РИБ 1891: 308] властолюбцу [РИБ 1891: 323], властолюбца [РИБ 1891: 366], властолюбіємъ [РИБ 1891: 450], властолюбца [РИБ 1891: 452],
- 2) Власт + хран: властохранителя [РИБ 1891: 371],

Комплекс слов с первым элементом град-. Общее количество выявленных нами употреблений – 10

- 1) Град + жит (2): градожителѣй [РИБ 1891: 402], градожителемъ [РИБ 1891: 416],
- 2) Град + начал (2): градоначалники [РИБ 1891: 424], градоначалства [РИБ 1891: 436],
- 3) Град + строи(ти) (2): градостроителныхъ [РИБ 1891: 340], градостроеніе [РИБ 1891: 358],
- 4) Град + бит: градобитныхъ [РИБ 1891: 303],
- 5) Град + (за)бра: градозабралнымъ [РИБ 1891: 305],
- 6) Град + граб: градограбители [РИБ 1891: 274],
- 7) Град + хран: градохранителная [РИБ 1891: 402],

Комплекс слов с первым элементом зем-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Зем + род (2): Земнородныхъ [РИБ 1891: 274], земнороднымъ [РИБ 1891: 284],
- 2) Зем + строи(ти) (2): земностроеніи [РИБ 1891: 351], земностроеніемъ [РИБ 1891: 355],
- 3) Зем + (из)нур: земноизнуреніемъ [РИБ 1891: 266],
- 4) Зем + плод: земноплодное [РИБ 1891: 278],
- 5) Зем + прав: землеправленіохъ [РИБ 1891: 353],
- 6) Зем + облад: земнообладатели [РИБ 1891: 448],
- 7) Зем + шест: земношествій [РИБ 1891: 442],

Комплекс слов с первым элементом сво-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Сво + вер (2): своевѣрныхъ [РИБ 1891: 287], своевѣрніи [РИБ 1891: 400],
- 2) Сво + вол: своевольное [РИБ 1891: 455],
- 3) Сво + зем: своеземная [РИБ 1891: 444],
- 4) Сво + имя: своеименень [РИБ 1891: 437],
- 5) Сво + мнен: своемнѣнію [РИБ 1891: 318],
- 6) Сво + род: своеродную [РИБ 1891: 266],
- 7) Сво + сущ: своесущими [РИБ 1891: 274],
- 8) Сво + чин: своечинье [РИБ 1891: 350],

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Человек + (у)годи(ти) (4): челоуѣкоугодницы [РИБ 1891: 337] челоуѣкоугоднѣ [РИБ 1891: 348], челоуѣкоугоднѣ [РИБ 1891: 371], челоуѣкоугодія [РИБ 1891: 372],
- 2) Человек + люб (2): челоуѣколюбивь [РИБ 1891: 339], челоуѣколюбно [РИБ 1891: 467],
- 3) Человек + (по)доб: челоуѣкоподобнѣ [РИБ 1891: 264],
- 4) Человек + образ: челоуѣкообразная [РИБ 1891: 371],
- 5) Человек + (по)реб: челоуѣкопотребно [РИБ 1891: 464],

Комплекс слов с первым элементом втор-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Втор + брач: второбрачїемь [РИБ 1891: 339]
- 2) Втор + (со)бра(ти): вторособратель [РИБ 1891: 448],
- 3) Втор + (с)начал: второсначалныхъ [РИБ 1891: 356],
- 4) Втор + перв: Второпервое [РИБ 1891: 342],
- 5) Втор + (с)престол: второспрестолствуеть [РИБ 1891: 461],

- 6) Втор + руга(ти): второругателя [РИБ 1891: 410],
- 7) Втор + свят: второсвятѣйшего [РИБ 1891: 467]
- 8) 3-х корневое образование: второсамообратъ [РИБ 1891: 285]

Комплекс слов с первым элементом дв-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Дв + мат (2): двоематерня [РИБ 1891: 450], двоематерень [РИБ 1891: 282],
- 2) Дв + брат: двобратныхъ [РИБ 1891: 451],
- 3) Дв + вер: двоевѣрны [РИБ 1891: 271],
- 4) Дв + душ/дух: двоедушіе [РИБ 1891: 277],
- 5) Дв + лун: двоелуннаго [РИБ 1891: 436],
- 6) Дв + месяц: двомѣсечное [РИБ 1891: 333],
- 7) Дв + род: двоеродень [РИБ 1891: 286],

Комплекс слов с первым элементом крест-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Крест + клятв (3): крестоклятвена [РИБ 1891: 353], крестоклятвено [РИБ 1891: 368], крестоклятвено [РИБ 1891: 417],
- 2) Крест + (пре)стуг (3): крестопреступныхъ [РИБ 1891: 299], крестопреступный [РИБ 1891: 324], крестопреступень [РИБ 1891: 353],
- 3) Крест + (по)клони(ти): крестопокланяемою [РИБ 1891: 326],
- 4) Крест + (ис)ход: крестоисходное [РИБ 1891: 433],

Комплекс слов с первым элементом куп-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Куп + вер (2): купновѣрныхъ [РИБ 1891: 266], вкуповѣрныя [РИБ 1891: 383],
- 2) Куп + лат(ин) (2): вкуполатыннуо [РИБ 1891: 375], вкупослатынныя [РИБ 1891: 382],

- 3) Куп + имя: вкупоиенныя [РИБ 1891: 439],
- 4) Куп + супруг: вкупосопружное [РИБ 1891: 283],
- 5) Куп + чин: вкупочинныхъ [РИБ 1891: 318],
- 6) Куп + (при)шест: купнопришественѣ [РИБ 1891: 305],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Люб + слав (2): любославія [РИБ 1891: 309], любославнѣмъ [РИБ 1891: 331],
- 2) Люб + власт: любовластіемъ [РИБ 1891: 340],
- 3) Люб + врем: любовременною [РИБ 1891: 374],
- 4) Люб + (за)зор: любозазорни [РИБ 1891: 290]
- 5) Люб + мудр: любомудрія [РИБ 1891: 353],
- 6) Люб + пре(тия): любопрѣтися [РИБ 1891: 290],
- 7) Люб + страст: любострастнѣй [РИБ 1891: 323],

Комплекс слов с первым элементом раб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Раб + леп (2): раболѣпно [РИБ 1891: 271], раболѣпно [РИБ 1891: 347],
- 2) Раб + имя: рабоименнаго [РИБ 1891: 389],
- 3) Раб + род: рабородства [РИБ 1891: 330],
- 4) Раб + сквер: рабоскверनावую [РИБ 1891: 324],
- 5) Раб + (по)слух/слуш: рабопослушныя [РИБ 1891: 263];
- 6) Раб + уби(ти): рабоубителя [РИБ 1891: 275],
- 7) Раб + цар: рабоцарь [РИБ 1891: 330],

Комплекс слов с первым элементом слав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

- 1) Слав + люб (з): Славолюбни [РИБ 1891: 264], славолюбныхъ [РИБ 1891: 336], славолюбцѣхъ [РИБ 1891: 412],
- 2) Слав+ (пре)врат: славопревратницы [РИБ 1891: 309],
- 3) Слав + лов: славоловитель [РИБ 1891: 310],
- 4) Слав + (о)слеп: славоослѣпленія [РИБ 1891: 334],
- 5) Слав + (у)тверд: славоутверженіи [РИБ 1891: 309],
- 6) Слав + хвал: славохваленіе [РИБ 1891: 309],

Комплекс слов с первым элементом ин-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Ин + слав (з): инославніи [РИБ 1891: 355] / ынославными [РИБ 1891: 395], инославна [РИБ 1891: 368],
- 2) Ин + (из)би(ти): иноизбіенными [РИБ 1891: 324],
- 3) Ин + вер: иновѣрни [РИБ 1891: 414],
- 4) Ин + земн: иноземныя [РИБ 1891: 263];
- 5) Ин + плем: иноплеменныхъ [РИБ 1891: 370],

Комплекс слов с первым элементом млад-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Млад + муч: младомучениче [РИБ 1891: 321] - нет
- 2) Млад + рог: младорогъ [РИБ 1891: 429]- нет
- 3) Млад + тек/теч: младоотечныхъ [РИБ 1891: 291] - есть
- 4) Млад + точ: младоточныхъ [РИБ 1891: 298].
- 5) Млад + ум: младоумни [РИБ 1891: 264] - есть
- 6) Млад + (с)(пре)ход: младоспреходящихъ [РИБ 1891: 348] - нет
- 7) Млад + юн: младоюнныя [РИБ 1891: 277] - нет

Комплекс слов с первым элементом скор-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Скор + (пре)бы(ти): скоропребытнаго [РИБ 1891: 411],

- 2) Скор + лет: скоролетящая [РИБ 1891: 402],
- 3) Скор + (по)маза(ти): скоропомазаниємъ [РИБ 1891: 400],
- 4) Скор + мсти(ти): скоромстителемъ [РИБ 1891: 316],
- 5) Скор + (по)слух/слуш: скоропослушную [РИБ 1891: 457]
- 6) Скор + тле(ти): скоротлѣнныхъ [РИБ 1891: 352],
- 7) Скор + шест: скорошествиѣ [РИБ 1891: 383],

Комплекс слов с первым элементом три-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Три + ден (2): Триневно [РИБ 1891: 309] триневномъ[РИБ 1891: 311],
- 2) Три + крат: трикратное [РИБ 1891: 400],
- 3) Три + лик/лич: триличном [РИБ 1891: 468],
- 4) Три + свят: трисвятѣйшаго[РИБ 1891: 468],
- 5) Три + ста(ти): тристатную [РИБ 1891: 467],
- 6) Три + числ: тричисленными [РИБ 1891: 432],

Комплекс слов с первым элементом господ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Господ + (у)би(ти): господоубійцы [РИБ 1891: 291],
- 2) Господ + (нена)вист: господоненавистное [РИБ 1891: 316],
- 3) Господ + (пре)да(ти): господопредателныя [РИБ 1891: 397],
- 4) Господ + млад: господомладенческое [РИБ 1891: 302],
- 5) Господ + отец/отеч: господоотчества [РИБ 1891: 458],
- 6) Господ + (вос)хити(ти): господовосхитителныхъ [РИБ 1891: 458],

Комплекс слов с первым элементом дом-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

1) Дом + жи(ти) (2): доможителное [РИБ 1891: 340],
доможителныя [РИБ 1891: 343],

2) Дом + (воз)раст: домовозрастными [РИБ 1891: 455],

3) Дом + род: домородныя [РИБ 1891: 444],

4) Дом + сад: домосадныя [РИБ 1891: 299],

5) Дом + чад: домочаднымъ [РИБ 1891: 460],

Комплекс слов с первым элементом закон-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 6

1) Закон + (по)лож (4): въ законоположеныя [РИБ 1891: 290],
законоположи [РИБ 1891: 313], законоположителя [РИБ 1891: 335],
законоположенію [РИБ 1891: 426],

2) Закон + (пре)ступ: законопреступнаго [РИБ 1891: 315],

3) Закон + (у)став: законоустановка [РИБ 1891: 353],

Комплекс слов с первым элементом злат-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 6

1) Злат + вяз: златовязно устроити [РИБ 1891: 342]

2) Злат + здан: златозданный [РИБ 1891: 414],

3) Злат + пис: златописмяными [РИБ 1891: 351],

4) Злат + слия: златосліяненъ [РИБ 1891: 342],

5) Злат + слов: златословесіе [РИБ 1891: 352],

6) Злат + спа(ти): златоспанія [РИБ 1891: 354],

Комплекс слов с первым элементом общ-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 6

1) Общ + жит (2): общежителствомъ [РИБ 1891: 284],
общежителнымъ [РИБ 1891: 435],

2) Общ + раб (2): общерабства [РИБ 1891: 401], общерабского
[РИБ 1891: 456],

- 3) Общ + против: общепротивныхъ [РИБ 1891: 395],
- 4) Общ + христ: общехристиянскія [РИБ 1891: 372],

Комплекс слов с первым элементом пут-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Пут + шест (6): путешествую [РИБ 1891: 282], путешественный [РИБ 1891: 332], Путешествіѣ [РИБ 1891: 282], спутшествующу [РИБ 1891: 282], путешествіемъ [РИБ 1891: 283], путешествую [РИБ 1891: 287],

Комплекс слов с первым элементом кров-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Кров + люб (2): кроволюбно [РИБ 1891: 289], некроволюбно [РИБ 1891: 449],
- 2) Кров + (про)ли(ти): кроволитными [РИБ 1891: 294], некровопролитнѣ [РИБ 1891: 324],
- 3) Кров + мест: кровомщеніемъ [РИБ 1891: 316],

Комплекс слов с первым элементом мзд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Мзд + (воз)да(ти) (2): мздовоздатель [РИБ 1891: 340], мздовоздаянія [РИБ 1891: 379],
- 2) Мзд + (при)има(ти): мздопріимству [РИБ 1891: 340],
- 3) Мзд + люб: мздолюбныи [РИБ 1891: 419],
- 4) Мзд + (при)я(ти): мздопріятіемъ [РИБ 1891: 383],

Комплекс слов с первым элементом мних-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Мних + (пре)бы(ти): мнихопребывателныхъ [РИБ 1891: 328],
- 2) Мних + люб: мнихолюбець [РИБ 1891: 450],
- 3) Мних + жи(ти): мнихожитель [РИБ 1891: 289],
- 4) Мних + руга(ти): мнихоругатель [РИБ 1891: 381],
- 5) Мних + цар: мнихоцарицы [РИБ 1891: 328],

Комплекс слов с первым элементом присн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Присн + (у)быстр: присноубыстреніемъ [РИБ 1891: 303],
- 2) Присн + вер: присновѣрнымъ [РИБ 1891: 270],
- 3) Присн + день: приснодневно [РИБ 1891: 445],
- 4) Присн + памят: приснопамятнаго [РИБ 1891: 466],
- 5) Присн + сущ: присносущаго [РИБ 1891: 342],

Комплекс слов с первым элементом серебр-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Серебр + люб (4): серебрлюбіемъ [РИБ 1891: 297], серебрлюбія [РИБ 1891: 361], серебрлюбія [РИБ 1891: 361], серебрлюбіе [РИБ 1891: 379],
- 2) Серебр + дея(ти): серебродѣльныхъ [РИБ 1891: 312],

Комплекс слов с первым элементом сред-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Сред + век/веч: средовѣчьи [РИБ 1891: 270],
- 2) Сред + лет: средолѣтніи [РИБ 1891: 264],
- 3) Сред + род: средородень [РИБ 1891: 330],

- 4) Сред + ум: средоумнымъ [РИБ 1891: 271],
- 5) Сред + чин: средочинень [РИБ 1891: 330],

Комплекс слов с первым элементом худ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Худ + род (4): худородныя [РИБ 1891: 355 – 356], худородень [РИБ 1891: 366], худородна [РИБ 1891: 389], худородства [РИБ 1891: 393],
- 2) Худ + руб: худерубищахъ [РИБ 1891: 431],

Комплекс слов с первым элементом бел-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Бел + вид (2): бѣловиднаго [РИБ 1891: 323], бѣловиднаго [РИБ 1891: 453],
- 2) Бел + одежд: бѣлоодежнѣ [РИБ 1891: 326],
- 3) Бел + сущ: бѣлосуцаго [РИБ 1891: 332]

Комплекс слов с первым элементом веле-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Веле + Рос (3): Велеросійска [РИБ 1891: 448], Велеросійскаго [РИБ 1891: 460], Велеросійское [РИБ 1891: 468],
- 2) Веле + (раз)суд: велеразсужену [РИБ 1891: 356]

Комплекс слов с первым элементом велик-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Велик + держ: Великодержавный [РИБ 1891: 444],

- 2) Велик + жреб: великожребію [РИБ 1891: 286],
- 3) Велик + обита(ти): великообителная [РИБ 1891: 401 – 402],
- 4) Велик + таин: Великотаинственная [РИБ 1891: 431],

Комплекс слов с первым элементом вод-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Вод + живот: водоживотнымъ [РИБ 1891: 393],
- 2) Вод + носи(ти): водоносилы [РИБ 1891: 282],
- 3) Вод + пут: водопутными [РИБ 1891: 427],
- 4) Вод + тек/теч: водотечный [РИБ 1891: 282],

Комплекс слов с первым элементом грех-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Грех + люб: грѣхлюбно [РИБ 1891: 373],
- 2) Грех + пад: грѣхопадєніємъ [РИБ 1891: 291],
- 3) Грех + плет: грѣхоплетенная [РИБ 1891: 343],
- 4) Грех + прост: грѣхопростителну [РИБ 1891: 304],

Комплекс слов с первым элементом икон-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Икон + пис (2): иконописанми [РИБ 1891: 337],
иконописателемъ [РИБ 1891: 338],
- 2) Икон + (по)клон: иконопоклонникъ [РИБ 1891: 289],
- 3) Икон + (с)тяж: иконостежателей [РИБ 1891: 337],

Комплекс слов с первым элементом камн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Камен + блист: каменоблистаній [РИБ 1891: 342],

- 2) Камен + (о)град: каменноогражденья [РИБ 1891: 303],
- 3) Камен + здан: каменозданень [РИБ 1891: 312],
- 4) Камен + тверд: каменотвердынь [РИБ 1891: 331],

Комплекс слов с первым элементом огн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Огн + пал (2): огнепалнѣ [РИБ 1891: 303], огнепальная [РИБ 1891: 332],
- 2) Огн + (по)доб: огнеподобно [РИБ 1891: 371],
- 3) Огн + нос: огненосного [РИБ 1891: 440],

Комплекс слов с первым элементом рук-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Рук + би(ти): рукобіенія [РИБ 1891: 280], рукобіенія [РИБ 1891: 389],
- 2) Рук + вод: руководителю [РИБ 1891: 404],
- 3) Рук + хит/хищ: рукохищнаго [РИБ 1891: 394],

Комплекс слов с первым элементом свящ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

- 1) Свящ + дьяк: священнодьяконство [РИБ 1891: 368],
- 2) Свящ + одеж: священноодежныхъ [РИБ 1891: 433],
- 3) Свящ + паст: священнопастыря [РИБ 1891: 385],
- 4) Свящ + суд: священносудящихъ [РИБ 1891: 372],

Комплекс слов с первым элементом слов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

1) Слов + (пре)врат: словопревратни [РИБ 1891: 263] (нет в СлРЯ XI – XVII);

2) Слов + жела(ти): словожелателемъ [РИБ 1891: 309];

3) Слов + ласка(ти): словоласкателя [РИБ 1891: 309],

4) Слов + (о)хот: словохотнѣ [РИБ 1891: 326],

Комплекс слов с первым элементом брат-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Брат + (нена)вист/вид: братоненавидѣние [РИБ 1891: 410],

2) Брат + губи(ти): братогубителя [РИБ 1891: 415 – 416],

3) (Не)брат + люб: небратолюбнаго [РИБ 1891: 463],

Комплекс слов с первым элементом вое-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Вое + вод (3): воеводы [РИБ 1891: 301], воеводства [РИБ 1891: 392], воевода [РИБ 1891: 419],

Комплекс слов с первым элементом высок-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Высок + пар: высокопарнѣ [РИБ 1891: 402],

2) Высок + столп: высокостолпное [РИБ 1891: 352],

3) Высок + ум: высокоумныхъ [РИБ 1891: 394],

Комплекс слов с первым элементом выш-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Выш + ест: вышеестественно [РИБ 1891: 312],

- 2) Выш + пис: вышеписаному [РИБ 1891: 416],
- 3) Выш + рек: вышереченная [РИБ 1891: 459],

Комплекс слов с первым элементом глав-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Глав + бол: главоболе [РИБ 1891: 405],
- 2) Глав + удар: главоудареніи [РИБ 1891: 457],
- 3) Глав + хохл: главохохленихъ [РИБ 1891: 463],

Комплекс слов с первым элементом горд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Горд + уст (2): гордоустцовъ [РИБ 1891: 394], гордоустецъ [РИБ 1891: 427],
- 2) Горд + люб: гордолюбца [РИБ 1891: 359],

Комплекс слов с первым элементом гром-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Гром + глас: громогласнаго [РИБ 1891: 303],
- 2) Гром + (по)доб: громopodobнѣ [РИБ 1891: 306],
- 3) Гром + стреляя(ти): громострѣлянія [РИБ 1891: 332],

Комплекс слов с первым элементом долг-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Долг + терп (3): долготерпѣнія [РИБ 1891: 373], долготерпѣніе [РИБ 1891: 373], долготерпя [РИБ 1891: 388],

Комплекс слов с первым элементом дост-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Дост + вер (2): достовѣрнѣ о [РИБ 1891: 308], достовѣрнѣйшии [РИБ 1891: 322],
- 2) Дост + хвал: достохвалное [РИБ 1891: 321],

Комплекс слов с первым элементом друг-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Друг + люб (3): друголюбства [РИБ 1891: 330], друголюбіемъ [РИБ 1891: 337], друголюбное [РИБ 1891: 415],

Комплекс слов с первым элементом душ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Душ + (у)би(ти): душеубійца [РИБ 1891: 353],
- 2) Душ + (па)губ: душепагубныя [РИБ 1891: 348],
- 3) Душ + слав: душеславень [РИБ 1891: 364],

Комплекс слов с первым элементом жив-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Жив + твори(ти) (2): оживотворившемъ [РИБ 1891: 410], животворивыя [РИБ 1891: 433],
- 2) Жив + нос: живоноснаго [РИБ 1891: 432],

Комплекс слов с первым элементом ирод-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Ирод + (у)би(ти): Иродоубійственною [РИБ 1891: 301],

- 2) Ирод + рач: иродорачителнѣ [РИБ 1891: 456],
- 3) Ирод + твор: Иродотворителною [РИБ 1891: 294],

Комплекс слов с первым элементом кратк-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Кратк + слов (3): краткословнѣ [РИБ 1891: 270], краткословіемь [РИБ 1891: 275], краткословнѣ [РИБ 1891: 347],

Комплекс слов с первым элементом мал-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Мал + глас: малогласнѣ [РИБ 1891: 447],
- 2) Мал + лет: малолѣтно [РИБ 1891: 377],
- 3) Мал + мощ: маломощныхъ [РИБ 1891: 340],

Комплекс слов с первым элементом мимо-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Мимо + шед (2): мимошедшая [РИБ 1891: 331], мимошедшихъ [РИБ 1891: 448],
- 2) Мимо + тек: мимотекущаго [РИБ 1891: 284],

Комплекс слов с первым элементом отц-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Отце + начал (2): отценачалникъ [РИБ 1891: 383], отценачалнику [РИБ 1891: 433],
- 2) Отце + (у)би(ти): отцеубителя [РИБ 1891: 415],

Комплекс слов с первым элементом пол-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Пол + ден (3): полудня [РИБ 1891: 302], полуденного [РИБ 1891: 302], полудне, [РИБ 1891: 304],

Комплекс слов с первым элементом равн-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Равн + точ: равноточными [РИБ 1891: 456],
- 2) Равн + чест: равночестныхъ [РИБ 1891: 362],
- 3) 3-х корневое образование: равнобратоубійствѣ [РИБ 1891: 292],

Комплекс слов с первым элементом сквер-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Скверн + брак: сквернобрачія [РИБ 1891: 368],
- 2) Скверн + сверст: скверносверстникъ [РИБ 1891: 371],
- 3) Скверн + слов: сквернословное [РИБ 1891: 379],

Комплекс слов с первым элементом скиѡтр/скипетр. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Скиѡтр/скипетр + держ (2): скиѡтродержателемъ [РИБ 1891: 367], скипетродержавства [РИБ 1891: 443],
- 2) Скиѡтр/скипетр + прав: скиѡтраправленія [РИБ 1891: 368],

Комплекс слов с первым элементом студ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Студ + дея(ти) (2): студодѣянїя [РИБ 1891: 358], студодѣйніи [РИБ 1891: 436],
- 2) Студ + жи(ти): студожителства [РИБ 1891: 392],

Комплекс слов с первым элементом тезо-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Тезо + вер (2): тезовѣрна [РИБ 1891: 303], тезовѣрныя [РИБ 1891: 414],
- 2) Тезо + злоб: тезозлобна [РИБ 1891: 353],

Комплекс слов с первым элементом христ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Христ + (по)доб(2): хриstopодобною [РИБ 1891: 397], хриstopодобно [РИБ 1891: 468],
- 2) Христ(иян)+ (пре)врат: христїянопревратницы [РИБ 1891: 365],

Комплекс слов с первым элементом четвер/четыр-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Четвер/четыр + десят: чetyредeсятого [РИБ 1891: 456],
- 2) Четвер/четыр + стен: чetyростѣнна [РИБ 1891: 332],
- 3) Четвер/четыр + угол: чetyроуголніи [РИБ 1891: 348],

Комплекс слов с первым элементом чрез-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Чрез + ест (2): чезъестественыхъ [РИБ 1891: 308], чезъестественыхъ [РИБ 1891: 374],
- 2) Чрез + мер: чезмеріе [РИБ 1891: 371],

Комплекс слов с первым элементом чуд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Чуд + твор (2): чудотворца [РИБ 1891: 283], чудотворенія [РИБ 1891: 297],
- 2) Чуд + дея(ти): чудодѣйствуемая [РИБ 1891: 345],

Комплекс слов с первым элементом язык-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Язык + вред (3): языковредными [РИБ 1891: 266], языковредіе [РИБ 1891: 420], языкомъвредіемъ [РИБ 1891: 463],

Комплекс слов с первым элементом врем-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Врем(ен) + (пре)лест: временопрелестницы [РИБ 1891: 336],
- 2) Врем(ен) + (при)я(ти): временепрїятїя [РИБ 1891: 448],

Комплекс слов с первым элементом гроб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Гроб + здан: Гробозданное [РИБ 1891: 343],
- 2) Гроб + (при)я(ти): гробопрїятелнаго [РИБ 1891: 322],

Комплекс слов с первым элементом дет-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Дет + (у)би(ти): дѣтоубїйца [РИБ 1891: 313],

- 2) Дет + род: дѣторожденія [РИБ 1891: 278],

Комплекс слов с первым элементом ист-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Ист(ин) + люб: истинолюбно [РИБ 1891: 449],
- 2) Ист + начал: истоначалнии [РИБ 1891: 379],

Комплекс слов с первым элементом лет-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Лет + (про)вод: лѣтопровоженіе [РИБ 1891: 433],
- 2) Лет + пис: Лѣтописецъ [РИБ 1891: 269],

Комплекс слов с первым элементом нищ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Нищ + люб: нищелюбець [РИБ 1891: 450],
- 2) Нищ + пит: нищепитателя [РИБ 1891: 361],

Комплекс слов с первым элементом обо-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Обо + дум: обоюдумнящагося [РИБ 1891: 409],
- 2) Обо + има(ти): обоимателство [РИБ 1891: 306],

Комплекс слов с первым элементом осм-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Осм + ден: осмодневнаго [РИБ 1891: 294],

- 2) Осм + лет: осмолѣтенъ [РИБ 1891: 294],

Комплекс слов с первым элементом плен-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Плен + град: плѣнограднымъ [РИБ 1891: 447],
- 2) Плен + жи(ти): плѣножителнаго [РИБ 1891: 406],

Комплекс слов с первым элементом плот-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Плот + вид: плотовидна [РИБ 1891: 406],
- 2) Плот + яд: Плотоядныхъ [РИБ 1891: 415],

Комплекс слов с первым элементом подоб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Подоб + град: подобоградно [РИБ 1891: 332],
- 2) Подоб + сенахиримл: подобосенахиримль [РИБ 1891: 359]

Комплекс слов с первым элементом сил-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Сил(но) + жи(ти): силножителя [РИБ 1891: 459],
- 2) Сил(но) + слов: силнословесныя [РИБ 1891: 325],

Комплекс слов с первым элементом цар-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Цар + град: во Цариградѣ [РИБ 1891: 346],

2) Цар + (по)маза(ти): царствопомазаніе [РИБ 1891: 373],

Вне групп (112)

Выявлено нами 998 сложных слов.

Г.К. Котошихин

«О Россіи, въ царствованіе Алексія Михайловича»

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 47

1) Благ + слов (43): благословляли [Котошихин 1884: 5], благословили [Котошихин 1884: 5]; благословляет [Котошихин 1884: 8], благословляет [Котошихин 1884: 8] благословляетца [Котошихин 1884: 8], благословляет [Котошихин 1884: 8], благословляет [Котошихин 1884: 9], благословляются [Котошихин 1884: 9], благословляется [Котошихин 1884: 9], благословеніе [Котошихин 1884: 9], благословляти [Котошихин 1884: 9], благословляются [Котошихин 1884: 9], благословляют [Котошихин 1884: 9], благословлятися [Котошихин 1884: 10], благословляются [Котошихин 1884: 10], благословляют [Котошихин 1884: 10], благословлятися [Котошихин 1884: 10], благословляют [Котошихин 1884: 10], благословляют [Котошихин 1884: 10], благословляет [Котошихин 1884: 10 - 11], благословляет [Котошихин 1884: 11], благословляти [Котошихин 1884: 11], благословляет [Котошихин 1884: 12], благословляют [Котошихин 1884: 12], благословляются [Котошихин 1884: 12], благословляют [Котошихин 1884: 12], благословляет [Котошихин 1884: 14], благословляти [Котошихин 1884: 14], благословлять [Котошихин 1884: 14], благословляют [Котошихин 1884: 15], благословляют [Котошихин 1884: 15], благословляют [Котошихин 1884: 16], благословляют ихъ образами [Котошихин 1884: 17 - 18]; благословляют [Котошихин 1884: 18], благословили [Котошихин 1884: 171], благословляют [Котошихин 1884: 171], благословляют [Котошихин 1884: 171], благословляют [Котошихин 1884: 172], благословляются [Котошихин 1884: 172], благословляют [Котошихин 1884: 172], благословляет [Котошихин 1884:

173], благословляютъ [Котошихин 1884: 173], благословляютъ [Котошихин 1884: 182],

2) Благ + разум (2): Благоразумный [Котошихин 1884: 58], Благоразумный [Котошихин 1884: 178],

3) Благ + вест/вещ: Благовѣщеньева [Котошихин 1884: 89],

4) Благ + (по)луч: благополучно [Котошихин 1884: 4];

Комплекс слов с первым элементом нов-. Общее количество выявленных нами употреблений – 33

1) Нов + брак (16): по новобрачную [Котошихин 1884: 9], новобрачному [Котошихин 1884: 9], новобрачной [Котошихин 1884: 10], новобрачной [Котошихин 1884: 10], новобрачную [Котошихин 1884: 10], новобрачной [Котошихин 1884: 10], новобрачную [Котошихин 1884: 10], новобрачную [Котошихин 1884: 10], новобрачному съ новобрачную [Котошихин 1884: 12], новобрачной [Котошихин 1884: 14], они новобрачного и новобрачную [Котошихин 1884: 171], новобрачному и новобрачной [Котошихин 1884: 172], новобрачная [Котошихин 1884: 173],

2) Нов + град (12): Новгородского [Котошихин 1884: 21], изъ Нижнего Новагорода [Котошихин 1884: 88], изъ Великого Новагорода [Котошихин 1884: 88], Новгородского [Котошихин 1884: 100], и въ Новѣгородѣ [Котошихин 1884: 112], Новгородская Четверть [Котошихин 1884: 121], Великій Новгородъ, [Котошихин 1884: 121], Новгородской [Котошихин 1884: 122], въ Новгородской [Котошихин 1884: 122], Великій Новгородъ, [Котошихин 1884: 139], Новгородскимъ, [Котошихин 1884: 162], О Великомъ Новѣгородѣ [Котошихин 1884: 192],

3) Нов + род (4): новорожденному [Котошихин 1884: 17], новорожденнаго, [Котошихин 1884: 17], новорожденному [Котошихин 1884: 17], новорожденнаго [Котошихин 1884: 17],

4) Нов + крест/крещ: новокрещенные [Котошихин 1884: 151],

Комплекс слов с первым элементом ин-. Общее количество выявленных нами употреблений – 24

- 1) Ин + зем (23): иноземскихъ [Котошихин 1884: 26], иноземцовъ [Котошихин 1884: 32], иноземцы [Котошихин 1884: 34], иноземцы [Котошихин 1884: 97], иноземцовъ [Котошихин 1884: 97], иноземцовъ [Котошихин 1884: 117], иноземцомъ [Котошихин 1884: 119], Иноземской [Котошихин 1884: 120], Иноземци [Котошихин 1884: 121], Иноземской [Котошихин 1884: 121], иноземцомъ [Котошихин 1884: 149], иноземскихъ [Котошихин 1884: 149], иноземскихъ [Котошихин 1884: 149], иноземцомъ [Котошихин 1884: 155], иноземцы [Котошихин 1884: 155], иноземцы [Котошихин 1884: 155], иноземцовъ [Котошихин 1884: 156], иноземцомъ [Котошихин 1884: 156], иноземцы [Котошихин 1884: 165], иноземцы [Котошихин 1884: 164], иноземцомъ [Котошихин 1884: 184], Иноземцомъ [Котошихин 1884: 193], иноземцовъ [Котошихин 1884: 193],
- 2) Ин + ход: иноходцахъ [Котошихин 1884: 36],

Комплекс слов с первым элементом пол-. Общее количество выявленных нами употреблений – 18

- 1) Пол + год (5): по полугоду [Котошихин 1884: 28], по полугоду [Котошихин 1884: 37], полугоду [Котошихин 1884: 91], за полгода [Котошихин 1884: 170], полгода [Котошихин 1884: 176],
- 2) Пол + глав: полуголова [Котошихин 1884: 74], полуголовы [Котошихин 1884: 101], въ полуголовы [Котошихин 1884: 101],
- 3) Пол + тор (3): полторы [Котошихин 1884: 82], полтораستا [Котошихин 1884: 86], полтораستا [Котошихин 1884: 98],
- 4) Пол + имя (2): полуимянемъ [Котошихин 1884: 143], полуимянемъ [Котошихин 1884: 143]

5) Пол + полк (2): полуполковникомъ [Котошихин 1884: 101], полуполковники [Котошихин 1884: 149],

6) Пол + полтин (2): полуполтинѣ [Котошихин 1884: 23], полуполтинѣ [Котошихин 1884: 100],

7) Пол + мастер: полумастеровъ [Котошихин 1884: 86],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 15

1) Бог + дел (6): богадѣлни [Котошихин 1884: 17], богадѣлнямъ [Котошихин 1884: 16], и въ богадѣлни [Котошихин 1884: 20], и въ богадѣлняхъ [Котошихин 1884: 23], богадѣлни [Котошихин 1884: 99], богадѣлни [Котошихин 1884: 182],

2) Бог + боязн (4): богобоязливыхъ [Котошихин 1884: 6], богобоязни [Котошихин 1884: 11], богобоязливая [Котошихин 1884: 23], богобоязливъ [Котошихин 1884: 153],

3) Бог + род (2): Богородицынѣ [Котошихин 1884: 60], Богородицынымъ [Котошихин 1884: 142]

4) Бог + хул (2): богохульство [Котошихин 1884: 130], богохульство [Котошихин 1884: 131]

5) Бог + люб: боголюбивъ [Котошихин 1884: 2],

Комплекс слов с первым элементом чуж-. Общее количество выявленных нами употреблений – 13

1) Чуж + зем (13): чюжеземскими [Котошихин 1884: 53], чюжеземскими [Котошихин 1884: 53], чюжеземскихъ [Котошихин 1884: 54], за чюжеземскими [Котошихин 1884: 54], съ чюжеземскими [Котошихин 1884: 57], чужеземскіе [Котошихин 1884: 57], чужеземскіе [Котошихин 1884: 57], чюжеземскихъ [Котошихин 1884: 59], чюжеземскихъ [Котошихин

1884: 67], чюжеземскихъ [Котошихин 1884: 96], чюжеземскимъ [Котошихин 1884: 152], чюжеземскими [Котошихин 1884: 186], съ чюжеземцовъ [Котошихин 1884: 110].

Комплекс слов с первым элементом выш-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

1) Выш + пис (8): вышеписанныхъ [Котошихин 1884: 76], вышеписанные [Котошихин 1884: 83], вышеписанныхъ [Котошихин 1884: 87], вышеписаннымъ чинамъ [Котошихин 1884: 109], тѣ всѣ вышеписанные чины [Котошихин 1884: 158], вышеписанныхъ [Котошихин 1884: 174], вышеписанныхъ [Котошихин 1884: 184], и иньмъ вышеписаннымъ чиномъ [Котошихин 1884: 161],

2) Выш + град: въ Вышегородѣ [Котошихин 1884: 117]

Комплекс слов с первым элементом зл-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

1) Зл + чин (6): злочинцовъ [Котошихин 1884: 129], злочинцовъ [Котошихин 1884: 129], злочинцомъ [Котошихин 1884: 139], злочинцу [Котошихин 1884: 161], злочинцовъ [Котошихин 1884: 162], злочинцы [Котошихин 1884: 162],

2) Зл + има(ти) (2): злоиманіемъ [Котошихин 1884: 132], злоиматель [Котошихин 1884: 175],

3) Зло + мышл: зломышленный [Котошихин 1884: 3],

Комплекс слов с первым элементом кров-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

1) Кров + (раз)ли(ти) (6): кроворазлитіе [Котошихин 1884: 3], кроворазлитія [Котошихин 1884: 4], кроворазлитія [Котошихин 1884: 4], кроворазлитія [Котошихин 1884: 93], кровопролитія [Котошихин 1884: 117], кроворозлитіе [Котошихин 1884: 118]

Комплекс слов с первым элементом мал-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

1) Мал + (по)мест (4): малопомѣстны [Котошихин 1884: 29], малопомѣстныхъ [Котошихин 1884: 121], малопомѣстные [Котошихин 1884: 147], малопомѣстныхъ [Котошихин 1884: 149],
2) Мал + вин: маловинни [Котошихин 1884: 130],
3) Мал + сол: малосолны [Котошихин 1884: 167],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 4

1) (По)все + ден (2): повсядневномъ [Котошихин 1884: 77], повсядневно [Котошихин 1884: 86],
2) Все + мог (2): всемогущаго [Котошихин 1884: 16] всемогущій Богъ [Котошихин 1884: 63],

Комплекс слов с первым элементом един-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

1) Един + вер: единовѣрныхъ [Котошихин 1884: 1],
2) Един + лет: неединолѣтно [Котошихин 1884: 2],
3) Един + мышл: единомышленными [Котошихин 1884: 2]

Вне групп (24)

Выявлено нами 211 сложных

В.Я. Гагара

«Житіе и хожденіе въ Іерусалимъ и Египеть казанца Василя Яковлева

Гагары 1634 – 1637 гг.».

Первая редакция

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 20

1) Мног + грех (19): многогрѣшнаго [ППС 1891: 2]; многогрѣшнаго [ППС 1891: 2], многогрѣшнаго [ППС 1891: 8], многогрѣшный [ППС 1891: 8], многогрѣшный [ППС 1891: 8], многогрѣшный [ППС 1891: 8], многогрѣшнаго [ППС 1891: 8], многогрѣшнаго [ППС 1891: 9], многогрѣшнаго [ППС 1891: 9], о мнѣ многогрѣшнемъ [ППС 1891: 9], многогрѣшнаго [ППС 1891: 9]; многогрѣшный [ППС 1891: 17], многогрѣшный [ППС 1891: 30]; многогрѣшный [ППС 1891: 34], многогрѣшный [ППС 1891: 36]; многогрѣшнаго [ППС 1891: 41], многогрѣшный [ППС 1891: 43]; многогрѣшный [ППС 1891: 44], многогрѣшныма [ППС 1891: 45],

2) Мног+ лет: многолѣтное [ППС 1891: 10],

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

1) Благ + слов (5): благословеніе. [ППС 1891: 2], благословеніе [ППС 1891: 9], благословеніе [ППС 1891: 9], благословихъ [ППС 1891: 37], благословенію [ППС 1891: 41],

2) Благ + да(ти): благодать [ППС 1891: 27],

3) Благ + род: благородные [ППС 1891: 10]

Комплекс слов с первым элементом злат-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Злат + кузн (4): златокузнецъ [ППС 1891: 22]; златокузнецъ [ППС 1891: 22]; златокузнецы [ППС 1891: 25]; златокузнецъ [ППС 1891: 26],
- 2) Злат + глав: златоглавы [ППС 1891: 29],
- 3) Злат + кова(ти): златоковача [ППС 1891: 25].

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) (По)все + ден (2): повсядневная [ППС 1891: 21], повседневную [ППС 1891: 37],
- 2) Все + ноч: всеношное [ППС 1891: 25],

Комплекс слов с первым элементом люб-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Люб+дея(ти) (2): любодѣянию [ППС 1891: 22], любодѣйственными [ППС 1891: 25],

Вне групп (18)

Нами выявлено 57 сложных слов.

Купец В.Я. Гагара

«Житіє и хожденіє въ Іерусалимъ и Египеть казанца Василя Яковлева
Гагары 1634 – 1637 гг.».

Вторая редакция

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 15

- 1) Благ + слов (5): благословенія [ППС 1891: 53], благословенію [ППС 1891: 57], благословенію [ППС 1891: 57], благословенія [ППС 1891: 57], благословиль [ППС 1891: 75],
- 2) Благ + да(ти) (2): благодать [ППС 1891: 66 - 67], благодатию [ППС 1891: 71]
- 3) Благ + чест (2): благочестиваго [ППС 1891: 47], благочестивую [ППС 1891: 64],
- 4) Благ + вер: благовѣрная [ППС 1891: 56],
- 5) Благ + вест: благовестиль [ППС 1891: 51],
- 6) (Не)благ + дар: неблагодарніи [ППС 1891: 66],
- 7) Благ + день: благоденствіи [ППС 1891: 53],
- 8) Благ + лест: благолѣстными [ППС 1891: 51] – отсутствует в в (СлРЯ XI – XVII). Образовано от благо + *лѣстный. Лиственный – «1. Относящийся к листу (дерева). 2. Лиственный, имеющий листву, а не хвою. 3. Богатый листвою, имеющий обильную листву. 4. Листою (о золоте, серебре). 5. Относящийся к лиственнице, лиственничный» [СлРЯ XI – XVII Т.8 1981: 240]. Употреблено в контексте: «Гора же Фаворская велми красна и кругловидна, и древами благолѣстными преукрашенна паче иных горь» [ППС 1891: 51]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как * «о дереве с хорошими или красивыми листьями»
- 9) Благ + разум: благоразумному [ППС 1891: 52],
- 10) Благ + род: благородныхъ [ППС 1891: 57],

Комплекс слов с первым элементом мног-. Общее количество выявленных нами употреблений – 6

- 1) Мног + грех (5): многогрѣшный [ППС 1891: 47], многогрѣшный [ППС 1891: 48], многогрѣшнаго [ППС 1891: 52], многогрѣшнаго [ППС 1891: 52], многогрѣшнаго [ППС 1891: 53],
- 2) Мног + лет: многолетне [ППС 1891: 57],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Бог + род (3): Богородице [ППС 1891: 51], Богородица [ППС 1891: 53], Богородица [ППС 1891: 58],
- 2) Бог + мерз: богомерскихъ [ППС 1891: 63],
- 3) Бог + отец: богуотцу [ППС 1891: 58],

Комплекс слов с первым элементом злат-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Злат + кова(ти): Златоковачь [ППС 1891: 65], златоковачѣ [ППС 1891: 64],
- 2) Злат + глав: златоглавыя [ППС 1891: 69],

Комплекс слов с первым элементом человек-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Человек + люб (3): челоуѣколюбець [ППС 1891: 53], челоуѣколюбець [ППС 1891: 54], челоуеколюбіемь [ППС 1891: 78]

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Все + ноч: всенощнымъ [ППС 1891: 64],
- 2) Все + щедр: всещедраго [ППС 1891: 64],

Комплекс слов с первым элементом мил-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Мил + серд (2): милосердію [ППС 1891: 55], умилосердился [ППС 1891: 64],

Комплекс слов с первым элементом три-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Три + ден (2): тридневно [ППС 1891: 48], тридневнаго [ППС 1891: 54]

Вне групп (15)

Выявлено нами 53 сложных слова.

Всего выявлено: 110

Черный дьякон Иона

«Повѣсть и сказаніе о походе и во Иерусалимъ и во Царьградъ Троицкаго Сергіева монастыря чернаго діакона Ионы по реклому маленькаго 1649 – 1652

г.г.».

Первая редакция

Комплекс слов с первым элементом пол-. Общее количество выявленных нами употреблений – 43

- 1) Пол + ден (23): въ полуденныя врата [ППС 1895: 6], стѣне полуденной [ППС 1895: 8], съ полуденную стѣну [ППС 1895: 8], на полуденной стенѣ [ППС 1895: 8]; въ полуденной уголь [ППС 1895: 11], на полуденной стенѣ [ППС 1895: 11], отъ полуденныхъ вратъ [ППС 1895: 12], и отъ полудня и отъ сѣвера [ППС 1895: 12], подле полуденную стѣну [ППС 1895: 12], полуденныхъ дверѣй [ППС 1895: 12], полуденныхъ вратъ [ППС 1895: 12], надъ полуденными [ППС 1895: 13], въ восточномъ углу противъ полудни, [ППС 1895: 14], полуденныя [ППС 1895: 14], полудни [ППС 1895: 15], къ полудни [ППС 1895: 16], полдень [ППС 1895: 21], полуденныя [ППС 1895: 22], полуденныя [ППС 1895: 22], полуденную [ППС 1895: 23], полудни [ППС 1895: 24], полдень [ППС 1895: 24], полуденныя [ППС 1895: 25],
- 2) Пол + ноч (14): а полунощная стѣна [ППС 1895: 7], на полунощной стѣне [ППС 1895: 8], къ полунощной странѣ [ППС 1895: 10], въ полунощной уголь [ППС 1895: 10], полунощную стѣну [ППС 1895: 10], двери къ полунощи [ППС 1895: 10], на полунощной стенѣ [ППС 1895: 12], на лѣвой странѣ къ полунощи [ППС 1895: 12], полнощъ; [ППС 1895: 15], полунощною [ППС 1895: 17], полунощную [ППС 1895: 18], полунощи [ППС 1895: 20], полунощную [ППС 1895: 22], полунощи, [ППС 1895: 24],
- 3) Пол + гор (2): полугорѣ [ППС 1895: 18], полугорѣ, [ППС 1895: 24],
- 4) Пол + верст: полверсты [ППС 1895: 19],

- 5) Пол + пут: полупути [ППС 1895: 21],
- 6) Пол + тор: полтора [ППС 1895: 6],
- 7) Пол + час: полчасы, [ППС 1895: 25],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 21

1) Бог + род (12): Богородицы [ППС 1895: 2]; Богородицы [ППС 1895: 2], Богородицы [ППС 1895: 10], Богородицы [ППС 1895: 13], Богородица [ППС 1895: 13], Богородицы [ППС 1895: 14], Богородицы [ППС 1895: 15], Богородицы [ППС 1895: 15 – 16], Богородицы [ППС 1895: 16], Богородица [ППС 1895: 23], Богородицы [ППС 1895: 24], Богородицы [ППС 1895: 25],

2) Бог + мол (7): богомолцовъ [ППС 1895: 7], богомолцовъ [ППС 1895: 7], богомолцы [ППС 1895: 13], богомолцовъ [ППС 1895: 18], богомолцовъ [ППС 1895: 19], богомолца [ППС 1895: 20], богомолцовъ [ППС 1895: 27],

3) Бог + отец: богоотець [ППС 1895: 15],

4) Бог + спаса(ти): богоспасаемый [ППС 1895: 1],

Комплекс слов с первым элементом цар-. Общее количество выявленных нами употреблений – 19

1) Цар + град (19): и во Царьградъ [ППС 1895: 1], цареградцкого [ППС 1895: 2], до Царяграда [ППС 1895: 3], къ Царюграду [ППС 1895: 3], до Царяграда [ППС 1895: 3], въ самомъ Цареграде [ППС 1895: 4], въ Царѣграде [ППС 1895: 4], изъ Царяграда [ППС 1895: 4], въ Царѣграде [ППС 1895: 4], сторону Царяграда [ППС 1895: 4], Отъ Царяграда [ППС 1895: 4], отъ Царяграда [ППС 1895: 4], въ Царѣграде [ППС 1895: 4], въ Царѣградѣ [ППС 1895: 10], въ Царѣградѣ [ППС 1895: 10], цареградцкого [ППС 1895:

12], цариградского [ППС 1895: 12]. до Царяграда [ППС 1895: 27], отъ Царяграда [ППС 1895: 27],

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Благ + вест (3): Благовѣщеніе [ППС 1895: 3], благовестиша [ППС 1895: 23], Благовѣщеніе [ППС 1895: 24],
- 2) Благ + да(ти) (2): благодатию [ППС 1895: 6], благодатию [ППС 1895: 26],
- 3) Благ + слов (2): благословеніе [ППС 1895: 4], благословеніе [ППС 1895: 26],
- 4) Благ + плод: благоплодень [ППС 1895: 26],
- 5) Благ + чест: благочестивому [ППС 1895: 1],

Комплекс слов с первым элементом жив-. Общее количество выявленных нами употреблений – 7

- 1) Жив + твор (4): животворящій [ППС 1895: 11], животворящій [ППС 1895: 11], животворящаго [ППС 1895: 17], животворящій [ППС 1895: 18],
- 2) Жив + начал (3): Живоначальные [ППС 1895: 1], Живоначальные [ППС 1895: 2], Живоначальные [ППС 1895: 2],

Комплекс слов с первым элементом пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

- 1) Пред/прежд + двер (3): преддверіе [ППС 1895: 9], преддверіе [ППС 1895: 9], преддверіе [ППС 1895: 25],

2) Пред/прежд (2): преждереченными [ППС 1895: 8],
преждереченномъ [ППС 1895: 20],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 2

- 1) (По)все + ден: повседневная [ППС 1895: 23],
- 2) Все + сил: то всесилаго [ППС 1895: 27]

Комплекс слов с первым элементом мил-. Общее количество выявленных
нами употреблений – 2

- 1) Мил + серд (2): милосердый [ППС 1895: 2], Милосердіе [ППС
1895: 3]

Вне групп (25)

Выявлено 133 сложных слов

Черный дьякон Иона

«Повѣсть и сказаніе о походе во Иерусалимъ и во Царьградъ Троицкаго Сергіева монастыря чернаго діакона Ионы по реклому маленькаго 1649 – 1652

г.г.».

Вторая редакция

Комплекс слов с первым элементом пол-. Общее количество выявленных нами употреблений – 32

- 1) Пол + ден (13): полуденная [ППС 1895: 36], полуденную [ППС 1895: 36], полуденной [ППС 1895: 37], полуденной [ППС 1895: 41], полудни [ППС 1895: 41], полуденной [ППС 1895: 41], полуденныхъ [ППС 1895: 41], полуденными [ППС 1895: 41], полудни, [ППС 1895: 44], полуденныя [ППС 1895: 44], полуденный [ППС 1895: 53], полудни [ППС 1895: 55], полудни [ППС 1895: 55],
- 2) Пол + ноч (10): полунощная [ППС 1895: 36], полунощной [ППС 1895: 36], полунощной [ППС 1895: 39], полунощной [ППС 1895: 39], полунощную. [ППС 1895: 39], полунощной [ППС 1895: 41], полунощною [ППС 1895: 48], полунощной [ППС 1895: 48], полунощи [ППС 1895: 50], полунощи; [ППС 1895: 56],
- 3) Пол + тор (5): полтора [ППС 1895: 38], полтора [ППС 1895: 36], полторы [ППС 1895: 41], полторы [ППС 1895: 55], польторы [ППС 1895: 50],
- 4) Пол + гор (2): полугорѣ [ППС 1895: 48], полугорѣ [ППС 1895: 55],
- 5) Пол + три (2): полтретьи [ППС 1895: 45], полтретьи [ППС 1895: 38],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 30

1) Бог + Род (16): Богородицы [ППС 1895: 29], Богородицы [ППС 1895: 29], Богородицы [ППС 1895: 29], Богородицы [ППС 1895: 31], Богородицы [ППС 1895: 39], Богородицы [ППС 1895: 43], Богородица [ППС 1895: 43], Богородицы [ППС 1895: 43], Богородицы [ППС 1895: 45], Богородицы [ППС 1895: 46], Богородицы [ППС 1895: 46], Богородица [ППС 1895: 44], Богородицы [ППС 1895: 46], Богородица [ППС 1895: 54], Богородицы [ППС 1895: 55], Богородицы [ППС 1895: 56],

2) Бог + мол (8): богомольцевъ [ППС 1895: 36], богомольцы [ППС 1895: 36], богомолцы [ППС 1895: 42], богомольцевъ [ППС 1895: 42], богомолцевъ [ППС 1895: 43], богомольцовъ [ППС 1895: 50], богомолцовъ [ППС 1895: 50], богомольца [ППС 1895: 51],

3) Бог + слов (2): Богослова [ППС 1895: 37], Богословъ [ППС 1895: 44],

4) Бог + мудр: богомудрая [ППС 1895: 39],

5) Бог + нос: богоноснаго [ППС 1895: 55],

6) Бог + отец: богоотець [ППС 1895: 44],

7) Бог + (при)я(ти): богопріятные [ППС 1895: 53],

Комплекс слов с первым элементом цар-. Общее количество выявленных нами употреблений – 14

1) Цар + град (14): цареграцкаго [ППС 1895: 30], до Царяграда [ППС 1895: 31], къ Царюграду [ППС 1895: 32], до Царяграда [ППС 1895: 32], въ самомъ Царѣграде [ППС 1895: 32], Царѣграде [ППС 1895: 32], въ Царьградѣ [ППС 1895: 32], Царѣграде [ППС 1895: 32], А ис Царяграда [ППС 1895: 32], Царѣграде [ППС 1895: 32], отъ Царяграда [ППС 1895: 32], Царѣграде [ППС 1895: 39], Царѣграде [ППС 1895: 39], цареграцкаго [ППС 1895: 42]

Комплекс слов с первым элементом жив-. Общее количество выявленных нами употреблений – 11

1) Жив + твор(7): животворящему [ППС 1895: 37], животворящій [ППС 1895: 38], животворящее [ППС 1895: 40], животворящаго [ППС 1895: 40], животворящее [ППС 1895: 40], животворящаго [ППС 1895: 43], животворящаго [ППС 1895: 48],

2) Жив + начал (2): живоначальные [ППС 1895: 29], живоначалныя [ППС 1895: 30],

3) Жив + Нос (2): живоноснаго [ППС 1895: 43], живоносной [ППС 1895: 46],

Комплекс слов с первым элементом благ-. Общее количество выявленных нами употреблений – 8

1) Благ + вест (3): Благовѣщеніе [ППС 1895: 31], благовѣстиль [ППС 1895: 54], Благовѣщеніе [ППС 1895: 55]

2) Благ + чест (2): благочестивому [ППС 1895: 29], благочестивому [ППС 1895: 30],

3) Благ + вер: благовѣрнаго [ППС 1895: 42],

4) Благ + да(ти): благодатію [ППС 1895: 35],

5) Благ + слов: благословенія [ППС 1895: 32],

Комплекс слов с первым элементом Пред/прежд-. Общее количество выявленных нами употреблений – 5

1) Пред/прежд + двер (2): преддверіи [ППС 1895: 38], преддверіе [ППС 1895: 38],

2) Пред/прежд + рек (2): преждереченными [ППС 1895: 37], преждереченнаго [ППС 1895: 51],

3) Пред/прежд + стол: предстоломъ [ППС 1895: 40],

Комплекс слов с первым элементом все-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Все + сил: всесилаго [ППС 1895: 43],
- 2) Все + щедр: всещедраго [ППС 1895: 30],

Комплекс слов с первым элементом мил-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Мил + серд (2): милосердый [ППС 1895: 30], милосердіе [ППС 1895: 32]

Вне групп (28)

Выявлено нами 132 сложных слов.

Всего выявлено 265 сложных слов.

Ф.А. Котов

«Хождение на Востокъ Ф.А. Котова въ первой четверти XVII в.»

Комплекс слов с первым элементом пол-. Общее количество выявленных нами употреблений – 9

- 1) Пол + ден (5): полдни [П—ий 1906: 71], полдни [П—ий 1906: 79], да в полудне [П—ий 1906: 104], полдень [П—ий 1906: 115], полдни [П—ий 1906: 117],
- 2) Пол + агач: полъгача [П—ий 1906: 82] образовано от пол + агач – «путевая мера длины (около 5 верст)» [СлРЯ XI – XVII Т.1 1975: 20]. Употреблено в контексте: «Да отъ шамахи же с полъгача на нолночь стоятъ два сада шаховъ садъ да шамахинсково хана» [П—ий, 1906: 82]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как *«мера пути, численно равная двум с половиной верстам)
- 3) Пол + ноч: полночь [П—ий 1906: 117],
- 4) Пол + три: полтретья [П—ий 1906: 88],
- 5) Пол + шесть: до полушеста [П—ий 1906: 101],

Комплекс слов с первым элементом бог-. Общее количество выявленных нами употреблений – 3

- 1) Бог + род (2): богородицы [П—ий 1906: 75], богородицы [П—ий 1906: 116],
- 2) Бог + явь: богоявление [П—ий 1906: 101],

Комплекс слов с первым элементом чет(ыр)-. Общее количество выявленных нами употреблений – 2

- 1) Чет(ыр) + десят: поють чetyредесятимъ мученикомъ [П—ий 1906: 81],
- 2) Чет(ыр) + сто: чetyрехъсотъ [П—ий 1906: 92],

Вне групп – 31

Всего выявлено 45 сложных слов.